

СПОРТСМЕНЫ

Сборник

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ЖИЗНЬ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

ОСНОВАНА
В 1933 ГОДУ
М. ГОРЬКИМ

ВЫПУСК 16

(533)

Сборник

СПОРТСМЕНЫ

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1973

Дмитрий Жуков

ЧЕМПИОН ЧЕМПИОНОВ
(Иван Поддубный)

Составитель А. Ланщиков

С $\frac{0072-291}{078(02)-73}$ 358-73

— Я видел Поддубного, — могут сказать еще очень многие.

Однако ни от кого вы не услышите рассказов о дряхлом старике. Помнят, что усы у него были уже не рыжие, а седые, но у всех оставалось впечатление статности и мощи.

...Вот он колет дрова зимой, по пояс голый. Перекачиваются под белой кожей громадные бугры мышц, взлетает колун, и узловатые колоды рассыпаются на поленья, в считанные минуты образующие холм выше человеческого роста. Из-за забора смотрят мальчишки на это чудо и слышат хрипловатый басок:

— Что, хлопцы? Старого побачить пришли? Ходьте сюда, я вам приемы покажу.

Начинается возня в снегу под одобрительную воркотню полуголого седоусого великана. И навсегда запоминает этот день будущий чемпион...

В государственном фотоархиве нашелся снимок: на каком-то помосте, опершись на вазу с цветами, стоят два гиганта. Один — молодой, красивый, другой — пожилой, с усами. Рядом с пожилым щит с надписью: «Чемпион мира по борьбе 1898—1939 гг. Иван Поддубный». А рядом с молодым написано: «Чемпион СССР по борьбе 1939 года Александр Сенаторов».

— Это было на физкультурном параде в 1939 году, — вспоминает Александр Андреевич Сенаторов, который в свои шестьдесят пять лет еще красив и строен; он легко манипулирует двумя двухпудовыми гирями и свивает жгутом толстые гвозди. — У Красной площади снимали. Тут и гостиница «Москва» видна. Иван Максимович Поддубный приехал из Ейска и жид как раз в этой гостинице. Я зашел за Иваном Максимовичем, мы разделлись и в одних трико пошли к сборному пункту нашей колонны спартаковцев. Идти надо было к Никитским воротам, но уже у входа в улицу Герцена нас задержали. Милиция требует пропуска, а у нас их с собой нет, в трико ведь. Тут кто-то и крикнул: «Да это же Поддубный! Смотрите, Поддубный!» Милиция взяла под козырек и пропустила нас. Идем, люди кругом аплодируют, кричат:

«Поддубный! Поддубный!..» Что за помост, спрашиваете? Не помост это, а колесница. Ее должны были руками прокатить по Красной площади спортсмены. Это Старостин придумал. Поддубный и я на колеснице — передача эстафеты от поколения к поколению. Как только выехали на Красную площадь, Ивана Максимовича опять узнали — кричат, аплодируют. На Мавзолее его первым заметил Михаил Иванович Калинин... и первым же начал аплодировать. Михаил Иванович любил сильных и здоровых. Я помню его слова: «Какое же может быть счастье без хорошего, крепкого здоровья?» Все было очень хорошо, да только парад чуть не кончился для нас трагически... И все из-за славы Ивана Максимовича. Проехали мы Красную площадь, миновали Василия Блаженного, а там народ опять Поддубного узнал, кричат, цепь прорвали и к нам. Вижу, дело плохо, помнут или совсем задавят. У меня глаз наметанный, я прежде в милиции служил. Говорю: «Иван Максимович, спасаемся!» Он посмотрел и тоже говорит: «Тикать надо, Саша». Не помню уж, как мы выбрались из этой переделки...

В тот год Поддубного наградили орденом. Ему было под семьдесят, но он еще не покидал ковра. Одно его имя заставляло ломиться в цирки тысячи людей. В те дни, когда он боролся, на арену выходили парадным шагом все борцы. Кроме него. Арбитр представлял борцов и лишь после этого объявлял:

— В чемпионате принимает участие чемпион чемпионов, чемпион мира Иван Максимович Поддубный!

Оркестр играл туш, и под гром оваций на арену не выходил, а скорее выбежал всем известным цирковым аллюром сам Поддубный...

Театральные режиссеры и актеры ходили тогда в цирк не только любоваться могучими телами борцов, демонстрацией силы и ловкости, но и наслаждаться отработанным ритуалом чемпионатов. Народный артист СССР Петров спустя несколько десятилетий с восторгом вспоминал о Поддубном: «Как подавал он себя! Как подавал!..»

Они еще долго жили, эти чемпионаты, привлекая провинциальную публику под серый брезент цирков «шапито». Помнится, в одном городишке тотчас после войны на ярко освещенную арену вышел квадратный дядя в лаковых сапогах, в поддевке и картузе и пронзительно скомандовал;

— Парад-алле!

Подтянув животы и расставив широко толстые руки, появились могучие борцы. Их складчатые шеи и расплющенные уши малиново блестели, на лицах была написана важность, приличествующая моменту.

— Прибыли и записались...

Дядя в поддевке называл имена и чемпионские титулы. Имена громкие, принадлежавшие тем, кого уже давно не было на свете. Лурих! Где он, Лурих! Но борец на арене делал шаг вперед и кланялся. Он был уже третьим или четвертым Лурихом, фигурировавшим в борцовских чемпионатах. Присвоение знаменитых имен стало традицией.

Из публики спросили:

— А где сейчас Денисов?

Дядя в поддевке торжественно ответил:

— Борец Денисов погиб смертью храбрых на фронте Великой Отечественной войны!

В цирке наступила скорбная тишина. Дядя снял картуз и перекрестился.

Потом началась борьба. Силачи играли мускулами и добросовестно кидали друг друга на ковер. Появлялся борец в черной маске, клавший на лопатки всех подряд... Но чем дальше, тем удрученнее вздыхали зрители постарше. Пожилой мужчина в пенсне произнес приговор:

— Поддубного **на** вас нет!..

Прошло почти двадцать пять лет после смерти Поддубного. Но по-прежнему слышатся вздохи. Пишутся целые трактаты — был или не был Поддубный сильнее нынешних борцов. Большая глава в книге олимпийского и мирового чемпиона Александра Иваницкого называется «Иван Поддубный против...» и начинается с ворчливых слов отца одного из спортсменов — друзей автора: «Ивана Максимовича Поддубного на вас нету! Он бы навел порядок, показал зеленоротым, где раки зимуют... А то все туда же, в борцы подались».

Навострив перья, стараются зачем-то развенчать Поддубного, говорят, что был Иван Максимович не реальностью, а «мечтой», «чудом», «легендой». Зовут на помощь электронную машину, чтобы «засунуть» в нее данные борцов прошлого и настоящего и устроить между ними схватку. Суетятся. Приводят цифры. Но только неверные. Иваницкий пишет, что окружность груди у Поддубного была 116 сантиметров, а в старых протоколах

стоит цифра 134! Чудовищно широкая грудь. У современных чемпионов мира Николая Шамова и Анатолия Рощина окружность груди не превышает 120 сантиметров.

Впрочем, не шириной груди обрел народную любовь Поддубный, о котором рассказывали чудеса еще наши деды. В дореволюционной России его знали все — «от дворника до царя». До сих пор рождаются легенды о подвигах Ивана Поддубного, и теперь уже трудно отделить легенды от истины. Но не в том ли и есть подлинная слава?

На II Всесоюзном съезде писателей Михаил Александрович Шолохов говорил:

— На днях я увидел человека в штатском — вся грудь в золоте и в медалях. Батюшки, думаю, неужели воскрес Иван Поддубный!..

Шолохов, наверно, видел Поддубного. Но когда сейчас, в 70-х годах, слышишь, как на школьной перемене один мальчишка говорит другому: «Расхвастался! Тоже мне Поддубный!», то начинаешь понимать, что имя это стало символом физической мощи. Таким символом был для наших предков былинный Илья Муромец.

Своей славой, своим примером Поддубный толкнул на спортивную стезю тысячи и тысячи юношей. С борьбы начинали многие спортсмены, замечательно проявившие себя в других видах спорта. Что же касается народного здоровья, то можно без преувеличения сказать, что, прививая своими выступлениями любовь к физической культуре, Поддубный один сделал работу за legion врачей...

Уходят годы, и чем дальше, тем свободнее и индивидуальнее толкуются поступки человека. Даже внешность Поддубного представляется теперь людям, видевшим его, неодинаково.

Скульптор Е. Вучетич в своей книге «Художник и жизнь» рассказывает, как в середине 30-х годов он сделал этюдный портрет «чемпиона чемпионов».

«Это был громадный человецище, колоссальной физической силы, богатырь воистину. Он меня поразили своими размерами.

И, несмотря на то, что у Ивана Максимовича действительно был и низкий лоб, и нос картошкой, и многое другое в таком же роде, я обращал внимание совсем на

другое. И вот теперь, спустя почти 30 лет, когда я смотрю на этот портрет — сырой и далекий от совершенства этюд, я вижу борца, причем не просто борца, а чемпиона, с достоинством носящего это звание».

Ныне проводятся турниры в память Поддубного. Меддали с его изображением добиваются как лучшей награды знаменитейшие борцы многих стран. Город Ейск, где жил в последние годы Иван Максимович, торжественно отметил 100-летие со дня его рождения. Его именем назвали большой парк. Было выстроено здание мемориала, второй этаж которого занимает музей Поддубного, а на первом в специально оборудованных залах тренируются борцы.

В этот день у могилы Поддубного собрались очень рослые и широкоплечие люди, съехавшиеся со всех концов страны. Иоханнес Коткас, Александр Мазур, Владимир Плясуля, Александр Сенаторов, Алексей Катугин, Виктор Соколов... И еще много других силачей, овечьих слабой. За ними теснилась молодая борцовская поросль — двухметровые красавцы тяжеловесы, показавшие в тот же день свое искусство на ковре.

Старые борцы предавались воспоминаниям, показывая друг другу письма Ивана Максимовича, бережно обернутые в целлофан. Громадные руки разворачивали пожелтевшие страницы осторожно, очень осторожно...

Иван Максимович Поддубный родился 26 сентября¹ 1871 года в селе Красёновке, что затерялось в черноземной степи между Оржицей и Золотоношей...

Здесь некогда начиналось недоброе Поле, безбрежное море высоких трав, примятых кое-где табунами полудиких коней и опаленных кострами становищ. Сбивались в орды степные кочевники и шли на север к богатым, возделанным землям Руси...

Здесь, на краю лесостепи, их встречали богатырские заставы и начиналась великая сеча. Скучно повествует история о тех временах, но никогда не изглядятся они в народной памяти, обессмертившей имена Ильи Муромца, Добрыни Никитича и Алеши Поповича...

¹ По старому стилю.

Именно здесь немного позже шел походом на Переяславль хан Кончак. Ржали кони, скрипели телеги, кружились над полчищем хищные птицы, готовясь к тризне... «Загородите Полю ворота!» — звенел тревожный голос певца, призывавшего к прекращению усобиц.

Проходили века, и Поле отступало. Заселялась степь, ставились низкие мазанки, маслянисто поблескивал на солнце чернозем... Но не скоро пришел мир на берега Днепра. Русским «украинам», волею исторических судеб оказавшимся на рубеже Запада и Востока, долго еще довелось истекать кровью и слышать чужие голоса. И родилось здесь казачье племя, выросли люди, легкие на подъем, могучие телом и духом, не знавшие ни страха, ни жалости в бою и жадные до работы. Щедрая земля вознаграждала за опасность хлебным и иным изобилием, наливавшим изловчившееся в трудах и боях тело двойной силой.

Много поколений воинов и хлеборобов насчитывал род Поддубных. Когда Ивана Максимовича, уже завоевавшего титул «чемпиона чемпионов», спрашивали, встречал ли он людей сильнее себя, богатырь отвечал:

— Если говорить о борцовской силе, то, пожалуй, нет. А так, сильнее люди попадались. Мой батько Максим Иванович был сильнее меня...

Земля. В ее плодovitости, взывавшей к благодатному труду, была тайна силы Поддубных. Слово древние герои и боги, они черпали силу в неразрывности с землей.

Максим Иванович Поддубный, отец борца, был потомственным хлеборобом и дюжим парубком. Жил он в Красёновке. В двадцать лет женился на крепкой дивчине Ганне из соседней Богодуховки, на дочери Данилы Науменко, который тоже не жаловался на немощь и прожил на свете 125 лет.

Молодые поселились в Красёновке, в том краю села, что и по сей день зовется Болюковкой. Поставили хату-мазанку с маленькими окошками и соломенной крышей. Когда просох и зажелтел глиняный пол, его застелили рядами. Большая деревянная кровать, печка, шкафчик-«мысник», стол и лавки, божница, украшенная пучками чабреца, любистика и васильков, — такой помнил всегда Иван родную хату.

В ней он и увидел свет, захлебываясь криком на ра-

дость отцу Максиму, с опаской потрогавшему его громадной мозолистой рукой, и матери Ганны, измученной родами. Первенец был очень крупный. С годами в хате гомонили еще шестеро здоровых белоголовых ребятишек. Три сына и три дочери. Матрена, Никита, Емельян, Марина, Митрофан и Евдокия.

А тем временем Иван подрастал. Вот он уже переступил порог чисто выбеленной хаты и гоняет по улицам села, поросшим гусиной травой. А село чудо как хорошо. Белые хатки с соломенными крышами утопают в вишневых садах. Белые акации осеняют улицы, спускающиеся к тихой речке. Клонятся к воде могучие вербы, купая в ней длинные гибкие ветки. Белая церковка и буйные заросли бузины у кладбищенской ограды...

У Максима Поддубного земли было немного — около хаты сажень сто и в поле две десятины. Была та земля для здешних мест бедновата, больше суглинка, чем чернозема. Сам Максим работал как вол и только силой наливался. Большого роста, жилистый, он легко брал на плечи два пятипудовых мешка, поднимал вилами целую копну сена.

Балуясь, он останавливал любую телегу, ухвативши ее за колесо, валил наземь за рога здоровенных бугаев, а когда собирались мужики в круг побороться на кушаках, равных ему в округе не было. Рассказывают, что небывалой силой отличались и все его дети. Марина, бывало, рассердится на парубка, снимет с него смушковую шапку и подсунет ее под бревно, сложенные на улице, подняв их плечом. Парень бегаёт, пока кучу народу не соберет, чтобы шапку свою вызволить. Самый младший сын в семье, Митрофан, со временем вымахал в двухметрового детину, который как-то вытащил из ямы вола весом в восемнадцать пудов. Позже, в Туле, куда он приезжал к брату, Митрофан потешил публику, подержав на плечах помост с оркестром, который играл «Многая лета...». Во всяком случае, таким он описывал себя в своей книге о знаменитом брате.

До подвигов Максимова первенца Ивана мы еще дойдем, а пока кончилась его привольная жизнь — лет в семь он пас гусей, потом коров. Вскоре он уже возил на волах зерно на мельницу — налыгач в руки и «Цоб-цобе!..».

С двенадцати лет Иван работал батраком — пас овец в экономике пана Кублицкого, богатые земли которого обжали со всех сторон скудные поля красёновских кре-

стьян. Много хлопот доставлял Ивану громадный и своевольный племенной баран, гордость панской экономики. Упрется животное, твердолобость которого вошла в половицу, и ни с места. Ухватив его за витые рога, Иван тянет, рвет, толкает, пока баран не тряхнет головой и не отбросит мальчонку в пыль. Прекрасной гимнастикой было это единоборство с бараном. Нынешнее поколение рода Поддубных преисполнено наивной уверенности, что едва ли не она заложила основы спортивных достижений Ивана Максимовича.

Крепли мышцы, раздавались плечи, и вскоре Иван уже мог оторвать барана от земли, перебарывал всех своих сверстников, а в пятнадцать лет рисковал схватиться с отцом. Крепко взяв друг друга за пояса, пыхтя и обливаясь потом, старались они положить один другого на лопатки, и не сразу удавалось теперь Максиму бросить юношу в траву.

— О це Пиддубный, гарный казак, — говорил Максим, похлопывая сына по широкой груди.

Так минуло детство, или, как выражался Митрофан, «гусячьи университеты». К этому времени Иван перебрался к деду Даниле в Богодуховку. Но, очевидно, не порывались связи и с Красёновкой. Впрочем, от села до села было рукой подать. Во всяком случае, теперь Иван работал в другой экономике, у помещика Абеля, чьи неоглядные десятины начинались от Богодуховки.

Одновременно Иван помогал по хозяйству отцу, обремененному большой семьей — самая младшая дочь, Евдокия, родилась, когда старшему сыну исполнилось уже семнадцать.

Богодуховка была громадным волостным селом, насчитывавшим до четырех тысяч жителей. Кроме украинцев, там обитало много евреев, державших постоянные дворы и лавки. По четыре ярмарки в год собиралось в Богодуховке, и тогда улицы ее заполнялись пришлым народом. Украинцы, евреи, цыгане яростно торговались, хлопали по рукам. Толпу прорезали верхами офицеры-ремонтёры, покушавшие лошадей у богатых крестьян и на местном заводе в имении «Ракиты». Покупатели и продавцы обмывали сделки горилкой в корчмах, спуская там порой все носильное платье с себя, вплоть до чеботов.

Жили в селе, придерживаясь дедовских обычаев и придерживая при этом: «Лучше свое латане, ніж чуже хапане». Еще праздновали понедельники, еще существовали

«парубоцтва» — товарищества юнцов, выбиравших себе атамана, имевших свои хоругви. Весело было Ивану ходить с друзьями колядовать на рождество, играть роль боярина на свадьбах, ходить на «музыки» и «вечерницы». Любопытно, что «парубоцтво» было еще и хранителем девичьей чести, строго карающим провинившихся.

Однако работа в экономии тяготила Ивана Поддубного. Не то чтобы сама работа — крестьянский труд Иван любил и даже мечтал обзавестись землей... Но много ли заработает батрак? Своей земли ему вовек не видать. Да к тому же Иван и смолоду отличался независимым характером, не раз схватывался с противным и придиричивым управляющим абелевской экономией.

Всякий год село провожало до выгона молодых мужиков, уходивших на заработки в города. Голосили жены и матери, суя в торбы хлеб и сало. Всякое случалось в далеких городах. Одни приезжали в гости гладкие, в лаковых сапогах, при часах и ходили по селу гоголем, распустив по жилетке серебряную цепку. Другие возвращались как в воду опущенные и приносили вести о погибших от холеры и тифа, о раздавленных неведомой «машиной»... Но Иван Поддубный, как и многие, меньше всего думал, что несчастье может случиться именно с ним.

О той поре своей жизни он потом скажет коротко: «После призыва, когда был освобожден от военной службы, как старший сын в семье, я не захотел больше жить в деревне и уехал на заработки в город Севастополь».

«Не захотел», и все тут. Решил уехать в Крым во что бы то ни стало. Отец было стал возражать, но Иван отрезал:

— Может, в Таврии краще? Пошукаю счастья. Люди ж ходят...

Анна Даниловна тихо плакала, собирая сына в дорогу. Даже Максим Иванович отвернулся.

— Щось в око влетело. Якась козявка, — сказал он. — Ну, сынок, прощай. Вот тебе мое родительское благословение — береги честь нашего рода... Ну, старая, хватит плакать.

Шел тогда Ивану двадцать второй год. Легко переносились невзгоды. Не повезло в Таврии, уехал в Одессу. Потом подался в Севастополь, где встретил односельчанина, друга детства Петра Кота. Пошли в порт наниматься вместе.

Иван Максимович вспоминал:

— Пришел до грека. Смуглявый такой, сухонький — один нос длинный торчит морковкой. Пощупало оно мои руки и пропищало: «Фирма Ливас принимает тебя». И пошло как журавель — ноги как ходули...

За силу и юмор полюбила Ивана ватага грузчиков, работавших постоянно на греческую погрузочно-разгрузочную фирму со странным названием «Ливас». Играючи сносил он в трюмы судов многопудовые мешки с отборной пшеницей, которой богатая Россия кормила едва ли не половину Европы.

Земляки с Полтавщины прозвали Поддубного Иваном Великим — Иваном Большим. Даже бывалые грузчики разевали рот от изумления, когда он вваливал на плечи громадный ящик, что не под силу был и троим, вытягивался во весь свой большой рост и шагал вверх по дрожащим сходим, похожий на вдруг ожившего атланта. Прозвище пристало к нему. Так называли его и ватажники-великороссы, и греки, и турки, и независимо державшиеся, как говорил М. Горький, «космополиты-босыяки». Впрочем, уважением грузчиков эти люмпены не пользовались — рабочему люду неприятны были их волчья повадка и стремление ловчить на каждом шагу.

По четырнадцать часов в сутки ватажники сновали с тюками, ящиками, мешками, а по вечерам собирались у рыбацких артелей, покупали на гривенник бычков, варили уху и пели украинские песни: «Закуковала та сива зозуля...», «Ой, там, за Дунаем, молодец гуляет...» Иван Максимович любил эти песни и толково их пел до старости, хотя голос у него был не то, что у младшего брата Митрофана, который певал и в церкви, сотрясая могучим басом ее крепкие стены.

В Севастопольском порту Поддубный работал с начала навигации 1893 года. Сперва тосковал по родным местам, по отцу, по матери. Все вспоминал свою хату. Светит каганец, журчит прялка... Мать достает из «мысника» леденцы и сует младшеньким...

К рождеству Анна Даниловна украсила хату чабрецом и бессмертником, сварила кутью и все выглядывала на улицу... Иван обещал приехать и приехал. Весь обвешанный связками бубликов. Матери он привез на плахту материи заморской, отцу — молдавских смушек на шапку. Так все было хорошо и просто. Колядовать ходил с парубками и дивчинами...

Всякий год он приезжал домой. Но однажды не дожда-

лись его на кутью. Уже и крещенские морозы прошли, а Иван как в воду канул. Максим Иванович подзаянял денег и поехал чугункой в Крым. Вернулся мрачный, молчаливый. Через несколько дней сказал матери с укором:

— Родила на посмешище. Полюбуйся, кем стал твой сынок. Артистом в цирке, Иванушкою-дурачком... Гири кидает... Силой с такими ж лоботрясами меряется... Говорит, такова уж моя доля. Была б под рукой оглобля, я б ему дал долю, трясца его матери...

Исполнительный, но державшийся с достоинством Иван Поддубный пользовался уважением у своих хозяев-греков, и когда фирма «Ливас» перебралась в Феодосию, его назначили старшим рабочим при конторе. Теперь у него было гораздо больше свободного времени, чем у рядового грузчика. Город, овеянный древней славой, меньше всего думал о своем прошлом, устремляясь в будущее пыльными новозастроенными улицами. Иван бродил по ним, безмятежно рассматривая пестрый, неприкаянный люд, толпами выплескивавшийся из северных российских краев на каменистый, жаркий и неприютный берег красивейшего из морей.

Тогда-то и столкнулся впервые Иван Поддубный с тем, что позже назвали «физической культурой», с искусством облагораживания природной силы разнообразными физическими упражнениями. На всю жизнь запомнилось ему случайное знакомство с учениками мореходных классов Антонином Преображенским и Василием Васильевым.

«В короткое время мы настолько сошлись и подружились, что поселились в одной квартире, — вспоминал Поддубный. — Преображенский и Васильев были оба спортсменами и старались и меня заставить заниматься спортом, к чему я относился скептически и даже часто иронически спрашивал: что из этого получится и что это может дать мне в дальнейшем, но Преображенский продолжал настаивать и даже приобрел для убеждения автобиографию знаменитого немецкого атлета-борца Карла Абса».

Это можно прочесть в потрепанной тетради, в которой под диктовку Ивана Максимовича кто-то коротко записал важнейшие события его жизни. И отнестись с полным доверием к этим записям нужно хотя бы потому, что чей-то четкий почерк в ней сменяется стара-

тельно выписанными каракулями Поддубного, который до самой старости пренебрегал общепринятой орфографией, а знаки препинания не ставил вообще. Как-то странно потом читать иные воспоминания, где Иван Максимович выступает книгочием и едва ли не знатоком изящной словесности...

Отрывок из «Моей автобиографии» (так озаглавлены записи) весьма точно передает по-крестьянски деловой подход Ивана Максимовича к очень многим жизненным явлениям. «Что это может мне дать?» — говорил он, никогда не увлекавшийся химерами. По другой версии, он тогда же усомнился в пользе физических упражнений: мол, я и так силен, ни к чему мне спорт.

С помощью новых друзей Иван одолел книжонку, написанную от имени Карла Абса каким-то досужим журналистом. Она была полна похвалы — плотник из Гамбурга стал цирковым атлетом и разъезжал по европейским столицам, удивляя публику тем, что ломал подковы и выжимал невероятные тяжести. Однажды он будто бы поднял слоненка, весившего 75 пудов (1,2 тонны). Абс предлагал триста франков тому, кто бросит его на спину в честной борьбе. Это уже не просто баловство. К тому же в книжонке говорилось, что ежедневными упражнениями природную силу можно утроить.

Начитанные приятели могли рассказать ему и о варшавянине Владиславе Пытлясинском, который, не отличаясь особенной силой, увлекся спортом, развил упражнениями свое тело, дотошно изучил все известные приемы борьбы и в 1888 году победил могучего Карла Абса.

Мореход Преображенский стал заниматься с Поддубным. Вместе они бегали, выжимали гири и выполняли гимнастические упражнения. Через полгода Антонин уже значительно уступал своему ученику и с удовольствием оглядывал его плотно сбитое тело. Оно стало суше и стройнее, к медвежьей силе прибавилась ловкость...

Ощущение собственной мощи и аккуратно прочитываемые друзьями сообщения о состязаниях борцов пробуждали в крестьянском парне настойчивое желание помериться силами с достойными противниками.

«Я ждал случая, чтобы осуществить свое желание. И такой случай представился».

Весной в городе появились афиши. На них был изображен человек в цилиндре и с бичом, вставшая на дыбы лошадь, клоун в колпаке с кисточкой и могучий усатый

человек с выпяченной грудью. «Цирк Бескоровайного» — гласили громадные буквы. За перечнем цирковых номеров следовало обещание показать «русско-швейцарскую борьбу на поясах».

А на громадную базарную площадь уже потянулись подводы с деревянными щитами. По весне торговля была скудная. Перекупщики раскладывали на столах прошлогодний лук, громадную, как крышка от выварки, камбалу и с любопытством следили за строительной суетой. Рабочие врыли в землю высокую мачту, вокруг нее насыпали толстый слой чернозема и опилок. Другие в это время сложили из щитов стены, устроили места для зрителей и покрыли все это шаткое сооружение брезентовой крышей. Манеж обнесли барьером, и цирк был готов.

Перед началом представлений по улицам города прошла невиданная процессия. Впереди нее в пролетке ехал сам хозяин цирка Бескоровайный во фраке, с котелком на голове и цирковым бичом-шамберьером в руке; за ним, нестерпимо блестя на солнце начищенными трубами, выступал духовой оркестр; следом приплясывали по три в ряд цирковые лошади, кувыркались акробаты и ловили мячи жонглеры, визгливо смеялся красноносый клоун, вперевалку шли могучие, затаенные в трико люди, удивляя простодушных феодосийских жителей шаровидными бицепсами и толстыми, собранными в многочисленные складки шеями.

Вот этих-то последних и разглядывали внимательно Иван с Антоном и даже шли за ними следом, расталкивая любопытную толпу. Они уже знали имена борцов. Над всеми возвышался громадный поляк Петр Янковский, которого газеты называли «Урсус» — медведь, а борцы — «папаша». Остальные тоже были хороши — Лурих, Козуляк, Бороданов, Разумов, Глинкин, Матюшенко...

Иван с друзьями не пропускали ни одного представления. Сперва никакой борьбы не было. Атлеты ломали подковы, скручивали пальцами железные двухвершковые гвозди, подбрасывали и ловили двухпудовые гири, поднимали штанги с большими шарами на концах, в которые для веса подсыпалась дробь.

В афишах было объявлено, что в состязаниях сильней может принять участие любой желающий. Победителю полагался приз.

На третий день Иван Поддубный наконец отважился и записался у судьи.

«Но должен признаться, что на состязании они всыпали мне как следует, и я провалился».

Двадцатилетний красавец Георг Лурих лишь недавно установил в Петербурге несколько рекордов по поднятию тяжестей. Телосложение его было настолько совершенным, что впоследствии он позировал Родену, берлинскому скульптору Бегасу, пражанину Хюппе, эстонцу Адамсону...

Иван Поддубный уже понимал, что дело тут не в одной силе. У эстонца Луриха тоже был сильный отец, но Георг в детстве перенес тяжелую болезнь и рос хилым ребенком. Увидев как-то профессиональных атлетов, он решил стать таким же могучим, фанатично занялся спортом и в пятнадцать лет уже выжал на пари две двухфунтовые гантели четыре тысячи раз.

Упражнения развивали определенные мышцы и давали споровку. А ее-то и не хватало новичку. Потом Иван занимался очень много и через восемь лет без особых усилий установил мировой рекорд.

А пока ему пришлось довольствоваться едва ли не последним местом...

— Дюже добре всыпали, чертяки, — вспоминал Иван Максимович.

Посрамленный и освистанный галеркой, возлагавшей на «своего» большие надежды, он тяжело переживал поражение. Но через несколько дней в цирке началась «русско-швейцарская» борьба на поясах, и Поддубный увидел, что она почти ничем не отличается от тех состязаний, которые устраивались в его родном селе. Только вместо кушаков на борцах были широкие кожаные ремни с двумя кожаными же ручками по бокам...

— Подвимвимось, — сказал Поддубный и пошел записываться.

Публика, разочарованная прежней неудачей Ивана, встретила его скептически. По обычаю, существовавшему на подобных состязаниях, в противники ему попался не самый сильный из борцов. Сейчас уже трудно установить, кто вышел против Ивана. Борец был в трико, оттенявшем мускулатуру. Иван, в сапогах, брюках и косоворотке, казался рядом с атлетом мужиковатым и неуклюжим. Но в его надушенной физиономии, во всей высокой и крепкой фигуре было столько решимости, что цирк умолк и замер.

Протягивая руку для традиционного рукопожатия, профессиональный борец улыбался. Улыбался он и тогда, когда оба они крепко взялись за ручки поясов и прижались друг к другу — плечо к плечу, голова к голове. Борец рванул Ивана в сторону и... улыбка сползла с его лица. Малый стоял как вкопанный. Мало того, он сам надавил на борца. Циркач, или, как тогда называли, «циркист», тоже подался всем телом вперед. Это была ошибка, и Поддубному не раз доводилось использовать ее. Он напрягся, резко выпрямился, оторвал борца от ковра и круто закинулся... Спустя мгновение послышался глухой удар. Описав в воздухе дугу ногами, циркач упал на спину...

Ошеломленная столь быстрой победой, публика молчала. Потом она стала неистовствовать. С этой минуты Иван Поддубный ощутил вкус успеха, вкус славы, этой призрачной власти над переменчивой толпой. Теперь Иван снова был «свой», простой грузчик, одолевший — подумайте! — профессионального борца.

Иван спокойно повернулся к судье.

— Давайте другого, — сказал он.

«Другим» был борец-итальянец, приехавший позже всех.

Итальянец тоже вскоре лежал на ковре.

За несколько дней Иван Поддубный переборол всех атлетов. И даже благородная спина красивого Георга Луриха коснулась ковра. Только с Петром Янковским, который был на полголовы выше Ивана и весил девять пудов (144 килограмма), схватка не дала результата, окончилась вничью.

Фирма «Ливас» потеряла своего старшего рабочего. До самой осени, до конца сезона, феодосийцы ходили в цирк «на Поддубного».

Осенью Ивану пришлось вернуться в контору фирмы «Ливас». Но это было очень тоскливо — после побед и аплодисментов, после яркой арены и тушей духового оркестра. Не мог он забыть и советов ловкого умного Луриха, который прочил ему карьеру борца-профессионала.

1 января 1898 года Поддубный взял в конторе расчет и уехал в Севастополь, в цирк Труцци, где уже знали о его успехах. Вот когда Ивана напрасно ждали к рождению в родном селе.

Через четыре года жители знакомого нам украинского села увидели неизвестного господина. Был он в котелке, в щегольском господском костюме, по жилету его вилась золотая цепочка, под большим носом торчали рыжие пики нафабранных усов.

Это был Иван Поддубный. Встреча его с отцом Максимом Ивановичем, по рассказу Митрофана Поддубного, совсем напоминала сцену из «Тараса Бульбы».

— А поворотись-ка, сын! Що це ты так смешно постригся. Не то поп, не то сатана...

— Слухай, батько, не замай...

— А то що?

— Та нічого...

— Сила заиграла? — Максим Иванович закатил рукава. — Спробуем?

— Да я те... Простите, тату.

Прибежала мать, Анна Давиловна.

— Ты что, старый, с ума сошел?! И где ж это видно, щоб сын и батько боролись... А ну, марш в хату!..

Максим Иванович с самого начала ворчал только для острастки. Хорошие заработки сына и дорогие подарки примирили его с новой профессией сына. Худо-бедно, а Поддубные прикупили несколько десятин земли, и теперь в хате чувствовался достаток. Сам Иван так и говорил — пока сила есть, будет бороться, покупать землю, а уж земля никогда не подведет...

В тот приезд Ивану Поддубному было тридцать лет. Он уже считался опытным профессиональным борцом на поясах.

После Труцци Поддубного пригласили известные антрепренеры Никитины, делавшие ставку на русских артистов, которые выступали у них в кафтанах и сарафанах. Аким Никитин встретил Ивана в своем киевском цирке весьма радушно. «Прославленному борцу на поясах казаку Ивану Поддубному» была сделана реклама. В витринах киевских лавок появился портрет Ивана Максимовича — «казак», как и полагалось, был в папахе и черкеске. По десять газырей нашили ему по обеим сторонам широкой груди. Надо думать, что такой черкески в костюмерной цирка не нашлось и ее изготовили на заказ. По теперешнему, Поддубный носил бы костюм шестьдесят восьмого (!) размера.

Многие были склонны видеть в Иване Поддубном воплощение грубой физической силы, что стало роковой

ошибкой для всех его соперников по тогдашней цирковой борьбе. Поддубный учился, выспрашивал приемы, оттачивал их в изнурительных тренировках, которые он проводил с той крестьянской добросовестностью, с какой вспахивал бы родную ниву. В «русско-швейцарской» борьбе ему не стало равных, но он исподволь готовил себя к новому виду атлетической деятельности, к борьбе классической, или, как она тогда называлась, французской.

С 1896 года отсчитывало свое существование Санкт-Петербургское атлетическое общество, культивировавшее французскую борьбу. Оно конкурировало с кружком любителей атлетики, созданным стараниями врача Владислава Францевича Краевского, филантропа и здоровяка, мечтавшего об искоренении недугов с помощью физического усовершенствования каждого человека. В Киеве врач Е. Ф. Гарнич-Гарницкий и писатель А. И. Куприн создают клуб атлетов. «Одно время он страстно увлекся цирком, — писал в «Этюде о Куприне» Ф. Батюшков, — организует в Киеве атлетическое общество, в котором получил первые уроки известный впоследствии атлет Поддубный, «чемпион мира», близко сживается с деятелями цирковой арены и черпает отсюда материал для целого ряда очерков...»

Поддубному должен был нравиться коренастый и простецкий Куприн, узкие татарские глаза которого всегда смотрели так насмешливо и зорко. Близо они сойтись не могли, потому что Александр Иванович не любил разговоров без обильных возлияний, а Иван Максимович берег себя для борьбы, строго соблюдал спортивный режим и не пил вовсе. Да и не очень разговорчив был Иван Поддубный, не всегда понимавший, о чем говорят между собой его интеллигентные почитатели. Но во всем, что касалось атлетики, Поддубный понимал неизмеримо больше писателя, которому приписывают едва ли не роль крестного отца и советчика в новом виде борьбы, уже давно перенесенном на арену русского цирка Пытлясинским и другими.

Иван Поддубный никогда не упускал случая поучиться новинкам борцовского ковра. Даже когда ему было под семьдесят, он приглядывался к ловким трюкам легковесов «классиков» и, запершись в тренировочном зале с кем-нибудь из друзей, пытался воспроизвести приемы, совсем не вязавшиеся с его размерами и грузностью.

Пожалуй, только месяц он позанимался в Киевском клубе атлетов. Кочевая жизнь — удел всех, кто связан с цирком. Маршрут группы Никитиных прослежен историками цирка: с 1 декабря до начала великого поста — в Тифлисе, во время великого поста — в Баку, с начала навигации — в Астрахани, потом — Царицын, Саратов, Казань, на Нижегородской ярмарке до самого ее закрытия 7 сентября, Иваново-Вознесенск, Харьков... С другим цирком Поддубный объехал часть Сибири.

Бесконечные переезды, жизнь в грязных номерах, цирковые дразги, нечистые нравы хозяев — все это надоело Ивану, и он подумывал о возвращении домой или в Феодосию, к прежней своей работе. Но в начале 1903 года судьба его круто повернулась — в нее вмешались люди из таких высоких сфер, о которых Поддубный даже наслышан толком не был.

Начиналась новая эпоха и в профессиональном, и в любительском спорте. Начиналось повальное увлечение французской борьбой, на гребне которого предстояло вознестись Ивану Поддубному. Среди прочих причин этого увлечения была одна, о которой Антон Павлович Чехов, с восторгом следивший за схваткой борцов в саду «Олимпия» июльским вечером 1903 года, сказал Владимиру Ивановичу Немировичу-Данченко:

— В наш инвалидный век этих здоровяков не мешает посмотреть...

«...Не откладывайте вашего приезда, так как он связан с вашей будущей карьерой...»

Выходя из Николаевского вокзала на Знаменскую площадь и отыскивая взглядом свободного извозчика, Иван Максимович повторял про себя выученные наизусть строки письма, полученного им в Воронеже.

— На Офицерскую, в Атлетическое общество, — сказал он, ступая на подножку и угрожающе перекосив тонкоколенный петербургский экипаж.

Ему не терпелось знать, почему его вызвали в Санкт-Петербургское атлетическое общество. Письмо было подписано президентом общества графом Рибошьером.

Принял Поддубного вице-президент, известный спортсмен Николай Петрович Бабин, представивший его самому Георгию Ивановичу Рибошьеру, в прошлом неплохому конькобежцу и наезднику. Теперь он всей душой отда-

вался атлетике и тратил на содержание спортивного клуба значительные личные средства.

Оказалось, что уже в течение двух лет общество пристально следило за успехами нескольких профессиональных борцов, среди которых был и Поддубный. И когда Парижское спортивное общество совместно с французским журналом «Спорт» предложило петербуржцам прислать своих представителей для участия в состязаниях на звание чемпиона мира 1903 года, выбор пал на Ивана Максимовича.

Парижские соревнования собирали лучших борцов мира.

1898 год. Первым чемпионом стал Поль Понс, двухметровый богатырь, бывший слесарь. Он положил на лопатки чемпиона Америки англичанина Тома Кеннона, который изобрел новый прием, названный им «нельсоном» — в честь великого адмирала.

1899 год. На соревнованиях появляются турки. Могучий Кара-Ахмет побеждает Понса и становится чемпионом мира.

1900 год. Чемпион — француз Лоран Бокеруа.

1901 год. Год триумфа представителя России эстонца Георга Гаккеншмидта, прозванного за феноменально развитую мускулатуру и ярость в схватках «русским львом».

1902 год. Снова Поль Понс.

Теперь Гаккеншмидт был болен и ехать в Париж не мог.

Иван Поддубный пока был непобедим только в борьбе на поясах. Но время для учения и тренировки еще не упущено.

— Согласны, Иван Максимович? — спросил Рибопьер.

— Да, — ответил Поддубный, не осмеливаясь полезть «в потылицу», как это делают в затруднительных случаях его земляки.

Атлетическое общество прекрасно знало Ивана, знало, что он не пьет и не курит, что он скромн и трудолюбив...

Граф Георгий Иванович сам был человек отменного здоровья и прекрасного сложения. И видывал здоровяков. Но и он с восхищением глядел на невероятно широкого Поддубного.

— А сейчас мы с Николаем Петровичем попросим вас раздеться.

Рибопьер с Бабиным ходили вокруг Поддубного, обме-

живаясь взглядами и довольными улыбками... Мускулатура Ивана была не особенно рельефной — мышцы лежали по всему телу колоссальными пластами. Особенно хороши спина и икры. Такого перевести в партер будет очень трудно...

Тотчас Поддубного представили тренеру общества Эжену де Пари, сменившему на этом посту Пытлясинского. Этот бывший борец-профессионал воспитал во Франции немало знаменитых атлетов. Под приставкой «де» не подразумевалось ничего аристократического — просто он был парижанин (де Пари, т. е. из Парижа).

Начались обмеры и взвешивание. Секретарь общества Леонов записывал:

Рост — 184 сантиметра.

Вес — 120 килограммов.

Окружность груди — 134 сантиметра. (Невероятно! И это не напрягаясь, на выдохе!)

Бицепс — 45 сантиметров, предплечье — 36, запястье — 24, шея — 50, пояс — 104, бедро — 70, икры — 47, голень — 44...

Эжен де Пари плохо знал русский язык. Иван Поддубный совсем не знал французского. И все же можно предположить, как начал бы свои занятия Эжен, если бы не существовало этих препятствий:

— Жан, позвольте мне, старому и опытному тренеру, рассказать вам, что есть борьба. О, я учил приемам Поля Понса, великого Понса! Он завоевал венок победителя, и у ног его был весь Париж, вся Франция, весь мир! Борьба — это рыцарский спорт. Сколько надо проявить находчивости, воли, хитрости, силы и выносливости, чтобы по всем правилам нашего искусства положить противника на лопатки. Наше искусство складывается из владения приемами, но если вам скажут, что их несколько десятков, не верьте... Им несть числа, как несть числа движениям человеческого тела, как нет границ изобретательности талантливому борца...

— Жан, я сказал, что борьба — это рыцарский спорт, потому что она закаляет тело, делает его бодрым и сильным, воспитывает благородство. Приемы, которые могут изуродовать, искалечить человека, запрещены.

— Жан, борьба, которой я буду вас учить, называется французской, хотя она есть не что иное, как классическая борьба древних греков и римлян. Еще в гомеровские времена она была королевой спорта и собирала самые

большие толпы зрителей. Но пали древние государства, и забыт был их спорт. И только несколько десятков лет назад французы — великая нация! — возродили греко-римскую борьбу, снова сделали королевой спорта, за что другие народы переименовали ее во французскую...

— Жан, вы очень сильный человек, но не падайтесь только на свою силу. В борьбе есть своя тактика и стратегия. Перед схваткой постарайтесь узнать о противнике возможно больше, приобретите его фотографии, изучите его мышцы, составьте план схватки... Начиная сражение, прибегайте к разведывательным маневрам: захватив его руку за запястье, тяните, и если это вам удастся, несмотря на сопротивление, то это значит, что бицепс противника слабее вашего. Отводя руку противника назад, вы испытываете трицепс. Другими приемами вы узнаете силу дельтовидной мышцы плеча, широкой мышцы спины... Мозг борца все время напряжен, нужны мгновения, чтобы узнать уязвимые места противника и придумать обманную комбинацию, за которой последует рывок, во время которого ваши мышцы срабатывают с математической точностью и безжалостностью парового молота... О, Жан, борьба — это целая наука!

Три месяца продолжалось учение. Оно было привычным и доставляло удовольствие. Хуже было с усвоением правил хорошего тона. Научиться правильно держать ложку Ивану Максимовичу оказалось труднее, чем уложить на лопатки десяток гвардейских офицеров — постоянных членов атлетического общества.

Эжен привез Поддубного в Париж за два месяца до начала состязаний. Вместе с другим русским борцом, Александром Абергом, его поселили в отеле на Рю Бланш. Ни тому, ни другому было не до красот Парижа, так как снова начались тренировки столь жестокой интенсивности, что при одном чтении воспоминаний Ивана Максимовича бросает в дрожь:

«В продолжение целого месяца я ежедневно тренировался с тремя борцами: с первым — 20 минут, со вторым — 30, и с третьим — 40—50 минут, пока каждый из них не оказывался окончательно изнуренным до такой степени, что даже не мог владеть руками. После этого 10—15 минут я бегал, держа пятифунтовые гантели, которые к концу становились непосильным грузом для моих

усталых рук. Далее меня сажали в «докторский ящик», или, попросту, в паровую ванну с температурой до пятидесяти градусов. После ванны я принимал душ: один день — ледяной, а другой — тридцатиградусный. Далее меня закутывали в простыню и теплый халат, дабы испарить из организма лишнюю влагу и достичь правильной циркуляции крови, а одновременно дать отдых телу перед десятикилометровой прогулкой, каковая производилась самым быстрым гимнастическим шагом. После этого мотился я возвращался в гостиницу настолько изнуренный, что с трудом мог подняться на четвертый этаж...»¹

За полтора месяца зверских тренировок нервная система Ивана Максимовича пришла в такое состояние, что он вздрагивал при любом стуке, перестал спать по ночам и как-то потерял контроль над собой и едва не избил Эжена и переводчика Кадо, придравшись к пустяку... Эжен, увидев, что пересолил с тренировками, дал Поддубному двухнедельный отдых.

Теперь-то Иван Максимович мог побродить по Парижу. Но голова его была занята совсем другим — предстоящими состязаниями, будущими противниками. Вот об этих своих впечатлениях он не забывал никогда — имена, достоинства и недостатки каждого, манера бороться врезывались в его память очень прочно. Эрудиция односторонняя, но она говорит о целеустремленности, без которой Поддубный не был бы Поддубным...

На чемпионат прибыли и записались 130 борцов. Среди них были такие испытанные бойцы, как великан серб Антонич, бельгиец Омер де Бульон, датчанин Иесс Педерсен, немец Вебер, француз Рауль ле Буше, представитель Австро-Венгрии поляк Станислав Збышко-Цыганевич...

В день открытия чемпионата Иван Максимович, приехавший вместе с Эженом, Абергом и Кадо в «Казино де Пари» к одиннадцати часам утра, был поражен обилием и взволнованностью публики. Эжен, раскланивавшийся направо и налево, объяснял — тут борцы, спортсмены, любители борьбы, репортеры, художники, скульпторы...

Иван Поддубный одержал подряд одиннадцать побед. Двенадцатым его соперником стал Рауль Мюссон, прозванный «Мясником» (ле Буше). Он был любимцем Па-

¹ Записи Поддубного приводятся не дословно. Сохранена манера, но устранены повторы и погрешности в орфографии и синтаксисе.

рижа. Начав заниматься с 13 лет в спортивном зале у Поля Понса, он потом оставил работу в мясной лавке и одерживал победу за победой. В 1903 году Раулю исполнилось двадцать лет. По мнению парижан, он был красив и хорошо сложен, при росте 188 сантиметров он весил 121 килограмм.

О невероятной силе Рауля можно было судить по его поединку с Александром Абергом, чемпионом Эстонии, учеником Георга Луриха. С ним Рауль ле Буше боролся до встречи с Поддубным. Рауль зажимал и ломал Аберга так сильно, что на теле эстонца всякий раз оставались багрово-синие полосы.

Аберг чувствовал себя неважно и до схватки. У него был фурункулез, этот бич всех борцов... Во время схватки от страшных зажимов Рауля ле Буше нарыв на пояснице у Аберга лопнул. И все же Аберг сопротивлялся Раулю целых сорок пять минут. Борьба результата не дала и была перенесена на другой день.

Поддубный простодушно признавался: «Я же, наблюдая эту борьбу, высказал борцам свое мнение, что на месте Аберга отказался бы не только от чемпионства, а даже от всего земного, лишь бы не терпеть таких мучений и издевательств».

Аберг после схватки не стоял на ногах. Его посадили на извозчика и повезли на Рю Бланш. Началась сильная рвота. У эстонца оказалось заражение крови. Он попал на две недели в больницу. За неявку на ковер ему было зачтено поражение.

Настроение у Ивана Максимовича было тревожное, но его вдохновляло мужество Аберга, не ушедшего с ковра целых 45 минут. Страшновато было не оправдать доверия пославших его в Париж. Там, в России, от него ждут победы...

Эжен посоветовал Ивану Максимовичу начать схватку резко, не жалеть сил и попытаться положить Рауля в первые же 15—20 минут. Но противник сам пошел на резкое обострение борьбы, и вскоре Поддубному пришлось отражать захваты француза. «Получалось впечатление скалы, о которую тщетно бились морские волны», — писал один из свидетелей схватки.

В обоих борцах было без малого четверть тонны. От натужных попыток обхватить друг друга дыхание их стало тяжелым. На третьей минуте Рауль стал глянцеви-тым от пота. Руки Поддубного скользили по его телу.

Иван Максимович почувствовал недоброе. Он поднял руку и заявил судьям, что его противник смазан жиром. Судьи проверили и обнаружили, что капельки пота, покрывавшие тело француза, и в самом деле маслянисты.

Однако борьба не была остановлена. Рауля обтерли полотенцем, но маслянистый пот выступил снова. Теперь француза терли полотенцем каждые пять минут. После тридцати минут бесплодных попыток бросить друг друга на ковер борцы получили передышку. Решено было назначить вторую схватку и определить победителя по очкам. Естественно, что Поддубный, лишенный возможности схватить своего скользкого противника, проиграл одно очко и выбыл из дальнейших соревнований, хотя в схватке был более инициативен.

Но от сознания собственной правоты не становилось легче.

За кулисами Иван Максимович узнал, что Рауль ле Буше, тренировавшийся с сербом Антоничем целых три месяца, всякий раз натирался оливковым маслом. Так делают в турецкой силовой борьбе и поныне. Впитавшееся в кожу масло стало выделяться вместе с потом. Непосредственно перед схваткой с Поддубным француз не натирался, но, говорят, кожа становится очень жирна, если даже просто есть много оливкового масла.

И от этого тоже не стало легче.

Иван Максимович был совершенно убит. Он три дня не ел, не выходил из комнаты... Было стыдно... Может быть, не надо было продолжать бороться, а стоило отказаться, заявить протест...

Эжен отправил телеграмму в Петербург с изложением всех обстоятельств... Атлетическое общество тотчас ответило. Оно предлагало Раулю ле Буше бороться с Поддубным вне чемпионата, гарантировав французу приз в 10 тысяч франков в случае победы. Рауль отказался.

Слабых неудачи ломают. Поддубный был сильным человеком не только физически. Он справился с собой и стал ходить в «Казино де Пари» на все остальные встречи. Наблюдал, запоминал приемы. Мало того, он посещал парижские атлетические клубы и учился, учился, учился...

На сороковой день чемпионат закончился. Десять тысяч франков и звание чемпиона мира получил Иесс Педерсен, вторым был Рауль ле Буше, третьим — Збышко-Цыганевич, четвертым — Омер де Бульон.

Спортивная печать Европы уже обсуждала перспективы большого чемпионата, начинавшегося в Москве летом 1903 года.

После своего поражения Поддубный решил было известить родителей, а потом снова начать бороться в провинции. И уж никак он не мог рассчитывать на сочувствие русской публики.

Но Поддубный ошибался. Москва встретила Поддубного очень тепло. Считаясь с общим настроением, граф Рибопьер подавил раздражение и включил Ивана Максимовича в список участников чемпионата.

Иван Максимович был в своей лучшей форме. Сказывались тяжелые тренировки с Эженом. Прошли усталость и нервная депрессия. Тело казалось легким, хотелось напрячься...

И началась в его жизни полоса удач. Именно летом 1903 года, победив всех своих соперников, он ступил на триумфальный путь, который привел его на вершину всенародной славы.

Но многие еще не верили в мастерство Поддубного. Говорили, что он берет не умением, а природной силой. Иван Максимович никого не разубеждал. Он уехал бороться в провинцию. Каждый день проводил в усиленных тренировках, без конца опробовал виденные им приемы. Изобретал новые.

Впоследствии Поддубный гордо заявлял: «Французскую борьбу в России создал Пытлясинский, развил и улучшил Лурих и окончательно усовершенствовал я». Он перечисляет «швунги, толчки, подрывы», заимствованные из татарской борьбы броски. Свидетели его схваток демонстрируют своеобразные захваты рук противника.

Трудно представить себе что-либо «окончательно усовершенствованное», но даже для такого опытнейшего современного борца, как Александр Иваницкий, некоторые приемы Поддубного оказались откровением.

Разумеется, не все пришло сразу, но уже близился час торжества Ивана Максимовича, час, когда он поверил, что существует на свете высшая справедливость...

Огни цирка Чинизелли ложились сверкающими дорожками на зеркальный лед Фонтанки, отполированный петербургскими ветрами. Господин директор Чипионе Чинизелли, облаченный во фрачную пару и цилиндр, при-

храмывая, выходил сквозь строй униформистов на манеж, раскланивался, и под хлопки шамберьера на тырсу выбегали восемь силовых жеребцов завода князя Сангушко...

Господин директор Чипионе Чинизелли завидовал успеху парижских чемпионатов борьбы. Но он уже заключил сделку с борцом и антрепренером Шарлем Дюмоном, обязавшимся в начале 1904 года организовать в цирке Чинизелли международные состязания. Были приглашены семь русских борцов и двадцать три иностранных, из которых самыми грозными считались болгарский чемпион Никола Петров и трое французов — чемпион мира Поль Понс, Эмабль де ля Кальметт и... Рауль ле Буше.

Иван Максимович приехал в Петербург одним из первых. Он тренировался в Атлетическом обществе и продумывал каждую предстоящую схватку, не делясь своими мыслями даже с братом Митрофаном, которого навестил в казарме гренадерского полка у Большой Невки.

Поддубный решил не показывать своего умения, в схватках больше защищаться, а не наступать, экономить силы для решающих встреч.

Три тысячи зрителей, ежедневно собиравшиеся в цирк Чинизелли, — и бархатные кресла, и «ненумерованная» галерка — были разочарованы вялой борьбой Поддубного, хотя всякий раз он побеждал. «Я делал искусственное дыхание (нарочно тяжело дышал. — Д. Ж.), показывая, что я борьбу не знаю. Был неповоротлив, неподвижен, и если я ложил противника, то всем казалось, что это случайно».

В публике говорили:

— Поддубный не спортсмен, а медведь. Напорется на хорошего борца, и все...

— Неуклюж, куда ему против французов...

Как-то пришел к нему Митрофан.

— Ты що робишь! Над тобой весь Петербург смеется.

— Побачим, кто будет смеяться последним, — ответил Иван Максимович. — Тут, братишка, не цирк, а чемпионат. Надо голову иметь на плечах. Хай думают, что я разучился бороться...

К финалу чемпионата поражений не имели четверо — Петров, Понс, ле Буше и Поддубный.

Встреча Поддубного с Петровым продолжалась сорок минут. Победил Иван Максимович. И вот как он вспоминал об этой схватке:

«Здесь я уже показал кое-какие приемы, на которые обратили внимание сидящие борцы, говоря друг другу:

— Сперва Поддубный был какой-то чурбан, и вот за короткое время он так хорошо изучил французскую борьбу. Смотрите, какой он даровитый!

А я, стоя в манеже, на все это улыбался».

Как краток и точен Поддубный в последней фразе, словно бы сочиненной им для литературных гурманов. И в ней он весь — со своей крестьянской хитростью, простодушным любованием собой...

До окончания чемпионата оставалось три дня. И две схватки. С Раулем ле Буше и Полем Понсом.

И тут Поддубный узнает о закулисной сделке между организатором чемпионата Дюмоном и директором цирка Чинизелли. Дюмон получил 24 тысячи рублей на расходы. Из них пять тысяч выделялось по контракту на призы. За первое место — три тысячи рублей, за второе — 1000, за третье — 600, за четвертое — 400. Когда стало ясно, что Поддубный уже вышел на третье место, произошел створ — Дюмон, как оказалось, организовал чемпионат в компании с французскими борцами, которые решили не давать русскому и болгарину ничего. Они убедили Чинизелли ликвидировать мелкие призы, а победителю чемпионата вручить все пять тысяч рублей: публике, мол, это понравится. Уже и победителя определили — Поля Понса. Раулю ле Буше поручалось либо положить Поддубного, либо вымотать так, чтобы победа Понсу досталась без особого труда.

Иван Максимович рассвирепел. И не только потому, что для профессионального борца призовые деньги — это тот же заработок... Его бесило и настроение публики из первых рядов партера, которая, как он выражался, «нас, русских борцов, не признавала за хороших борцов».

Он решил сломать это настроение. Но не сразу. Словно хороший шахматист, он продумал развитие событий на много ходов вперед.

Зная силу и ловкость Рауля, он не показал ему всей своей силы и умения. Все тридцать минут схватки Иван Максимович следил лишь за тем, чтобы не дать противнику провести ни одного приема. Новая схватка была назначена на следующий день. Решительная. До победы.

В артистической уборной, куда собрались все борцы, Рауль был весел и даже зашел... Он был уверен в своих силах.

— Господин Поддубный, когда вы приезжали в Париж, вы были очень сильны... А теперь почему-то совсем не сильны, — сказал Рауль по-французски.

— Вуй, — ответил Иван Максимович, сокрушенно покачав головой, и добавил: — Побачим завтра...

Наступило завтра. Рауль, вдохновленный вчерашним, сразу же набросился на Поддубного. Чувствовалось, что он хочет сломать противника в первые же минуты. Но теперь Иван Максимович тоже не сдерживался. Прием следовал за приемом. Рауль растерялся. От куража его не осталось и следа. На пятнадцатой минуте он попал в «партер». Еще двадцать семь минут ломал и выворачивал его Поддубный, то и дело поминая Париж и оливковое масло. На сорок второй минуте Рауль подал из-под Ивана Максимовича голос. Он хочет, мол, сделать заявление судьям. Но Поддубный не отпустил его.

— Он же убежит с манежа, — сказал Иван Максимович.

Но судьи настояли на том, чтобы он отпустил противника.

Рауль встал, подошел, шатаясь, к судейскому столу и заявил, что бороться он больше не может.

Удалившись в директорскую комнату, Рауль плакал. Набившиеся туда же офицеры из публики уговаривали его продолжить схватку. Дюмон обещал ему десять тысяч франков, но и это не взбодрило его.

А на манеже Иван Максимович, стоя у судейского стола, доказывал, что убежавший противник — это противник побежденный. Довод был неотразимый. Иван Поддубный был признан победителем.

И вот последний противник. Двухметровый гигант Поль Понс. Объяснили условия — пятнадцатиминутная схватка, две минуты отдыха, и дальше схватка без перерыва до двенадцати ночи, до полицейского часа, когда прекращались все зрелища, то есть почти двухчасовой бой.

Настороженность и предвзятость партера еще не прошли, но галерка встретила Ивана Поддубного шумно и дружелюбно. Весть о его предыдущих победах взбудоражила весь Петербург. «Победил француза!» Люди волновались, шли толпами к переполненному цирку, ждали вестей...

Первые пятнадцать минут Поддубный снова хитрил, «щупал... слабые стороны» противника. После перерыва

зрители увидели настоящего Поддубного. И вскоре не узнать было некогда могучего Понса. Один из очевидцев этой схватки вспоминал, что Поддубный «швырял его по арене, постоянно заставляя переходить в «партер», чего Понс вообще не любил».

Весь цирк затаил дыхание, нервно сжимались кулаки, было ощущение большого события.

Понс уже не поднимался с ковра. «К концу борьбы на него было жалко смотреть, — говорил тот же очевидец, — трико стало болтаться на нем, как будто Понс внезапно похудел сантиметров на двадцать в талии, скомкалось и превратилось в тряпку, которую хотелось выжать».

И вот уже Поддубный окончательно «сбивает его в «партер».

«Я применял всяческие технические приемы, даже злостные (очевидно, болевые. — *Д. Ж.*), — вспоминал Иван Максимович. — Весь свой опыт, всю силу и энергию я истратил до конца. Я прикладывал к левой стороне его груди свое ухо и слушал сердце».

Впоследствии Иван Максимович не только себя, но и публику сравнивал с хищным зверем, ждущим добычи...

На сто пятнадцатой минуте борьбы Поддубный провел руку под мышку Понса, уперся кулаком в шею и, помогая себе другой рукой, перевернул противника на спину.

«Я держал его на лопатках, пока меня не стащили за ноги. Свистку арбитра я не подчинился: это я сделал, чтобы не было возражений со стороны публики... Я прекрасно сознавал, что это с моей стороны грубо и некультурно...»

Да, он сознавал, но делал это для первых рядов партера — нате, убедитесь!

Никогда еще Ивану Максимовичу не приходилось слышать таких аплодисментов, таких криков восторга, как в ту полночь. Все три тысячи зрителей вскочили со своих мест, размахивали руками. На манеж полетели и картузы, и котелки...

Поддубный отпустил Понса, встал и поднял руки. В цирке Чинизелли наступила тишина.

— В афишах объявлено, что победителю чемпионата полагается первый приз — пять тысяч рублей. Я боролся целый месяц и заслужил его. Прошу принести деньги сюда, на манеж, и вручить мне их при публике.

Поддубный сказал это, потому что видел уже лихо-

радную возню организаторов чемпионата. Дюмон пытался доказать судьям, что Понс был положен вне ковра. Платить денег антрепренер, очевидно, не собирался.

На манеж выбежал Рауль ле Буше и, срывая с себя одежду, требовал, чтобы Поддубный боролся с ним сейчас же. Он кричал, что русский вчера не положил его.

Зрители смеялись. Несправедливость была очевидна. Борьба после двухчасовой схватки?..

Зрители скандировали, требуя вручения приза.

На арену вышел сам господин директор Чипионе Чинизелли и предложил Ивану Максимовичу пройти в контору для получения денег. Тот отказался.

Публика бушевала, вызывала полицию. На манеж спустился петербургский полицмейстер Галле и приказал арестовать кассу цирка. Наконец деньги принесли.

Поддубный снова поднял руки.

— Я прошу принести мое пальто сюда. За кулисы не пойду, убьют!

Тотчас нашлись помощники и телохранители. Принесли пальто, купили в буфете салфетку, чтобы завернуть деньги, проводили до чего-то услужливо предоставленного экипажа.

Был уже второй час ночи. Проезжая по Симеоновской улице и Литейному проспекту, вдоль которых стеной стояли ликующие петербуржцы, Иван Поддубный вдруг осознал, что произошло событие чрезвычайное. И не только для него лично. Это была победа России, его родины. И с этой ночи ему оказывали такие почести, каких удостоивают только национальных героев.

Иван Максимович и предположить не мог, к каким последствиям приведет его победа над французами, сколько зависти и злобы вызовет его стремительное шествие к титулу мирового чемпиона.

Весь 1904 год он боролся и тренировался. Он поставил рекорд в поднятии тяжестей. Окружающим казалось, что высшего развития человеческий организм достичь не может. Сам Поддубный относился к своим успехам более скромно. Готовясь к парижскому чемпионату 1905 года, он говорил, что если и не положит на лопатки сильнейших, то и себя, во всяком случае, положить не даст.

Снова встретились сто сорок лучших борцов мира. Снова фаворитами были Иесс Педерсен, француз Лоран Бо-

керуа, бельгиец Омер де Бульон. И разумеется, Иван Поддубный и надеявшийся на реванш Рауль ле Буше.

Но Рауль боялся этой встречи. Через посредников он предложил Ивану Максимовичу «комбинацию», то есть несколько тысяч франков, если тот «упадет». Но Поддубный вовсе не собирался отдавать первенство за чечевичную похлебку...

И вот зал «Фоли Бержер», где в иные дни выступала жена Рауля, известная певичка, увидел новое поражение любимца Парижа, прочно преградившее ему путь к чемпионскому титулу. Поддубный стал для Рауля средоточием всех его несчастий.

Со слов Поддубного один журналист тогда же писал: «Нигде, ни в одной профессии слава не сопровождается таким хитросплетенным клубком опасностей, предательски подстерегающих ту или иную знаменитость, как в атлетическом мире.

Представители грубой мускульной силы завидуют и мстят друг другу по-своему. Опасного соперника они стараются либо совершенно «изъять» из употребления, либо искалечить. Борцы прибегают к тому и другому способу.

Особой бесчеловечностью в закулисной борьбе отличался самолюбивый француз Рауль ле Буше. Многим спортсменам памятен случай, когда парижские хулиганы-звоточники сбросили с поезда в тоннель негритянского борца, победившего в поединке Рауля ле Буше...»

Теперь Рауль собирался рассчитаться и с Иваном Поддубным.

А тем временем русский богатырь одного за другим бросал на ковер своих грозных противников. Это был уже не тот увалень, каким он притворялся в Петербурге. Ловкий, быстрый, сильный, он срывал аплодисменты парижан, но ему еще было далеко до чемпиона Иесса Педерсена, который тоже не имел ни одного поражения и вышел вместе с Поддубным в финал.

Иесс Педерсен был красив. Стройный, белокожий, высокий, с рельефными мышцами, он казался совершеннейшим образцом человеческой породы. Про Поддубного же можно было сказать: неладно скроен, да крепко спит. Когда они показались рядом на ковре, кто-то из публики выкрикнул: «Иесс, хватай этот мешок с картошкой и кончай дело!»

Педерсен был невероятно силен и вынослив, и Поддубный это знал. Но его рассердила насмешливость па-

рижан. Он сразу же стал атаковать датчанина, щедро осыпая его своими знаменитыми «макаронами» — затрепцанами, от которых падали на колени многие борцы. Но у Педерсена была крепкая шея. Попытка обхватить Иесса тоже не получилась. Упершись ладонью в подбородок, а заодно давя и на горло Ивана Максимовича, датчанин высвободился из его железных объятий.

Борцы мяли друг друга мышцы. Час двадцать продолжались хождение по ковра и попытки провести какой-нибудь прием. Иван Максимович решил пойти на хитрость. Движения его замедлились: он стал симулировать учащенное дыхание, усталость... Педерсен оживился и взял его в обхват. Поддубный почувствовал, что руки датчанина еще невероятно сильны. Дважды обхватывал Педерсен Ивана Максимовича, а на третий раз русский борец внезапно зажал руки датчанина и «с полусуплеса так шибко его бросил, что сам через него перелетел...».

Приз в 10 тысяч франков и лента чемпиона мира были наградой победителю.

Вот теперь Париж воздал ему должное. Чемпионат разбудил невиданные страсти (что вполне понятно — футбол и хоккей еще были в зачаточной стадии). Парижане просыпались и засыпали со словом «борьба». Борцами интересовались все — от рабочего до президента республики. Во всех витринах были выставлены портреты Поддубного — папаха, усы, черкеска... Теперь уже парижане любовались его сложением, изменив «железному Иессу». Под портретами, на которых был изображен Поддубный в трико, с поднятыми руками и напряженными мышцами, красовалась подпись: «Спина его феноменальна». Только за право использовать его портреты для рекламы товаров Поддубный получил целое состояние. Французы всех слов общества считали его полубогом, осаждали, добивались знакомства. У Ивана Максимовича долго еще хранились сотни визитных карточек титулованных парижан, знакомство с которыми, по выражению репортера, могло бы сделать честь любому дипломату. Это был триумф России.

И надо отдать должное Ивану Максимовичу — не вскружила ему головы эта слава. Едва ли не на другой день после своей победы он потребовал, чтобы ему показали судебские журналы за все годы мировых чемпионатов. Он внимательно изучил все приемы, которыми побеждали на них. Турецкие борцы буквально ломали своих противников, «русский лев» Гаккеншмидт лучше всего

применял передний пояс... Поддубный же решил отработать до ювелирной тонкости все приемы. И применять. Ради этого он приглашал на свои тренировки всех борцов, находившихся тогда в Париже, и изучал их манеру борьбы. Ходил по любительским клубам, почитавшим за честь такие посещения. Перед сном у себя в отеле Иван Максимович придумывал новые комбинации приемов, а по утрам показывал их борцам, которые восторженно называли его «магом» и даже верили в то, что он наделен какими-то сверхъестественными способностями...

Особенно подогрела это убеждение необычная схватка, которую предложил устроить некий «профессор японской борьбы» (в те времена едва ли не всякий преподаватель называл себя «профессором» — были «профессора атлетики» и даже «профессора бокса»). Об искусстве японца, открывшего в Париже школу джиу-джитсу, рассказывали чудеса. «Профессор» грозился в газетах победить Поддубного, и пришлось тому принять вызов. Схватка кончилась для японца печально. Хитроумные приемы не помогли, с чудовищной силой он был смят и прижат к полу. Японец корчился и кричал от боли. Иван Максимович перестарался. У японца оказалась сломанной нога...

В Париже Поддубный получил приглашение на двухнедельный чемпионат в Ницце, после чего намечалась гастрольная поездка по Италии. В Ницце, «этом сплошном человеческом недоразумении», по выражению Куприна, Поддубный показывал свое искусство respectable публике, числившейся и не числившейся в готском альманахе, окунавшей свои тела в загаженное море и проигрывавшей кучи золота в недалеком Монте-Карло. В модном курорте, созданном на малярском болоте «английским снобизмом, русским обезьянством, шальными деньгами американцев и вечной услужливостью французов», была и вилла семипудового красавца Рауля ле Буше, поклявшегося отомстить Ивану Максимовичу.

Исполнения клятвы пришлось ждать недолго.

Пятеро французских бандитов — апашей совершили покушение на Ивана Поддубного. Только благодаря своему хладнокровию и смекалке он остался жив. Апаша стреляли в борцов, проломили голову французскому атлету Эмаблю де ля Кальмету, ввязавшемуся в схватку, и были арестованы полицией.

Дело кончилось трагически для... Рауля ле Буше. Собратья апашей потребовали с него деньги за несостояв-

шее убийство Поддубного. Рауль отказался платить. Его подстерегли и нанесли несколько ударов резиновой палкой по голове. От сотрясения мозга француз скончался.

Поддубный одерживал победы во Флоренции, Венеции, Турине, Вероне, Милане и Палермо. Он победил в чемпионатах на Африканском континенте — в Тунисе и Алжире. После новых побед в Льеже и Берлине в апреле 1906 года он вернулся в Петербург, где его ждали восторженные почитатели и ученики.

В России увлечение борьбой стало еще больше с того самого чемпионата в 1904 году, который завершился сенсационными победами Ивана Поддубного. Известный историк цирка Е. М. Кузнецов писал:

«...Спустя какие-нибудь два-три года успех таких чемпионатов возрос с чудовищной силой.

Тысячные толпы проявляли лихорадочный интерес к борцам, заполняя цирки к десяти часам вечера, когда куца программа оканчивалась и начинался чемпионат. Чемпионаты растягивались до трех недель, до полутора месяцев, до трех месяцев, наконец; они переезжали из города в город, выделяли любимцев публики, обеспечивали им громадные гонорары и повышенное внимание бульварной прессы; цирк без весеннего чемпионата стал одинаково невыносим и в столице и в провинции, где, окончательно утрачивая спортивный характер, борьба принимала грубые шантажные формы».

Увы, борьбе не повезло ни в трудах историков цирка, ратовавших за «чистое» цирковое искусство, ни в трудах историков спорта, третирующих профессионализм.

И все-таки трудно бывает уйти от успехов профессиональной борьбы, которая в свое время стала не только волнующим зрелищем, но и примером, побуждавшим тысячи и тысячи людей к овладению физической культурой. И тогда возникло неправомерное противопоставление духовного физическому, а колоссальное увлечение борьбой объяснялось едва ли не поражением революции.

Не избежал натяжек и тот же Е. М. Кузнецов, связывавший расцвет борьбы с эпохой реакции и ставивший ее в один ряд почему-то с толстовством, процессом Бейлиса и столыпинскими реформами.

«В этом застойном знойном воздухе, когда все живое

тлею на корню, могучие мускулистые торсы, по-медвежьи схватывавшиеся на цирковых аренах, давали сладкую подсознательную иллюзию борьбы — борьбы, которой не было и не могло быть. «Мост» Луриха стал легендарным символом, фотографии Гаккеншмидта, Поддубного и Эбшю-Цыганевича расходились тысячами, и синие студенческие фуражки с бою заполняли цирки Российской империи».

Но если брать другие приметы времени, вспомнить имена Шаляпина и Рахманинова, Нестерова и Васнецова, Блока и Горького, подумать о расцвете культуры в предреволюционное время, когда страна, охваченная тревожными думами, как бы копила силы и готовилась к скачку в новое состояние, то увлечение силовым искусством предстает в ином виде и становится в ряд достижений национальной культуры.

Недаром Александр Блок писал в предисловии к поэме «Возмездие» о том времени, «когда мир, готовившийся к неслыханным событиям, так усиленно и планомерно развивал свои физические, политические и военные мускулы».

Максим Горький, который оказывался в одном ряду с Шаляпиным и Поддубным, когда называли трех великих русских людей, вышедших из народа, как-то ответил на анкету спортивного журнала «Геркулес» такими словами:

«Девиз вашего журнала я считаю весьма важным. Да, «каждый человек может и должен быть сильным», и было бы чрезвычайно хорошо, если бы мы, русские, усвоили этот девиз».

Поддубный был ярким олицетворением физической мощи народа, его мужественности и смекалки. Крестьянская Россия, наращивавшая мышцы в неистовой работе, проявляла силу и ловкость в кулачных боях, в сражениях стенка на стенку, в них утверждали себя беззлобно — лежачих не били...

Еще когда Поддубный только начинал, в цирках появлялись мужички, вроде воронежского великана Проня, который вышел на арену и легко, без всяких технических ухищрений, выжал снаряды, только что сброшенные на землю мировым рекордсменом. Проня согласился и побороться, но стать профессионалом отказывался. В страдную пору он возвращался в родную деревню...

Известным кулачным бойцом был Михаил Заикин. Сына его Ивана Заикина — бурлака, грузчика — заметил нефтепромышленник Меркурьев, пристроил в свою контору рассыльным, а потом послал на всероссийский чемпионат спортсменов-любителей в феврале 1904 года.

Пытлясинский познакомил нового чемпиона по поднятию тяжестей Ивана Заикина с Поддубным тотчас после победы волжанина. Иван Максимович с удовлетворением оглядел высокого статного тезку. Ему нужен был партнер для тренировок, а Заикин охотно взялся изучать борьбу. В короткое время Иван Максимович сделал из Заикина великолепного борца. Расставаясь с ним, Поддубный сказал:

— Ну, Иван, вертаться тебе к Меркурьеву не трэба. Иди в цирк и за тренировки не забывай. Горилку не пей, бисову траву — табак не кури...

Заикин выступал в приволжских городах. По многочисленным воспоминаниям, он носил многопудовые якоря, держал на плечах платформу с десятками людей, ломал телеграфные столбы, гнул рельсы и железные двутавровые балки. И боролся. Впоследствии Заикин стал одним из первых русских авиаторов. Слава его в России уступала только славе Поддубного.

Ивана Максимовича теперь уже называли почтительно «батькой», и стал он главным среди богатырей, которыми никогда не оскудевала наша земля. Самые рослые, самые статные молодцы служили в русской гвардии, и оттуда многие из них шли в профессиональные борцы. Был когда-то вахмистром в лейб-гвардейском уланском полку Янковский. Кончал службу в Преображенском полку Шемякин. Иван Максимович часто наведывался в казармы к гренадерам, среди которых Митрофан Поддубный, поднимавший шестнадцать пудов, отнюдь был не самым сильным.

Пробовал старший брат приобщить к борьбе и Митрофана, но у того, кроме силы, не оказалось нужных борцовских качеств. Зато взводный Митрофана унтер-офицер Никандр Вахтуров оказался сущей находкой.

— Краце парубка не бачив. Злющий, як сто бисов, — сказал Митрофан.

— А ну покажь своего унтера!

Вахтуров оказался крепышом на редкость. Грудь как бочка, шеи почти не видно — короткая, сантиметров

шестьдесят в объёме шея. Лоб низкий, лицо будто топором тесано.

— Добре, добре, — сказал Иван Максимович, а когда гренадер уволился из армии, взял его к себе в ученики, тренировался с ним, возил с собой по чемпионатам, и стал Никандр всемирно известным борцом Николаем Вахтуровым.

О чемпионатах говорилось и много дурного, и много хорошего.

Едва ли не каждый год то какая-нибудь газета, то журнал начинали публиковать «разоблачения» закулисной жизни борцовских чемпионатов. Писали о сделках, о том, что борьба — это чистое надувательство, тщательно отрежиссированное, с заранее известным исходом каждого поединка. Об этом рассказывал в своих популярных романах и статьях Н. Н. Брешко-Брешковский, в фельетонах — Скиталец... И как это ни странно, всякий раз такие разоблачения только подогревали интерес публики, желавшей убедиться в написанном. Она улом валила в цирки, враждебно настроенная, готовая учинить скандал, как только заметит жульничество, и.. уходила, довольная зрелищем, убежденная в правдивости борьбы, «заболевшая» ею, как сказали бы сейчас.

Как-то я попросил известного в свое время циркового борца раскрыть мне секрет обаяния цирковой борьбы.

— Секрет простой, — подумав, сказал он. — Цирковые борцы были артисты. Держали зрителей в напряжении. Все время было такое чувство, что сейчас что-то случится. И хотя приемов тогда было маловато, показывали их так, что все ахали...

Артистичность? Не противоречит ли она спортивному духу? Нет и нет. Спорт остается и зрелищем и примером, а те его виды, в которых артистичность показалась излишней и была утрачена, утратили и свою былую популярность.

Великим мастером ритуала борцовских соревнований был Иван Владимирович Лебедев, известный всей России как «дядя Ваня». Недоучившийся правовед, ведущий гиревик Санкт-Петербурга, помощник доктора Краевского, лихой журналист, он открыл собственную спортивную школу и с тех пор обрел громкий титул «профессора атлетики».

Звезда дяди Вани зажглась, когда ему минуло двадцать пять лет. В 1905 году в петербургском летнем саду «Фарс» он появился в качестве антрепренера и арбитра чемпионата борьбы. Бывший студент был облачен в русскую поддевку, сапоги и картуз, что произвело на публику, привыкшую к фракам, впечатление неотразимое. А когда еще дядя Ваня снял картуз и картинно поклонился по-русски на все четыре стороны, восторгам не было предела.

— Парад, алле!

Под звуки «Марша гладиаторов», прогибая помост, выходили многопудовые борцы. Зычный баритон дяди Вани колотился в барабанные перепонки. Он представлял по одному «вожжских богатырей», «русских силачей-самородков», «великанов-сибиряков», «чемпионов мира и его окрестностей».

— Парад, ретур!

Начиналась борьба, живо и остроумно комментируемая Лебедевым. Под дядю Ваню стали работать арбитры цирковой борьбы во всех городах России, где она проводилась. Перенимался и его режиссерский почерк.

У всякого борца было свое амплуа.

Ни один чемпионат не обходился без борцов из Африки и других экзотических краев. Знамениты были Мурзук, Англио, Али-Абдала... За неимением таковых перекрашивали заведомых русачков. Хозяин многих чемпионатов Лурих однажды уговорил борца Осипова выкраситься в коричневый цвет и выдавал его за «вожжского индейского племени». Перед борьбой Осипов испускал воинственный клич индейцев. Публика, любившаяся великаном, жестоко разочаровалась бы, если бы услышала, как в уборной он после схватки обращался к товарищам:

— Ну и упреп я, братцы, нынче. Ужаси!

Едва не разразился скандал, так как «индейцем» заинтересовались ученые.

Были «звери», борцы косматого вида и дурного характера, нарушавшие непрерывно правила и возбуждавшие публику дикими выходками.

Были «благородные красавцы», снискавшие симпатии публики джентльменскими манерами и справедливостью. В конце чемпионата они непременно укладывали на лопатки «зверей», рвавшихся всеми правдами и неправдами к финалу.

Были «апостолы», статные и дородные борцы, но при своей массивности силой не отличавшиеся.

Были борцы-комики, устраивавшие пародийные схватки, во время которых публика задыхалась от смеха.

Были «яшки», обреченные на поражение.

Были борцы, надевавшие красные и черные маски, чтобы заинтриговать публику...

Существовал целый мир цирковой борьбы со своим жаргоном, обычаями, нравами. Ставились великолепные спектакли, в которых обыгрывались и жадность, и зависть, и благородство, и горе — все человеческие чувства, способные тронуть за живое.

И были чемпионы Поддубный, Заикин, Вахтуров, Збышко-Цыганевич, Шемякин, Кащеев... Они с удовольствием принимали участие в инсценированных «сражениях», но по доброй воле ложиться на лопатки соглашались очень редко.

На международном жаргоне борцов было два понятия: «шике» и «бур».

«Шике» — это борьба на публику, схватка живая, интересная. В ней приемы и контрприемы следуют чередой. Применяются всякие рискованные и эффектные трюки, которым нет места в серьезной борьбе.

«Бур» — это зрелище жестокое и порой отвратительное. В буровых схватках чемпионы выясняли, кто же из них сильнее. Шла борьба самолюбий, шла борьба за престиж, за право получать большие деньги... Тут уж было не до эффектов, борцы использовали всякую оплошность противника, пускали в ход всю свою чудовищную силу, и нередко схватка кончалась даже увечьем.

Чемпионы берегли свои лопатки. Всякое поражение отодвигало их на вторые роли. Поэтому так редко встречались друг с другом лучшие борцы, и всякая их схватка становилась большим событием. Были случаи, когда вопрос престижа решался в пустом цирке, только в присутствии арбитров и самих борцов.

Иван Максимович Поддубный был великолепен в «шике», а в буровой борьбе считался непобедимым.

Дореволюционная газета «К спорту» писала:

«Мнения всех более или менее выдающихся борцов сводятся всегда и без исключения к тому общему положению, что борца, равного Поддубному, нет. Таково, например, мнение Збышко-Цыганевича».

По возвращении из-за границы в 1906 году Иван Максимович побеждает всех на чемпионате в цирке Чинизелли. Кумиром публики на проходившем одновременно чемпионате в саду «Неметти» был австро-венгерский чемпион поляк Станислав Збышко-Цыганевич.

Петербургские любители борьбы разрывались между чемпионатами, лихорадочно обсуждая достоинства Поддубного и Збышко.

— Наш Поддубный... Какая грудь!

— Но Збышко моложе на двенадцать лет. У него бицепс 52 сантиметра.

Поддубного раззадорили. После чемпионата он послал вызов Збышко. Тот вызов принял и, мало того, поставил 500 рублей, если Поддубный его победит, и 200, если продержится против него, Збышки, в течение часа.

Борьба состоялась в саду «Неметти». На ковре соперники вели себя осторожно. Ходили друг возле друга, щедро оделяя противника толчками и затрещинами. На 27-й минуте Поддубный сорвал Збышко на ковер. Публика встала и завопила. Но тот вскочил как мяч. Очень сильный, Збышко всякий раз уходил из объятий Поддубного. На 47-й минуте Поддубный обхватил противника сбоку, но тут же был брошен через плечо...

И снова борцы в стойке. Прошел час. Поддубный выиграл двести рублей.

Второй вечер был решающим. На 37-й минуте Иван Максимович оказался в «партере». Потом он бросает Збышко через бедро. За несколько минут до конца схватки Поддубный обхватывает противника, берет «на передний пояс». Збышко, вырываясь, пятится. Тогда Иван Максимович, поднатужившись, отрывает его от земли и бросает на... судейский стол, который трещит и разваливается. Збышко на лопатках, но вне ковра. Ничья.

Через год они снова встретились в Лондоне. Поддубный внес в банк пять тысяч франков, которые должны были достаться любому, кто победит его. Вызов принял Збышко. Председателем жюри был эстонец Георг Гаккеншмидт, навсегда поселившийся в Англии. Когда Поддубный сбил Збышко в «партер», Гаккеншмидт велел борцам подняться, обвинив Ивана Максимовича в том, что тот применил запрещенную подножку. За неповиновение жюри Поддубного дисквалифицировали и признали побежденным. По его уверениям, Гаккеншмидтом руководило

дружеское чувство к Збышко и стремление к саморекламе... За давностью лет установить истину трудно.

Поддубный всегда очень уважал Збышко.

— У него спина круглая, никак не положишь, — говорил он.

Были и другие богатыри, которые выстаивали против «батьки». Не везло с ним Ивану Заикину, непобедимому и грозному. Одна из схваток кончилась для волжанина весьма печально. Иван Максимович бросил его на ковер с такой силой, что из плеча гиганта стала хлестать кровь — порвались мышцы, был разбит сустав и повреждены связки.

Своего ученика Вахтурова Иван Максимович побеждал только по очкам.

Своей парижской победой Иван Поддубный проложил дорогу русским борцам на европейские чемпионаты, откуда они привозили призы и звания, закрепляя славу русского профессионального спорта.

Да и сам Иван Максимович не почил на лаврах. В том же 1906 году он выехал в Бухарест и победил всех на тамошнем чемпионате. В ноябре он уже в Париже и снова оспаривает мировое первенство. В финале Поддубный встречается с немцем Эберле, которого называли «ярким олицетворением лучших физических достоинств своей нации».

Поддубный наблюдал за Эберле. Ощущения превосходства над немцем у него не было. Ни сложением, ни реакцией, ни стремлением к победе — ничем не уступал Эберле русскому борцу. Схватка их продолжалась больше часа. Победили опыт, тактическое умение Ивана Максимовича. Измотав немца, он прижал его лопатками к коврику.

В Милане он снова побеждает Педерсена. Затем Поддубный борется в Лондоне, Брюсселе, Амстердаме, Аахене. Опять Петербург — цирк Чинизелли, Москва — «сад Щукина», ныне «Эрмитаж». Взяв с собой Николая Вахтурова, Поддубный едет в Вену, где в финале побеждает Зигфрида. Вахтуров, не обладавший хладнокровием Ивана Максимовича, призового места не занял. Но с благословения учителя он тотчас принял участие в соревнованиях в немецком городе Герлице и вышел там на первое место.

В конце 1907 года в Париже Иван Поддубный снова становится чемпионом мира. Вахтуров старается изо всех сил, но остается за флагом. Одна из его схваток в Париже окончилась трагически. Вахтуров победил турка Гамиды, но тот заявил протест и потребовал немедленного реванша. Поддубный посоветовал Вахтурову согласиться. Но турок задумал недоброе. Обозленный, он незаметно подвел Вахтурова к краю сцены и толкнул в оркестровую яму. Просто чудом русский борец удержался на краю, а в яму полетел турок. Через некоторое время он скончался от повреждений грудной клетки...

В феврале 1908 года Поддубный принял участие в чемпионате, организованном в Берлине через подставное лицо чемпионом Германии Якобом Кохом. Боролись сильные атлеты: Педерсен, Зигфрид, Пенгаль... Кох претендовал на первое место, но боялся Поддубного и потому предложил ему сделку — 2 тысячи марок за проигрыш в финале. Иван Максимович согласился, но на сцене «Винтергартена» аккуратно положил Коха на обе лопатки. Прodelка его обнародовалась, и немец стал притчей во языцех...

Победы, победы, победы... В калейдоскопе городов, стран, имен побежденных вырисовывалось нечто совершенно грандиозное. Имя Поддубного не сходило со страниц европейских газет. Журналисты придумали для него доселе неслыханный титул — «чемпион чемпионов». О борцах, которые хотя бы раз победили на одном из парижских чемпионатов, впоследствии их соотечественниками были написаны десятки монографий. Поддубному в этом отношении повезло меньше, хотя чемпионом мира он становится пять раз подряд. Была какая-то историческая несправедливость и в том, что русская печать говорила о Поддубном все глуше, по мере того как ширилась его народная слава.

Когда начался парижский чемпионат 1908 года, в России с удивлением прочли телеграмму из-за границы:

«В спортивных кругах вызвало большой переполох известие из Парижа о поражении... Поддубного. Сообщают, что он два часа возился с русским борцом Кашеевым и отказался от схватки. Ему зачислили поражение...»

Вскоре, однако, последовало опровержение. В шестичасовой схватке «чемпион чемпионов» победил Кашеева.

Этот чемпионат стал триумфом русских борцов. В Париж выехали Иван Поддубный, Иван Заикин, Григорий Кашеев.

Парижане ходили смотреть на Кашеева как на чудо. Рост у него был 218 сантиметров, сила — невероятная. Антрепренеры нашли его в Вятской губернии. Борьбе его по-настоящему научил Заикин. Только он да Поддубный справлялись в России с этим великаном.

Кашеев поглядывал на иностранных чемпионов как-то не очень уверенно. Тут были венгр Чае Янош, турок Пенгаль, француз Эмаль де ля Кальметт, итальянцы Джiovанни и Эмилио Райчевичи, японец Оно Окитаро, немец Оскар Шнейдер...

Иван Максимович хлопнул Кашеева по спине.

— Не журишь, Гриша. Русские прусских всегда бивали...

И если к победам Поддубного уже привыкли, то успех Заикина, проигравшего только Ивану Максимовичу, произвел ошеломляющее впечатление.

«Мягкой походкой крадущегося барса выходит русо-волосый, с подкрученными вверх усами Иван Заикин. Мускулатура геркулеса фарнезского».

Против него — итальянский чемпион Джiovанни Райчевич. Заикин положил его за пять минут. Разъяренные итальянцы, которых было много в тот день в «Казино де Пари», бросились на сцену, чтобы расправиться с победителем. Григорий Кашеев выломал из стоящей за кулисами декорации саженое бревно и, размахивая им, бросился наперерез итальянцам. Страсти были великие. Эмилио Райчевич, тоже побежденный Заикиным, стрелял в него...

Тридцать дней чемпионата закончились победой Поддубного. Второе место занял Заикин, третье — Кальметт, четвертое — Кашеев.

«В снежных просторах России, — писала парижская пресса, — рождаются великие спортсмены. Они обладают великолепной техникой и темпераментом. Европейским атлетам следует поучиться у таких борцов, как Поддубный и Заикин».

В 1909 году Иван Максимович подтвердил свое звание, победив в финале франкфуртского чемпионата немца Вебера.

Ивану Максимовичу было уже около сорока, когда он женился. Надоела ему кочевая жизнь и жульничество антрепренеров. Претила победа коммерческого духа над спортивными принципами. Исподволь он присматривал и

приобретал землю в родных селах Красёновке и Богодуховке. И не у кого-нибудь, а у помещика Абеля, на которого работал в юные годы, купил он 120 черноземных десятин.

В 1910 году Иван Максимович попрощался в Одессе с Заикиным и Куприным, которые там прогремели на всю Россию своими полетами на воздушном шаре и аэроплане, сделал предложение ветреной красавице Нине Николаевне Квитко-Фоменко и уехал с ней на родную Полтавщину. В Богодуховке у них выросла усадьба — два дома да сад в тридцать десятин.

— Выборол, с потом выборол, — мог он сказать словами Заикина, который тоже, думая о будущем, приобрел имение в Симбирской губернии.

Ушел с ковра Иван Поддубный. Затих. Цирковая публика придумывала сказки, будто он ходит биться на кулачки с целой деревней, будто он толкнул плечом хату и повалил... Враки! Степенно жил Иван Максимович, разъезжал в щегольской коляске, хозяйствовал... Недаром он был прижимист, копил деньги. Выписал из Австрии механика и построил вальцовую мельницу в Богодуховке. В Оржице тоже, а управляющим на ней поставил брата Митрофана. Хотел разбогатеть. Изредка вспоминал Европу, шумиху вокруг себя и доставал ящик с золотыми медалями и значками — два пуда золота. Надевал широкую, расшитую золотом ленту «чемпиона чемпионов», полученную за последние победы в Париже, и шумно вздыхал...

Отца с матерью, Митрофана, всех родственников Иван Максимович одарил землей. Правда, отец Максим Иванович вскоре помер от аппендицита, в 1912 году. И опять в городе что придумали? Будто возвращался он с ярмарки выпивши, гикнул на коней, те понесли и выкинули богатыря грудью на корягу. А он еще встал и погнался за лошадьми. Оттого будто бы и скончался. На могиле у церкви сын поставил Максиму Ивановичу мраморный памятник.

После похорон Иван Максимович стал подводить итог своей хозяйственной деятельности. Не сбывшись его надежды никак. Митрофан в Оржице запынствовал. Большое хозяйство съело борцовские накопления. Преувеличил свои способности Иван Максимович, не мог углядеть за всем. Конкуренты Зархи и Рабинович тоже поставили мельницу и обставляли его во всем. Им легко — считай,

каждый второй в округе им задолжал, как на ту мельницу не поедешь? Иван Максимович отправился в Оржицу наводить порядок, крепко побил Митрофана за пьянство, а тот со зла мельницу спалил.

Не получился из Поддубного сельский кашталист. Продал он имение тем же Зархи и Рабиновичу, расплатился с долгами и в 1913 году вернулся на ковер.

Публика встретила Поддубного восторженно, и снова началась кочевая жизнь — с чемпионата на чемпионат, с чемпионата на чемпионат...

Время было тревожное, надвигалась война. За границу больше Поддубный не ездил, зато до революции успел снова исколесить всю Россию. Все чаще пятидесятилетний богатырь сводил вничью схватки с более молодыми и набравшимися опыта борцами.

В Краснодаре вспоминают, как у него был взят билет на поезд, а еще предстояла схватка с борцом Стерсом. Почитатели волновались, что он не успеет.

— Ну, раз Ванечка сказал, значит успеет, — успокаивала их Нина Николаевна, путешествовавшая вместе с Поддубным.

«Ванечка» положил Стерса за шесть минут.

— Бачили, хлопцы? От так я колысь и боролся.

Нелегко давались Ивану Максимовичу даже такие немногословные признания...

Революция, а потом гражданская война были для Поддубного событиями чрезвычайно сложными. Иван Максимович продолжал бороться в цирках различных городов, которые то освобождались красными, то захватывались белыми, то подвергались налету зеленым... Тяга к зрелищам не иссякала и в те беспокойные и голодные времена, доставляя борцам средства на пропитание. И хотя Иван Максимович не пил спиртного и ел мало мяса, предпочитая ему «бурячок та морковку», насытить громадное тело было совсем не просто.

Теперь Поддубный часто выступал и один, показывая красноармейцам и трудовому люду упражнения с гириями, и поднимая на плечах по десятку человек. Местные советские власти выдавали ему усиленные пайки. Поддубному было легче, чем другим. Его имя знал каждый, при его появлении лица русских людей освещались улыбками.

В 1919 году во время гастролей Поддубного в Бердянске на город совершила налет махновская банда. Арестовав местных коммунистов и наложив на город «контрибуцию» в 25 миллионов рублей, Нестор Махно, Левка Задов, председатель Гуляй-Польского «совета» Коган, главный «теоретик» анархистов Эйхенбаум-Волин явились вечером в цирк. Их сопровождала толпа вооруженного до зубов отребья. Махно потребовал, чтобы Поддубный поборолся с толстомордым верзилкой Грицко, славившимся у бандитов своей силой. Иван Максимович не изменил своему правилу и тотчас шмякнул Грицко на ковер. У бандитов вытянулись от досады лица, но стреляли они, к счастью, не в Поддубного, в потолок... Ему сошло с рук даже избивание пьяных офицеров, которые пристали к нему и угрожали пистолетами в Керчи в те дни, когда белая армия уже агонизировала и разлагалась...

В 1920 году Иван Максимович не боролся. Настигла его в Одессе злая весть о том, что Нина Николаевна, оставшаяся в Золотоноше, ушла к другому. А уж как он ее любил, как носился с ней — «Нина-красавица, весь свет затмила». Мало ушла — прихватила с собой большую часть золотых медалей, что получил Иван Максимович за свои победы. Судьба обошлась с Ниной Николаевной лихо, ее новые связи не были крепкими, прожилась она вконец, бедствовала... Потом она писала Ивану Максимовичу: «На коленях пройду весь путь к тебе, Ванечка». Он не отвечал ей, а сестре в Золотоношу сообщил: «Я напишу ответ, когда буду сильно злой». А ты знаешь, что я никогда не бываю сильно злой». Тогда же, в Одессе, узнав об измене жены, Иван Максимович заболел и едва не умер — не ел, не пил, не разговаривал. никого не узнавал...

Еще не кончилась гражданская война, а в Москве и Петрограде уже создавался советский цирк, прославленный ныне на всех континентах. Но не все шло гладко после национализации. Дали себя знать левацкие загибы. Некий Дон Форе, связанный с Пролеткультом, писал в статье «Грядущий цирк»: «Революционные эпохи не знают нюансов... наша эпоха бесстрашная из бесстрашных, театр великих страстей и театр беззаботной радости, театр сказочного зрелища. Все, что между ними, должно быть уничтожено». Предполагалось, что «героическими персонажами будут уже не отдельные актеры, но массы». Постепенно в зданиях цирков митинги уступили ме-

сто представлений. Во 2-м Государственном цирке (б. Никитиных) шло представление «Чемпионат всемирной классовой борьбы», текст которого написал В. Маяковский.

Смотрите все, кто падки, —
Лазаренко в роли дяди Вани
любого борца положит на лопатки,
конечно, ежели он на диване.

Клоун Виталий Лазаренко в сапогах и поддевке арбитра дяди Вани Лебедева представлял борцов: чемпиона Антанты Ллойд-Джорджа, чемпиона США Вильсона, чемпиона Крыма Врангеля и т. д. Капиталисты боролись за «прибыли от капиталистической бойни». Но вот арбитр объявил:

Революция —
чемпион мира.
Последний выход.

«Революция» боролась с «Антантой», перебрасывала ее через себя приемом «тур де тет». Но положить «Антанту» на обе лопатки у нее не хватало сил. И тогда арбитр декламировал:

Не может побороть
ни эта сторона, ни та.
Перемирие.
Тьфу!
Перерыв на десять минут.

Все, кто хочет,
чтоб
красные победили через десять минут,
пусть идут по домам.
А завтра на фронт добровольцами —
и Врангелю шею намнут...

Красочная церемония борцовских чемпионатов и стихи Маяковского были поставлены на службу революции. «Управление цирками в свое время, в эпоху военного коммунизма, приложило большие усилия, чтобы сдвинуть цирк и приблизить его к запросам нашей эпохи», — писал А. В. Луначарский.

Но жизнь входила в мирную колею, стали проводиться настоящие борцовские чемпионаты, и в 1922 году Иван Поддубный был приглашен в Московский, а потом в Петроградский госцирки. В угоду «сытому неповскому зрителю» возродились все прежние трюки на чемпионатах. Появились маски, но теперь они назывались в духе вре-

мени: маска «Металлист», маска «Инженер»... Борец Чуфистов боролся с быком, дядя Ваня (Лебедев) руками удерживал на месте автомобиль с пассажирами. Газеты писали: «...Дикая, перенесенная в наше время из средневековья борьба, бой гладиаторов и бокс — кому это нужно?»

Чемпионаты отдали под контроль физкультурных организаций. Иван Максимович был рад этому новшеству. К мнениям его прислушивались, имя его с уважением упоминали в газетах, журналах, книгах. Почитатели Поддубного просили его выступить с воспоминаниями. В одном из писем, сохранившихся в архиве Поддубного, говорилось:

«Русское общество, в частности же спортивные круги его, вправе ожидать от Вас выступления на арене общественной жизни России, выступления, которое явилось бы достойным завершением Вашего многолетнего победного шествия по цирковой арене и на аренах разных спортивных обществ и организаций во славу русского народа... и его исторической мощи».

Раз уж речь зашла о мемуарах, «достойно завершающих» жизненный путь, то, значит, наступил закат... Не слышно уже о многих друзьях-соперниках. Вахтуров погиб в автомобильной катастрофе. Лурих и Аберг скончались от тифа, Заикин где-то за границей... Но Иван Максимович старости не чувствовал.

Заночевав как-то у молодого ростовского борца Ивана Романовича Машопина, он познакомился с его матерью-вдовой, полной маленькой хлопотуньей Марьей Семеновной, и сделал ей предложение. На обзаведение хозяйством молодоженам нужны были деньги, и потому Иван Максимович принял приглашение поехать на гастроли в Германию.

— Приезжаю, встречают с опаской, выкладывают условия. Тех вот положить, а под такого-то лечь. Я им говорю: вы что — Поддубного забыли? Кто положит — под того и лягу. А они отвечают, ну, дело ваше, не согласны, так и бороться не будете. Я в другой цирк. Потом в другой город, в третий. Всюду одно и то же. У них трест. Борцы борются, а хозяева расписывают, кто кого должен положить, — вспоминал Иван Максимович.

Так мытарился он целый год, пока не подписал контракта с чикагским антрепренером Джеком Пфедером и не сел 20 ноября 1925 года в Гамбурге на пароход «Дейч-

ланд», отплывавший в Америку. Поддубный не строил никаких иллюзий насчет этого турне, хотя у него и не было такого советчика, как Куприн, который писал своему другу Ивану Заикину, поехавшему в США в том же году:

«Ты не напрасно боишься Америки. Это страна жулья. Антрепренер выжмет из человека все соки и выбросит. Но зато там если понравишься — только знай собирай доллары, как бабки, а у тебя этот дар — нравиться — есть в очень высокой степени, да и изобретателен ты на рекламу. Умные люди подписывают с американцами очень точные и жесткие контракты».

Такой контракт лежал у Поддубного в кармане, газетных репортеров он сразу же удивил своим внушительным видом и чугунной «тросточкой», весившей больше пуда. Антрепренера расстроил возраст Ивана Максимовича. По американским законам атлеты старше тридцати восьми лет могли выступать только с разрешения специальной врачебной комиссии. Поддубному было пятьдесят четыре. Но и это обернулось удачей. Комиссия освидетельствовала Ивана Максимовича и установила, что по здоровью и прочим статьям ему не дашь больше сорока лет. Вот это была реклама! Падкие на сенсации американцы с нетерпением ожидали выступлений Поддубного, которого газеты уже окрестили «Иваном Грозным».

В США классическая борьба была не в почете. Пришлось учиться вольной борьбе, почти не стесненной правилами. Чем жестче и свирепей схватка, тем больше успеха она имеет у американских зрителей.

Иван Максимович боролся на совесть. Летят на ковер и впечатываются в него лопатками известные борцы Колоф, Гешто, Тормаши, Фогель, Тафсалпос, Томпсон. Сорок четыре секунды потребовалось Ивану Максимовичу, чтобы бросить Владислава Збышко-Цыганевича, со старшим братом которого, Станиславом, когда-то мерился силами русский гигант. Владек Збышко, победив Заикина и Зигфрида, рвался к мировой борцовской короне, и это поражение было для него трагедией.

Поддубный победно шествует по всей Америке. Чикаго, Кливленд, Филадельфия, Лос-Анджелес, Сан-Франциско... Он завоевывает право бороться с чемпионом мира по вольной борьбе Джо Стекером, спокойным человеком с невероятно сильными ногами. Вырваться из «небраскских ножниц», разжать ноги Стекера, обхватывавшие тело

противника и сковывавшие его движения, не мог почти никто из борцов. Поддубный проиграл Стекеру по очкам. Ликование американцев было похоже на национальный праздник.

В феврале 1927 года Поддубный выехал на родину. Его уговаривали остаться в США насовсем, шантажировали, задерживали выплату денег... Но Поддубный был готов отказаться даже от целого состояния, которое причиталось ему за американское турне. Он тосковал по дому, писал в письмах, что хочется ему отведать черной редьки, которой тут не сыщешь. «И сирень здешняя совсем не пахнет».

Но больше всего не полюбились ему американские нравы. Он потом часто вспоминал о жестокосердии американцев, о торгашеском духе, пропитавшем все их существование. Вспоминал драки во время матчей, «страшный вой», летящие на ринг трости и бутылки, издевательства над побежденными. Русская публика, говорил он, «культурно встречает противников и добродушно смотрит на спорт». Она, притаившись, ожидает результата в острые моменты и награждает победителя аплодисментами только в том случае, если он сражался справедливо. «А у американской публики получается наоборот в тех случаях, когда один из противников попадает в острое положение, а другой не в силах его скоро положить, то есть дожать... Эти джентльмены, прекрасно одетые, в хороших шляпах, цилиндрах, с пенсне на глазах, при моноклях, встают на ноги и с ярким темпераментом орут дикими голосами так, что у некоторых даже со рта появляется слюна: «Скорей! Скорей! Дожимай! Делай ключ! Ломай руку!»...»

Родина встретила замечательного патриота торжественно.

Мария Семеновна приехала встречать мужа в Ленинград. Когда пришел пароход из Штеттина, грянул оркестр. Посмотрела Мария Семеновна на своего мужа-богатыря, на великое множество людей, собравшихся на пристани, и, по ее словам, ужаснулась. За кого же она вышла замуж? А ведь когда он ухаживал, она еще раздумывала, ломалась, соседкам говорила: «Не пойду я за это чучело с усами».

Иван Максимович стоял рядом с ней гора горой и улыбался от счастья...

В честь Поддубного на стадионе имени Ленина был устроен спортивный праздник. «Красная газета» писала: «...Уже в 4 часа на стадион нельзя было пройти. На Петровском проспекте все деревья густо облеплены везде успевающими мальчишками. В чествовании Поддубного по случаю его 30-летнего юбилея принял участие весь ленинградский профессиональный спортивный мир. Празднование началось выступлением легкоатлетов, заездами велосипедистов и французской борьбой. Наконец долгожданная схватка Поддубного с «русским самородком» Петром Лютовым...»

Когда Иван Максимович вышел на ковер, кто-то из публики крикнул:

— Крепок еще старик, не подкачает!

Лопатки Лютова коснулись ковра на девятой минуте.

«Не подкачал» Поддубный и в свой сорокалетний юбилей.

Да, в 1937 году исполнилось сорок лет неожиданным победам феодосийского грузчика в цирке Бескоровайного, а он все не покидал ковра. Поразительно это спортивное долголетие. Правда, когда Поддубному было уже за шестьдесят, молодые борцы старались не ставить его в неловкое положение, берегли его имя, «увесистое, как жернов», по выражению Александра Мазура, который был тогда профессионалом и выступал в цирковых чемпионатах, значась на афишах Богатыревым.

После возвращения из-за границы Иван Максимович с Марией Семеновной поселились в тихом курортном городке Ейске. Купили дом на углу двух зеленых улиц, одна из которых у самого дома кончалась спуском к тихой воде лимана. У себя в саду Иван Максимович ежедневно тренировался с мячом, штангой и гирями. Отсюда он выезжал во все концы страны с выступлениями. Отсюда он поехал в Москву получать орден Трудового Красного Знамени и диплом о присвоении ему звания заслуженного артиста РСФСР. Сразу же после войны Ивану Максимовичу присвоили и звание заслуженного мастера спорта.

Он и в семьдесят пять лет был бодр, выступал с воспоминаниями, вел обширную переписку, давал советы, чем и как питаться спортсменам, как закалять организм... Люди, видевшие его впервые, смотрели на громадного старика как на чудо — Поддубный принадлежал уже истории.

Его радовали победы, которые одержали на первенстве Европы в 1947 году Белов, Коберидзе, Коткас. Обращаясь к советским борцам и атлетам, Поддубный писал:

«Мои дорогие сыны! Я счастлив видеть свое имя рядом с вашими именами. Вы принесли такие победы нашему родному спорту, какие нам, старикам, и не снились. И я знаю, что это только начало...»

Всю свою жизнь я отдал тому, чтобы поддержать спортивную честь своей Родины, которую я любил и люблю больше всего на свете. Сейчас я уже стар, выступать на манеже не могу, но вижу, какая талантливая молодежь меня заменила. И как ее много! С гордостью и радостью я слежу за вашими победами и говорю себе:

— Можешь быть спокоен, Иван Максимович Дело, которому ты отдал всю жизнь, перешло в надежные руки».

Подписывался он так: «Русский Богатырь Иван Поддубный», считая этот титул скромным. В одном из писем он объяснял, что «богатырь — это русское название сильного человека, но силачей очень много, а чемпионов вообще мало было во всем мире; чемпионство связано с искусством, техникой и т. д.». Снова наивная хитрость — очень уж гордился Иван Максимович своим уникальным титулом «чемпиона чемпионов».

Жить бы и здравствовать Ивану Максимовичу до ста лет, если бы не прискорбный случай — неудачное падение и перелом бедра на семьдесят седьмом году жизни. Постельный режим оказался губительным для человека, который привык к громадным физическим нагрузкам и в своем возрасте проделывал ежедневно упражнения с двухпудовыми гирями.

Но Поддубный не хотел сдаваться. Он лечился травмами. Как только встал на костыли, тотчас принялся вышибать клин клином. Нельзя без громадного уважения читать такие строки из его письма борцу Грекову: «Тренировку делаю на одном костыле и даже с палочкой иногда пробую. Улучшение чувствую, так как при большой нагрузке воспаление прекратилось, стопа перестала опухать. Если я много хожу, получается небольшое воспаление. Я сразу же делаю сидячую ванну, двадцатиградусную, холодную... и этим жару убиваю...»

Но разрушительный процесс был необратим. Стало сдавать сердце. Иван Максимович ослаб и затосковал.

Чтобы убить время, он садился с Марией Семеновной играть в карты, в «шестьдесят шесть».

Старики души не чаяли друг в друге. Вечером 7 августа 1949 года Иван Максимович был весел, рассказывал байки, а на другой день утром ему вдруг стало очень плохо. В шесть часов он скончался от инфаркта.

Поддубный был похоронен в городском парке, ныне носящем его имя. В те дни в Ейск прилетели Климентий Буль, Александр Мазур, Арсен Мекокишвили... На черном камне надгробья было высечено: «Здесь русский богатырь лежит».

Местный поэт сочинил стихи, запечатленные на камне. Они кончаются такими словами:

Пройдут года... Не увядая,
В сердцах он наших будет жить!
Себе соперников не зная,
Лишь смерть не мог он победить.

Иван Максимович Поддубный пережил несколько поколений русских людей, на долю которых выпало невероятно много суровых испытаний... И с самого начала нашего века до середины его, не поддаваясь никаким превратностям, гремела слава богатыря, наделенного, казалось, неизбывной силой.

А. Котов

ДО ПОСЛЕДНЕГО
ДЫХАНИЯ
(Александр Алехин)

Филипп Ньюмен долго не мог заснуть. Скорее всего сказывалась усталость — ходишь день-деньской из одного дома в другой, от ученика к ученику; но могло это быть и от перемены погоды — после нескольких дождливых дней над океаном теперь повисла полная, чистая луна. Сквозь занавески балконной двери желтые лучи любопытно заглядывали в небольшой гостиничный номер; было холодно — даже под пальто, накинутом поверх одеяла, Ньюмен не мог согреться. «Парк-отель» в далеком Эсториале плохо отапливался зимой — как большинство курортных гостиниц, он не был рассчитан на зимних клиентов. Их совсем немного — случайных обитателей гостиницы; какая-то чета молодоженов, старичок, сам Ньюмен да его сосед — шахматный король Александр Алехин. На этого клиента хозяин отеля да и портье совсем не обращают внимания: кто станет считаться с человеком, живущим из милости, пусть даже он знаменитость.

Уже несколько дней Ньюмен не видел Алехина. Как-то не получалось. «Нужно будет завтра обязательно навестить его, тем более — свободный день». За несколько месяцев Ньюмен успел сдружиться с этим милым, молчаливым русским; каждый вечер приходил тот в номер скрипача, усаживался в уголочке и терпеливо дожидаясь, когда хозяин сыграет ему Рахманинова или Чайковского.

Какой это благодарный слушатель! За окном шумит океан, завывает ветер, тревожно шелестят ветви пальм, а в комнате только двое: бельгийский скрипач и молчаливый русский шахматный король. Никогда Ньюмен не имел такого слушателя. Притихший, неподвижно сидит он в кресле, голова свесилась на грудь, глаза прикрыты, ресницы мокрые. Алехин сверхчувствителен, в нем есть какой-то прирожденный такт, утонченность, особенно проявляющиеся, когда он слушает музыку... Что видится ему, какие картины рисует воображение? Может быть, дом в далекой Москве, мать, родных, близких...

Боже мой, как он слаб! Во взгляде потерянная, полное отсутствие веры в будущее. Хорошо, телеграмма Бот-

винника вселила в него жизнь. «Еду в Москву, — сообщал он при каждом удобном случае. — Какая это будет прекрасная поездка! Двадцать пять лет не был! Все нужно будет осмотреть, посетить знакомые, близкие сердцу места... Потом съезжу в Ленинград, может быть, в Сибирь. Вам трудно себе представить, что такое Сибирь. Леса и морозы, но как там хорошо! Скорее в Москву! Я теперь понимаю Куприна. Вы знаете такого русского писателя? В тридцать седьмом году он возвратился из Парижа в Москву, перед отъездом твердил в нетерпении: «Если поезд не пойдет, по шпалам, пешком доберусь до Москвы!» «Дом, родина... родина... родина», — повторилось в мозгу засыпающего Ньюмена...

Пробудил Ньюмена стук в дверь — официант принес завтрак. Было уже позднее утро. Официант поставил на столик кофе, тарелку с обжаренными хлебцами и кусочком сливочного масла. Ньюмену бросилась в глаза необычная бледность пришедшего.

— Вы больны? — спросил он официанта...

— Н-нет, я здоров, — прошептал португалец, хотя губы его посинели, а поднос в руках дрожал.

— Что случилось?

— Алехин умер...

— Алехин?! — вскочил Ньюмен с кровати. — Когда?!

— Сеньор профессор, это ужасно!.. Я принес ему завтрак... Он сидит за столом... Вчерашний ужин не тронут, хотя салфетку заправил... Мертвый...

Надев халат, Ньюмен бросился в соседний номер.

— Туда нельзя, — встал на его пути полицейский — Ждем судебно-медицинского эксперта из Лиссабона. Нужно установить: естественная это смерть или...? Знаете: всякое возможно... Что?.. В дверь посмотреть можно...

Занавески в номере были задернуты, горел электрический свет. На столе стояли тарелки — нетронутый вчерашний ужин, невдалеке лежала раскрытая книга. В кресле за столом сидел Алехин: рука беспомощно свесилась вниз, красивая голова опустилась на грудь. Сидел он как живой...

— Не правда ли, странная картина, — тихонько произнес полицейский, показывая на шахматную доску, стоящую около стола на подставке для чемоданов. — Ужин и рядом шахматы? Да какие интересные! — Ньюмен не раз забавлялся хитрейшим устройством шахматного ящич-

ка — в нем единым щелчком защелки запирались фигурки в любом положении сразу на всех шестидесяти четырех полях.

— Он что, сам с собой играл? — вновь обратился к скрипачу полицейский.

— Для него шахматы... — начал было объяснять Ньюмен, но остановился. Сможет ли он рассказать, что это такое? Какие подберет слова? Ведь именно эти деревянные фигурки заменили несчастному Алехину многие радости в жизни, именно им были отданы все его помыслы, досуг, с ними связаны самые лучшие минуты. Эти маленькие, теперь неподвижные деревянные фигурки дали владельцу высшие творческие восторги, хотя и принуждали порой переживать минуты глубочайшего отчаяния. Верные слуги, друзья, они долго еще будут славить его имя среди людей грядущих поколений.

Разве в состоянии он был объяснить все это простому полицейскому. И Филипп Ньюмен медленно пошел обратно к себе в номер...

В семье дворянина Александра Алехина и его жены Агнессы — дочери купца Прохорова, 1 ноября 1892 года родился сын Александр. В зажиточной семье дети получили должное воспитание. Сестра Варвара подобно другим девочкам ее круга увлекалась книгами, музыкой и театром, а вот сыновья Алексей и младший Александр каждую свободную минуту проводили за шахматами. Понятно, что первоначально инициатива принадлежала старшему, однако вскоре меньшей стал уверенно обходить Алексея. По существовавшим тогда правилам дети не имели возможности посещать шахматный кружок Москвы, и всю свою шахматную страсть они направили на бесконечные партии по переписке. От кого только не приходили открытки с загадочным обозначением полей шахматной доски!

Сохранилось несколько тетрадей, в которых братья записывали и комментировали сыгранные партии. Долгое время исследователи не могли понять, кому принадлежат партии с инициалом «Т» — «Т. Алехин». Позже сверстники Алехина вспомнили, что за молчаливость и удивительно спокойный характер Александра дома звали «тишайший». Страстную любовь к шахматам Алехин пронес через всю свою жизнь, и уже на первых порах удивляла

серьезность, с которой он к ним относился. Шахматы были для него загадочным искусством, в котором много тайн, много непонятого, они вызывали у мальчика творческое волнение и целиком захватывали его помыслы. Старшие с трудом отрывали Александра от анализа шахматных позиций и отправляли спать; но он вскоре научился обманывать своих воспитателей: прятал доску и фигурки под подушку — много партий мастеров разобрал он в кровати при свете лампы...

В доме Алехиных с детства изучали немецкий и французский языки; впоследствии Александр овладел еще несколькими языками. Закончив гимназию, он поступил в знаменитое Училище правоведения, славившееся снобизмом преподавателей и знатностью учащихся. Достаточно успешно осваивая курс наук, Алехин все же большую часть своего времени отдавал любимым шахматам.

Шахматы давно были популярны в России. Русская интеллигенция уделяла много внимания этой мудрой древней игре, таящей в себе элементы спорта, искусства и науки. О шахматах писали в своих романах русские писатели, им посвящали строки своих поэмов великие поэты. Не раз выходил победителем турниров в парижском кафе «Режанс» И. С. Тургенев, самозабвенно сражался за шахматной доской Л. Н. Толстой.

Большой известностью пользовались крупнейшие русские шахматисты. В начале XIX века А. С. Пушкин с увлечением читал учебник шахматной игры, подаренный ему первым русским шахматным мастером А. Д. Петровым. Внимание русского народа привлекли выступления на турнирах основателя отечественной шахматной школы М. И. Чигорина. Горькое сожаление вызывали неудачные попытки Чигорина завоевать шахматную корону. Мечту о том, чтобы звание сильнейшего шахматиста в мире принадлежало России, лелеяли многие представители русской интеллигенции.

В момент, когда созрел шахматный талант Александра Алехина, в России шахматная жизнь становилась все более оживленной, лучшие шахматисты нашей Родины показывали выдающиеся результаты на международных соревнованиях, хотя никому из них еще не удавалось завоевать звание чемпиона мира. На мировом троне, окрашенном в черно-белые клеточки, восседал тогда житель Берлина — мудрый математик и философ Эммануил Ласкер, умевший глубоко проникнуть в психологию шахмат-

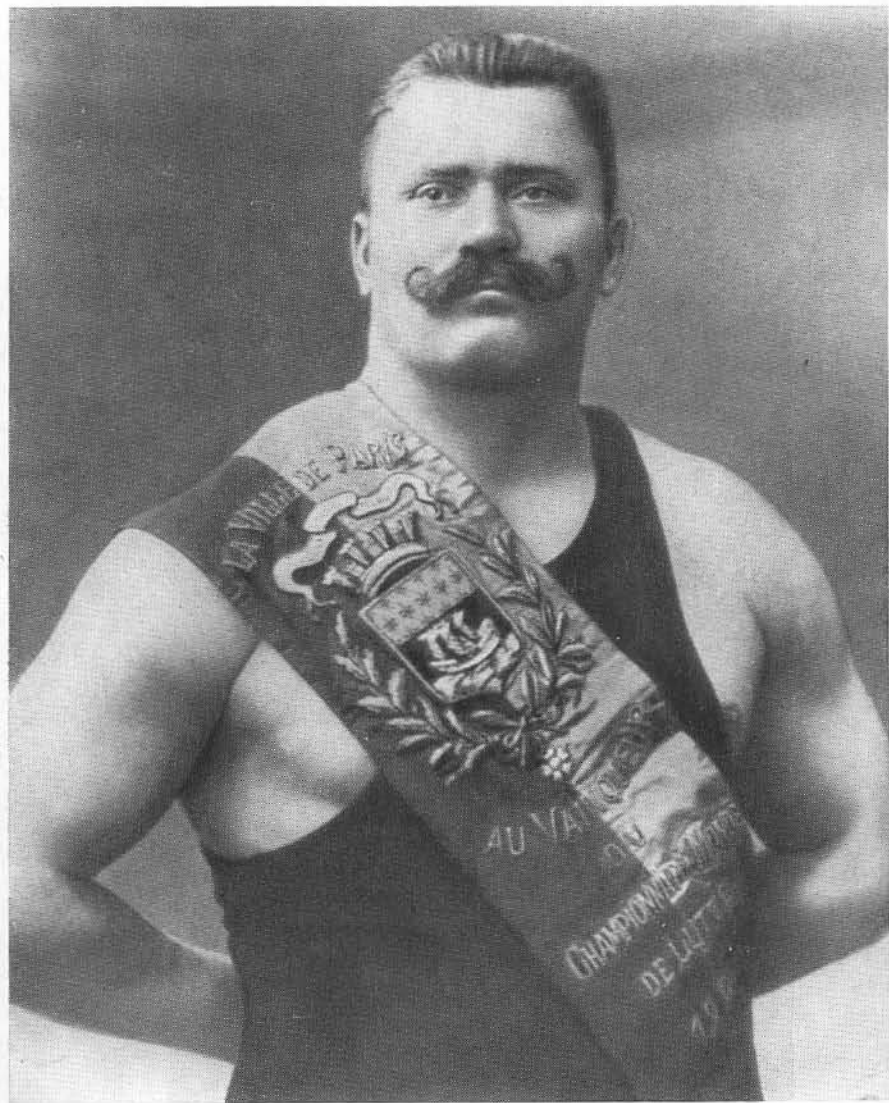
ных поединков. Все попытки отобрать у него высшее шахматное звание терпели неудачу. Шахматный чемпион был непобедим.

Претендентом на мировой престол считался выдающийся теоретик шахмат — гроссмейстер Акиба Рубинштейн, однако, несмотря на его успехи в турнирах, мало у кого «поднималась рука» организовать его матч с великим Ласкером. Вспоминали о недавно умершем гениальном М. И. Чигорине, надеялись, что уже в ближайшие годы появится новый молодой талант, способный утвердить шахматную славу России и на равных сражаться с сильнейшими шахматными корифеями Запада.

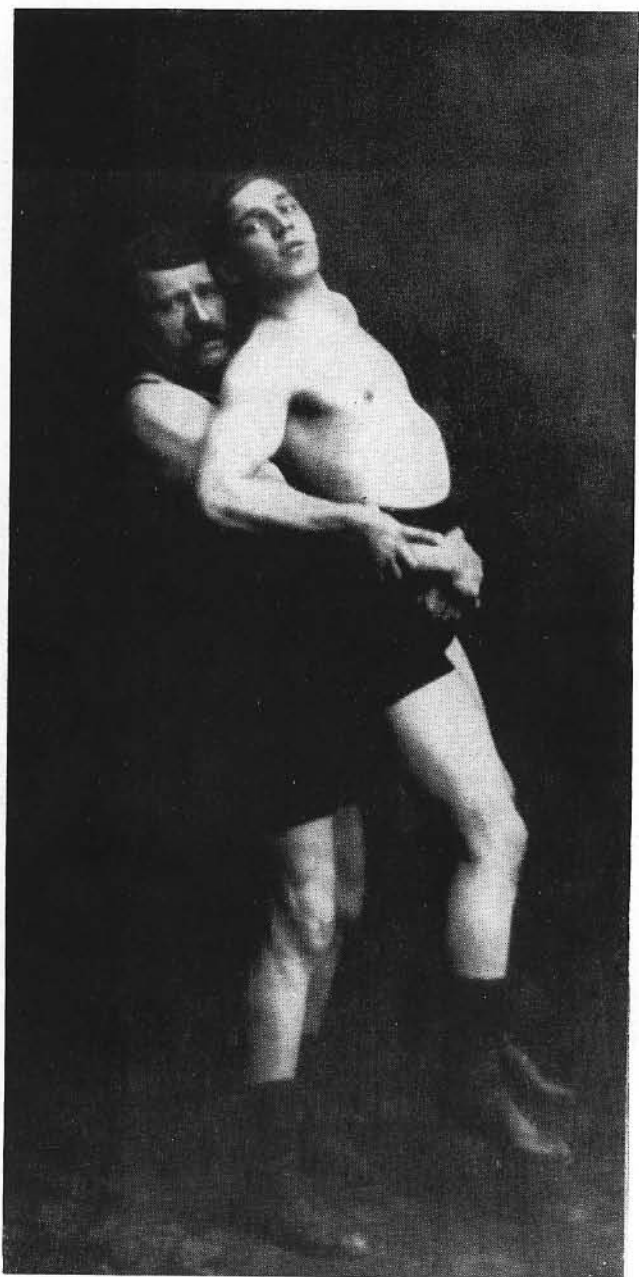
Александр Алехин научился играть в шахматы в возрасте семи лет, однако сообщение о его первых выступлениях в московских турнирах относится лишь к 1908 году. Именно в этом году талантливый юноша завоевывает свой первый приз в официальном шахматном соревновании. Девять предыдущих лет были отданы изучению шахматной теории. Работа эта была значительной и углубленной — она позволила Алехину вскоре же семимильными шагами прийти к высшим шахматным достижениям. Сыграв посредственно в своем втором турнире — международном состязании мастеров в Дюссельдорфе, Алехин в 1909 году занимает первое место во Всероссийском турнире любителей. Произошло первое важное событие на его пути к шахматной славе — получено звание мастера. Уже тогда газеты писали о том, что в России появился очень способный шахматист.

Несколько последующих лет принесли Алехину и успехи и неудачи. Взят первый приз на турнире в Стокгольме, но выступление в Карлсбаде в 1911 году можно расценить только как неудачу. Для решительного утверждения на мировой шахматной арене требовался яркий, впечатляющий взлет. И этого Александр Алехин добивается в знаменитом петербургском международном турнире 1914 года.

Это историческое шахматное соревнование происходило в особой обстановке. После многолетнего безмятежного царствования Эммануила Ласкера впервые появляется опасный претендент на шахматный трон. В столице маленькой Кубы Гаване на рубеже двух столетий появляется удивительный шахматный гений — Хосе-Рауль Капабланка. В возрасте четырех лет, обыграв своего отца, шахматный герой Кубы через десять лет становится чемпионом острова, а к двадцати годам побеждает всех

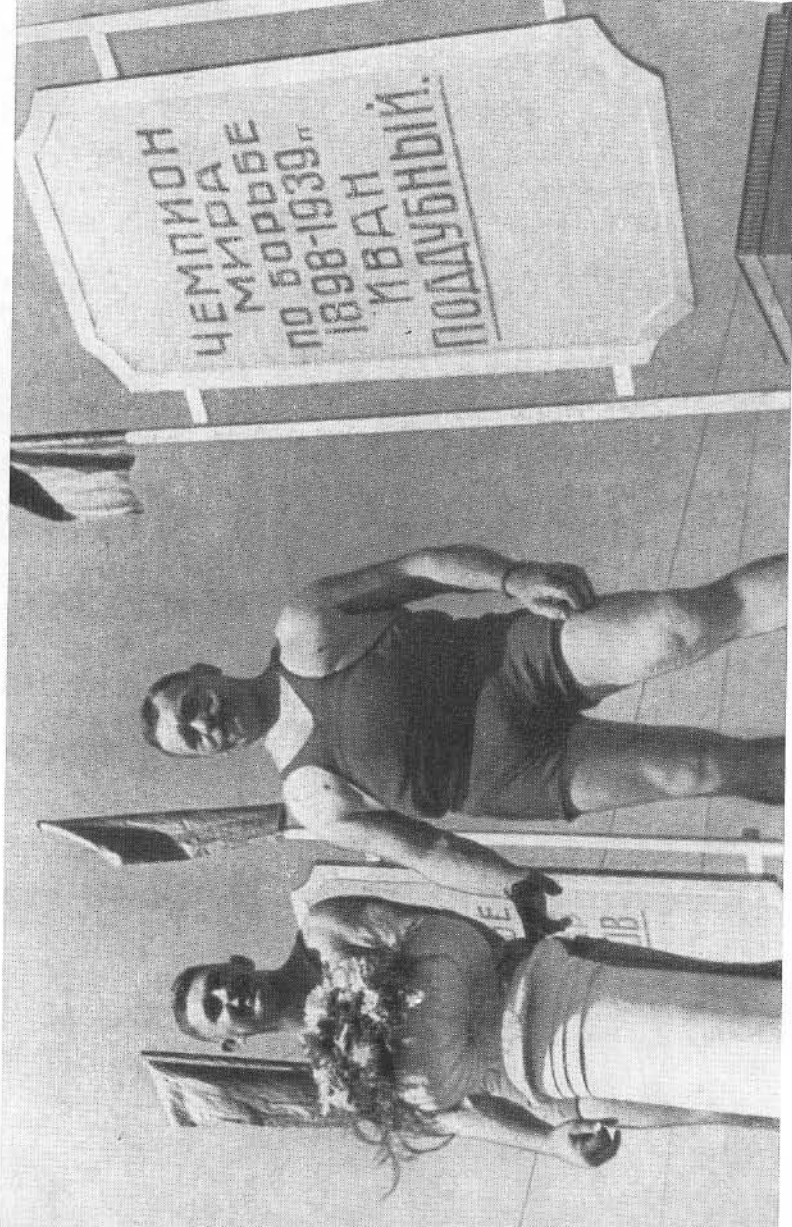
И. Поддубный.

И. Поддубный
на тренировке.

И. Поддубный.

И. Поддубный и А. Сенаторов на физкультурном параде 1939 года.

И. Поддубный беседует со спортсменами.

М. И. Калинин вручает орден И. Поддубному.

А. Алехин за разбором партии.

А. Алехин среди участников шахматного турнира.
Нью-Йорк, 1927 год.

А. Алехин.

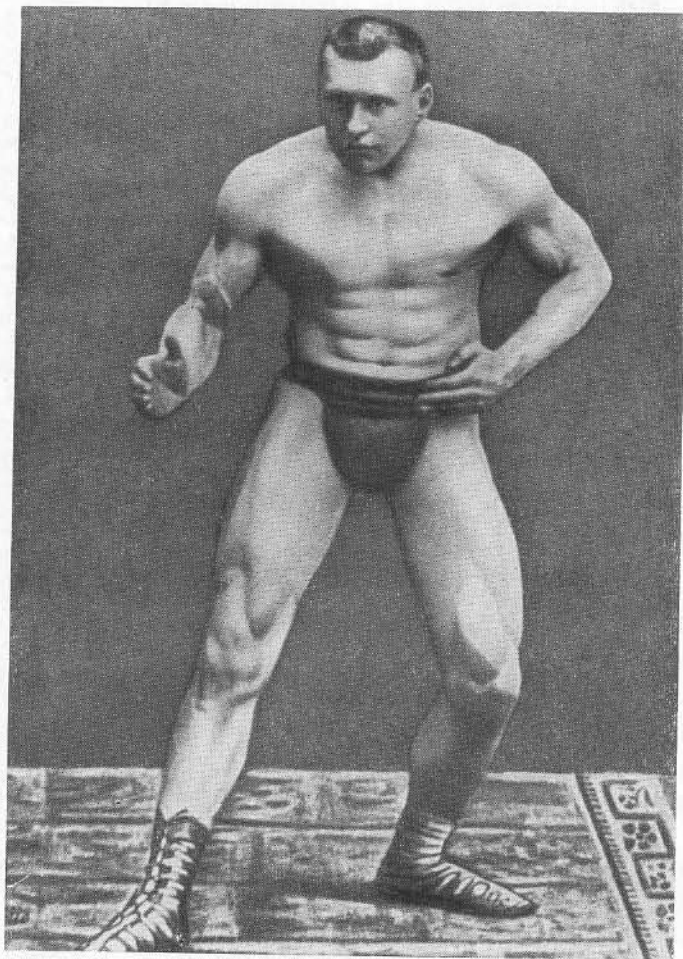

А. Алехин.

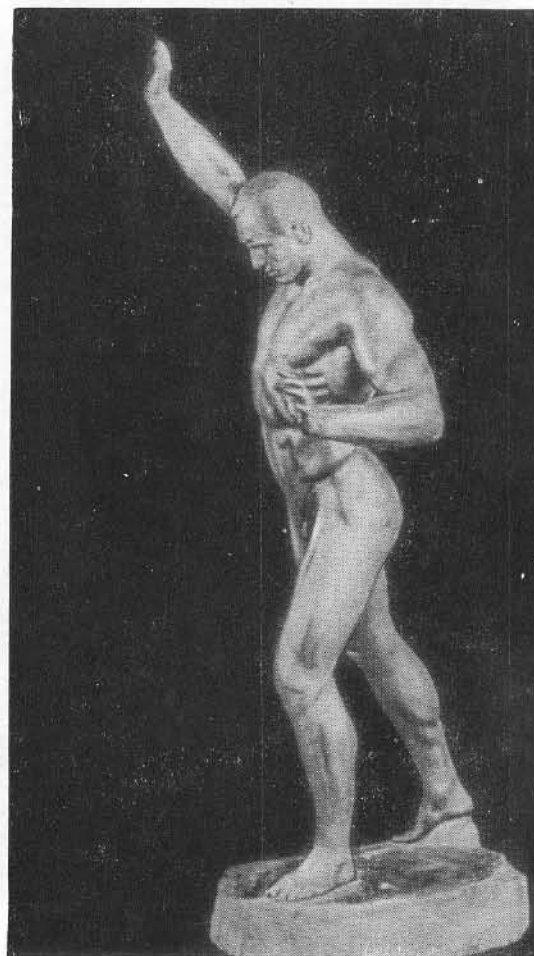

Г. Лурих.

Г. Лурих.

Скульптура А. Адамсона «Чемпион».

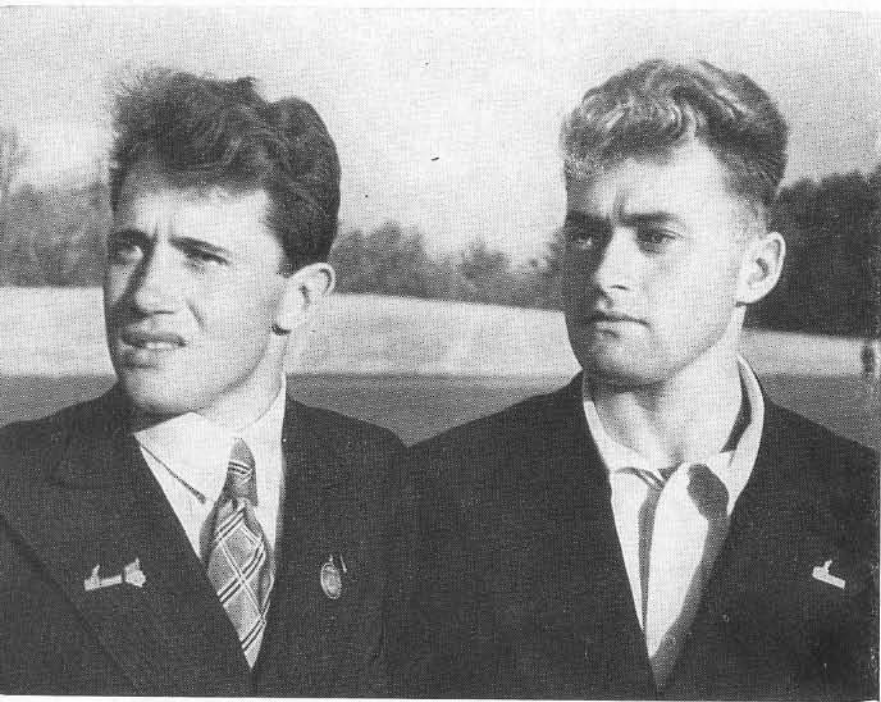

В. Мягков.

В. Мягков.

Георгий (справа) и Серафим Знаменские.

мастеров Американского континента и переплывает океан для того, чтобы повергнуть и сильнейших европейских гроссмейстеров.

— Я категорически протестую против включения Капабланки в турнир, — заявляет организаторам международной битвы в Сан-Себастьяне в 1911 году Осип Бернштейн. — У него нет еще никакого опыта, никаких данных.

Всю жизнь потом сожалел Бернштейн об этом своем скороспелом заявлении. Кубинец с блеском занял в турнире первое место, а партия против самого Бернштейна принесла Капабланке специальный приз «за красоту».

В годы, предшествовавшие первой мировой войне, шла ожесточенная дискуссия о правах Капабланки на матч с чемпионом мира. Многие считали, что матч с Ласкером должен играть Рубинштейн. Именно для выяснения соотношения сил и определения претендента на шахматный престол был организован в 1914 году турнир в Петербурге. Приехавший заранее в Россию Хосе-Рауль буквально покорила всех своей красотой, чарующей быстротой мысли и обаянием. Тесная дружба завязалась у него и с Александром Алехиным: их часто видели вдвоем — они анализировали дебютные варианты, сложнейшие позиции. Через полтора десятка лет Алехин покидал комнату, когда туда входил Капабланка...

Уже тогда Алехин решает готовиться к борьбе за звание чемпиона мира. В разговоре с друзьями он сообщает, что внимательно изучает партии Капабланки, старается определить сильные и слабые стороны его стиля игры.

— Но ведь чемпион мира Эммануил Ласкер! — восклицали удивленные коллеги Алехина.

— Скоро им будет Капабланка, — отвечал Алехин.

Турнир в Петербурге кончился победой Эммануила Ласкера. Отстав на старте, негиббемый, волевой турнирный боец благодаря на редкость энергичному рывку не только сумел догнать лидировавшего Капабланку, но и вырваться вперед. Это была блестящая победа; шахматный мир гордился своим чемпионом, шансы кубинца на организацию решающего сражения с Ласкером значительно уменьшились после этого турнира.

Третьим к финишу пришел Александр Алехин. Титул гроссмейстера, завоеванный им в этом соревновании, расценивался любителями и знатоками как появление на

шахматном небосклоне звезды первой величины. Отныне в борьбе за шахматную корону стали учитывать не только Хосе-Рауля Капабланку, но и Александра Алехина. Кто первый из них добьется права бросить перчатку Ласкеру? — об этом гадали и в Москве, и в Гаване, и в Берлине. Однако в решение этого спорного вопроса вмешались непредвиденные обстоятельства, причем самым безжалостным образом. Для Алехина 1914 годом кончилась безмятежность; началась труднейшая полоса невзгод и скитаний.

Когда разразилась империалистическая война, Алехин находился в немецком городе Мангейме, где играл в турнире. Все русские были немедленно интернированы. С помощью каких-то ухищрений Алехину удастся все же вернуться на родину, но лишь для того, чтобы тут же отправиться добровольцем на фронт. Тяжелая контузия — награждение Георгиевским крестом. Госпиталь в Тарнополье — необычная короткая пауза отдается шахматам: в числе красивейших партий в наследии Алехина одна — против Фельда — была сыграна вслепую в сеансе с пятью шахматистами именно тогда.

Грянула Февральская, затем Октябрьская революция. Выходцу из дворян, мать которого владела акциями Трехгорной мануфактуры в Москве, казалось бы, открывался один путь — немедленно сбежать за границу. Но Алехин в Москве: здесь он сначала учится на киноактера в студии Гардина, затем работает следователем в Московском уголовном розыске. Сейчас в столице нашей Родины, на Петровке, 38 создан музей криминалистики; там есть материалы, посвященные деятельности следователя Алехина. Позже его знание языков было использовано на работе в Коминтерне, которая и привела впоследствии к крутому повороту в судьбе русского шахматиста.

Кино, расследование преступлений, переводческая работа — какое разнообразие интересов, способностей! Но мысли, каждая свободная минута отданы шахматам. Он жадно ловит заграничные шахматные новости, использует каждую возможность для совершенствования, для тренировки.

Время было страшное: разруха, холод, голод. Шахматные энтузиасты собирались вечерами на квартирах — в обязанности хозяек входило обеспечение элементарных условий для жарких многочасовых сражений.

— Когда доходила очередь до меня организовывать шахматный вечер, приходилось немало поломать голову, — рассказывала жена мастера Николая Михайловича Зубарева. — Обычно я пекла лепешки на сахарине, у голодных шахматных бойцов они пользовались большим успехом. Александр Алехин вынимал иногда из кармана карамельку, аккуратно разворачивал ее и пил чай с конфеткой. Чувствовалось страстное желание сохранить мозг для будущих ответственных боев, а мозг требовал сахара...

В 1920 году Александр Федорович Ильин-Женевский, работавший тогда во Всеобуче, добился того, что на места были разосланы телеграммы такого содержания:

«1 октября в Москве состоится шахматный турнир. Приказываю широко оповестить округ о настоящем турнире. Не позднее 15 сентября представить Москву Группировке сведения желающих участвовать турнире. О допущенных к участию будет сообщено телеграфно...»

Вскоре стали приходить ответные телеграммы вроде такой:

«Препровождая при сем заполненный анкетный лист на шахматиста Д. Н. Павлова, — писал военачальник из Чернигова, — сообщаю, что означенный тов. Павлов будет выслан в Москву к 1 октября сего года».

Шестнадцать человек прибыло на этот самый необычный в истории шахмат чемпионат страны. Самоотверженность организаторов, выдержка самих шахматных бойцов поразительны. В каких условиях участникам турнира приходилось жить: жесткие койки в холодных казармах, скудная пища. Что хотите на обед: голову селедки или хвост?

И все-таки закончили турнир! Сыграли много партий, которые и сегодня изучают шахматные любители. Вписали славную страницу в историю шахмат. И наибольший почет победителю этого первого чемпионата Советской страны — гроссмейстеру Александру Алехину. Великолепные партии создал он на этом турнире, чего стоит одно окончание партии против Ильина-Женевского! Красивейший маневр в пешечном эндшпиле с обилием тонкостей и неожиданных ударов.

Этот чемпионат еще раз показал исключительную силу Алехина. Равных ему в те годы в России не было, он был гроссмейстером высочайшего класса. Его талант отшлифовался в творческом общении с такими выдающимися мастерами, как А. И. Нимцович, Г. Я. Левенфиш, П. А. Ро-

мановский. Алехин вырос уже у себя на Родине в непосредственного претендента на шахматный престол...

Его друг Хосе Капабланка после многих безуспешных попыток сумел-таки получить согласие Эммануила Ласкера на матч.

Единоборство двух шахматных гигантов выглядело... уроком французской борьбы в детской школе, когда учитель легко кладет на лопатки не имеющего сил ученика. Жара Гаваны, видимо, действительно ослабила сопротивление Ласкера, хотя и в иных условиях трудно было надеяться на победу 53-летнего ветерана. Новый чемпион мира немедленно был возведен широковещательной американской рекламой в ранг непобедимого чемпиона всех времен.

Шахматный друг Алехина торжествовал, в то время как сам Алехин был лишен не только возможности вызывать на матч нового чемпиона, но и вообще играть в международных турнирах. Время шло, стало тридцать, приблизился критический возраст шахматиста. А пока еще не было не только конкретной договоренности о сражении за шахматную корону, не видно было даже малейшей перспективы на это.

Казалось бы, судьба была неблагоприятна к Александру Алехину, и его надежды, лелеемые с детских лет, стать лучшим шахматистом земного шара терпели крах. Действительно, для организации матча на первенство мира по шахматам претендент должен был внести примерно пятнадцать тысяч долларов. Где мог отыскать их Алехин в голодной России начала 20-х годов?

Страшный фактор времени был также против Алехина, каждый год, каждый месяц промедления уменьшали шансы когда-нибудь вызвать на матч Капабланку.

И здесь судьба приготовила Алехину новый поворот, сыгравший решающую роль не только в его стремлении завоевать шахматную корону, но и в жизни вообще. Встречаясь в коминтерновских кругах со многими иностранцами, Алехин женился на деятельнице социалистической партии Швейцарии Анне-Луизе Рюегг. Молодожены отправились в Швейцарию, Алехину был вручен паспорт на выезд через Себеж в Ригу за подписью наркома иностранных дел Карахана.

Анна-Луиза с головой ушла в партийную жизнь и не захотела сопровождать мужа в его поездках на турнирные битвы. Это привело к взаимному охлаждению и

отчуждению, и вскоре супруги разошлись: скитаясь из города в город, от турнира к турниру, Алехин как-то на вечере у друзей встретил вдову генерала Васильева, урожденную Фабрицкую — женщину спокойную, широко образованную. Вскоре между ними был зарегистрирован брак, и впервые Алехин обрел человека, заботящегося о нем, любящего, создающего условия для работы и отдыха. Именно она в значительной мере помогла Алехину проделать ту гигантскую работу, которая пужна была для единоборства с Капабланкой.

И Анна-Луиза, и Надежда Фабрицкая, и позже Грейс Висхар все они были старше Алехина на десять и более лет. Кто сможет объяснить это необычное постоянство? Лев Любимов в своих воспоминаниях говорит, что на вечерах в Париже Алехин ухаживал только за пожилыми дамами. «Неужели я уже стала такая старая, что за мной начал ухаживать Алехин?!» — удивленно воскликнула некая русская эмигрантка, проведя полчаса в беседе с Алехиным на одном из балов.

Оказавшись за границей, Алехин немедленно послал Капабланке вызов на матч. Однако уже на первых порах претендент столкнулся с естественным нежеланием шахматного короля играть с опаснейшим противником. Кубинец ответил, что существует более ранний вызов Рубинштейна. Пришлось «встать в очередь», которая грозила значительно разрастись, так как Капабланка, явно не стремившийся к встрече с Алехиным, предпочитал вести переговоры с Фрэнком Маршаллом и не прочь был сыграть матч-реванш с Ласкером. Никаких международных организаций, способных повлиять на этот пристрастный выбор, в ту пору не было.

Оставалось «трудом» добиваться права своего, победами в турнирах доказать свою одаренность. И Алехин играет, играет, играет. Только за несколько месяцев 1921 года он выступает в трех международных турнирах в Триберге, Будапеште и Вене и всюду занимает первые места. Казалось бы, скоро мир убедится в необходимости матча Алехина с чемпионом мира, и тогда скупые меценаты вынуждены будут приоткрыть свои кошельки.

Но фортуна любит ставить на пути сильных новые препятствия. В 1922 году в Лондоне организуется круп-

нейший шахматный турнир; только обиженный экс-чемпион Ласкер не приехал на эту битву избранных. Тут-то и представлялась Алехину возможность показать свое превосходство над Капабланкой. Увы, произошло обратное. В глазах преданных, восторженных поклонников Капабланка был подлинным кумиром, он купался в лучах всеобщего признания. Это подстегнуло впечатлительного Хосе-Рауля, и он провел битву в Лондоне с неподражаемым мастерством — ни единого поражения, уверенное лидерство и отличный финиш. Криками восторга встретили любители шахмат триумфальное шествие шахматного короля.

К тому же новый чемпион раздал в Лондоне всем претендующим на престол выработанные им так называемые «лондонские условия». Теперь отобрать шахматную корону у кубинца стало значительно труднее, чем у Ласкера. Огромный финансовый барьер и необычные требования — претендент обязан был выиграть у Капабланки шесть партий. А он за несколько лет не проиграл ни одной!

Было от чего опечалиться Алехину. Но сильный характер не так-то легко сломить. Ежели ты не смог опередить Капабланку в Лондоне, значит ты не так уж хорошо играешь. Во всяком случае, слабее его. Отсюда вывод — необходимо работать. И весь 1923 год Алехин обновляет и совершенствует свой репертуар.

В 1924 году в Нью-Йорке организуется крупнейший международный турнир. Легко было понять, для чего дали деньги американские меценаты: им хотелось, чтобы Хосе-Рауль Капабланка еще раз, как и в Лондоне два года назад, продемонстрировал свое превосходство над современниками. «Гений всех времен!», «Непобедимый шахматный автомат!» — подобные широко разрекламированные прозвища нового чемпиона не оставляли сомнения в его исключительности. Ну а после нового триумфа вряд ли кто осмелится вызывать на матч Капабланку.

Шахматный мир с нетерпением ждал начала интереснейшего сражения. Три кита шахмат встречались на этом состязании избранных. Хосе Капабланка, Александр Алехин и Эммануил Ласкер. 56-летний экс-чемпион ушел, правда, в тень на время, не играл три года в крупных турнирах, но уж никак нельзя было сбрасывать его со счетов.

Интерес к турниру подогревался еще тем, что он яв-

лялся точной копией турнира в Петербурге. Что изменилось за истекшие десять лет? В столице России шахматные гиганты пришли к финишу в таком порядке: Ласкер, Капабланка, Алехин. Как-то расположатся они теперь?

Для Алехина это соревнование было крайне важным.

Необходимо занять первое место — тогда матч с чемпионом мира станет реальностью. Найдутся и деньги, не сможет отказаться от встречи и сам Капабланка. Вот почему с таким напряжением играл Алехин каждую партию.

От Капабланки требовалось еще раз подтвердить свою исключительность, Алехин должен был доказать право на нее, лишь одному Ласкеру ничего не было нужно. Он наслаждался напряженной обстановкой большого турнира, часами разбирал с коллегами только что сыгранную партию. Может быть, именно вследствие этого чисто творческого подхода к игре не имевший никаких серьезных обязательств ни перед самим собой, ни перед общественным мнением старейший участник с каждым туром играл все лучше и лучше. Пять выигрышей, пять ничьих в первой половине турнира сделали Ласкера лидером. Тогда Капабланка развил на финише бешеный темп — восемь с половиной очков набрал он в десяти последних партиях — счет фантастический при таком составе играющих! Но... столько же очков было записано и в турнирную графу Ласкера. Обогнать экс-чемпиона мира Капабланке не удалось. Вновь, как и в Петербурге, к финишу приходят три сильнейших гроссмейстера и в том же порядке: Ласкер, Капабланка, Алехин.

Нью-йоркская битва не только не прояснила положение Алехина, скорее она еще больше его запутала. Теперь на пути к трону встала еще одна фигура, и фигура очень грозная. Экс-чемпион мира, владевший шахматной короной 27 лет, — Эммануил Ласкер не прочь вновь был вернуть себе атрибуты короля шахмат.

— Я охотно сражусь еще раз с Капабланкой, — заявил нью-йоркский победитель после турнира, — но только при одном условии: если шахматный мир захочет и организует такую встречу. Без меня, без моего малейшего участия. Но кто станет этим заниматься...

Выходило, что Ласкер не отказывался от дальнейшей борьбы за шахматную корону — в любой момент мог

найтись меценат, который организовал бы новую битву между стареющим и молодым гроссмейстерами. Что же оставалось делать Алехину? В этот критический момент он принимает очень интересное и ответственное решение, есть все основания полагать, что оно подсказано ему Эммануилом Ласкером, с которым у Алехина всю жизнь были наилучшие отношения.

— В наши дни самое главное — реклама. Надо бить в глаза людей назойливо, без стеснения. Если вам не делают рекламы другие, делайте ее сами... Вы блестящий мастер комбинаций. Соберите все ваши партии, прокомментируйте их. Да поярче, не стесняйтесь, не жалейте красок на самого себя. Нужно, чтобы читателя поразила ваша гениальность, чтобы, прочитав эту книгу, любой убедился: сильнее вас никого нет на свете. Издайте эту книгу, пусть она кричит: «Алехин — гений!» И еще: вы прекрасно даете сеансы вслепую. Это трудно, я знаю. Но это эффектно, сильно действует на людей, мало разбирающихся в шахматах, зато понимающих толк в деньгах...

Период после турнира 1924 года — это период феерических выступлений Алехина во всех областях шахматной жизни. Раскрыли любители его новую книгу «Мои лучшие партии» и с первых же строк замерли очарованные. Каких только чудес не было в этом сборнике, подобные чудеса в состоянии был извлечь из шахматных глубин один Алехин. Пять ферзей в одной партии, комбинация, рассчитанная на двадцать ходов вперед, блестящие жертвы ферзей, ладей. Никто в мире не умеет так жонглировать шахматными фигурами, как этот неистовый русский.

А телеграф приносил все новые потрясающие сообщения. 1 февраля 1925 года в зале «Пти паризьен» Алехин сыграл, не глядя на доску, двадцать восемь партий. Удивительный мировой рекорд игры вслепую! Тринадцать часов длился этот бой русского с невидимыми противниками. Дважды приносили ему обед и ужин, но он не притронулся ни к чему. Только несколько чашек кофе и двадцать девять сигарет. К полуночи кончилась эта изнуряющая битва, по сообщениям газет, Алехин был «свеж, как роза». Нечего говорить, что весть об этом выступлении разнеслась по всему миру.

— Какой блестящий шахматист! — повторяли и в Европе, и в Америке, и в далекой Австралии. — Неисто-

вым на выдумку, с потрясающей фантазией. Почему же он не играет матч на первенство мира?

— У него нет достаточных для этого успехов, как, например, у Ласкера, — возражали скептики, и Алехин решил ошеломить и скептиков. В трех турнирах сыграл он в 1925 году — в Париже, Берне и Баден-Бадене — и трижды с блеском выходил на первое место.

«Капабланка выиграл в Лондоне, так как он — чемпион мира, — писал в те дни остроумнейший журналист, гроссмейстер Савелий Тартаковер, — Ласкер в Нью-Йорке — как будто он чемпион мира; Алехин в Баден-Бадене играл, как настоящий чемпион мира».

Кто будет противником Капабланки в матче, необходимость которого понимали уже все. Больше четырех лет кубинец уклонится от опаснейшего единоборства. Пора сыграть. Одни полагали, что следует еще раз дать возможность сразиться Ласкеру, большинство предпочитало увидеть боевую схватку Хосе-Рауля с этим темпераментным русским.

В начале двадцать шестого года Ласкер едет в Соединенные Штаты. Все ясно, решают провидцы, — поехал собирать средства на матч-реванш с Капабланкой. Времени терять нельзя, и Алехин, в свою очередь, отправляется в путь, его дорога лежит тоже за океан, но в Америку... Латинскую, в Аргентину. Вновь неимоверное напряжение сил, вновь удивительные рекламные выступления для доказательства своей исключительности, и вот в сентябре весь мир облетает сообщение: «В Буэнос-Айресе Алехину удалось обеспечить финансовую сторону матча с Капабланкой». И тут же сообщение другое: «После продолжительных гастролей в Америке Эммануил Ласкер вернулся в Германию». Ни слова о его финансовых переговорах. Может быть, действительно Ласкер не захотел мешать молодому претенденту?

Пять лет потребовалось Александру Алехину для того, чтобы уговорить шахматных меценатов выложить деньги на его матч с Хосе Капабланкой; сколько усилий нужно было предпринять для того, чтобы убедить шахматный мир — он, русский гроссмейстер, имеет право на это высшее шахматное единоборство. Теперь все мучения были позади, но не окажется ли все это напрасным? Ведь ему предстоит еще «совсем малость» — обыграть,

заставить шесть раз произнести слово «сдаюсь» шахматиста, вообще почти не знающего поражений. Безошибочность Капабланки воспета в сотнях хвалебных статей. «Можно ли обыграть Капабланку?», «Кто сумеет победить безошибочный шахматный автомат?!» — так выглядели заголовки этих статей. Договориться о матче одно дело, как-то сумеет русский использовать свое право?

Уже давно, еще будучи в России, на фронтах империалистической войны, в госпитале в Тарнополе, Алехин составил гигантский план тренировки к решающему матчу своей жизни. Легко было понять, что шанс был единственный, второй раз в жизни уже не придется играть с кубинцем; поэтому к встрече с ним нужно быть готовым во всеоружии.

Некоторые высказывания Алехина о шахматах имеют общечеловеческое значение, они вполне применимы и к другим областям человеческой деятельности.

Что определяет успех в шахматах?

«Я считаю необходимыми для успеха три следующих фактора, — говорит Алехин. — Во-первых, понимание своей силы и слабости; во-вторых, точное разумение силы и слабости противника; в-третьих, более высокая цель, чем минутное удовлетворение. Эту цель я вижу в научных и художественных достижениях, которые ставят шахматную игру в ряд других искусств».

Итак, точное знание силы и слабости противника. Этот пункт при подготовке к сражению с Капабланкой ставился во главу угла. То, что Алехин всем своим творчеством служил созданию истинных художественных произведений в шахматах, это ни у кого сомнений не вызвало. С собственными же слабостями он боролся всю свою жизнь.

Можно представить себе, сколько тетрадей исписал Алехин за все время многолетней подготовки к главному матчу. Решение, принятое им, своеобразно, оно идет вразрез с тем, которое напрашивается из поверхностного сравнения стилей игры и характеров противников. И опять-таки это решение перерастает рамки шахмат, его выводы могут быть полезными для многих.

Капабланка провозглашен непогрешимым и безошибочным. Так ли это? Внимательно изучив все партии Капабланки, Алехин делает вывод: как и другие гроссмейстеры, кубинский гроссмейстер так же допускает

ошибки. Сэрсем он не сверхшахматист, это просто очень талантливый, очень сильный, может быть, меньше других ошибающийся гроссмейстер, но и в его игре можно отыскать немало недостатков.

Одна черта поражает в Капабланке — его умение уходить от всего рискованного, спастись за стеной разменов, упрощений и быстрых ничьих. Белыми играть на выигрыш, черными обязательно на ничью — вот каково было шахматное кредо кубинца. Это делало его непробиваемым, а ведь Алехину предстояло победить его шесть раз!

— Не представляю, как я смогу выиграть у Хосе-Рауля нужные шесть партий, — заявил Алехин перед началом матча, но тут же добавил с улыбкой: — Впрочем, я не представляю также, как Капабланка сможет это сделать, играя со мной.

Как же можно было победить Капабланку? Казалось бы, ответ прост — нужно не давать ему возможности создавать на доске простые позиции, необходимо запутывать противника. И в осложнениях переигрывать чемпиона мира. Неизвестно, что произошло бы, если бы Алехин встал на этот путь. Знаем лишь одно — он избрал иной подход к будущим битвам, подход поистине гениальный. «Прежде всего не препятствовать упрощениям. Вы хотите менять фигуры, сеньор Хосе, пожалуйста! Хотите упрощений — будьте любезны! Но я сумею в самых простых позициях отыскать слабость и ударить по этим слабостям со всей силой своего комбинационного умения! И помните: моя техника в матче будет ничуть не хуже вашей, я об этом позаботился при подготовке к историческому единоборству».

Таковы вкратце общие тезисы плана Алехина. Все было готово, пора было отправляться на грандиозную битву в Буэнос-Айресе. Правда, под занавес дружья Хосе-Рауля попытались было сорвать опасный матч: перед матч-турниром в Нью-Йорке 1927 года, сыгранным незадолго до начала аргентинского поединка, они включили хитрый пункт в турнирную программу: «матч с Капабланкой будет играть победитель этого турнира». Резко протестуя против пренебрежения к прежней договоренности, Алехин заставил ретивых организаторов этот пункт вычеркнуть.

Все было готово, пора было отправляться в Буэнос-Айрес.

Капабланке по душе была аргентинская столица. Ровный строй домов, четкая планировка кварталов — ну впрямь шахматная доска! Здесь не так жарко, как в его родной Гаване, а порой даже прохладно. Но, главное, здесь он всеобщий любимец, кумир. В жилах Хосе-Рауля текла кровь отважных испанских мореплавателей, он был родной и близкий аргентинцам.

А кто такой Алехин, этот отчаянный смельчак, бросивший вызов самому Хосе-Раулю? Одиночка, оторванный от родной земли, от своего народа. Правда, в шахматы он играет неплохо, его замыслы оригинальны, фантазия неограниченна, но ведь сражаться он будет против Капабланки! Тут уж нет места комбинациям, железный Хосе способен предупредить самый смелый, самый неожиданный вымысел.

Вот почему, когда на открытии матча произносились речи, Алехин больше слушал не слова — он легко разобрал испанские фразы, — а выскивал скрытые намеки, заключавшиеся в пышных излияниях выступающих. «Ну что ж, молодой человек, — улавливал Алехин подтекст вежливых речей, — против кого вы играете, сами знаете, потому уж пеняйте на себя. Мы вас предупреждаем». Можно было понять, что организаторы рассчитывают на короткий бой. «Каких-нибудь двух недель будет достаточно для того, чтобы дон Хосе выиграл нужные шесть партий. Победа его будет встречена ликованием всей страны. Конечно, к русскому отнесутся с должным великодушием, пощадят его самолюбие, но после разгрома Алехина вряд ли кто посмеет еще раз вызывать на матч Капабланку... Именно для этого мы и собрали нужные тысячи долларов...»

Проведя жеребьевку, судья обратился к играющим:

— Можно теперь начинать, сеньоры. Завтра за работу.

— Мне не нужно работать, — сказал Капабланка. — Пусть сеньор Алехин работает.

Капабланка сел за шахматный столик спокойный и уверенный. Чего ему было бояться, ведь Алехин ни разу в жизни не выиграл у него ни одной партии. К тому же в первой встрече в Буэнос-Айресе у кубинца были белые фигуры. Максимальная опасность — ничья.

Завязались осложнения, Алехин хитрым комбинационным ударом выиграл пешку, но и тогда Капабланка не пал духом. Положение оставалось еще очень острым,

запутанным, и реализовать перевес можно было лишь с помощью виртуознейшей техники. Вряд ли сумеет это сделать Алехин, да еще играя против самого Капабланки. Только когда владелец шахматной короны заметил, сколько яда таит остроумнейший тактический маневр Алехина, он понял — дело безнадежно. Начинать матч придется с поражения.

Проигрыш первой партии сильно подействовал на Хосе-Рауля, он даже взял перерыв, отложил следующую партию и уехал с друзьями отдыхать за город. Вторая встреча кончилась ничьей, в третьей чемпион мира решил во что бы то ни стало уравнивать счет.

В который раз в судьбу Алехина вмешались непредвиденные обстоятельства: в начале матча в далекой знойной Аргентине он вдруг... простуживается, и у него воспаляется надкостница. С сильнейшей болью Алехин играет первые десять партий. Шесть зубов удалили ему в дни матча — по утрам вырывали, вечером он садился за шху. Сатанинское испытание! Но Алехин выдержал его, взяв всего лишь один день перерыва. Правда, в этот период Капабланка выиграл третью и седьмую партии.

Теперь впереди был Капабланка. Счет два — один в его пользу. Алехину для того, чтобы стать чемпионом мира, нужно было выиграть пять партий, в то время как выигрыш всего трех обеспечивал кубинцу сохранение титула сильнейшего шахматиста мира. (При счете 5:5 чемпионом оставался Капабланка.) Серьезнейший сошелся гандикап. Но Алехин был полон сил и желания яростно драться за победу. Энергичным рывком, добившись двух рядовых выигрышей в одиннадцатой и двенадцатой партиях, он захватывает инициативу в матче. Теперь уже лидирует русский.

Тогда Капабланка прибегает к привычной для него тактике. Восемь раз он ликвидирует все попытки Алехина обострить борьбу — все восемь встреч кончаются ничью. Телеграф передает, что во время одной из этих партий Капабланка заснул за столиком; по другим сведениям, кубинец предложил противнику считать весь матч ничейным, с тем, чтобы на будущий год встретиться вновь. Алехин, естественно, отказался и вскоре провел новый энергичный удар. Двадцать первая партия, выигранная Алехиным черными, — блестящий пример искусного сочетания стратегического и тактического мастерства!

Четыре — два. Еще две победы, и в мире появится новый король шахмат. Две партии всего, но как трудно их выиграть! Матч затянулся; сыграна уже двадцать одна партия, но Капабланка совсем еще не сломлен. Он чуть не наносит поражение Алехину в двадцать седьмой партии, затем добивается победы в двадцать девятой. Теперь каждому нужно выиграть всего по две партии: одному, чтобы спастись, другому, чтобы торжествовать победу. Кто первым выиграет эти две решающие партии?

Кажется, что силы равны, но знатоки, уже давно подметили неуверенность в игре Капабланки.

— Когда я увидел, что Капабланка выпустил победу в 27-й партии, я еще надеялся на его спасение, но когда я рассмотрел ходы 29-й, в которой победил кубинец, я понял, что дело его безнадежно...

Так образно определил состояние дел чемпиона на финише матча один из шахматных специалистов.

Титаническая встреча гигантов шла к концу. Аргентинцы, вначале явно державшие сторону Капабланки, были настолько ошеломлены замыслами и игрой Алехина, что так пленил блеск проведенных им комбинаций, что к концу единоборства они болели уже за русского. А когда Алехин наносит своему грозному противнику решающие удары в тридцать второй и тридцать четвертой партиях, толпа у входа в турнирный зал взрывается. Алехина поднимают на руки и восторженные поклонники нового шахматного короля несут его по улицам Буэнос-Айреса в отель. За пятнадцать тысяч километров от Родины, на другом конце земли аргентинцы славят русский шахматный гений.

Счастливые возвращались из Буэнос-Айреса в Париж Алехин и его жена. В поезде вспоминали, как чувствовали их в различных городах Аргентины, Чили. Еще не могли опомниться от праздника, устроенного в их честь шахматистами Барселоны. И, понятно, готовились к встрече в Париже. В пути перебирали многочисленные письма из России — писали из Москвы и Харькова, Ленинграда и Перми. Во всех посланиях болельщики искренне желали Алехину успеха в матче, а некоторые уже поздравляли и с победой. В ряде писем и во многих статьях, опубликованных в советских шахматных журналах, говорилось следующее: Алехин уехал, чтобы

обыграть Капабланку. Став чемпионом мира, русский гроссмейстер вернется в Москву. Новый шахматный король делился с Надей своими планами: нужно написать статьи в московский журнал «Шахматы», рассказать о перипетиях матча, прокомментировать партии.

Поезд подъезжал к Парижу, в темноте все чаще сверкали электрические огни. На перроне Алехин увидел знакомых шахматистов, но их было очень мало. До удивительного мало! И почти никого из французов. Каждый день, что ли, приезжают в Париж чемпионы мира по шахматам? Встречающие сами были смущены отсутствием должной торжественности и пытались компенсировать ее преувеличенными восторгами и восклицаниями. Лишь язвительный репортер одной из газет был откровенен, написав на следующий день в своей заметке: «Такая встреча дала возможность чемпиону мира отдохнуть после трудного и долгого пути».

Потом Алехина помпезно принимали в различных шахматных кружках, поздравляли и французские шахматисты, и русские эмигранты. Готовился банкет в честь Алехина в Русском клубе Парижа; билеты распространялись заранее, причем по довольно высокой цене: приезжающие к ужину платят двадцать пять франков, прибывающие только к танцам — десять франков.

Ох, этот банкет в Русском клубе, лучше бы его не было! Как изменилась после него вся жизнь Алехина! На следующий день после банкета некоторые эмигрантские газеты сообщили о речи Алехина, причем передан был не точный текст, а смысл ее. И каждым изданием по-своему. В одной газете было написано, будто бы, отвечая на приветствия, Алехин заявил: «Пусть рассеется миф о непобедимости большевиков, как рассеялся миф о непобедимости Капабланки».

Были ли сказаны эти слова? Подробное исследование показывает, что скорее всего они встретились в речах эмигрантских лидеров, а затем были переадресованы репортерами самому Алехину. Так или иначе, последствия этого банкета и речи были ужасными. В советской печати появились два письма следующего содержания:

«После речи в Русском клубе с гражданином Алехиным у нас покончено. Он наш враг, и только как врага мы отныне должны его трактовать. Тот, кто сейчас с ним хоть в малой степени, — тот против нас. Н. Крыленко».

«Я осуждаю всякое антисоветское выступление, от кого бы оно ни исходило, будь то, как в данном случае, брат мой или кто-либо другой. С Александром Алехиным у меня лично покончено навсегда. Алексей Алехин».

Непужными стали и письма в Москву, и приготовленные для журнала «Шахматы» статьи. Ниточка, связывающая Алехина с Родиной, оборвалась...

Два письма — два страшных удара. Алехина также тяготило невнимание французов к его искусству, но, хладнокровно рассуждая, он понимал причину этого. Будь он француз — какой бы шум подняли в Париже, во всей Франции. Доказал превосходство французской нации. Bravo уроженцу Парижа! А что для них русский?

Вот почему еще совсем недавно связь Алехина с Москвой согревала чемпиона мира, вселяла в него уверенность, давала силы. В трудные моменты, когда становилось особенно тоскливо на душе, Алехин вспоминал, что есть близкая его сердцу страна, в которой он родился и вырос, что эта страна следит за его успехами, живо переживает каждую его неудачу или успех. Шесть лет не порывал он с ней связи, переписывался с друзьями, делился с ними планами и замыслами. Это общение было очень важно Алехину — отсылая статью в Москву, письмо другу, он чувствовал, что пишет домой, к близким по духу людям.

А теперь вдруг все кончилось, сразу, неожиданно. Нет больше статей, писем, исчезла сестра Варвара, брат Алексей. «С Александром Алехиным у меня все покончено!» Какой ужас! Леша, как ты мог так? Может, написать, рассказать, как все было? Ничего не получится. Разве поверят, подумают, что оправдывается.

Так что ж теперь? И здесь чужой, и там враг! Пропадать! Почему? Ты же шахматный король — сильнейший шахматист в мире. Здесь твое царство, все подчиняется твоей воле, твоему мозгу, твоей энергии. Буду жить теперь только шахматами, я должен показать, на что я еще способен. Отныне моя цель — служить шахматному искусству, служить беззаветно, отдавать ему все свои силы. И они увидят, на что способен русский чемпион мира!»

Обещания, данные самому себе, были не только выполнены — в шахматном мастерстве, в турнирных дости-

жениях Алехин не только превзошел всех остальных современников, но даже самого себя. Два раза пытался отобрать у него шахматную корону Ефим Боголюбов — Алехин побеждал его с подавляющим счетом. Только первые призы были в списке турнирных достижений нового чемпиона мира, причем такие выступления Алехина, как турниры в Сан-Ремо в 1930 году и в Блэде в 1931 году, до наших дней считаются рекордными турнирными результатами.

Сами собой отпали претенденты на шахматный трон. С восторгом следил за игрой своего любимца мудрый Ласкер — он и не думал сражаться с таким гигантом. Потерял всякие шансы на матч-реванш Капабланка, его собственные выступления в турнирах на фоне алехинских казались неубедительными. Шахматисты сами охотно признавали превосходство Алехина. «Он расправляется с нами, как с желторотыми птенчиками!» — воскликнул как-то Арон Нимцович после молниеносного разгрома, учиненного ему Алехиным.

В мире появился небывалый шахматный король. Особенно вызвала уважение у шахматистов его универсальность. Александр Алехин был выдающимся теоретиком шахматных дебютов — им придумано много новых систем развития, есть даже «защита Алехина». Он был глубоким шахматным стратегом, виртуозно овладел техникой игры в эндшпилье. Но главное — это его неподражаемое, неповторимое умение создавать самые неожиданные комбинации и с эффектом осуществлять их в ответственных партиях. «Гений шахматных комбинаций» — так именовал шахматный мир своего чемпиона.

Импонировало стремление Алехина передать свои знания миллионам шахматных любителей. Несколько книг написано русским гроссмейстером, люди читали эти книги с редкой увлеченностью. «Лучший шахматный комментатор» — так писала об Алехине шахматная печать всего мира. И наконец, неповторимым был спортивный облик русского чемпиона. История шахмат знала гениев, умевших не очень расстраиваться после поражения, были и такие, кто оставался хладнокровным и невозмутимым. Но у Александра Алехина было бесценное спортивное качество — после проигрыша партии он играл чуть ли не в два раза сильнее. Как опасно было обыгрывать этого грозного русского! Доказательством полюбшего психологического парадокса является тот факт,

что почти все призы, полученные им за красивейшие партии, приходились на следующий день после проигрыша.

Турнир за турниром приносил новые успехи, слава ширилась, творческие и спортивные достижения выдающегося русского чемпиона все более поражали знатоков. Алехин добился всего, чего может добиться шахматист. Казалось, можно блаженствовать, отдыхать, все, о чем мечталось в окопе, на жесткой койке в госпитале в Тарнополье, осуществилось.

Год сменялся годом, и тут и любители и шахматные знатоки начали замечать нечто странное: на «шахматном солнце» появились пятна. И особенно удивляло пренебрежение к элементам позиционной игры. Резко увеличилось количество ошибок в его партиях, что, естественно, снизило и результаты в турнирах. Пополз скоро подтвердившийся слухок — Алехин стал изрядно выпивать. Отыскивали и другие причины, некоторые пытались все объяснить семейными неурядицами — Алехин оставил Надю и женился на англичанке Грейс Висхар. Но вскоре убедились — не то: Грейс оказалась в общем-то покладистой супругой.

Зимой 1933 года в Москве и Ленинграде состоялся матч между новой шахматной звездой Михаилом Ботвинником и одним из сильнейших гроссмейстеров того времени чехом Сало Флором. Незадолго до отъезда Флора из Праги ему позвонил по телефону Алехин и попросил встретиться в одном кафе.

— Я тебя слушаю, — произнес всегда улыбавшийся Сало Флор, поздоровавшись со смущенным другом.

Алехин был явно в затруднении; запинаясь он спросил:

— Ты собираешься в советское представительство?

— Да.

— Не мог бы ты... если представится возможность... переговорить с посланником?

— О чем?

— Ну... насчет меня... Чтобы мне можно было поехать в Москву...

— А почему ты сам?.. Ты же его хорошо знаешь, играл с ним в турнире 1920 года в Москве.

— Понимаешь, поэтому и неудобно... Поговори...

Через пару дней гроссмейстеры вновь встретились в кафе.

— Ну как, говорил? — был первый вопрос Алехина.

— Да...

— И что?

— Он сказал, что сам этот вопрос решить не может...

Нужно вести переговоры в Москве... Я обещал: поговорю с Крыленко...

Можно лишь представить, с каким нетерпением ждал Алехин возвращения Флора из Советского Союза.

— Говорил с Крыленко?

— Он сказал: пусть сначала напишет письмо в газеты с признанием своих ошибок...

— Как это можно?..

— Только после этого будут вести разговор о твоём приезде в Россию... Вот что: в начале будущего года в Москве будет проведен крупный международный турнир, я еще раз поговорю с Крыленко...

Пик шахматной славы был Алехиным в те дни уже перейден, мечтать о еще больших достижениях не приходилось. В то же время невольно перед чемпионом вставал вопрос: что принесли ему выдающиеся турнирные успехи, во что вылилась его безмерная шахматная популярность? Все та же неуверенность в завтрашнем дне, осточертевшая необходимость драться за каждый полочка в турнире. Как в старинной сказке — король на самом деле оказался голым...

«Ты говорил: нужна высокая цель, способная вдохновить, влить новые силы. В чем эта высокая цель, что вдохновляет тебя на творческие подвиги? Кому нужно твое искусство, твои красивые партии? Французам? Гм! Не нужны им ни шахматное творчество, ни ты сам».

В то же время каждый день приходили сообщения: есть на свете страна, где шахматы стали любимым искусством миллионов, где им отдают сцены крупнейших театров, о них говорят по радио, помещают огромные статьи в газетах и журналах. Здесь тщательно анализируют, глубоко изучают новые партии Алехина, причем делают это не единицы, а тысячи.

— Настоящее шахматное Эльдorado! — с восхищением восклицают посетившие Россию Флор, Эйве и Ганс Кмох. — Отличная у вас родина! — сказал Алехину не сколько раз бывавший в Москве Эммануил Ласкер.

«Написать письмо с признанием ошибок», — не раз

повторял слова Флора русский чемпион, да так и не решился это сделать. Смелый и энергичный в шахматах, в жизни он порой был робок и непостоянен. Не стал писать в Москву в 1928 году, ждал и медлил сейчас. А тем временем все больше опускался, растрачивал на обидные мелочи свое удивительное шахматное дарование — бесконечные утомительные сеансы, сеансы... И с каждым днем чувствовал, что слабеет, теряет под ногами почву.

В 1935 году Алехин дал согласие играть матч против нового претендента — Макса Эйве. Голландец явно уступал в силе игры Капабланке и Ласкеру, хотя и не раз демонстрировал свое высокое тактическое мастерство и отличные знания теории шахматных начал. Казалось бы, что грозило Алехину при встрече с таким противником, тем не менее матч с Эйве явился тяжелейшим испытанием для русского чемпиона.

Поначалу игра шла «в одни ворота». Выиграв несколько партий на старте, Алехин значительно вырвался вперед, хотя тонкий знаток шахмат подметил бы, что чемпион часто неоправданно рискует, проводит несколько заумные планы. Все же скорая победа Алехина в матче была настолько для всех очевидна, что итоги первых партий вселили уныние в голландских организаторов — зря потратили деньги, к тому же нанесли чувствительный удар своему любимцу.

Вдруг все переменялось. В двенадцатой партии Алехин делает столь грубую ошибку, что ей удивляются даже начинающие шахматисты. Еще более неожиданно результат четырнадцатой партии — ее Алехин проиграл, по существу просмотрев простую угрозу мата уже в дебюте. Что происходит с чемпионом мира? — спрашивали болельщики. Как можно так беспомощно проигрывать? И это делает гений шахматных комбинаций, человек, три года назад поражавший мир своими непревзойденными достижениями.

Объяснение оказалось простым — Алехин играл многие партии матча, будучи пьяным. Да, да, ответственнейший матч проводил в беспомощном состоянии. Жадные до сенсаций репортеры писали о трюках потерявшего контроль над собой чемпиона, о сиамском коте Чессе, которого он выпускал перед партией на шахматную доску.

— Может, мы перенесем партию на завтра? — предложил Алехину всегда вежливый и корректный Эйве.

— Почему? — с трудом выговорил Алехин.

— Вы... плохо себя чувствуете...

— Я?!.. Хм!.. Садитесь!

Исход этой партии уже в дебюте был предрешен из-за грубой ошибки Алехина. После четырнадцатой партии счет сравнялся. Алехин взял себя в руки, если вообще в тот момент он был способен это сделать. Улучшился и счет — судьба шахматной короны теперь зависела от последних десяти партий. И тут сказалась общая усталость Алехина. Проводя достаточно уверенно отдельные партии, он срывался в остальных, допускал неточности и ошибки. В турнирном зале появился врач, не раз заставлявший чемпиона принимать спасительные капли и пилюли. А уж с врачом это не игра!

К тому же страшным гнетом давила на Алехина обстановка матча. В маленькой Голландии Макс Эйве был в те дни кумиром, все до одного желали ему победы. Всеобщее поклонение Эйве, ненависть к Алехину чувствовались и в турнирном зале, и в отеле, и на улицах. Даже древние рыцари на стенах турнирного зала казались, шептали Алехину:

— Проиграй!.. Проиграй!

После одной партии Алехин отправился гулять по пустынным улицам Амстердама. Подняв глаза от каменных плит улицы, он увидел перед собой светящуюся надпись: «Почта». В тот же миг давно томившее его желание оформилось в конкретное решение. Зайдя в помещение, Алехин уверенным почерком написал текст телеграммы в Москву:

«Москва. Редакция «Известий».

Не только как многолетний шахматный работник, но и как человек, понявший всю глубину того, что сделано в СССР в области культуры, шлю свои искренние поздравления шахматистам Союза с XVIII годовщиной Октябрьской революции.

Александр Алехин».

Финальная часть поединка с Эйве была не только борьбой против молодого, полного сил противника; Алехину приходилось бороться еще и... против самих шахмат. Нарушив в начале матча элементарные принципы «уважения» к шахматному искусству, Алехин сталкивался в последних партиях с невероятным сопротивлением самих деревянных фигурок. Опытные шахматисты знают, что это такое: порой все твои действия, самые тонкие

замыслы тонут в исключительных позициях, чудом возникающих на доске. Такая «месть шахмат» сильно действовала на Алехина, вообще суеверного человека, верившего приметам.

Эйве удалось вырваться вперед, но всего на два очка. Алехину предоставлялась полная возможность уравнять счет к тридцатой партии. Тогда по условиям сражения он — чемпион. Несколько раз пытался это сделать Алехин, казалось, победа близка, но каждый раз она самым необычайным образом ускользала из его рук. К последней встрече Эйве имел на очко больше — это было не страшно: победа в решающей тридцатой партии сохраняла Алехину заветное звание, ничья делала чемпионом мира Макса Эйве.

Можно себе представить, что творилось в тот день в Голландии — все, как один, желали успеха Эйве, хотя мало кто из голландцев верил в победу своего соотечественника, слишком уж велик был авторитет Алехина, умевшего как никто в мире играть решающие партии.

Верил в победу Эйве один лишь... Алехин. На последнюю партию он явился во фраке, в лакированных ботинках.

— Я надел этот фрак в честь доктора Эйве, — сообщил он удивленным голландским организаторам. И хотя он пытался победить, жертвовал пешки и вызывал обострения, это были действия обреченного — Эйве без труда ликвидировал все угрозы.

— Я предлагаю ничью? — произнес Эйве, хотя имел уже две лишние пешки. Алехин сначала отказался, затем принял предложение — у него уже не было в тот момент никаких шансов на выигрыш этой важнейшей партии.

В тот же миг зал взорвался. В буре радостных криков, аплодисментов, была мигом забыта пресловутая голландская чопорность. Рослые голландцы, перепрыгивая через стулья, неслись к эстраде. Они обнимали, целовали нового шахматного чемпиона, подняли его на руки и понесли домой. Несколько раз за вечер появлялся Эйве на балконе дома, принимая приветствия тысяч амстердамцев. До глубокой ночи длилось всеобщее ликование маленькой Голландии.

Одиноким, забытым всеми в этой стране, в зале, где не было ни одного его сторонника, ни одного человека, пожелавшего ему успеха, Алехин долго сидел за шахмат-

ным столиком, потом медленно побрел в отель, разрезая лакированными ботинками гладь дождевых луж. Достал из шкафа бутылку, но пить не хотелось. Долгой бессонной ночью обдумывал свое печальное будущее.

Утром ему позвонил Флор.

— Алло, доктор, — весело сказал Флор. — Едем в Москву. Я получил письмо, приглашают на турнир...

— Когда? — механически спросил Алехин.

— В мае. Будут играть Ласкер, Капабланка. Выслали приглашение тебе. Готовься.

Флор говорил так, будто не было ни матча с Эйве, ни этого позорного поражения.

— Спасибо, — произнес Алехин в трубку и надолго задумался. — Нет, — прошептал он наконец. — В Москву только чемпионом... Только чемпионом...

Следующие два года явились для Алехина периодом тяжелого испытания. Те, кто совсем недавно кричал о неповторимом шахматном мастерстве Алехина, теперь говорили прямо противоположное; только что называвшие гением, склонны были вовсе похоронить его как шахматного бойца. Статьи стали воспевать педантичность математика Эйве, провозглашать новую эру научных шахмат.

К тому же результаты теперь уже экс-чемпиона мира Алехина в турнирах резко снизились. Вместо первых призов — вторые, третьи, а в некоторых турнирах он занимал и шестое место. В сыгранных партиях не было прежнего блеска, но, главное — Алехин лишился присущей ему выдержки, пропала стабильность спортивных результатов. Не мудрено, что шахматный мир стал верить тем, кто считал шахматную звезду Алехина закатившейся.

Через два года после поражения Алехина состоялся матч-реванш Эйве — Алехин. Многих удивляло, почему так охотно согласился на это повторное единоборство голландец; разве не было у него примеров предшественников, много раз уклонявшихся от нежелательных встреч. Эйве хвалили за его спортивный характер: обещал играть матч-реванш через два года — играет его точно в срок.

На самом деле все объяснялось гораздо проще. Когда несколько лет спустя спросили Макса Эйве, почему он так охотно согласился на матч-реванш, тот ответил:

— Я просто считал, что легко выиграю во второй раз...

Затрудняло жизнь Алехину еще одно обстоятельство. Поздравление с годовщиной Октября, посланное в газету «Известия» и повторенное еще раз на следующий год, вызвало резкие нападки русских эмигрантов. На Алехина была написана басня, его имя склонялось в язвительных статьях. Теперь он был уже не шахматный король, а кто упустит случай бросить камень в свергнутого с трона, пусть даже шахматного.

Перед началом матч-реванша большинство шахматных знатоков заранее хоронило Алехина. Корону не вернет — таков был всеобщий приговор. Лишь один Ласкер продолжал его поддерживать. «После необходимого отдыха он даст миру много чудесных партий», — писал шахматный мудрец.

Игра Алехина в матч-реванше вновь вызвала удивление: Эйве был буквально сломлен, разгромлен уже на старте поединка. Причем Алехин превосходил его во всем: в дебюте, хотя для подготовки Эйве голландцы опять наняли много гроссмейстеров; в стратегической позиции игре, но особенно в комбинационных, тактических осложнениях. Каждая партия матч-реванша — это истинное художественное произведение. Но особенно поражал аскетизм Алехина: не было не только ни рюмки водки или коньяка, выброшены были и сигареты.

Опять изменилось мнение шахматного мира, вновь стали расхваливать русского чемпиона. Каждая партия матч-реванша восхищала миллионы любителей, не жалели похвал и знатоки.

— Конь мощностью в тысячу лошадиных сил! — воскликнул восторженный Ласкер, посмотрев финальную часть 22-й партии матч-реванша. Теперь не было «качающегося счета», уже к двадцать пятой партии Алехин набрал пятнадцать с половиной очков, необходимых для возврата шахматной короны.

Силу победителя лучше всего охарактеризовал побежденный. «Я сделал все, что мог, — писал Эйве о матч-реванше, — но Алехин играл лучше меня. Не знаю, можно ли судить по партиям против одного человека, достиг ли Алехин формы Сан-Ремо и Бледа, но одно совершенно ясно: сейчас он, несомненно, лучший шахматист мира. Когда я думаю о его идеях и дебютах, тактических изобретениях, умении анализировать отло-

женные партии, я выражаю величайшее восхищение его мастерством. Алехин восстановил репутацию сильнейшего среди живущих шахматистов и подтвердил веру в то, что он величайший шахматист всех времен».

Об одной победе не сказал Макс Эйве — победе Алехина над самим собой: на закрытии матч-реванша антиалкогольное общество Голландии преподнесло Алехину символический подарок — корзину с лучшими в мире молочными продуктами.

Все препятствия отпали, можно думать о поездке в Москву, тем более, что для этого был хороший предлог: в СССР появился выдающийся шахматист Михаил Ботвинник, уже давно признанный во всем мире, чему способствовали его победы на турнирах в Москве и Ноттингеме 1936 года и успешное выступление на так называемом АВРО — турнире в Голландии в 1938 году. Хотя имеются и другие претенденты на шахматную корону, Алехин все же отдает предпочтение Ботвиннику. Ведутся конкретные переговоры — на 1939 год намечена встреча чемпиона Советской страны 1920 года с многократным чемпионом СССР последних лет.

1939 год. В столице Аргентины собрались все сильнейшие шахматисты мира — здесь разыгрывается очередная Олимпиада — командное первенство мира. На первых досках играют в своих командах Алехин, Капабланка, Керес, Флор, Штальберг, Элисказес. Как всегда, встреча людей разных стран и континентов, преданных шахматам, — общий праздник. В короткие перерывы между турами играют бесчисленные блиц-партии, за которыми наблюдают десятки зрителей.

Во время одной из них в фойе вбежал аргентинский журналист:

— Страшная новость, сеньоры! — вскричал он. — Получено экстренное сообщение — Гитлер напал на Польшу!..

Мигом изменились желания, помыслы. Кое-как закончили Олимпиаду, правда, с приключениями — Алехин, как капитан команды Франции, увел своих шахматистов и не разрешил им играть против немцев. Этому мало кто придавал значение. Главное заключалось в том, как теперь добраться домой. В первые дни была разгромлена Польша, ее команда почти целиком осталась на многие годы

в Аргентине; ее примеру последовали многие шведы. И в этот момент неутомимый Александр Алехин, имевший все возможности переждать военное время в Латинской Америке, совершает еще один трудно объяснимый поступок: в декабре тридцать девятого года на пароходе он вместе с супругой Грейс Висхар возвращается в объезжающую огнем войны Европу.

На несколько лет Алехин исчезает в горниле войны, потом постепенно стали доходить о нем отрывочные сведения — он играет то в одном, то в другом турнире в странах, оккупированных фашистами. Позже выяснилось вновь необычность пути, проделанного этим искателем самых сложных жизненных ситуаций. Приехав во Францию, Алехин вступил в войска Де Голля и был взят в плен фашистами в форме французского офицера. Чемпиону мира была назначена местожительства Прага. Здесь в 1943 году он заболевает... скарлатиной. Хотя чудом он излечивается от этой страшной для пятидесятилетнего детской болезни, здоровье его подорвано, о чем свидетельствуют и фотографии, и те, кто видел его в тот период.

Тем не менее в шахматах он по-прежнему мастер. Ничто не действует на Алехина, когда он садится за шахматную доску; в семнадцати турнирах сыграл чемпион мира за военные годы — последние годы его жизни, в четырнадцати из них он приходил к финишу первым. И это в состоянии полного физического упадка, моральной опустошенности, одиночества.

Добиваясь турнирных побед, он вместе с тем буквально громит противников в бесконечных сеансах одновременной игры. Чего стоит одно выступление против семидесяти пяти немецких офицеров — две партии кончились вничью, остальные представители рейха проиграли! Невольно у немцев возникали тревожные мысли, что же это делается: мы сражаемся против русских на фронте, а в тылу один русский выигрывает у всех немецких шахматистов. Вот почему нацисты охотно дали Алехину визу в Испанию.

Начался последний период жизни Александра Алехина. Оторванный от друзей, даже от жены, Алехин коротал время в безделье, ожидая редких выступлений и, как настоящего праздника, какого-либо самого маленького турнира. Читал лекции юному испанцу Артуру Помару, принимался писать большую книгу о шахматах. И по-

нятно, подводил итоги. Какую огромную шахматную жизнь он прожил! 1264 турнирных партии сыграл Алехин за три с лишним десятка лет своих выступлений. Восемьдесят турниров, двадцать три матча. Лишь два из них проиграны. Шестьдесят два раза приходил он первым к финишу в самых ответственных турнирах. А что говорить о гастрольных выступлениях, сеансах... Честно послужил он своему любимому искусству, но и оно щедро отплатило за эту любовь. Какие партии сыграны, какие комбинации проведены — будет что разбирать, найдется чем восторгаться потомкам!

Мысли возвращались к заботам сегодняшнего дня. В 1941 году в Нью-Йорке скончался Эммануил Ласкер, вынужденный под старость играть бесчисленные изнуряющие сеансы. Не выдержал такой нагрузки даже этот сверхстойкий шахматный боец. В возрасте 53 лет скончался Хосе-Рауль Капабланка — однажды в шахматном клубе во время забавных блиц-партий он упал на пол и, не приходя в сознание, скончался. Алехин же упорно борется за жизнь, хотя давление катастрофически высокое и часто мучают сердечные приступы.

И все меньше и меньше денег. Испанцы уж и так старались, и этак: и турниры устраивали специально для того, чтобы поддержать Алехина, и книгу вместе с ним писали, и проводили занятия с Помаром. Все исчерпалось, не было никакой возможности поддерживать дальше чемпиона. Вот почему они искренне обрадовались, когда Алехин получил приглашение приехать в Португалию.

Поезд унес его навстречу новой неизвестности.

Если в Испании в те времена хоть как-то теплилась шахматная жизнь, то что могли сделать португальцы — шахматы в их стране всегда были малопопулярны. Все же они организовали лекции чемпиона мира, несколько сеансов, маленькие турниры, и это принесло Алехину немного денег. Но всему имеется предел — вскоре случилось так, что чемпиона мира просто некуда было девать, и счастливым выходом оказалось приглашение шахматных меценатов курортного городка Эсториаль близ Лиссабона, обеспечивших уставшему королю комнату в отеле и питание. «Кадиллак» одного из этих богачей отвез Алехина в Эсториаль.

Богадельня... подлинная богадельня... Лишь редкие посещения португальского мастера Люпи скрашивали

жизнь Алехина. Уже несколько месяцев как кончилась война, а жизнь Алехина ничуть не изменилась. Если говорить прямо — изменилась к худшему, и все из-за этого проклятого лондонского конфликта.

Летом 1945 года в Португалию пришло письмо, содержание которого вселило истинную радость в сердце Алехина. В конце декабря и начале января в Лондоне и Гастингсе будут проведены два международных шахматных турнира, участвовать в них приглашается и чемпион мира. Как не обрадоваться! После стольких мучительных лет бездействия, после страшной ссылки в Эсториаль вновь деятельность. Первые послевоенные турниры, встречи с шахматистами многих стран. А дальше будет еще лучше. Возродится шахматная жизнь, вместе с ней возродится и шахматный король. Прочь уныние, терпеть осталось недолго. Каждый день Люпи сообщает новости: кто будет играть в Англии, как идет подготовка.

— Нужно обязательно хорошо сыграть в Лондоне, — решает Алехин. Есть еще идеи, вот только бы физически окрепнуть. Вспоминаются давнишние анализы вариантов, открываются новые ходы. Дебютная подготовка достаточна. Одновременно приводится в порядок гардероб — поизносился. Ничего, в Лондоне подкреплюсь!

В один из дней Люпи приносит письмо... Уже по виду португальца Алехин понял — произошло что-то страшное. В письме организаторы пишут: ввиду ультимативного требования американцев вынуждены отказаться от приглашения Александра Алехина. Как это может быть?! — не понимает в первый момент Алехин. Чемпиона мира не пускают в турнир!.. Позже в Лондоне было много споров. Вдохновляемая американцами Р. Файном, А. Денкером и Г. Штейнером группа неуместно энергичных шахматных мастеров самовольно взялась судить Алехина — его выступления в турнирах в годы войны расценили как коллаборационизм. При этом забыли об участии многих других мастеров в тех же турнирах. Когда позже той же группой было предложено снять с Алехина звание чемпиона мира и разыграть его между несколькими гроссмейстерами, список включал и Р. Файна. Смысл этого позорного судилища стал ясен.

Униженный и оскорбленный проводил свои дни в холдном номере Эсториаль шахматный король. Часто приходила мысль о самоубийстве — что мучиться, чего дальше ждать? До отчаяния доводили сердечные боли, присту-

пы гипертонии. Покончить разом со всеми муками, не будет больше ни физических терзаний, ни моральных.

В один из таких вечеров в дверь постучала горничная. Телеграмма... Уже первое слово наполнило износившееся сердце Алехина неповторимой радостью. Удивленная, глядела горничная на этого больного человека, с трудом сдерживающего рыдания.

Телеграмма гласила:

«Я сожалею, что война помешала нашему матчу в 1939 году. Я вновь вызываю вас на матч за мировое первенство. Если вы согласны, я жду вашего ответа, в котором прошу указать ваше мнение о времени и месте матча.

4 февраля 1946 года. Михаил Ботвинник».

В этих коротких строках была отображена любовь, которую питали к Алехину советские шахматисты, несмотря на четвертьвековую разлуку. Эта любовь к великому шахматисту выразилась впоследствии и выражается сейчас в виде гигантских турниров, посвященных его памяти, его книг, изданных огромными тиражами, в изучении его содержательных партий. Пока будут живы шахматы, будут вспоминать во всех концах земли неповторимого шахматного гения — Александра Алехина!..

Какой крик подняли те, кто хотел голосованием расправиться с шахматным королем! «Мы осудили Алехина, а русские его поддерживают. Международная шахматная федерация не разрешит проводить этот матч». Вспомнили и о федерации, а ведь только что они наплевали на ее существование, устроив самовольное судилище!

Но, конечно же, нашлись трезвые люди, приветствовавшие этот гуманный акт советского чемпиона. «Россия, как заботливая мать, поддержала блудного сына в самый трудный для него момент», — написала чешская газета, и эти строки растрогали Алехина.

Вновь признание! Ботвинник спрашивает: где играть? Что за вопрос: конечно, в Москве. Только нужно приехать на несколько месяцев раньше, привыкнуть, посмотреть все. Скольких друзей посетить! Затуманенному слезами взору Алехина мерещились Охотный ряд, Кремль...

Ботвинник — опаснейший шахматный боец! Люпи принес запись его последних партий — как умеет этот выдающийся гроссмейстер сочетать глубину стратегических

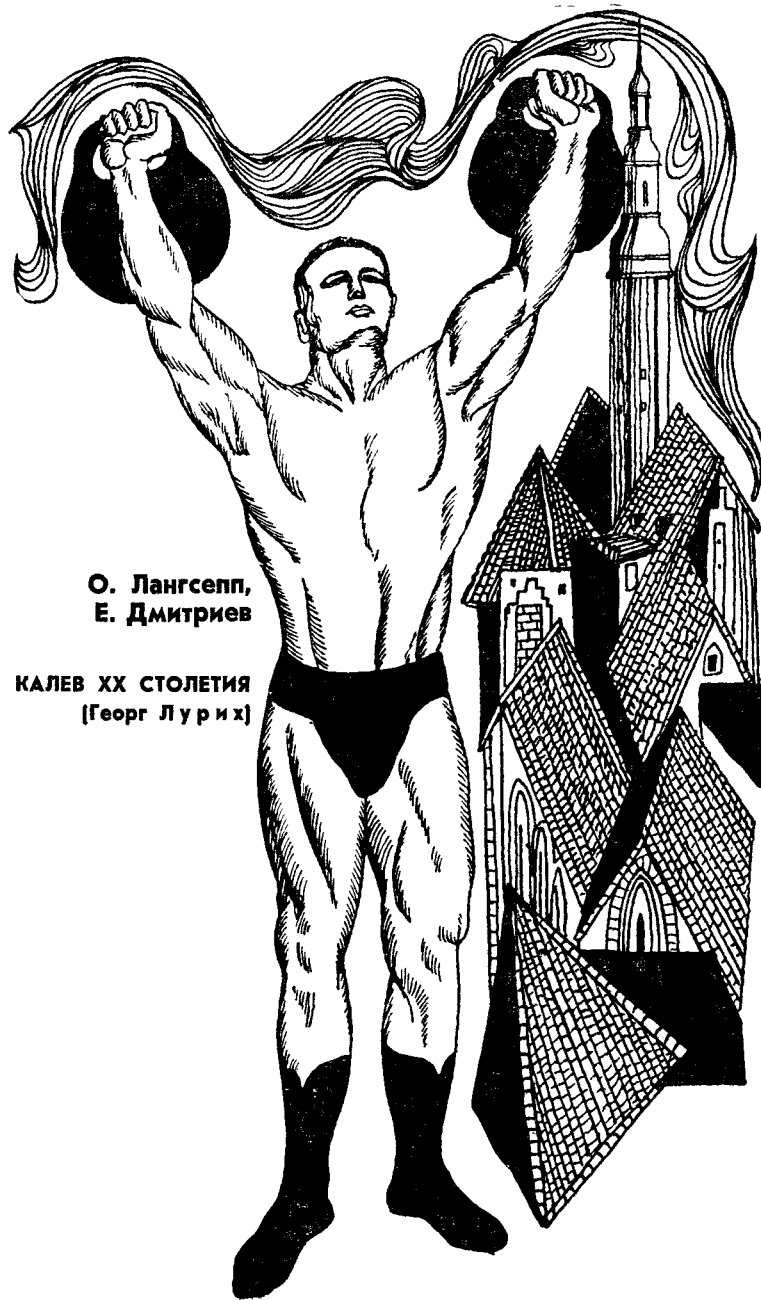
замыслов с изобретательными тактическими ударами. Ничего, я еще продержусь! Важно только хорошо подготовиться в дебютах. И Любн выполняет новые просьбы — достает партии Ботвинника последних военных лет, выписывает все книги, полезные в подготовке дебютных вариантов...

24 марта 1946 года, свежим вечером Алехин вернулся с прогулки в «Парк-отель». Портье встретил его уважительным взглядом — теперь уже этот русский не был нищим. Это был возродившийся шахматный король, о нем много пишут в газетах. Оказывается, он собирается играть матч с другим знаменитым русским, да еще в Москве. С подобострастием выслушал портье распоряжение Алехина — принести утром завтрак в десять, раньше не беспокоить...

В номере уже стоял ужин. Алехин придвинул к столику подставку для чемоданов, расставил шахматные фигурки... «Чем бы сегодня заняться? — подумал он. — Посмотрю-ка я французскую защиту, вариант с жертвами пешек очень рискован. Ботвинник его отлично знает...»

Вдруг сильная, сперва тупая, потом острая боль прорезала левую половину груди. Как будто безжалостная рука схватила сердце и медленно, но с каждым мгновением все сильнее сжимала его. Подобные спазмы случались и раньше, но на этот раз приступ был особенно болезненным.

— Что это, конец? Не может быть! — закричал Алехин, но никто его не услышал: он был один, совсем один, пустынный, холодный отель молчал.

**О. Лангсепп,
Е. Дмитриев**

**КАЛЕВ XX СТОЛЕТИЯ
(Георг Лурих)**

Оркестр грянул марш «Гладиатор». На арену, ступая тяжело и увесисто по свежей тырсе, шагая явно не в ногу, вышли тридцать атлетов. Арбитр, в поддевке, чечуковой косоворотке, студенческой фуражке и лаковых сапогах, остановился в центре круга:

— Почтеннейшая публика! На наш мировой чемпионат французской борьбы прибыли и записались непобедимые чемпионы...

И Лебедев одного за другим представлял зрителям цирка «Модерн» борцов.

— Непревзойденный силач века, не знающий поражений победитель чемпионов, виртуоз железной игры — Георг Лурих I.

— Постой-ка, дядь Вань, — раздалось с галерки. — Он же борется нонче в Конотопе, сам афишу своими глазами видал.

— Вы меня знаете, господа?

— Знаем, знаем, — дружно загалдел цирк. Кто же не знал хозяина атлетической школы, редактора журнала «Геркулес», арбитра и знатока борьбы Ивана Владимировича Лебедева!

— Честным словом спортсмена, званием профессора атлетики заверяю, что только у нас вы имеете удовольствие видеть Луриха настоящего. Все остальные — самозванцы, делают рекламу на его честном имени. Так я говорю, Жорж?

Стоявший в общем строю борец с подстриженными под бобрик светлыми волосами одобрительно кивнул

— Парад-ретур, — скомандовал арбитр, и арена опустела.

Георг, или, как звали его земляки, Юри, родился в 1876 году в селе Вяйке-Маарья Вирусского уезда Эстляндской губернии. Полагают, что переименованную на немецкий лад фамилию дал его крепостным предкам кто-то из остзейских баронов. Но корень ее в эстонском — luigi vedamine — так назвал народ свою древнюю атлетическую игру: по сей день во время народных праздников

можно увидеть, как два дюжих молодца (природа не обделила силой эстонцев) накидывают на затылок один другому подобие вожжей. Теперь кто кого перетянет. Другой вариант этой игры — перетягивание палки.

Уже учеником Петровского реального училища в Ревеле увидел Юри в 1888 году выступления заезжих немецких атлетов. Один из них свертывал в трубку серебряные полтинники, завязывал узлом кочергу. Другой рвал полную колоду карт, уверенно жонглировал тяжелыми гириями. Показали они и борьбу.

Впечатлительный мальчуган, который из-за болезни был освобожден даже от посещения уроков гимнастики, навсегда запомнил увиденное. С детских лет восхищался Юри героями народного эпоса «Калевипоэг», которых напоминал ему его дядя Ханс. Плечистый, добродушный, он запросто отрывал от земли восемнадцатипудовый валун. Ухватив под форменный ученический ремень племянника, поднял его над головой и пронес по всему хутору.

Стать таким, как виденные им атлеты, — вот что занимало мысли мальчика. Прилежный, успевавший по всем предметам, от столь полюбившейся ему истории до наскучившего закона божия, он много тренируется. Вечерами борется на гумне с одноклассниками. Часами поднимает увесистые камни. Мальчуган настойчив. Отказывая себе в мороженом и монпансье, покупает старые гири.

Последние десятилетия прошлого века ознаменовались возрождением культа сильного человека. По городам гастролировали многочисленные труппы атлетов и борцов. Возникали частные атлетические школы, одну из которых начал посещать в Ревеле и Юри. Хилый реалистик тренировался упорно и, что еще важнее, систематически. В основанном в 1888 году атлетическом училище Густава Бёсберга он ставит первый свой личный рекорд. Заключили пари — кто больше раз выжмет гантели. Пятнадцатилетний Юри спорил, что, взяв в каждую руку по двухфунтовой гантели, поднимая их синхронно, выжмет без остановок не менее 3000 раз. Раскраснелся паренек, волосы потемнели от пота, зато и выжал гантели 4000 раз подряд!

За год до выпуска из училища Лурих стал настоящим атлетом. Репортер местной газеты «Валгус» с восхищением сообщал: «У нас в Эстонии живет 17-летний богатырь...» Г. Лурих поднял одной рукой гирю весом в 4 пуда, попросил связать вместе несколько гирь — всего 10 пу-

дов — и поднял их с земли одним пальцем. Это в то время, как на вытянутой левой руке держал еще 95 фунтов.

Взяв увесистую четырехпудовую гирю, он двадцать раз поднял ее одной рукой, держал на поднятой вверх руке чугунную ось весом в семь с половиной пудов. «Радостно сознавать, что земля эстонская не оскудела богатырями» — так закончил свой репортаж журналист.

Получив аттестат зрелости, Юри вопреки отцу, который хотел, чтобы сын занялся коммерцией, едет в Петербург к «отцу русской тяжелой атлетики», доктору В. Ф. Краевскому. Появление эстонца в кружке Краевского, составившем целую эпоху в русском спорте, ознаменовалось двумя мировыми рекордами в поднятии тяжестей. Одного за другим уложил Лурих на лопатки и всех сильнейших борцов кружка.

— Все задатки Геркулеса, — одобрил Краевский. — Лишь бы не закружилась голова от похвал.

— Что бы вы посоветовали мне, уважаемый доктор?

— Вернувшись домой, через день тренируйтесь в народной борьбе на поясах. Работайте с гантелями. Укрепляйте легкие, борцу нужна выносливость. Обучаться приемам борьбы советую у Пытлясинского.

В те времена соревновались и в таких упражнениях, как перетягивание каната (причем частенько атлету противостоял верблюд), удержание борцом нескольких человек на «мосту». Георг становится профессионалом. Это было в те годы единственно возможным путем в большой спорт. Выход молодого эстонца на российскую арену в 1896—1897 годах принес ему сначала звание «Первого борца России», «Атлета-чемпиона России», затем и «Чемпиона мира по поднятию тяжестей одной рукой». Газета «Валгус» информировала: «Если до сих пор Ревель гордился самым высоким в России строением — башней церкви Олевисте, то теперь он может гордиться самым сильным человеком России — Георгом Лурихом».

Силачом силачей почитался тот, кто мог в положении стоя поднять самый большой вес. Лурих стал известен в этом упражнении, когда ему не было и двадцати лет. Но именно тогда и побил он в железной игре рекорды популярнейшего силача Моора-Знаменского. Молодой эстонец толкал двумя руками штангу весом в 112 килограммов. Но это еще не все...

Переложив ее в правую руку, поднимает с помоста

еще гирю в 37 килограммов, выжимает и ее. «Вес взят!» — раздается голос арбитра. Атлет поднял и удержал 149 килограммов, что было тогда третьим результатом в мире.

В те годы не было в спорте нынешней специализации, любой борец выступал и как гиревик. В Лурихе на редкость удачно сочетались сила с ловкостью, чему немало способствовала выработанная им система каждодневной подготовки, он предвосхищает в ней многое из того, что получит обоснование лишь в наши дни. Рост его за 10 лет со 150 сантиметров увеличился до 177, вес с 50 до 90 килограммов.

В родной Эстонии, где выступали преимущественно иностранные атлеты, его называют «потомком Калева», он становится как бы символом народной силы.

Во время турне 1897 года по городам Малороссии, Таврической губернии и Бессарабии Лурих побеждает всех соперников, в том числе и своего учителя Пытлясинского, считавшегося одним из лучших в технике борьбы. Но лопатки самого Юри ни разу не коснулись пола.

Жизнь циркового атлета была немыслима без рекламы; как и любому другому борцу того времени, приходилось выступать с демонстрацией трюков и Георгу. Но все его внешне эффектные трюки были плодом долгих тренировок.

На глазах остолбеневших зрителей поднимает он на спине коня со всадником; став на «мост», удерживает на себе четырех крупных мужчин и в это же время выжимает многопудовую штангу; пронесит по арене на вытянутой руке пятерых униформистов.

В совершенстве выполнял он и те номера, которые и сегодня демонстрируют на арене силовые жонглеры. Лурих подкидывал гирю, успевая повернуться кругом и поймать ее до того, как она упадет на помост. Попросив кого-то из зрителей завязать ему черным платком глаза, атлет жонглировал тяжеленными гирями словно гуттаперчевыми мячиками.

— Знаем мы эти штучки, — слышалось из ложи.

— Наш атлет приглашает всех желающих из почтеннейшей публики самолично повторить рекордный жонгльж, — провозгласил арбитр.

Пока Лурих исполнял другой номер, кто-то из зрителей, покраснев от натуги, не больше чем на аршин при-

поднял двумя руками гирию, которую с такой завидной легкостью подкидывал только что атлет.

Георг Лурих, став знаменитым, не забывает о родном народе. То в «Ревельских известиях» появляется материал об открытой им школе, где «можно изучить все 17 приемов, до сих пор известных лишь профессиональным борцам», то он созывает первых силачей родной Вьякке-Маарья, тренирует их, организует соревнования. В этом фестивале, который в наши дни назвали бы «народным», «самодельным», примечателен список участников: кузнец Густав Ярв, баронский батрак Юри Лаан, котельщик Александр Лаур. А часть сборов с одного выступления в Нарве Лурих передает на строительство клуба, с другого — инвалидам.

Уезжая в 1899 году в турне по странам Европы, он пишет в газету «Постимэс»: «Я продемонстрировал свою силу у себя на родине, кроме всего прочего, еще и для того, чтобы каждый мог убедиться в том, что я истинный сын эстонского народа, в том, что я и в чужих землях смогу послужить отечеству своей силой и снискать ему уважение и славу. Прощай, родина! Прощай, народ Эстонии!!»

На турнире в Магдебурге Лурих устанавливает своеобразный рекорд: побеждает на туше за 38 минут 18 местных сильнейших борцов-любителей.

Лурих скрупулезно овладевает техникой, аккуратно записывает в тетрадь все увиденные приемы. А там подойдет время, когда он сможет и сам их совершенствовать. Первая зарубежная поездка стала триумфом молодого эстонца. Известный роттердамский клуб «Геркулес» вручает ему диплом «сильнейшего атлета современности». На чемпионате борцов-классиков в Гамбурге двадцатичетырехлетнему эстонцу вручают атласную ленту с золотой надписью «Чемпион мира».

Лурих одинаково уверенно боролся в «стойке» и в «партере», отлично «мостил». Как сообщали современники, он начал с того, что, став на «мост», удерживал четырех человек, а впоследствии он довел нагрузку в этом упражнении до пятидесяти пудов. Крупный авторитет тех лет, финский профессор Х. Лехмусто в своей «Истории спортивной борьбы» указывает: «Луриха, как мастера борьбы, отличала не только незаурядная сила, но и необычайная гибкость, борец в нем сочетался с прекрасным артистом.

У него были все данные для того, чтобы стать любимцем очарованной публики Хельсинки».

Ему вторит газета «Зигфрид» (Германия): «Лурих — сильнейший человек мира»; мюнхенский журнал «Иллюстрирте атлетик спортцейтунг» назвал Георга «самым любимым и наиболее популярным атлетом современности». Мы говорили выше о самозванцах, лже-Лурихах, но были у атлета и подлинные последователи из организованных в Берлине, Праге, Нюрнберге и других городах четырнадцати «клубов Луриха». На родине же они возникают позднее...

Вернувшись в Россию, он снова отправился в столицу, где приближенные сановного покровителя тяжелой атлетики графа Рибоьера пытались взять под сомнение рекорды Луриха. Муссируются слухи о дутых гириях. Граф объявляет во всеуслышание: «Ни в Петербурге, ни в Москве публично не знают Луриха».

В своем ответе Лурих с достоинством напомнил, что только за год он выступал по многу раз в четырех питерских манежах да семи народных садах. Видели его несколько сот тысяч петербуржцев, а Атлетическое общество, от имени которого и выступает граф, наградило Георга... золотой медалью чемпиона России.

Спортивный хроникер сообщает в 1907 году из Петербурга: «...В присутствии большого количества зрителей в спортивном зале профессора И. В. Лебедева происходило состязание на установление мировых рекордов по поднятию тяжестей между лучшим атлетом Америки Луи Цера и нашим соотечественником Георгом Лурихом... Установленные Лурихом рекорды были зафиксированы, и ему присудили золотую медаль, причем было отмечено, что в подобных силовых упражнениях Г. Лурих не знает себе равных... Луриху принадлежит еще целый ряд мировых рекордов...»

Конечно же, даже такой талант, как Лурих, должен был непрестанно обновлять свой репертуар. И на гастролях в цирках Азии он, зажав в «замок» пальцы, предлагает погонщикам двух верблюдов разжать «железную хватку Луриха». Но он же с грустью наблюдает типичные для профессиональной арены номера, на которые антрепренеры толкают талантливых силачей. В городах появляются цветастые афиши: «12 борьб за вечер», «Дамы допускаются бесплатно», «На один билет могут пройти два зрителя». Когда и это не помогало, анонсировалась схватка борца

с быком либо с медведем, щекочущий нервы номер — «Живой труп» почти по графу Голстому, или 40 минут под землей». (Атлета закапывают в землю, оставив лишь небольшую щель для воздуха, оградив от напора грунта.)

Создавая себе публицити, борец мог подойти к портье гостиницы и небрежно ударом кулака вбить в стену гвоздь. Так на груди борца Турбаса, ставшего на «мост», три дюжих молотобойца долбили кувалдами сорокапудовый камень... На что только не приходилось идти ради кассового сбора...

Все это было не по душе Луриху, не сразу принял он даже приглашение французской фирмы — стать первым эстонцем, увековеченным на киноэкране. Быть может, ему все же захотелось в первую очередь показать землякам, какие огромные возможности для физического совершенствования заложены в человеке...

Зная неподкупную честность и силу эстонца, его побавивались даже такие известные костоломы арены, как отбывший четыре года сахалинской каторги Ванька Каин, Робинэ, пользовавшийся запрещенными приемами «двойной нельсон», «обратный пояс». В схватке с нижегородцем Турбасом Робинэ кинул его, и тот ударился головой о барьер. Турбаса вынесли с арены на носилках.

В независимых от антрепренеров газетах можно было прочесть, как выглядел, к примеру, один из «мировых» чемпионатов в Нижнем Новгороде на афише и в действительности.

« — Ван Риль (Голландия), — важно объявляет арбитр, хотя вместо Ван Рили раскланивается Ваня Прохоров из Кинешмы.

— Знаменитейший бельгийский борец чемпион мира Стера. (Петруха Иванов из волжского села Кандаурово.)

— Гость из Франции (муромчанин Гриня Пигулькин).

— Великий, непобедимый Георг Лурих (один из «липовых» Лурихов).

— Наизнаменитейший чемпион чемпионов Иван Максимович Поддубный. (Похожий на него вятский мужик, бывший моряк Вася Бабушкин.)».

Но даже такие разоблачения делались, так сказать, постфактум, когда заканчивались гастроли и «чемпионы» разъезжались по городам и весям.

От всех этих махинаций, на которые нужда заставляла идти даже сильных борцов, неизменно стоял в стороне Лурих. Пусть это не всегда устраивало господ предпринимателей, все же им приходилось считаться с ним. Имя Луриха на афише само по себе было гарантией полных сборов.

В отличие от многих современных ему силачей, Лурих видел, к какому обеднению человека приводит погоня за сантиметрами наращиваемых мышц, всем тем, что в его годы подавалось как «демонстрация красоты телосложения», «игра мышц».

Человек из народа, живой и общительный, он в десятилетиях пробует себя на новом поприще, читая лекции, обращаясь прежде всего к простому люду: рабочим, рыбакам, портовикам. Газета «Таллина Театая» сообщала: «Желающих послушать Луриха оказалось такое количество, что для многих из них просто не хватило места и они вынуждены были уйти, — вряд ли обществу (таллинских рабочих. — О. Л., Е. Д.) «Валвая» когда-либо прежде удавалось собрать сразу столько народа».

Лурих выступает на этих встречах как пропагандист массового развития физической культуры. Он с горечью констатирует: «У нас на страницах газет царит дух закосневших в своем невежестве мещан, которые всячески стараются принизить значение спорта. Не проявление ли это зависти и ненависти по отношению к тем людям, которым благодаря тренировкам и упорядоченному образу жизни удалось развить в себе силу».

Атлет говорил о том, что в его стране власти неощрают занятий физической культурой и спортом, в то время как только в Германии более ста спортивных фрейнов.

Лурих обнаруживает недожинные познания в истории родины: «В древности эстонцы были сильным и здоровым народом, иначе они не смогли бы создать свой эпос с таким героем, как богатырь Калевипоэг».

— Разве не свидетельствует о том, что не оскудела сила народная, — говорил он тогда же, — тот факт, что в 1910 году маленькая Эстония дала четырех чемпионов мира. По плаванию — Тийсвелта, по гребле — Куузика, по борьбе и подниманию тяжестей — Аберга и Луриха.

Да, — с гордостью говорил, прохаживаясь по сцене, плечистый атлет в темной пиджачной тройке, — четыре имени, четыре чемпиона мира, и все они — сыны эстон-

ского народа, народа малочисленного, за рубежом почти никому не известного.

Один из сильнейших в мире борцов и тяжелоатлетов, Георг Лурих подтверждал важность гармоничной подготовки своим собственным примером, так как был в то же время и классным гимнастом, катался на коньках, любил плавать, занимался бегом, уделял много внимания акробатике, ездил на велосипеде.

То многое, что сохранилось из его литературного наследия, не утратило ценности по сей день. В своих статьях и лекциях Лурих предстает перед нами не только как великий спортсмен и убежденный пропагандист спорта, но и как большой патриот, вдумчивый мыслитель.

«Спорт, атлетика представляют собой не только сугубо личную, но и большую общественную ценность, ибо несут в широкие массы идеал физического развития».

«Атлетом способен сделаться любой, — еще тогда, когда человек лежит в колыбели, природа вручает ему удостоверение в том, что он может стать таким же сильным, как, например, я».

«Подлинный спортсмен-борец является своего рода пионером, способствующим искоренению бытующего у нас глупого предрассудка, будто бы физический труд унижен для человека, а физическая сила в наш век уже никому не нужна».

«Смысл атлетики не в том, что тот или иной атлет нечто для себя завоюет, — скажем, славу и деньги, — и не в том, кто кого положит на лопатки, — Аберг Поддубного или Поддубный Аберга, — ибо в любом случае человечество в целом вряд ли что-нибудь выиграет или проиграет».

Главнейшее назначение спортивного соревнования в том, чтобы мы, атлеты, почувствовали себя авангардом и обратились бы с серьезным предупреждением к физически слабеющему роду человеческому. Наш призыв таков: «Человек, сойди со своего безумного пути, посмотри на нас: разве мы не состоим из той же плоти и крови, что и вы?»

«Напрасно иные родители расстраиваются по поводу того, что их сын, занявшись вопреки их запрету спортом, слишком быстро вырастает из своей одежды, которую отец и мать приобрели с таким большим трудом, — ибо должны же мы признать, что одежду можно приобрести новую, а здоровье и силу не купишь ни за какие деньги».

Но присесть к письменному столу, свести воедино мысли и наблюдения ему удается лишь в редкие дни перерыва между борцовскими турнирами.

Большой немецкий порт Гамбург занимал особое место в ряду всех городов мира, где культивировалась спортивная борьба. Раз в год съезжаются в этот город борцы-профессионалы. Собравшись в небольшом зале, без зрителей, независимые от разработанных антрепренерами сценариев, ведут они честную борьбу без подтасовок.

Лурих в этом городе открыл счет своим победам на международных аренах. Успешно закончился для него проводившийся здесь и международный «гала-чемпионат» 1912 года. Лурих завоевал первый приз, за ним был, к огорчению своих соотечественников, немец Зафт, третье место поделили американец Вестергард-Смит и серб Сайков.

Вот уже семнадцатый год Георг на арене, но слава не вскружила ему головы. Он по-прежнему не идет на сделки с комбинаторами и умеет подобрать ключи к любому из противников, будь то смелый серб Сайков или огромный тевтон Зафт.

Силе Лурих противопоставляет быстроту, грубости — гибкость и неожиданность. Вот многопудовый Зафт перевел его в «партер», и Георг вынужден встать на «мост». Зафт готовится навалиться на эстонца, но тот, стоя на «мосту», внезапно приподнимается на метр. По-копачьи извернувшись, он подминает под себя противника. Арбитр опускается на ковер. Свисток! Зафт на лопатках.

Когда после матча Луриха спросили, как же ему удалось разработать подобную гибкость при таких мощных мышцах, Лурих бросил: «Очень даже просто. Занимайтесь каждый божий день, друзья! Не будете ли любезны подать мне тот стул?» И, скинув пиджак, встал на «мост» на узком сиденье стула.

Георг был подлинно универсальным атлетом; он выступал не только в классической борьбе, но и в вольной, швейцарской, персидской, турецко-татарской, грузинской, эстонской. Хорошо знавший его Тыну Выймула писал:

«Он внимательно следил за позицией противника и за каждым его движением, всегда точно улавливая подходящий момент. Приемы Луриха были стремительны и хорошо продуманны, — если какой-нибудь из них не удавался, борец мгновенно переходил к следующему. В Лурихе не было и следа той медлительности, какая свойствен-

на многим другим борцам, — он был художником в своей области, проводил один прием за другим без малейшей задержки, не оставляя противнику времени для размышлений... Приемы Луриха были быстры и в то же время мягки, — он никогда не причинял партнеру боли, как это делали другие борцы, которые, захватив руку противника, обычно сжимали ее так сильно, что у того слезы на глаза навертывались».

Немецкие специалисты, наблюдавшие за его тренировками и выступлениями, назвали его «Лурих-теоретик». Он непрерывно обновляет арсенал своих приемов. Когда кто-то осведомился, как он рекомендует производить захват спереди, Лурих на глазах борцов превратился в педагога.

«Необходимо различать 12 способов захвата спереди... — И после затянувшегося на 45 минут импровизированного выступления закончил: — Вообще-то, если быть абсолютно точным, то надо было бы выделить особо тринадцатый и четырнадцатый способы, в тех случаях, когда ваш противник...»

Один из присутствовавших при этом не без удивления писал:

«Лурих человек широко образованный и весьма интеллигентный. Он выработал в себе привычку к самостоятельному мышлению, которая проявляется буквально во всем, так что иной раз воспринимается как упрямство или же чудачество. В той области спорта, которую он избрал полем своей деятельности, то есть в поднятии тяжестей и в борьбе, он не был ничьим учеником и является в полной мере самоучкой. Лурих досконально, поистине с научной тщательностью исследовал свое тело и создал свою собственную, разработанную до мельчайших частностей теорию развития мышечной силы человека».

Разговаривать с Лурихом о борьбе чрезвычайно интересно, его рассуждения поучительны и весьма своеобразны. Правда, в наши дни имеется множество теорий борьбы, и не один человек, желающий заниматься этим видом спорта, обойтись без них не в состоянии. Однако у каждого приема и контрприема может быть бесчисленное количество нюансов, которые в каждом отдельном случае еще усложняются в соответствии с индивидуальными душевными и физическими особенностями атакующего и защищающегося; и нюансы эти до сих пор никто не пытался привести в систему, ибо каждый борец надеется, что в ре-

шительный момент схватки его вывезет скрытое в каждом человеке врожденное чувство равновесия. Но Лурих-теоретик не способен примириться с таким положением, он пытается систематизировать все даже самые тонкие нюансы.

Лурих не только атлет-борец, но и мыслитель-исследователь — своими успехами он обязан скрытым в его теле физическим возможностям, равно как и своей высокой интеллигентности, сочетающейся с ни с чем не сравнимой настойчивостью».

Лурих был прежде всего борцом классического стиля, но он не уклонился и от того, чтобы испытать себя в новой для него вольной борьбе. Завоевав в уже упоминавшемся гамбургском турнире первое место, он едет в Америку. Намеченная четырехмесячная поездка растянулась на четыре года и превратилась в подлинный триумф эстонского борца.

В новом для него виде борьбы Лурих побеждает Збышко-Цыганевича, Мангофа, Роллера, многих прославленных тогда мастеров. Уступил он только чемпиону мира Фрэнку Гочу, но меньше чем через месяц в Гаване Георг Лурих дважды кладет и его на лопатки.

В скульптурах известного ваятеля Амандуса Адамсона «Калевипоэг у врат ада» и «Чемпион» запечатлен Лурих. Его фигуру считали в те годы идеальной. На всемирной выставке во время Олимпийских игр в Сент-Луисе статуя «Чемпион» была удостоена первой премии.

Но дельцы от спорта не прекращали своих попыток хоть чем-нибудь очернить Луриха. Борзописец «Рижского вестника», узнав, что атлета приглашает к себе в студию великий Роден, использует этот факт для грязных инсинуаций: Лурих-де готовится водрузить самому себе памятник.

Атлет дал достойный ответ, напомнив, «что художники увидели во мне человека, хорошо развитое тело которого могло бы послужить им моделью... Такие авторитеты, как Роден, Клипгер, Бегас и Вернер, не раз использовали меня как натуру для своих статуй, которые теперь можно увидеть во многих музеях Западной Европы».

В своей книге «Выдающиеся борцы мира» историк спорта В. Беккер писал:

«Георг Лурих может считаться феноменом в том отношении, что ему посчастливилось пройти свой жизненный путь, соединяя в себе качества как выдающегося штан-

гиста, так и борца, и добиться звания чемпиона мира в обоих видах спорта. Этим самым он убедительно опроверг мнение, будто борец высокого класса никогда не может быть хорошим штангистом и, наоборот, — выдающийся штангист никогда не добьется замечательных результатов в борьбе

Благодаря своей необычайной находчивости и исключительной разносторонности, — качества эти проявлялись, в частности, и в том, что Лурих владел по меньшей мере десятью языками, — он был до войны знаменит как атлет, достигавший мировых рекордов в самых различных видах упражнений: в поднятии тяжестей он устанавливал один мировой рекорд за другим и вместе с тем так интенсивно и вдумчиво занимался борьбой, что искусство греко-римской борьбы обязано ему многими новыми позициями, приемами и контрприемами.

Эти-то качества и сделали возможными победы Луриха над самыми известными борцами его времени, такими, как Гаккеншмидт, Педерсен, Поль, Вебер, Цыганевич, Райцевич и др. Если же его иной раз и побеждали, то поражением он, как правило, был обязан прежде всего своей не в меру смелой и предприимчивой натуре, своей жажде спортивного исследователя, которая заставляла его даже в репающих схватках испытывать какой-нибудь новый прием. Лурих был спортсменом до мозга костей».

Казалось бы, между борьбой и шахматами нет ничего общего, но, следя за Лурихом, прославленный гроссмейстер Тарраш приходит, казалось бы, к парадоксальному выводу: «Спортивная борьба уже не только спорт — это целая наука, и она завоевала себе почетное место рядом с шахматами. В каждой встрече борцов словно бы заключена целая дюжина партий, каждая серия приемов, каждый цикл атак как бы целая партия». Тарраш сравнивал Луриха с Чигориным, непрестанно обновляющим репертуар, ошеломляющим партнеров неожиданными ходами. Георг и впрямь тщательно продумывал дебют, соизмеряя его с характером соперника, подобно шахматисту, рассчитывая ходы и предугадывая пути к победе.

В 1917 году Лурих, его земляк и друг, участник многих международных чемпионатов Александр Аберг вернулись в Россию. Одному из авторов этого очерка посчастливилось видеть их в 1918 году на арене цирка Чинизелли.

После таких, исчезнувших ныне из репертуара «неподражаемых нумеров», как шпагоглотание, выпивание многоведерного аквариума с тритонами и рыбками и на глазах почтеннейшей публики извержение содержимого обратно в аквариум, после пошловатых клоунов, с неподдельным восторгом воспринял простой люд, заполнивший ярусы не топлённого цирка, появление человека, который объявил выход «возвратившихся из турне кругом всего света Георга Луриха — первого, настоящего, и Алекса Аберга».

После выступления в Питере они объехали многие города Украины и Северного Кавказа, но в Армавире обоих свалил сыпной тиф, 22 января 1920 года не стало Луриха, 15 февраля — Аберга.

Известный русский силач Петр Федотович Крылов, руководивший в 20-х годах атлетическим кружком, неоднократно вспоминал свои встречи с «Егором», так по-своему величал он Луриха. Начиная урок, сам Крылов брал одной рукой два бульдога (двухпудовые гири с квадратным ушком), истово крестился ими. «Лурих же, — поведал нам Федотыч, — мог осенять себя четырехпудовым весом почитай что без счету».

И Крылов, и наведывавшийся в кружок ветеран тяжелой атлетики Г. В. Бессарабов не раз сопоставляли век нынешний с веком минувшим. Когда увлеченные встречей с Лурихом белгородские парни организовали атлетические кружки, то они не встретили со стороны властей никакой поддержки. Больше того, полиция преследовала эти кружки, так как их посещали слесари, полиграфисты, грузчики.

На соревнованиях Харьковского учебного округа подготовленные по методу Луриха крепьши выгодно выделялись на фоне барчуков. Но попечитель округа Соколовский наложил своей властью запрет на соревнования по французской борьбе и тяжелой атлетике: «Такому мужицкому спорту не должно быть места у меня». Не действовала и апелляция к имени Луриха: «Для меня этот ваш чухонский бог не авторитет-с!»

Георг Лурих ушел из жизни в расцвете сил. Ему совсем недолго довелось жить и работать в новой России. Но и сегодня традиции замечательного эстонского борца живы в практике советского спорта, как жива память о нем.

Народ Эстонии свято чтит славные имена своих богатырей. Уместно напомнить, что борец Мартин Клейн из той же Эстонии был единственным представителем России, завоевавшим «серебро» на Олимпийских играх 1912 года. История спорта не знает второго случая, когда бы схватка длилась более десяти часов (Клейн — финн Аси-кайнен, полуфинал).

В 1952 году, когда команда Советского Союза впервые участвовала на Олимпийских играх, «наш Юхан», как любовно зовет Иоханнеса Коткаса вся Эстония, становится чемпионом. Как говаривал сам Коткас, он весьма прилежно проштудировал все наследие Георга I.

С 1956 года в Таллин, Хаапсалу, Тарту съезжаются борцы трех Прибалтийских республик, соревнуясь на приз имени Луриха. На медали, вручаемой победителю, — чеканная фигура атлета, имя которого навечно вписано в летопись отечественного спорта.

Л. Атрашенко

ОСОБОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
(Владимир Мягков)

Зима 1939 года выдалась на редкость бесснежная. И открытие XVI первенства страны по лыжам, запланированное на январь в Свердловске, из-за бесконечных оттепелей пришлось отложить... Считали, что хоть к концу зимы природа возьмет свое — выпадет долгожданный и столь необходимый для лыжных соревнований снег. Да все напрасно. Захоронит вроде ночью метель, прикроет к утру голую землю пушистым белым ковром, а днем оттепель сожрет все до снежинки. Вконец устали от собственного бессилия организаторы соревнований, и с каждым днем, как и этот ночной непрочный снег, таяли их надежды. Со страхом думалось о возможном приходе ранней весны...

Но вот во второй половине февраля погода как будто установилась: начались морозы, временами доходившие до двадцати градусов. Но снег выпадал скупо. Можно было и подождать еще, но не знаешь, чего дождешься... Решено было к началу соревнований подвезти к трамплину и на лыжню снег на санях. Правда, эффект от этого получился незначительный, потому что по необъяснимому закону подлости на смену оттепелям пришла затяжная февральская поземка, она подчистую слизывала, словно отторгала нечто инородное, привезенный с Уктусских гор снег. Люди доставляли его снова, старательно утрамбовывали на лыжне, а поземка с еще большим остервенением принималась за свое дело. Так и остались на земле незалатанные места — мерзлая шероховатая земля. Она, как наждак, вшивалась в лыжи, не только стесывая мазь, но и оставляя глубокие рваные царапины на их гладкой поверхности.

Да, условия для соревнований оказались прямо-таки неожиданными, и, безусловно, многие из участников, встретившись с дополнительными трудностями, так и не сумели их преодолеть или преодолели с уроном для собственного спортивного престижа. Не случайно уже с первых дней борьбы начались сюрпризы.

На финише стало оживленней: к толпе судей, тренеров, в общем ко всем тем, кто сегодня обслуживает гонку на

двадцать тысяч метров, теперь присоединилась большая группа болельщиков, громогласных в силу своей возбужденности и все более возбуждаемых собственной громогласностью. А километрах в двух от финиша маячили силуэты нескольких человек, и это были, видимо, не просто болельщики, а друзья и близкие соревнующихся, от нетерпения двинувшиеся им навстречу.

Люди стояли на твердом насте, зябко притопывали ногами и выжидательно поглядывали на лыжню, убегающую по ровному полю к лесу. Чувствовалось, что стоят они здесь уже давно, успели порядочно замерзнуть, а некоторые заодно — познакомиться в споре.

— Вот, ей-ей же, Орлов первым придет, — бубнил, будто ни к кому не обращаясь, парнишка лет пятнадцати с явным намерением завести выигрышный для него спор. Орлов был победителем труднейшего четырехдневного пробега Москва — Ярославль, и ему абсолютно всеми пророчилась победа в двадцатикилометровой гонке. Об этом из присутствующих здесь знал не только говорливый парнишка.

— Да замолчи ты! — осадил его наконец пожилой мужчина в рыжей лисьей шапке. — Зачем коллегам нервы взбивать?!

— А чтобы подготовились эти коллеги. Не так муторно потом будет, — не унимался задиристый юный болельщик.

— Ну и гад же ты! — не удержался рядом стоявший парень. Одет он был легко — в лыжные ботинки и телогрейку поверх спортивного костюма. Нос и губы его посинели, то ли от холода то ли от долго сдерживаемого волнения.

Тут вдаль между деревьями замельтепили две фигуры, и болельщики словно по команде «замри», застыли в том положении, в каком застало их сказанное кем-то «идут».

— Орло-о-ов! — что есть мочи заорал парнишка. Обладатель рыжей шапки от все души отвесил ему подзатыльник, смачно сплюнул и подчеркнуто невозмутимо стал вглядываться в приближающихся лыжников.

— Кто же это первым-то? — не вытерпев, забурчал он. — Гляди, Пашка Орлов вторым ковыряется. Да кто же это?..

— Володя. Володенька-а-а! — Девушка в белой пуховой шапочке и нездешнем пальто побежала навстречу лыжникам.

Болезельщики еще больше заволновались. «Кто такой? Кто такой?» — спрашивали они друг друга.

— Ну что, сморчок? Накрылся твой Орлов, — весело выдохнул парень в телогрейке. — Знай наших! — И он вдруг начал яростно отплясывать, хлопывая себя руками, словно только сейчас почувствовал, что промерз основательно.

А болельщики, пережив первые минуты разочарования, осаждали вопросами парня в телогрейке. Тот торопливо надевал лыжи, поглядывая в сторону приближающихся гонщиков и с усилием раздвигая стылые губы, охотно объяснял:

— Да это наш Володька Мягков! Ленинградец. Мировой парень!..

Здесь, в чистом поле, лыжня оледенела. Местами на ней проглядывали плешины земли, на них лыжи, хрипло взывая, затормаживали бег. А лыжники, стиснув зубы, пытались не замедлять его ни на секунду.

Владимир Мягков — высокий, атлетического сложения, выделялся среди ленинградских лыжников особой манерой ходьбы. Из-за этого у него с тренером поначалу то и дело возникали споры.

— Корпус, корпус ниже, Володя! Еще ниже, — кричал ему на занятиях тренер. — При махе ногу в колене больше сгибай. Ну что ты, как столб, бежишь!

Владимир пробовал ходить, как ему советовали. Однако уставал гораздо быстрее и все же пытался освоить рекомендуемый ему стиль, убеждая себя, что, когда привыкнет, все пойдет как по маслу.

Но перестроиться он так и не смог. Привык — на лыжах с самого детства — уже ходить по-своему. А тренеру, когда тот в очередной раз принялся упрекать его («техники у тебя нет и не будет, потому что не слушаешь, упрямисься, все по-своему делаешь»), Мягков заявил:

— Ладно, Федор Иванович, не будем больше спорить по этому поводу. Как я ходил, так и буду ходить. А техника... Что ж, она, может, завтра другая будет.

И действительно, через несколько лет техника хождения на лыжах изменилась, и сегодня, видимо, Владимир Мягков не выделялся бы среди лыжников своеобразной манерой ходьбы, его технику не то чтобы переняли, к ней пришли. А тогда не обходилось и без обидных для спортсме-

мена замечаний вроде: «Ну и техничка...», «Интересно, кто его тренировал?» и так далее.

Мягков был сам себе первым тренером. Он самостоятельно тренировался до зимы 1935/36 года, когда в соревнованиях на первенство Ленинграда по лыжам занял призовое место, и это была победа не только Володи Мягкова-спортсмена, но и победа Владимира Мягкова-тренера. На этих соревнованиях его впервые и заметили. Городской комитет по физической культуре и спорту направил молодого способного лыжника учиться в школу тренеров при Государственном институте физической культуры имени Лесгафта.

Владимира включили в сборную команду города, и тут впервые появился человек, который стал руководить его тренировками и который с первых же дней столкнулся не только с самобытной техникой своего подопечного, но и с еще более самобытным характером.

Тренировки эти не приносили Мягкову удовлетворения. Они как бы выбивали его из привычного спортивного ритма, и не потому, что были для него малы по нагрузкам, а потому, как казалось ему, что были несовершенны в своей основе. Они рассчитывались на всех и ни на кого в отдельности. Все подгонялось под какую-то единую, общую схему. Невзлюбил Владимир эти «тренировки под руководством», стал часто их пропускать, отвоевывая прежнее право быть самому себе тренером. И здесь уж он старался.

Каждый вечер в одно и то же время его можно было увидеть в Шуваловском парке поселка Парголово. Там Володя разминался, делал несколько легких пробежек и стартовал на свою, им самим приблизительно отмеренную дистанцию — двадцать километров. Она пролегла через крутые склоны парголовогорских гор, по лесным дорогам Южков и Каменки.

— Но ведь чемпион Ленинграда не он? — уловил последний вопрос парень в телогрейке.

— Да ты не понимаешь, я говорю, он мировой... — И казалось, что, если бы губы его сейчас окончательно отогрелись, он бы говорил, говорил, какой славный человек Володька Мягков. Но вот парень наконец застегнул непослушными пальцами крепления, взял палки и покатил вдоль лыжни, то и дело оглядываясь назад. За ним

затрусил и остальные болельщики. Одни бежали боком, другие просто шли спиной вперед, навстречу резким холодным порывам ветра. И только девушка в белой шапке оставалась на месте. В глазах у нее застыли слезы, а на лице ее блуждала счастливая улыбка. Потом девушка, пробежав несколько метров, остановилась и так стояла, подавшись вперед и чуть привстав на цыпочках. Лицо ее раскраснелось, локоны волос выбились из-под шапочки, она сняла варежку, стала поправлять их, не отрывая взгляда от бегущего навстречу лыжника. Варежка упала, девушка как-то машинально дернулась за ней, но не нагнулась и тут же, видимо, забыла про нее.

— Володя, я знала, я так и знала... — закричала она рвущемуся по лыжне Владимиру Мягкову.

Он, увидев ее на миг и не осознав, как, почему появилась она, Муся, здесь, на уральской земле, будто чего-то вдруг испугался. Все это Муся прочитала на его лице, когда он пробежал мимо, но, еще не сообразив, что к чему, крикнула ему в спину:

— Я сейчас прибегу.

Но не побежала, а медленно пошла следом, часто ступаясь в неглубокие вмятины в снегу. Нет, не так она представляла себе встречу с Владимиром, думала, обрадуется... Она даже не взглянула, когда мимо, тяжело дыша, проскользнул главный соперник Мягкова, тот, с кем Владимир вел основную борьбу на дистанции, и ей только слышались крики болельщиков: «Орлов! Пашка! Поднажми малость!»

Но «поднажимать» было уже поздно. XVI первенство страны по лыжам на дистанции в двадцать тысяч метров уверенно выиграл неизвестный в большом спорте ленинградский лыжник Владимир Андреевич Мягков.

Так в наш спорт вошел Владимир Мягков. Вошел неожиданно и с поразительным для того времени результатом... Уже в 1941 году в Ленинграде провели в честь первого лыжника — Героя Советского Союза Владимира Мягкова мемориал.

В последующие годы войны этот приз не разыгрывался.

В 1952—1954 годах на гонке сильнейших лыжников Советского Союза разыгрывались призы в честь Владимира Мягкова и чемпионки страны Любови Кулаковой.

В настоящее время приз имени Мягкова в Ленинграде разыгрывается ежегодно на дистанции восемь километ-

ров у женщин и двадцать — у мужчин. Победителей в командном и личном зачете награждают дипломами, а участников гонки на двадцать километров, показавших результат не хуже 1 часа 17 минут 13 секунд, — памятными значками.

Именем Мягкова названы: в Ленинграде Дом физкультуры ДСО «Буревестник» на улице Софьи Перовской, а в Москве — стадион на Ярославской улице. Но многие не знают о Мягкове ничего, кроме того, что в 1939 году он стал чемпионом страны...

Сверстников Мягкова осталось очень мало. Большинство погибло во время Великой Отечественной войны. В 1940 году в очередном первенстве страны он уже не участвовал — воевал с белофиннами. Сильнейшим на дистанции в двадцать километров тогда оказался москвич Алексей Иванов.

Владимир Мягков родился в 1915 году в Петрограде. Вскоре после революции родители уехали в Крым на поиски лучшей жизни. Но везде она, жизнь, в то время была одинакова. Помыкались они со своими узлами да котомками и вернулись в родные места. А спустя два года, в 1923-м, умерла мать — Евдокия Елисеевна. Остались на руках у Андрея Аксеновича восьмилетний сын Володя и двухлетняя дочь Тоня. А тут пришло известие из Сибири — сестра Евдокии Елисеевны, Ирина, похоронила мужа.

Собрал Андрей Аксенович свое семейство «на совет».

— Что будем делать, Владимир? Может, заберем тетку со всем ее выводком к себе? Оно хоть и тяжело, а все спокойнее, опять же вы присмотрены будете.

Так и решили.

Через месяц тетка Ирина с маленькой девчушкой на руках и остальными троими мальчишками, старшему из них, как и Володе, было восемь, переступила порог небольшой комнатки Мягковых. А вскоре все семейство переехало в деревню Михайловку — тогда пригород Ленинграда, купив небольшой старый дом. Ирина очень ловко навела в нем чистоту и уют.

Работал один Андрей Аксенович. С раннего утра и до позднего вечера не бывал дома. Ирине Елисеевне тоже доставалось с такой оравой ребятни — всех накормить, обшить, в школу отправить — дня не хватало.

И когда вечером убежавшиеся за день ребятишки сладко посапывали на полатах, а взрослые за вечерней трапезой как бы подводили итог прожитому дню, Ирина вдруг забудет о делах своих насущных, начнет рассказывать о ребячьих проказах, оживится вся, повеселеет.

Слушая ее, Андрей Аксенович подмечал, что никогда она ни в чем не выделит своих, ко всем относится ровно, одинаково заботливо. Передавалось ему Иренино настроение, в такие минуты уходила из него глухая усталость, и думалось: «Еще один день прожили, так не заметим, как дети подрастут». А вслух, бывало, скажет:

— Настанет лето, по грибы да по ягоды пойдем все вместе. Пол-леса оберем. — И тихо засмеется.

Ирина тоже с нетерпением ждала лета, оно избавит ее от многих забот и расходов. Не надо будет думать, во что одеть, обути ребятишек. А там грибы, ягоды, огород — легче прокормиться. От этих мыслей еще больше веселеет Ирина, а Андрей Аксенович, глядя на нее, не в первый раз уже скажет:

— Ты, Ирина, больно похожа на Дусю, и лицом, и характером.

— Ну будет уж. Ты послушай, что ребята-то наши надумали. Лыжи себе мастерят. Володька на бумаге вначале все рассчитал, потом тесины для лыж подобрал. А сегодня из школы пришли — сразу за уроки. Я говорю: «Ступайте гулять — отдохните маленько». Они и в ус не дуют. Молчком уроки-то сделали и скорей за свои тесины принялись. До поздней ночи бы простругали, кабы я их не турнула. Тесины-то общипанные в сенах в угол составили. Хочешь — взгляни пойдди.

Лыжи ребята себе все-таки смастерили. И крепления гвоздями приладили — все честь честью. От огорода проложили дистанцию и устроили соревнования. Первые дни бегали вчетвером. А в воскресенье к мягковскому огороду подвалила вся деревенская ребятня. Начались споры. Каждому казалось, что он эту дистанцию пройдет лучше. Четыре пары самодельных лыж переходили из рук в руки. Руководил забегами Володя, он же выступал в роли тренера. Судейство осуществлялось сообща.

Выявить победителя оказалось непросто, никто не хотел уступать первенства, и соревновались уже не на быстроту, а на выносливость. Бегали до тех пор, пока

ноги переставали слушаться. Самым выносливым оказался Володя.

Не одни самодельные лыжи износил Владимир. У братьев охота к лыжным забавам вскоре прошла. Только Владимир все чаще стал уходить на своих самоделках в лес, катался с гор. Часто возвращался домой с разбитым носом и сломанной лыжей. Все свои невзгоды переживал молча, так же молча мастерил новую лыжину.

А уж когда отец принес настоящие, Володя вообще перестал бывать дома. Из школы — на лыжи, и дотемна. Ирина Елисеевна, бывало, шумит на него: «Уроки, паршивец, когда будешь делать?»

— Счас! — И сидит до поздней ночи.

Летом Владимир тоже не мог обходиться без дела. Все что-нибудь мастерил. Однажды, на зависть и удивление всей деревне, «изобрел» деревянный трехколесный велосипед. Ездил полдня на нем, потом передал во владение братьям. И кочевал этот велосипед из двора во двор, пока его совсем не доломали.

В восемнадцать лет Владимир остался без отца. Андрей Аксенович погиб в автомобильной катастрофе. Погиб единственный кормилец большого слаженного семейства. И всем четверым братьям пришлось его заменить. Они поступили учиться в ФЗУ и, окончив его, пошли работать.

Владимиру нравилась его новая специальность слесаря-лекальщика на заводе радиоаппаратуры, но все же он продолжал тосковать, не давала ему покоя давняя мечта — видел он себя в форме военно-морского врача. И спустя год поступил на подготовительные курсы 1-го Ленинградского медицинского института. И вот тут ему вроде бы перестало хватать суток: работа, учеба, тренировки, систематические, упорные.

Зимой, когда Владимир стал призером городских соревнований и ему предложили пойти учиться в школу тренеров, он ушел с работы. Но облегчения от этого не принесло. Чтобы помочь семье, он стал тренировать группу юношей.

Летом 1937 года Владимир вдруг исчез. Никто, кроме близких, не знал, что он все дни напролет просиживал над учебниками. Другьям, которые разыскивали его, отвечали, что он уехал из Ленинграда в Сибирь. И только

в конце лета Владимир появился в институте Лесгафта, бледный, худой, но счастливый.

— Поздравляйте меня, — говорил он немного застенчиво знакомым, — я студент Первого медицинского.

Друзья прямо обалдели от этого сообщения.

— Ты же никогда не говорил, — удивленно таращились они на него.

— Да вот так уж получилось. Просто не ожидал, что поступлю, — оправдывался Владимир.

О своих занятиях на подготовительных курсах он поведал только близким людям. Среди них была Муся — тоненькая, милая девушка с завода радиоаппаратуры. Ее Владимир посвящал во все свои дела. И в то лето, когда он готовился к экзаменам в институт, Муся часто приходила в его уединенную деревенскую резиденцию — это был просторный шалаш в самом дальнем конце огромного огорода. Их постоянно видели вместе, даже когда Владимир ушел с завода. Муся чаще стала бывать в кругу его друзей и знакомых, теперь уже из спортивного мира.

Начались занятия в институте. Свободного времени становилось все меньше. Даже с Мусей порой он не встречался по неделе и больше. И девушка начала жаловаться, что ей одиноко и скучно сидеть по вечерам дома и ждать, когда «ученый рыцарь» соблаговолит посетить ее.

Позже начали поговаривать, что Муся встречается с Алексеем Чибиним, известным в то время легкоатлетом. Владимир поначалу не придавал значения этим толкам, но когда однажды на Невском столкнулся с Мусей и Алексеем лицом к лицу, заметил, как растерялась и побледнела она. И сколько потом ни старалась Муся наладить отношения, он как отрезал. Стал еще ожесточеннее бегать на лыжах, сторониться девчонок на курсе, словно и они были в чем-то виноваты, ушел весь в себя.

Однажды Володя, выйдя в свой обычный путь, засек время. На финише посмотрел на часы и огорчился. Результат его явно не удовлетворял. С тех пор он стал тренироваться с секундомером, рассчитывая, где можно увеличить темп бега, где замедлить, и обязательно каждый раз сокращал время на несколько секунд.

На одной из тренировок уже при выходе из парка

Володя увидел трех парней. Один из них тащил куда-то за руку девушку, та сопротивлялась, что-то кричала... Володя свернул с «дистанции», побежал к ним. Пришлось снять лыжи и восстановить справедливость на кулаках.

Девушка убежала, парни копошились в снегу, а Володя торопливо надевал лыжи. Он знал, что выбился из графика и надо было во что бы то ни стало наверстать упущенное время. Когда Володя побежал к своей лыжне, ребята, решив, что он испугался, осмелели, с угрозами и руганью бросились за ним. Но тут один из них догадался:

— Да это же Володька Мягков! — И, успокоившись, они пошли восвояси.

«Ну слава богу, — подумал Володя, — руки-ноги целы, головы соображают». И уже со спокойной душой бежал дальше.

Время свое впервые за последние два месяца он не улучшил. «Результат вчерашний», — отметил про себя. Те две-три минуты — он не знал, сколько потерял при столкновении в парке — не вычел из общего результата.

Был еще в эту зиму один случай, когда Мягков пришел к своему финишу со «вчерашним временем».

Крепления на лыжах устанавливались тогда мягкие, и ремешок каким-то образом соскользнул с задника ботинка вверх и врезался в ногу. Останавливаться и поправлять его Володя не стал. Не потому, что время не хотелось терять, а подумал — выдержу, на соревнованиях и не такое порой случается. Выдержать он выдержал, но ногу стер до крови.

В это время Мягков уже тренировал команду юношей. Работать с ними начал очень своеобразно. Пока изучалась теория, тренировки проходили элементарно. Когда же полностью перешли к практике, он объявил своим подопечным:

— Сейчас постарайтесь тщательно изучить себя. Выявить в работе все особенности своего организма. Я буду помогать вам в этом. — И он индивидуально с каждым пробежал не одну дистанцию, подмечая и указывая промахи и недочеты, помогая найти правильное положение тела при ходьбе.

Результаты таких тренировок сказались в первых же городских соревнованиях. Приз выиграли мягковцы.

При встрече с Мягковым стали раскланиваться даже опытные, заслуженные тренеры. За его спиной, но так, чтобы он слышал, говорили: «В этом юноше что-то есть. Он определенно талантлив». Володя на такие реплики снисходительно улыбался. Он-то знал, как «добывается» талант в спорте. Знали об этом и друзья Володи, которые иногда вместе с ним тренировались по его системе, бывали в комнате, которую он снимал в Парголово, — обставлена она была в основном спортивным инвентарем; штанга, гири, гантели, боксерская груша и еще куча всяких спортивных предметов.

— Володя, тебе сюда еще перекладину, у окна — бруска, — начинал кто-то, а другой его поддерживал:

— Но тогда козел не поместится, а без козла не выбиться тебе в чемпионы.

Ребята смеялись, но Владимир не обижался на их шутки. А при случае, если заходил разговор о талантливых и бесталаных спортсменах, с горячностью доказывал, что никаких талантов в спорте он не признает.

— Обо мне стали говорить: он талантливый лыжник. Неверно говорят. Надо говорить: он по-настоящему любит лыжи. Потому что только любовь к лыжам помогла мне достичь того, чего я достиг.

— Ну не скажи, — возражали ему, — тут надо в основном силу воли иметь.

— Ошибаешься! — сразу же перебивал Володя собеседника. — Сила воли приходит на помощь человеку когда? — спрашивал он и сам себе отвечал: — Когда в чем-то преодолеть себя надо, когда делаешь что-то против своего желания. Вот, скажем, прыгнуть ласточкой с пятиметровой вышки. Один поднимется, подойдет к краю трамплина, глянет вниз — и проторчит там час, а прыгнуть так и не решится. Другой зажмурится от страха, была не была — и вниз головой, — у него, конечно, сила воли сработала. А вот ты говорил, что самые сладкие, кажется, для тебя минуты, когда ты отрываешься от трамплина. Конечно, прыжки прыжкам рознь. Или прыгать просто забавы ради, или, скажем, поставить перед собой цель — лучше всех прыгнуть. Тут уж собранность, самодисциплина нужны и, если хотите, сила воли. Но они все-таки побочны, основное — любовь. С помощью силы воли ты можешь в любом виде спорта преуспеть, а по-настоящему, по большому счету, только в любимом.

Обычно спор на этом обрывался, потому что ребята знали еще об одном Володином увлечении. Летом все свое свободное время он проводил на озере — плавал, прыгал с вышки, причем с самой высокой. Но сколько его ни уговаривали выступить в соревнованиях — отказывался, потому что на первом месте для него были лыжи.

Из Свердловска Владимир возвращался радостно-возбужденным. Он знал, что на вокзале его ждет орава друзей, придут, конечно, и его подопечные — вся команда, которую он тренировал. Братья, сестры тоже, наверное, будут — он послал домой телеграмму. Кто же еще? Муся, конечно, не придет. Обиделась. Владимир уже не однажды ругал себя за то, что так и не увиделся с ней в Свердловске.

На вокзале творилась невообразимая суматоха. Казалось, команду лыжников встречал весь город. Владимир только появился на подножке вагона, как его схватили и начали подбрасывать вверх. Потом мелькали какие-то лица — знакомые и незнакомые. Все жали руку, обнимали. Он уже был не рад, что приехал.

Пробиваясь в окружении целой толпы в город, Владимир вдруг заметил Мусю. Кто-то из шедших рядом тут же заслонил ее, но спустя мгновение она снова попала ему на глаза. И он безотчетно зашагал в ее сторону.

Муся стояла у газетного киоска, внимательно рассматривая пассажиров, выходящих из вокзала. Увидев Владимира, она покраснела, виновато потупилась и стала что-то торопливо искать в своей сумочке.

Когда Владимир подошел к ней вплотную, она закрыла сумочку и подняла на него глаза.

— Ну, здравствуй! Меня встречаешь? — голос у него дрожал от волнения.

— Да, — кивнула Муся и прижалась лицом к его широкой груди.

Потом они немного смущенные, но счастливые шли по Невскому, а рядом шагали Володины друзья и поклонники. Группа эта заметно поредела, когда дошли до площади Толстого. Там Володя с Мусей расстались.

Они помирились. Алешка получил отставку. «Да там и не было ничего серьезного, — уверяла Муся, — встречалась-то я с ним от злости на тебя».

В полукилометре от станции Кавголово на песчаном пологом косогоре стоит и по сей день большой двухэтажный деревянный дом — спортивная база Ленинградского института физической культуры имени Лесгафта. Со всех сторон обступили ее могучие сосны, огромное озеро раскинулось сразу же, метрах в пятидесяти. А немного в стороне начинается Кавголовский парк, постепенно переходящий в лес. Местность здесь гористая, зимой ли, летом красота неопишная. На этой базе провел свое последнее лето Владимир Мягков. Это было самое безмятежное, спокойное и радостное время в его жизни.

По воскресным дням к нему приезжала Муся. Приезжала рано утром. Владимир встречал ее у электрички, и они, наскоро позавтракав в столовой базы, бежали на озеро. Там у них был свой пляж — с одной стороны русло летом пересохшего ручья, с другой — крутой косогор, покрытый мягкой зеленой травой. А между ручьем и косогором небольшая песчаная коса. Вход в озеро в этом месте был очень пологий, метров тридцать надо пройти, чтобы потерять под ногами дно. Недалеко от берега, где воды было примерно по колено, лежал большой черный камень. На нем любила сидеть Муся. Обхватив ноги руками и уткнувшись подбородком в колени, она подолгу смотрела куда-то поверх Володи, загоравшего на песке. Потом ее глаза останавливались на нем, и Владимир угадывал в них нежность и смятение.

Здесь у черного камня они впервые сказали друг другу самые главные слова.

Пришла осень, и снова в Володиной комнате стали собираться друзья. И каждый из них не без грусти отметил, что комната стала приобретать более житейский вид. Но ребята, зная замкнутость и застенчивость Володи, не спрашивали ни о чем, хотя догадывались — дело идет к свадьбе. Каждый раз ждали: вот Владимир заговорит об этом сам, но тот молчал, видимо, думали ребята, еще вынашивает в себе решение.

На самом деле у Владимира с Мусей уже все было определено, даже время свадьбы назначено — сразу после возвращения со всесоюзных соревнований.

Владимир к ним стал готовиться еще с лета. И чуть только побольше подвалило снежку, а зима в том году была ранняя и обильная, Мягков встал на лыжи.

К новой битве на лыжне он готовился не то чтобы с еще большим упорством, а с каким-то необыкновенным азартом. Владимир был уже в прекрасной форме, и время, за которое он проходил на тренировках 20 километров, вполне устраивало его.

До начала соревнований оставались недели... в Ленинград пришла беда.

29 ноября 1939 года в городе, вероятно, в каждом доме, в каждой квартире был включен репродуктор, и все от мала до велика слушали выступление по радио Председателя Совета Народных Комиссаров СССР товарища В. М. Молотова:

— В последние дни на советско-финляндской границе начались возмутительные провокации финляндской военщины, вплоть до артиллерийского обстрела наших воинских частей под Ленинградом, приведшего к тяжелым жертвам в красноармейских частях...

Правительство дало вместе с тем распоряжение Главному Командованию Красной Армии и Военно-Морского Флота — быть готовым ко всяким неожиданностям и немедленно пресекать возможные новые вылазки со стороны финляндской военщины.

Слушая радио, люди понимали, что это начало войны.

В ночь на 30 ноября Каллио, президент Финляндии, объявил состояние войны с Советским Союзом. Ленинградцы об этом еще не знали.

Наступила полночь, но город не ложился спать. Все ожидали передачи «Последних известий» по радио. И диктор тревожным, но уверенным голосом оповещал людей о событиях этой ночи:

«По приказу Главного Командования Красной Армии, ввиду новых вооруженных провокаций со стороны финской военщины войска Ленинградского военного округа в 8 часов утра 30 ноября перешли границу Финляндии на Карельском перешейке и в ряде других районов».

Так началась война. В тот день Мягкову надо было выезжать на сборы, а он вместо этого пошел в военкомат. Пошел сам, без вызова и попросил, чтобы его включили в особый лыжный отряд 9-й армии, который был сформирован из студентов Института физической культуры имени Лесгафта. Отряд этот должен был действовать в глубоком тылу противника, уничтожать финские штабы, разрушать коммуникации, взрывать мосты, склады с бое-

припасами, нападать на войсковые колонны,двигающиеся к линии фронта.

После первых же операций Мягкова назначают командиром отделения, и он сразу проявляет себя как способный командир. Однажды отделение получило задание найти вражескую зенитную батарею и уничтожить ее. Несколько дней отряд бесцельно кружил в заданном районе и никаких признаков батареи обнаружить не мог. А батарея была — об этом сообщали летчики, которые всегда попадали под обстрел именно здесь, в этом районе. Не могла же она сквозь землю провалиться. В тот день Мягков вышел на лыжах один. Шел медленно, внимательно оглядываясь по сторонам. Подошел к лощине, остановился, и вдруг... что за чудо! Лощина заканчивается невысокой горушкой. Горушка как горушка — белым-бела — снег кругом. И неожиданно в горушке что-то заскрежетало, словно пасть разинулась — растворились огромные ворота. «Так вот она, батарея», — понял Мягков. Он, не мешкая, обошел лощину и пробрался к горушке с другой стороны, подошел к воротам и наткнулся на белофинского офицера. Пришлось вступить в бой. Офицера убил и, отстреливаясь из автомата, отступил. Услышав стрельбу, к нему на помощь пришли товарищи, им удалось разгромить батарею и без потерь уйти от преследования. Но в тот же день группа попала в окружение, причем белофиннов было раза в три больше. Мягков умело организовал оборону, сам лично проявил исключительную храбрость, уничтожив десять белофинских лыжников. Затем, определив маршрут своим бойцам, вместе с М. Немчиновым и И. Богдановым залег в снег и, прикрывая отход группы, вел огонь до тех пор, пока финны не отступили. Много было на счету Владимира Мягкова подобных операций. И всегда ему везло: из любой ситуации выводил своих бойцов невредимыми. За успешные боевые операции Мягкова снова повысили — стал он командиром особого взвода.

Беда пришла неожиданно.

В конце февраля отряд лыжников человек в семьдесят отправился в тыл врага с заданием взорвать мосты, через которые шли к границе эшелоны с солдатами и оружием.

2 марта из Москвы была передана радиogramма, что отряд окружен, отбивается четвертые сутки, просит о помощи. В тот же день особый взвод в двадцать человек

под командованием Владимира Мягкова вышел на выручку товарищей.

Шли двадцать три часа без сна, без отдыха. Усталость смежала глаза, пеленала тело. Лыжники засыпали на ходу. Но никто не сказал, что пора сделать привал. Каждый знал, что где-то рядом сражались и погибали товарищи.

Кругом стояла немая тишина. Белый бесконечный простор перемежался болотами, озерами, редким лесом, небольшими речками да пустыми, покинутыми людьми хуторами.

После небольшого отдыха отряд снова отправился на поиски. И опять шли, пока не онемели ноги, не помутела сознание усталость. На третьи сутки набрели на пустой хутор. Видели, как в сторону от него бросилась служебная собака, поняли, что часа через четыре приведет она сюда врагов, но идти куда-то еще уже не было сил, да и не ушли бы они, уставшие, измотанные, далеко от преследования. Решили, поставив дозор, расположиться на отдых. Если же появится неприятель — дать бой.

Через несколько часов отряд, запутав следы, благополучно покинул хутор. Еще двое суток искали подрывников, заходя далеко в тыл врага. И все безрезультатно. Даже следов боя не обнаружили. Тогда решили возвращаться. Наткнулись на свою старую лыжню и впервые за все время своих вылазок попали не по целине, а по ней. Лыжня привела их в хутор, где они останавливались на отдых. Там уже побывали финны.

На хуторе наши лыжники переночевали, а утром на пятые сутки двинулись дальше. Впереди — разведчики: Фролов, Жураковский, Потапов и Рудак. В полукilометре от них остальные. Мягков шел последним.

Лыжники вышли на опушку леса и остановились. Дальше, примерно на полкилометра, тянулось болото, и там, на той стороне его, был темный лес.

Шестнадцать лыжников взволнованно следили, как их товарищи пересекают болото.

Автоматная очередь хлестнула по устоявшейся тишине...

В Центральном музее Вооруженных Сил СССР хранится «Наградной лист на командира взвода особого

лыжного отряда 9 армии Мягкова Владимира Андреевича.

1. Год рождения — 1915.
2. Национальность — русский.
3. Соцположение — учащийся.
4. Партийность — беспартийный.
5. С какого времени в РККА — с 17.1.40 г.
6. Участие в гражданской войне — не участвовал.
7. Ранения и контузии — убит 6.3.40. г. в тылу противника в бою...

За выдающиеся заслуги и беспримерную храбрость, проявленные в борьбе с белофиннами в их глубоком тылу, вполне достоин присвоения звания Героя Советского Союза...

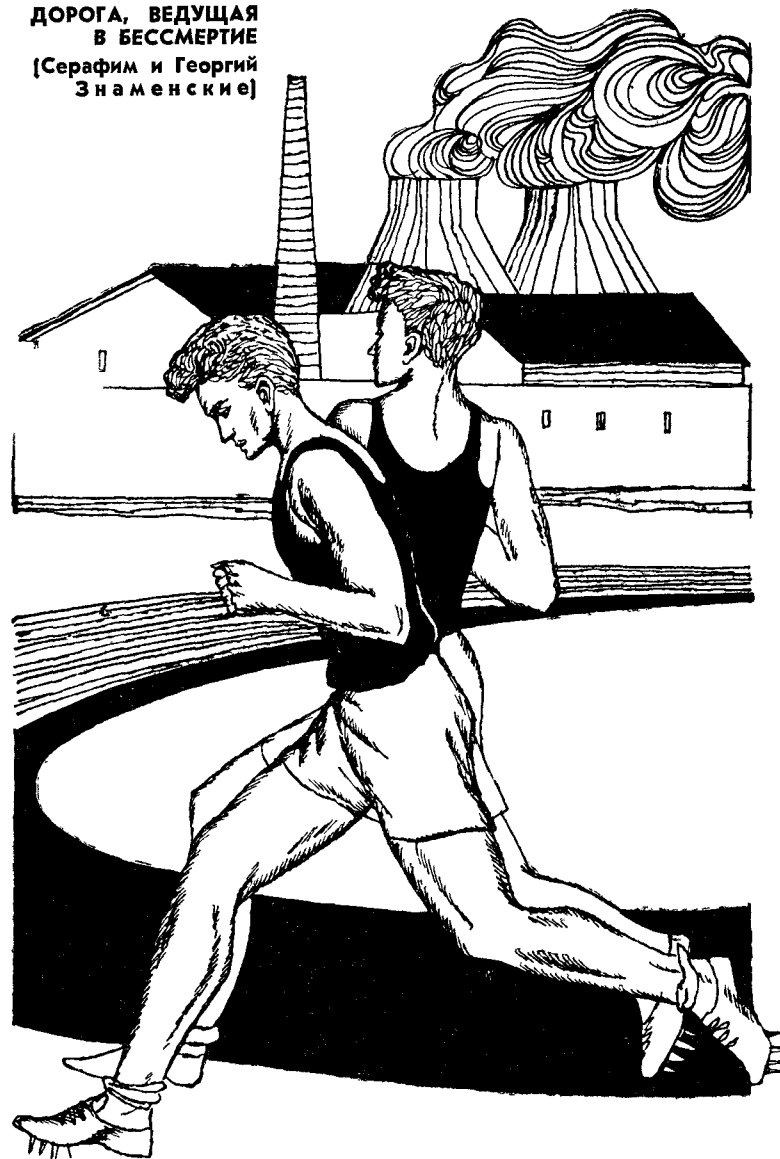
19. 3. 40 г.

Заключение Военного Совета округа.

Присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая звезда».

Ю. Уваров

**ДОРОГА, ВЕДУЩАЯ
В БЕССМЕРТИЕ**
(Серафим и Георгий
Знаменские)

До войны и некоторое время после войны в Москве на открытии и закрытии сезона (в мае и октябре) непременно бегали эстафету 10 × 1000. Так вот, осенью 1931 года, когда бегуны завода «Серп и молот» готовились к эстафете, на стадион пришел парень — среднего роста, коренастый, в тельняшке под черным пиджачком — и смущенно попросился бегать. Оглядев его могучие плечи, тяжелый подбородок и зашеины, ему сказали: «Не лучше ли тебе, друг, взять копье или диск?» — «Нет, — ответил он, — только бегать». — «Ладно, приходи», — сказали ему, и парень стал аккуратно посещать стадион. Держался он по-военному, был молчалив, однако, если с ним заговаривали, отвечал, а больше улыбался и изо всех сил старался следовать советам: как ставить на землю ногу, как держать руки, корпус.

Ребята после тренировки обычно еще долго посиживали на стадионе, выцарапывая глину между шипами, а этот сразу исчезал: живую, мол, за городом, далеко ехать. Бегал же он коряво до невероятности — враскачку, ступни и колени врозь и так топал, что, казалось, земля дрожала — словом, «по-мужицки». Румяное лицо на бегу краснело, пот лил ручьями, весу в нем, пожалуй, было пудов шесть. Полпуда лишнего, говорил он, поднабралось на флотской службе — корабль маленький, а кормили хорошо. Стали называть его Жора-морячок.

Был это Георгий Знаменский. Никому и в голову не приходило спросить, бегал ли он прежде, — стиль говорил сам за себя.

На зиму легкоатлетическая секция, или ячейка, как тогда говорили, распадалась, кто ходил на лыжах, кто на коньках бегал, а кто и вовсе ничего не делал. Знаменский о себе вестей не подавал. Однако весной снова появился, и тут произошли две неожиданности.

Первая — все увидели в прошлогоднем новичке перемены: сбавил весу, ноги подсохли, вытянулись. Дали ему пробежать в майской эстафете по Бульварному кольцу, на самый трудный этап поставили — четырехста метров в гору. Видно было, что он старается, но скорости

нет — как ни кричали ему, как ни подбадривали, а быстрее бежать не может. «Вы, ребята, — говорит, — дайте мне побольше этап, подлиннее, а то я и разбежаться не успел». Но все твердили ему: скорость нужна, скорость. Дело в том, что среди заводских ни одного стайера не было, а все бегуны на 100, 200, 400 метров, и, конечно, каждый смотрел на бег только со своей колокольни.

В следующее воскресенье — другая эстафета, уже на стадионе — 10 × 1000: вот, говорят, будет тебе этап подлиннее, и тут приключилась неожиданность вторая. Будет лучше, если о ней расскажет очевидец, человек, которого называют открывателем Знаменских, Евгений Сеченовой и других спортсменов, — Всеволод Чулицкий.

«...Утром является он в Самарский переулок на стадион «Совторгов»¹ в согбенной позе.

— Что с тобой?

Демонстрирует здоровенный, в самом цвету, чирей на спине — бежать не может.

— Что ж ты раньше молчал?

— Думал, пройдет. Но вы, ребята, не тушуйтесь, я брата привел, не хуже меня пробежит.

Смотрим брата: тоже румяный, тоже коренастый, ну ростом повыше, ну кудри посветлее, вьются, а в общем, товар тот же.

— Как зовут?

— Серафим.

— Что, ребята, поставим Серафима?

Поставили. Но не так, как сделали бы сегодняшние тренеры, набравшиеся нашего опыта, поставили на самый последний этап, рассчитывая сделать отрыв, а основания для такого расчета были — прежде СИМ («Серп и молот». — Ю. У.) у других предприятий именно так и выигрывал.

Но вот дают старт, и, как это в спорте бывает, все идет наперекосяк. Первый этап автозаводцы прошли лучше, чем мы думали, на третьем наш засиделся, на четвертом проигрываем еще пять секунд — на предпоследнем этапе они уже на тридцать метров впереди. Ликуют! — а у нас надежды ноль.

— Ну, — говорю, — парень, ты только продержишься,

¹ Названия некоторых спортивных обществ в те годы звучали так: «Сахарники», «Пищевики», «Медики», «Металлисты» и т. п. — отсюда «Совторги», то есть советские торговые служащие.

де рви, но и не отставай — назад чаще поглядывай и слушай, что тебе кричать будем. Главное, не давай себя никому обойти, понял? Как, говоришь, звать-то тебя?

— Серафим.

— Так помни, Серафим, только не гони, а то и второе место проиграем. Из-за тебя, понял?

— Понял.

Я весь дрожу как осиновый лист, а ему хоть бы что! И ведь ничего не понял, все забыл этот Херувим или Серафим. Повернулся к набегающему Пономареву в упор и стоит как пень.

— Беги же! Беги!

Хватает палочку — и ну, думаю, что как сейчас рванет не в ту сторону? Нет, повертывается и как припущит, будто на стометровке!

— Куда! Тихе!

Уже далеко. Ну, ясно — на втором круге кончится. Ах, думаю, как хорошо было, когда я сам только и бежал. Черт бы побрал эту тренерскую долю. Я даже отвернулся.

Вдруг слышу, стадион другим голосом зашумел, а Порывкин Боря басит удивленно:

— Скажи на милость! Достает!

Смотрю и глазам не верю. Вроде бы тяжело бежит новенький, а уже пятнадцать метров разрыв, десять...

Что тут поднялось! Девчонки наши визжат: «Сима! Сима!» Автозаводские — своему: «Эдик! Эдик!» Наши парни: «Давай, давай, Серафимушка!» Вы же знаете: когда свой выигрывает, он тебе словно родной.

В самом невыгодном для себя месте, на вираже, он вдруг выходит вперед — и меня снова из жара в холод кинуло: что ему еще надо? Тут Боря Порывкин своим басом на весь стадион:

— Вперед!

Я чуть было его не стукнул! Но ведь добежал Серафим. Мало того, финиш, а он все бежит. До меня добежал.

— Стой! Хватит!

— Разве все?

— Конечно, победа!

— А я думал, еще круг. Ваш лохматый ка-ак крикнет, ну я и прибавил.

— Да ты, хороший мой, еще вон где финишировал.

— Это где тряпочка висела?

— Ну да!..»

Соревнования были, как мы сейчас говорим, на уровне производственных коллективов, еще никто, кроме «серповцев», не оценил героя дня, а между тем именно с того забега в жизни обоих Знаменских наметился поворот.

Они работали неподалеку от завода «Серп и молот», на заводике «Люкс». Администрацию, иностранное акционерное общество, физкультура не интересовала, однако из уважения к соседу, крупнейшему в Москве предприятию, она шла навстречу просьбам «Серпа и молота» и отпускала двух чернорабочих на соревнования. Заводские команды в то время довольно часто ездили друг к другу — вот и Знаменские тем летом отправлялись то в Тулу, то в Серпухов. Программы встреч были сплошной импровизацией, и гости поневоле становились универсалами: пробегут в эстафетах и тут же играют в футбол, а вечером петь, плясать — опять те же. Знаменские понемногу привыкали к тому, что было для них совершенно ново, — к веселому, дружному духу рабочей коммуны и атмосфере состязания, спортивной борьбы.

В августе 1932 года они перешли работать на «Серп и молот», а в октябре произошла новая неожиданность.

Был объявлен посвященный Максиму Горькому пятнадцатикилометровый пробег Химки — Москва. Старт — у пристани, финиш — на Тверской (позже переименованной в улицу Горького) за телеграфом. Участвовали столичные и ленинградские стайеры, а также зарубежные гости, спортсмены из немецкого рабочего клуба «Фихте».

Георгия тем летом посылали на профсоюзные соревнования от союза металлистов в Ленинград. Впервые в жизни приняв старт на 5000 метров, он, что называется, заблудился на дистанции. После первых же кругов у него словно память отшибло: сколько он пробежал, сколько еще впереди? — ничего не помнит.

Дистанция 15 километров представилась ему в три раза сложнее, и он оробел.

Серафим пытался его уговорить:

— Ведь вместе побежим — авось вдвоем не заблудимся.

Но Георгий не рискнул.

Старт давали под вечер. Бегунов собралось около сотни. Сильнейшие, по тогдашним правилам, стали в пер-

вом ряду, но Серафиму эти правила были неведомы, и он тоже протиснулся в первый ряд. Его осадили — здесь пока не твое место! Крошечный эпизод этот послужил тому, что еще на старте Серафим обратил на себя внимание как явно зеленый новичок. Побежали...

Вспоминает один из первых соперников Знаменских на беговой дорожке заслуженный мастер спорта Л. С. Либкинд:

«...И вот вижу я, тот нахальный парень опять вперед выходит. Мы цепочкой бежим, чтоб друг друга видеть, а он ни к кому не пристраивается, пахнет себе в одиночку. Дорога по-осеннему грязная (асфальта, как сейчас, тогда и в помине не было), иногда так складывается, что мы за ним как за головным тянемся. Он шаги услышит и застесняется первым бежать — с твердого пути чуть ли не в лужу перейдет. Мы-то все друг друга знаем, немцы все наперечет — вон они все пятеро позади, а этот чей же?.. Пробегаем Покровское-Стрешнево, скоро город, пошла булыжная мостовая, народу по сторонам все больше, автомобили, извозчики. Саша Маляев повертел головой и прибавил ходу. За ним Миронов потянулся — наш динамовец, Прокофьев — ленинградец и я...»

Что же произошло дальше? Рассказ продолжает еще один очевидец, Б. Н. Львов:

«...Я был судьей на финише. К телеграфу, как вы знаете, улица идет под горку. Тверская тогда была уже вдвое, а то и втрое, толпа выплеснулась с тротуаров на мостовую, только узкая дорожка просматривалась. Ждем. Слышим: шум, возгласы — значит, бегут. Главный судья взял в руки рупор, милиционеры замахали руками в белых перчатках, мы натянули ленточку. Кто же впереди? Наверное, Маляев — кому же, как не ему, чемпиону и рекордсмену, выигрывать! Видим — бежит. Что такое? Если Маляев, то майка должна быть синяя, сиреневая, а тут какой-то весь в белом, да и манера бега совсем не маляевская. Неужели кто-то из гостей-немцев? Фигура грузная, бежит вперевалку, а Маляева и рядом не видать? Кто? Кто такой? — спрашивают все вокруг. И вдруг он пропал...»

Серафим (а это был он) все же заблудился. В октябрьских сумерках и уличной суетне он перед самым финишем свернул с узкой дорожки вправо, в Газетный

переулок, а пока выбирался, Маляев, который до тех пор делал отчаянные попытки его догнать, уже финишировал.

Но зрители были справедливы — их подлинным героем оказался тот, что пришел вторым, — Знаменский. Его обступили, вместе с ним двигалось кольцо народа, и он, не зная, куда идти, остановился. Размазывая пот и грязь, его хлопали по спине и говорили, что он молодец. Пять, десять, двадцать раз он ответил одно и то же: как зовут, чей — московский или приезжий — и где работает. Наконец он различил среди массы лиц одно знакомое, своего, заводского, и спросил, не видел ли тот Георгия, который обещал привезти со старта штаны и рубашку.

Подопшли судьи и тоже спросили фамилию и где работает.

— Давно занимаетесь спортом?

— Да вроде бы еще не начинал.

— А сколько вам лет?..

Разговоры о пробеге в тот вечер и наутро шли по всей Москве. Очевидцы рассказывали, что «вот ведь как получилось: бежал первым и самую малость не выиграл», «а парень-то какой: ничуть не горевал, что не первый, а радовался больше самого Маляева», «раньше и не бежал вовсе, а потом на тебе...»

Интерес возрос, когда услышали, что есть и второй Знаменский, еще посильнее будет.

Газета «Красный спорт» подчеркнула, что Серафим Знаменский представляет собою спортивные таланты, кроющиеся в рабочем классе и что этим талантам открыта широкая дорога. И поскольку событие произошло меньше чем за месяц до пятнадцатой годовщины пролетарской революции (потому и пробег состоялся на 15 километров), то москвичи были особенно порадованы.

С тех пор интерес к Знаменским уже не пропадал никогда. Очерк этот написан, главным образом, на основе бесед с теми, кто знал их, встречался с ними или видел, как они бегали. Оказалось, людей таких множество, и все, как один, рассказывали о Знаменских с искренней симпатией. Если в наши дни выйти на улицу, где братья жили, когда учились в мединституте, часов в семь утра, то непременно встретишь бегущих мужчин в спортивных костюмах. И пожилые люди, глядя на них, говорят: «А, опять Знаменские бегут!»

В чем же причина такой поразительной популярности?

Один из их товарищей по спорту, Н. Н. Денисов, на то сказал:

«Есть спортсмены, которые появляются точно тогда, когда в них больше всего нуждается время. Время как бы их поджидает, и они не обманывают общих ожиданий. Такими спортсменами и были братья Знаменские».

Георгий родился в 1903 году, Серафим в 1906-м, а всего в семье Знаменских было четыре сына и пять дочерей. Их мать звали Анфиса Ивановна, отца — Иван Васильевич, и был он в одной из многих тысяч русских деревушек священником.

Деревня по сей день называется Зеленая, Зеленовка, а полное название Зеленая Слобода указывает на ее фабричное происхождение. В самом деле — в пяти верстах от Зеленовки, на реке Пахре, давно, еще в крепостное время, была поставлена прядильная фабрика, которая и питалась рабочей силой (женской главным образом) от окрестных деревень. В 20-е годы фабрика была названа «Имени Володарского».

От Зеленовки до Горок (теперь Горки Ленинские) десять километров, до Павелецкого вокзала в Москве — чуть больше тридцати. Вроде бы совсем рядом Москва, большой город, но жизнь в Зеленовке менялась медленно, через деревню даже ни одна дорога не проходила — глухой, одним словом, угол.

Однако была в том глухом углу своя глушина — дом отца Знаменского.

Внешне казалось все наоборот: «Из дома в праздник музыку слышать, попадья на пианино играет, по-французски, бабы сказывали, дочек учит» — очаг культуры! — а на самом деле любой крестьянский ребенок имел громадное преимущество перед детьми Знаменских. Какое же?

Крестьянский парнишка видел: не будешь пахать, сеять — хлеба не будет, не будешь овец, телят пасты — мяса, молока не будет.

Братья Знаменские делали ту же работу, но им внушали: труд есть наказание божие, исполнять его надо по обязанности, без ропота, со смирением. «Образование», как видим, искажало смысл труда.

Проходит время: у крестьянского парня убеждения все крепче, у Знаменских в мировоззрении разлад.

Но самое сильное потрясение испытали они, когда отец отдал их в духовную семинарию. Годы, проведен-

ные в ней, были годами потерянными. Когда в 1918 году Сергей, старший брат, вернулся с гражданской войны (по болезни), он застал младших изможденными, подавленными, мало понимающими, что происходит вокруг. Революция припала как раз на их переломный возраст — Георгию было 14, Серафиму — 11 с лишним.

Все началось с того, что Сергей захотел помочь им вернуть то, чего уже не было у него самого, — здоровье.

Подчиняясь авторитету старшего, они по утрам, сразу же после сна, шли купаться на Пахру. Потом Сергей потребовал, чтобы расстояние до реки и обратно преодолевалось только бегом. Постепенно введено было спортивное отношение к любому виду работы — не отдыхать сразу, как почувствуешь, что устал, а работать еще и еще. Пилит дрова или косят траву — а ну, кто дольше без отдыха? Колешь дрова — подымай топор повыше. Пошел к колодцу — тащи два ведра на коромысле и в руках еще два. Сперва это было интересно, потому что необычно, а потом вошло в привычку. Заслуга Сергея Ивановича Знаменского была в том, что он привил братьям любовь ко всякого рода движению, и сделано это было как раз вовремя. Начнись занятия чуть позже, его ученики обзавелись бы иными привычками.

Никто — и старший брат в том числе — не говорил им, что физические нагрузки, движение могут быть удовольствием. Эту истину они познали сами.

Но Сергей Иванович мог научить их только тому, что знал сам. Он говорил весомым властным голосом, убеждал более словами, чем примером, но голос голосом, а нужны же и знания. Его знания были ограничены. О физическом воспитании он прочел у философа Джона Локка, который, как известно, посвятил целую книгу формированию юных английских джентльменов. До революции в России была популярна немецкая система физического развития Мюллера. У Мюллера Сергей Иванович тоже кое-что позаимствовал. Но ни Локк, ни Мюллер никак не были рассчитаны на российскую деревеньку после семнадцатого года, а про отечественных специалистов — профессоре Лесгафте, например, — старший брат никогда и не слыхивал. Цели своей он все же достиг — Георгий и Серафим стали здоровыми, крепкими, выносливыми, но чему учить их дальше, Сергей Иванович не знал...

Время шло. Уже на третьем году после революции в Москве состоялись спортивные соревнования двадцати городов республики. В 1922 году 200 легкоатлетов встретились на чемпионате РСФСР. В 1928-м состоялась Все-союзная олимпиада — 7000 участников, а между тем совсем рядом, в каких-нибудь тридцати-сорока километрах от открывшегося стадиона «Динамо», зимой и летом купались и бегали два парня, выросли и не делали ни одной попытки хотя бы прийти посмотреть соревнования.

Все складывалось так, что Георгий с Серафимом должны были бы пойти по стопам старшего брата и в выборе своего будущего. Сергей Иванович организовал клуб в Зеленовке, потом работал массовиком на фабрике имени Володарского, наконец, уехал в Москву, где устроился на заводе инструктором физкультуры.

Тот же путь избрал Георгий Знаменский. В 1925 году его приняли на «Володарку» массовиком. И он сразу нашел себя. Вот как рассказывает о том периоде бывшая работница фабрики П. В. Наумычева:

«Помню, днем он ходил всегда в простеньком физкультурном костюме, ну а вечером накидывал пиджачок — коротенький такой, с одеждой он плохо было. Я была в активе, комсомолка, ведала ссудной кассой, все его дела происходили у меня на глазах. Делал он все: и стенгазету выпускал, и плакаты, и кружки самодеятельные организовывал, и спектакли, и игры всякие, и футбол, и танцы. С утра до ночи по фабрике снуют. А на фабрике все больше мы, девушки, работали — «девочки», как нас называли, и каждая, бывало, после работы домой, в деревню торопится, к хозяйству. Директор выйдет: «Что же, — говорит, — они у тебя все разбежались?» А Жора спокойно: «Ничего, — говорит, — придут». И верно: коров подоят, огороды польют, и вот одна за другой прибегают. Темно уж, а у нас возле фабрики самое веселье. Те, которые при хозяйне работали, говорили, что прежде такого не знавали».

Но Серафим в организаторы не годился, хотя работал тут же, каменщиком на строительстве плотины.

Он постоянно пребывал в каких-то размышлениях, и, о чем ему мечталось, можно только предполагать, исходя из некоторых его поступков.

Плотина. Жара. Голые по пояс каменщики, черные и запыленные, укладывают камни. Наступает время пеклура, все усаживаются, Серафим продолжает таскать

камни. Конечно, насмешки. Он терпит-терпит, а потом уйдет. И все молча.

Многим, конечно, было невдомек, что он придерживается своих спортивных принципов. Но сказать, объяснить себя Серафим никогда не мог решиться.

Конец рабочего дня. Он искупается и идет в фабричную библиотеку. Читает, ни с кем не заговаривая, часто отводя глаза в сторону и задумываясь. А Георгий в это время «работает» с массажи.

(Уже после смерти Серафима Георгий говорил жене, что многое из того, что он, Георгий, воспринимал не более чем факт, для его брата становилось объектом долгих размышлений. Когда студентами они держали в руках один и тот же учебник, раскрытый в одном и том же месте, Георгий успевал прочесть страницу, а Серафим — несколько строк.)

Прибегал Георгий или кто-то от Георгия: «Айда в футбол играть!» Серафим шел. Играя, оживлялся, но в игре никогда не спорил, а если спор возникал, то молча ждал, пока игра не продолжится. «Ну а ты что скажешь?» — обращались к нему. «Давайте играть, — отвечал он, — а то скоро темно». Он как бы считал, что нарушение правил есть дело совести нарушителя. Слова тут не нужны.

В жизни и спорте Георгий и Серафим образовали пару, которая у летчиков, например, называется «ведущий» и «ведомый». Сперва ведущим был Георгий. «Работа на фабрике — рабфак — образование и профессия инструктора физкультуры» — эта программа шла от него (а еще раньше, как мы знаем, от Сергея). Серафим послушно ее принял.

Но выбор вида спорта, в котором они позже прославились, сделал Серафим.

Георгий признавался, что вплоть до случая при сдаче норм ГТО (о нем еще будет рассказано) бегать он любил меньше, чем, например, плавать, и был уверен, что и младший брат так же считает.

Серафиму же бег приглянулся гораздо раньше. Бег соответствовал его характеру. Бег он выбрал за простоту правил. Тут, казалось ему, не о чем спорить: дорога широкая, места хватит всем — обгоняй, если ты сильнее. В беге он увидел выражение простого, прямого, открытого принципа, согласно которому и надо жить.

Вот два эпизода, которые могут дать представление о характере Серафима.

Сестра Вера рассказывала: отправились по грибы, вышли на лесную дорогу. Ночью дождь прошел сильный, грязь, в грязи выше ступицы груженная телега застряла, хозяин за узду лошадь тянет, а сам ее кнутом по животу, а кнутовищем по голове бьет. Лошадь только зубы скалит. «Что же ты делаешь!» — набросился на мужика Серафим, а мужик, чужой, не из их деревни, как заорет: «Тебе-то что?! На, попробуй вытащи! Базар не ждет!»

Серафим выпряг лошадь, взялся за оглобли и ведь вытаскивал, как мужик ни насмешничал. Потом сестра час в ручье отстирывала брата, без грибов остались.

Когда Георгий уже был в Севастополе, физкультурников «Володарки» позвали в гости ребята из села Константинова под Подольском. Там сыграли в футбол, потом Серафима определили с шестом прыгать. Он смотрел-смотрел, как это получается у других, и досмотрелся, что планку подняли аж (!) на два метра. «Ну ты будешь прыгать? А то обедать не дадим». Вручили ему шест, он разбежался, уперся шестом что было силы, а шест возьми и лопни пополам — сосновый — прыгать больше не с чем.

Поругали, посмеялись, но обедать дали.

Пошли гости 18 километров обратно, на полпути заметили, что Серафим на правую ногу припадает. «Ты чего, Сима?» — «Да вот чего-то». — «Да ведь вон как распухла! Это ты, когда упал, да?» — «А кто ее знает». Последние два километра Серафим ни разу не ступил на правую ногу. До домашнего крыльца допрыгал на одной левой.

Георгия призвали на военную службу в тот самый момент, когда братья уже получили от фабрики рекомендацию на рабфак.

Прежде не брали, а в 1927 году взяли. Помог случай и общительный характер Георгия. В соседнее село Жуковку, в родные места, приехал морской командир. Гулял, видит, в поле здоровенный парень — прямо Микула Селянинович — ворочает камни, очищает участок. Разговорились. «Нам такие моряки нужны!» И скоро от Георгия стали приходиться письма с краснофлотскими приветями. Серафим не ответил брату ни разу, но все видели, что он отзывается на них, как листья на ветер.

Георгий писал, что на учениях волной перевернуло

плюпку, пятеро утонули, а он выплыл, и Серафим утром бежал на Пахру, плавал по километру, по два, по три.

Потом приветы вдруг стали артиллерийскими — оказалось, Георгий откомандирован в школу морских артиллеристов. Математика — «отлично». И Серафим тоже нашел место, где его учили математике, — ушел с отрядом геодезистов.

Георгий писал, что стал главстаршиной, командиром орудия, и Серафим мог бы ответить, что не отстает — получил диплом техника-геодезиста.

Только в сорок первом году Георгий узнал, какую страшную обиду вызывали у Серафима те его письма. Не на него, Жорку, конечно, а так, вообще. За то, что раньше его не брали в Красную Армию.

Годы без Георгия были для Серафима самыми трудными. Когда он был простым рабочим, держал рейку, вбивал колышки, таскал теодолит, мешки, ящики, пока его учили на техника, все было хорошо. Но, получив диплом, он должен был сам стать организатором и начальником — хотя бы и небольшого коллектива, — этого он не умел, а по правде говоря, просто боялся. Да ему и не очень доверяли. У некоторых он вызывал недоумение: что это за человек, который зимой и летом, в любую погоду, по утрам убегают куда-то и возвращается через час мокрый и довольный, как после бани?

Бывая дома, Серафим видел, что дом пустеет. Вера училась на биологическом факультете университета, а Лиза готовилась к поступлению. Другие сестры стали усердными помощницами отца. Отец по-прежнему служил молебны, для него ничто в мире не менялось. Георгий писал, что скоро вернется, что математика его интересует все больше и больше.

В одиночку Серафим не знал, куда ему жить. И лишь когда он бегал, возникало предчувствие чего-то нужного и интересного для себя. Но пока еще только для себя...

Наконец весной 1931 года вернулся Георгий. При первой встрече они друг друга даже испугались. Георгий отяжелел, огрубел. На отца смотрел смело, на сестер уже с усмешкой. Георгий же встревожился оттого, что брат особенно задумчив и молчалив. С первых дней краснофлотцу в родном доме сделалось тесно и душно.

— Здесь нам делать нечего, — сказал он. — Поехали, Симка, в Москву.

И вскоре (не без хлопот) они были приняты на завод «Люкс» чернорабочими.

Все лето 1931 года ушло на приглядывание к городской жизни.

Жили на Полянке, вместе с Верой и Лизой. Комнатка была крошечная, потому братья старались там не маячить, не мешать сестрам учиться, приходили только ночевать.

Их же университетом было тогда шатание по городу после работы.

«В те годы, — рассказывал старый рабочий завода «Серп и молот» А. П. Поспехов, прекрасно помнящий Знаменских, — москвичи все сделались между собою словно знакомы. Нынче вы не встретите такого, чтобы весь трамвай между собой беседу вел, а тогда — было. У Зошеники это точно подмечено — было. О чем беседу вели? Ну конечно, чепуха с чепухой ерунду молотили, а рабочие — про план и индустриализацию. Пятилетний план был нам всем ближе отца родного — очень хотелось его выполнить, чтобы поскорее жить лучше».

А на «Люксе» жили потихоньку. Приди вовремя, восемь часов помаши кувалдой или железо потаскай — и до завтра. Работа шла «на хозяев», а рядом, на «Серпе», рабочие чувствовали себя сами хозяевами.

Именно в 1931 году, в марте, было принято положение о комплексе ГТО, и летом сдача физкультурных норм развернулась повсеместно. На одном только «Люксе» ничего не разворачивалось. Когда Знаменские прочли положение, они так и ахнули — это же как раз то, что им нужно! «Физкультурник, — было написано, — выполнивший нормативы, а также зарекомендовавший себя активным участником общественной и политической жизни, награждается значком, грамотой и пользуется преимуществом при поступлении в физкультурные учебные заведения».

Решили немедленно взяться за подготовку к сдаче норм. Нормы казались трудными! Увидят физкультурников на спортилощадке, Георгий, как более смелый, подойдет, потом брату скажет: «Говорят, можно только своим».

А где им найти своих?

Наконец в конце июня удалось записаться на сдачу норм ГТО, и произошел тот печально знаменитый эпизод,

который задержал рождение их как спортсменов еще на год.

В каждом забеге на 1000 метров стартовало человек по 150, а в Сокольническом парке тогда ничего не стоило заблудиться — это был просто лес. После команды «марш!» братья рванули и помчались не жалея сил. Прибежали, когда остальные еще и не завиднелись. Судья смотрит на секундомер — 2 минуты 50 секунд. А всесоюзный рекорд (его никому не удавалось побить с 1928 года) был всего на 15 секунд лучше. «Ладно заливать, — говорят братьям, — вы и не бежали вовсе — вон из кустов выскочили. Отойдите, не мешайте».

Серафим так оторопел, что и сказать ничего не может.

— Давай еще раз пробежим? — предложил он брату.

— Да ну их!

— Нет уж давай!

Взяли еще раз карточки, вышли на старт в следующем же забеге, Георгий сердито попросил судей получше следить за кустами, и побежали. Прибегают еле дыша, спрашивают: «Ну? Сейчас сколько?» — «Да, сейчас, — отвечают им, — две — сорок восемь, только вы, должно быть, по знакомой тропинке бежали».

Серафим повернулся и ушел...

...Однажды, уже осенью, шли они после работы как собаки усталые по Землянке, где находился стадион завода «Серп и молот». Настроение было мрачное: лето прошло, и есть хочется — а за забором кто-то из девчонок весело кричал: «На старт! Внимание! Марш!»

Серафим услышал и насупился, тогда Георгий сказал:

— Сим, а ведь мы с тобой кустари. Так мы не проживем, за ручку нас никто выводить не будет.

Серафим продолжал шагать.

— Давай прямо сейчас на стадион зайдем — не съедят же нас? Ну посмеются — пусть...

— Не пойду, — ответил Серафим.

— А я пойду, — сказал Георгий.

В их жизни это был первый случай, чтобы Серафим не послушался...

После того как их приняли на «Серп и молот», материальное положение братьев улучшилось. Работая в прессовом цехе, Георгий зарабатывал до 90 рублей, и чуть меньше получал Серафим как техник-геодезист.

От сестер они переехали за город, в дачный поселок Никольское по Курской железной дороге, где дешево, за

12 рублей в месяц, сняли чердак у одинокой старушки. При желании можно было бы найти какой-нибудь угол и в городе, но Серафим сказал: «В городе не побегаешь», — и Георгий понял, что после успеха в пробеге Химки — Москва брат решил заняться тренировками серьезно. Теперь старшему брату не раз приходилось убеждать, что ни при каких обстоятельствах Серафим не забывает о спортивном режиме. И Георгий принял этот режим, хотя в делах тренировок и соревнований ему не всегда удавалось быть таким предусмотрительным и аккуратным, как Серафим. С Георгием случалось, что он, к примеру, получал травму только из-за того, что бежал на авось; Серафим — никогда.

Вставали они рано, купались в пруду и, выпив по кружке молока, шли на станцию. От станции и до самой заводской проходной пролегала идеальная, словно для них созданная тропа — слева от железнодорожной насыпи — 17 километров. В те годы перегоны между станциями были совершенно пусты: поля, лесочки. Иногда они пробегали только треть пути и подсаживались на поезд, иногда половину, а в хорошую погоду бежали из конца в конец. Не бегали в дождь — скользко — и когда тропу заносило снегом. Без шапок, в малиновых фланелевых костюмах — лыжных, они появлялись в проходной за полчаса до гудка. Зимой волосы были седые от инея. Шли под дуп, передевались в спецовку, в буфете завтракали булочками с молоком (к молоку они всю жизнь питали слабость) и расходились по рабочим местам.

Чем дольше они работали на заводе, тем больше нравилась им эта новая жизнь.

Нравилось, что все здесь были объединены и уравнены одним — трудом. Нравилось, как сразу замечают хорошую работу и как все уважают особенно хорошо работающих. Это были ударники.

Все делалось по справедливости. Ударники больше зарабатывали, им выдавались красные книжки на продукты и промтовары.

Как раз в те годы на СИМЕ работал Н. А. Михайлов, избранный позже первым секретарем ЦК ВЛКСМ. В книге о родном заводе он пишет:

«...Построили Дом ударника — это было настоящее событие. Жилье безоговорочно решили давать только ударникам, да к тому же самым лучшим».

Рабочие подтверждают, что все точно так и происходило.

Но всего дорожке ценилось само звание ударника. Решение признать такого-то ударником принималось на общем собрании, но бывало, когда кто-то вставал и говорил: «Нет, он не ударник — вчера на радостях, что премию получил, напился и жену бил».

Общее мнение считалось самым важным.

Знаменские приняли такую жизнь сразу и безоговорочно. Забыв о прежних планах, они теперь желали одного — получить квалификацию, работать у станка. Но оказалось, что от них ждут другого.

Из 5000 заводских тысяча была активными физкультурниками. Братья попали на завод, где в разное время работали люди, которых все мы знаем как футболистов, — братья Аркадьевы, Блинковы, Сергей Ильин, Борис Апухтин, Константин Бесков, Аркадий Чернышев, Сергей Афонин. Фильм «Вратарь» — это почти про то, как футбольная команда СИМа ездила играть в подмосковное Глухово и привезла оттуда Григория Федотова.

Заводская футбольная команда одно время была ведущей в стране, словом, спорт здесь процветал. Интересующиеся спортом стремились работать на «Серпе» у Петра Федоровича Степанова, директора завода с 1924 по 1938 год. Или на автозаводе у Лихачева Ивана Алексеевича. Многим обязаны мы этим людям, при них заводы не только выпускали прокат, литье и машины, но и давали путевку в жизнь большим спортсменам.

В команде легкоатлетов СИМа насчитывалось 120 человек. Когда Георгию Знаменскому предложили быть у них инструктором, он в первый момент даже оскорбился, словно не мечтал о том совсем недавно. Отказался! Но ему сказали: «Ты что же: сам за нас бегаешь, а других учить не хочешь?» И Георгий с Серафимом сделали для себя открытие, что, оказывается, уже давно, с той поры, как они на заводе, бегают не «за себя», а «за завод». Поздно до них это дошло, зато усвоилось накрепко.

Хороший физкультурник был на заводе общей гордостью, не меньшей, чем ударник.

Как это можно объяснить?

Есть в одном фильме такая сцена: 1918 год, театр, полный «простого люда», а из раззолоченной ложи восхищенно смотрит изящный балет матрос в шапке и жрет воблу. Интерес к культуре и бескультурье налицо. Но че-

рез десять лет тяга к практическому овладению культурой была всеобщей.

Физическая культура тоже культура, и осваивать ее нелегко. Нужно, чтобы подали пример, и тот, кто живет и работает, как ты, думает, как ты, — словом, совершенно ничем от тебя не отличаясь, уже умеет точно бить по мячу, бегать красиво и быстро, прыгать далеко и высоко, становится для тебя настоящим героем.

Поразительно интересно читать газеты 30-х годов. Вот письмо девушки:

«Я занимаюсь физкультурой, и у меня появились грубые движения. Меня высмеивают за эти манеры, за твердую походку, а больше за то, что я к ребятам подхожу первая, без стеснения, за мои выражения «стукну», «отколочу», за мою излюбленную гимнастерку. Так неужели бросать?»

Первое поколение людей, осваивающих культуру, науку, технику, — героическое поколение. Второму, как известно, куда легче.

Вот почему так приветствовали, так любили двух братьев рабочие, так гордились и радовались, когда «свои, заводские парни» одерживали победу за победой...

Их первым противником был динамовец Александр Маляев. В легкой атлетике нередко случается, что борьба за первенство принимает вид поединков, — пример тому многолетний поединок Дьячкова и Раевского, прыгунов с шестом. Знаменские прошли сквозь целый ряд такого рода схваток да, кроме того, сражались еще и друг с другом.

Итак, новички против заслуженного мастера спорта — вот на каком уровне повели они сразу борьбу. А Маляева знали все¹.

Пришла весна 1933 года. В традиционных эстафетах братья выступили отлично, и их заявили на чемпионат Москвы. Встречи Маляева с Серафимом Знаменским на беговой дорожке ждали все. Слово известнейшему в прошлом боксеру, ныне доктору медицинских наук, профессору К. Ф. Никитину:

«Участь в мединституте, я осваивал спортивный массаж, и Маляев был одним из моих пациентов. Трениро-

¹ Насколько редким и потому всенародно известным было это звание, свидетельствует, может быть, такой факт: когда через пять лет Знаменские тоже получили значки заслуженных мастеров, номера этих значков были 38 и 39.

вался он на стадионе «Динамо», и я восхищался его красивым легким стилем. Как-то после тренировки, усердствуя над его ногами, я спросил, почему он теперь так много тренируется.

— Конец спокойной жизни, — ответил он, — Знаменский появился!

— Кто такой Знаменский?

Он называл его слоном, медведем, было видно, что Маляев — непобедимый Маляев! — побаивается.

И вот в июле, в яркий солнечный полдень, на стадионе в Самарском переулке состоялся забег на 5000 метров. Когда Маляев делал разминку, он раза два подбежал ко мне и просил «встряхнуть мышцы». Он был бледен и часто облизывал губы. Таким я его еще не видел и тоже заволновался.

Вместе с ним на старт вышел корпулентный парень — грудная клетка как бочка. Он не бегал туда-сюда в последние предстартовые секунды, не тряс икрами, не набирался про запас кислорода с помощью глубоких вдохов, даже не переминался с ноги на ногу — просто стоял и с большим интересом, любопытством наблюдал, как это продельывают другие. Руки-ноги у него были белые-белые, в то время как Маляев успел уже загореть. Со мною рядом сидел Иван Сергеев, известный дискбол.

— Что, это и есть Знаменский? — спросил я у него, а сам подумал, что Маляев тревожится совершенно зря.

После выстрела все смотрели только на них двоих — они сразу вышли вперед и повели себя так, будто в том, чтобы не бежать вторым, — весь смысл жизни. Едва один выходил вперед, второй, чуть-чуть отдохнув, бросался наперегонки, и потом все повторялось. Знаменский так сильно работал плечами — а плечи у него были, как у хорошего боксера, — что, казалось, если заденет нечаянно, мой Саша просто вылетит с дорожки.

Ваня Сергеев отпускал по этому поводу иронические замечания, и я, помню, ему поддакивал, а потом оба мы замолчали.

Кругов через семь-восемь у Маляева уже не было сил обгонять противника, но он изо всех сил старался далеко не отставать. Знаменский не оглянулся ни разу, на последнем круге прибавил и выиграл метров двадцать. Его окружили, а он стоял и только улыбался. У него было лицо хорошего, добродушного парня».

Итак, звание чемпиона города перешло к Серафиму. 5000 метров он пробежал за 15.36,6 — новый рекорд Москвы. Маляев тоже показал один из лучших своих результатов, и это дало ему надежду на реванш. Он был очень самолюбив и с еще большей энергией обратился к тренировкам, готовя себя к крупнейшему в те времена соревнованию сезона — матчу трех городов: Москва — Ленинград — Харьков.

Ему казалось, что в проигрыше виновата одна-единственная ошибка — он «завелся». К чему были все эти обгоны? Пусть бы Знаменский вел бег, а на финише от него убежать ничего не стоит: скоростной запас у него, как у бомбовоза.

Он рассуждал правильно, но как спортсмен, для которого важно выиграть наименьшими усилиями, и закрывал глаза на такой немаловажный факт, что в борьбе-то родился новый рекорд. Бить рекорды в начале сезона как бы не полагалось.

Георгий не участвовал в том знаменательном забеге, но успех брата захватил и его. Оба готовы были теперь отдавать бегу все свободное время. Крошечный заводской стадион — забор из побеленного горбыля, дощатые будки внутри, длинные ряды серых лавок, дождем и снегом промытых, солнцем прокаленных, и, главное, утоптанное беговое кольцо — все это восхищало их, вошло в душу, как бывает, когда в детстве входит в душу первая школа. Ну а желание учиться было огромное.

Под влиянием этих чувств Серафим сделал героический для себя поступок: один, без Георгия, явился как-то на стадион «Пищевики» (теперь стадион «Юных пионеров») и спросил:

— Где тут Колька Баранов?

Николай Баранов был рекордсменом страны в беге на 800 метров, Серафим по совету товарищей прибыл к нему на выучку.

Его восхищали умеющие бегать быстро, и когда даже Георгий опережал его на стометровке, он тоже восхищался:

— Вот черти, вот черти! И как это вы?

Коля Баранов «таскал» их за собой на двухсотметровых отрезках, потом они переходили к спринтеру Грише Пужному, и тот бегал с ними рядом еще более короткие куски — метров по 30—40. Затем они возвращались к Баранову и пробегали втроем два круга, 800 метров. Что-

бы доставить Серафиму радость, Коля Баранов иногда нарочно не убегал слишком далеко.

— Растем! — в таких случаях ликовал Серафим. И тут же с подозрением спрашивал: — А вы в полную силу бежали?

Коля и Жора уверяли, что очень старались, а сами посмеивались над его простодушием.

30 июля 1933 года в борьбе с Григорием Потемным, бегуном небольшого росточка, но опытным, сильным и упорным, Серафим установил всесоюзный рекорд. 3000 метров он пробежал за 8.57,2, впервые в истории советского спорта лучше девяти минут.

Следующим соревнованием был матч Москва — Ленинград — Харьков, где предстояло бежать 5000. Теперь в новом рекорде уже не сомневались.

...До старта оставалось меньше часа, и они поехали трамваем на «Динамо». Шум стадиона был слышен от «Яра», а когда они вошли, их ошеломило еще не виданное зрелище переполненных трибун.

Началось. Серафим резко вышел вперед и повел. Впервые видели зрители «Динамо», чтобы кто-то бежал 5000 так быстро. Трибуны были в восторге, но вдруг темп упал. Сперва Серафима подбадривали, но скоро общие симпатии перешли к Маляеву, который уверенно возглавил цепочку. Остальные участники приняли его темп, и стало ясно, что ожидаемого рекорда не будет. Так и вышло.

Лишь в 1938 году Георгий открыл Петру Степанову причину этого странного проигрыша. Оказалось, один благожелатель из самых лучших побуждений позвал их на обед. Далее произошло обычное: «Ах как вы мало кушаете!», «Да ничего с вами не случится!»

— Ведь знали же мы, что тяжело будет! — с досадой вспоминал Георгий. — А вот на тебе — налопались и щей с мясом, и такого мяса, и пятого, и десятого, и отравились на стадион прямо из-за стола.

И этот урок запомнился крепко — никогда с тех пор за обеденным столом: в гостях ли, на банкетах ли, или после самых тяжелых соревнований — они не забывались. Спортивный судья Б. Н. Львов вспоминает такой случай:

«В 1935 году матч городов проводился в Киеве. Команда Москвы жила на стадионе «Динамо» и там же пита-

лась, в ресторане. Украинское изобилие после московской скромности всех, как говорится, пленило.

В первый день Серафим говорил:

— Хорошо здесь — век бы не уезжал!

А на второй прилег после обеда, похлопал себя по животу и сказал:

— Когда кот хорошо кормят, кот плохо мышей ловит.

И с того момента резко ограничил себя в еде».

Братья неукоснительно соблюдали режим. Так, живя в Тарасовке, они питались главным образом овсяной кашей, молоком, овощами, яблоками. Вот сидят за столом четверо — двое едят овсянку, а прочие — мясо. Тишина. Жуют: одни тихо, другие погромче. Кто-то из мясоедов позволяет себе тонкое ржание. Георгию хоть бы что, а Серафим вскакивает.

— А вот посмотрим, кто лучше побежит!

Георгий начинает брата успокаивать, дразнить, в свою очередь, мясоедов — и скоро Серафим тоже хохочет.

Один из бегунов (противник Серафима, между прочим) возвращается из города под хмельком, и возмущению младшего Знаменского нет границ.

— Да какой же ты после этого спортсмен!

Сам он доходил до крайностей — за три дня до соревнований не употреблял даже чай. Среди молодых спортсменов циркулировали слухи, что сила Знаменских в том, что они пьют томатный сок. И молодежь тоже начинала пить томатный сок, хотя прежде кое-кто его и не пробовал.

Вторым противником Знаменских был рекордсмен страны в беге на 1500 метров Николай Денисов. С Маляевым они расправились в первом же соревновании сезона 1934 года. На протяжении двух недель Серафим улучшил рекорд на 5000 метров дважды — в первом забеге более чем на полминуты, а затем еще на восемь секунд.

Их захватило множество дистанций: 1000 метров, 1500, 2000, 3000, 5000, 10 000. Было бы совершенно неверно считать большое число дистанций, на которых они выступали, только пробудившимся честолюбием. Нет, в своем виде спорта они творили то же самое, что происходило по всей стране, а 30-е годы — это время рекордов решительно всюду.

Привезут на завод оборудование. По мнению зарубежных специалистов, на монтаж нужно два месяца, наши считают, что две недели, а рабочие и инженеры завершают работу через трое суток!

В спорте известные слова песни — «Мы побеждаем пространство и время» — находили прямое отражение.

Летчики совершали сверхдальние перелеты, а лыжники, конники, пловцы, мотоциклисты, автомобилисты совершали сверхдальние переходы, проплыли, пробеги.

Ашхабад — Москва на конях — 4300 км.

Ниже-Ангарск — Мурманск на лыжах — 8200 км.

Широким фронтом развернулось наступление на всесоюзные рекорды во всех видах спорта. Если в 1933 году было улучшено 53 высших достижения, то в следующем — 200.

Знаменские в 1934 году били рекорды семь раз.

Николай Денисов был прирожденным миттельштрекером, то есть бегуном на средние дистанции: 800, 1000 и 1500 м. Последнюю бегал чаще остальных. Физическими данными блистал: высокий, стройный, длинноногий. Тренироваться начал лет в шестнадцать, а в девятнадцать уже регулярно выигрывал соревнования. Техникой, тактикой бега овладел под руководством отличного тренера. Беда была только одна — он пришел в спорт в другое, чем Знаменские, время — раньше на шесть лет, когда главную задачу физкультурного движения видели в массовости, недооценивая тот факт, что массовость невозможна без лидеров.

Спортсменов было еще мало, и тренировались они мало.

До 1933 года беговая тренировочная нагрузка миттельштрекера (в том числе и Денисова) заключалась: разминка — около 600 метров; несколько пробежек на 200 метров и одна на 800 или 1500 метров (в зависимости от того, на какую дистанцию предстояло соревноваться) — и то не в полную силу.

Роберт Люлько в 1934 году дважды улучшил всесоюзный рекорд в беге на 400 метров — 49,4 и 48,6. Перед этим он тренировался нередко так: после легкой разминки делал ускорение на 200 или 300 метров; чувствуя, что добежать до конца круга ему ничего не стоит, он тренировку заканчивал.

Это была не лень, а общепринятая методика. Знаменские до 1932 года с теми взглядами знакомы не были и

потому пришли в спорт с громадным багажом набеганных километров.

За шесть месяцев сезона московские бегуны выходили на старт в среднем 5—6 раз. После соревнований две, а то и три недели отдыхали, потом готовились к следующему выступлению.

Знаменские же тренировались практически каждый день. Для них это было привычным образом жизни, что и послужило примером для тех, кто поставил перед собой цель их побеждать, для их преемников.

Николай Денисов оказал Знаменским самое серьезное сопротивление.

В начале лета 1934 года, еще раньше, чем Серафим нанес решительное поражение Александру Маляеву, Георгий отобрал у Денисова его рекорд на 1500 метров. Сам Денисов наблюдал бег конкурента с трибун, но две недели спустя они сошлись уже на дорожке.

Встретились два противоположных стиля, но одна и та же тактика. Кто — кого?

Денисов бежал длинным эластичным шагом, легко, непринужденно; казалось, он не соревнуется, а вышел так, поиграть.

Георгий Знаменский не поддавался на эту иллюзию.

Они бежали в одинаковой форме — белые трусы, красные майки с буквой М, представители других городов поотстали — все выглядело так, будто мастер дает урок ученику. «Хорошо, хорошо! — как бы говорил Денисов. — Только спокойней и чуть быстрее — вот так!» И показывал как.

Ученик же, поотстав, некоторое время «учился», а потом рещался повторить маневр. «Так?» — как бы спрашивал он, делая рывок. «Не совсем так, — следовал ответ учителя. — Вот видишь: я бегу легко, а тебя обгоняю».

Но за 200 метров до финиша маски были сброшены, и началась схватка. Шея Денисова напряглась, пропала безмятежность, учитель и ученик «рубались» уже без всяких любезностей. Денисов выиграл всего две десятых секунды, но при этом установил новый всесоюзный рекорд — 4,2,1.

Борьба Николая Денисова со Знаменскими, очная и заочная, еще несколько раз заставляла отступать рекорд на полуторакилометровку — по секунде, а то и по доле секунды. Георгий охотно ее бегал, а Серафим предпочитал дистанцию подлиннее, но случилось так, что именно

«полуторке» они оказались обязанными в выборе профессии врачей. Впрочем, все по порядку.

Сезон 1934 года был у них бурным и урожайным. Они выступали на всех дистанциях, какие только есть между 1000 и 10 000 метров, и на каждой обновляли рекорды. Нередко выступая вдвоем в одном забеге, они не проигрывали никому, а за первое место бескомпромиссно сражались между собой. В «Красном спорте» художник Малейнов помещал на них дружеские шаржи: вот бежит могучий толстяк с двумя лицами, а вот они с дубинами нападают на рекордовладельцев; другие, уже «ограбленные», горько плачут. Подпись: «Братья-разбойники»¹.

Соревнований у них стало много: выступали за свою заводскую команду, за профсоюзную, за сборную Москвы, за всю страну за рубежом, в показательных, агитационных забегах. Любой завод, любой город мог пригласить их с целью физкультпропаганды, и не было случая, чтоб они отказались. Потому их и знали всюду. Мало того, участвуя в таких агитзабегах в компании с противниками, которые никак не могли составить им конкуренцию, они стремились показать лучшее, что было можно в ту погоду и на том стадионе. Правилось им бегать. Однажды, заканчивая тяжелейшую тренировку в обществе друзей-соперников П. Степанова и М. Иваньковича, Георгий воскликнул:

— На бегу только и живешь, правда, ребята?

Известно, как смеются девушки, когда их много. Серафим вышел на тренировку, спортсменки его окружили, и одна со смехом спросила:

— Сима, когда же ты женишься?

— А какая в том радость? — сказал Серафим в том же тоне. — Пробежать по лесу «пятерки» три — это радость. Ну-ка, кто со мной?

Их бег обладал заразительностью — судите сами по рассказу случайного зрителя:

«...Да, я их видела и никогда этого не забуду. У меня оставался один день от летней практики, устала я смертельно и решила пойти в приморский парк — там устроили какой-то праздник, а дело, как вы понимаете, было в Одессе.

¹ Газетно-журнальный юмор 30-х годов вообще был завидно едким. Вот образчик шахматного репортажа: «Ласкеру принесли бутерброд. Чеховера он почти съел, теперь закусывает».

Оркестры, флаги, танцы — от всего этого я заскучала и заглянула на стадион — там не так шумели. Вокруг зеленой лужайки, где обычно играют в футбол, бежали стайкой восемь мужчин. Некоторые отстали быстро, другие потом, но двое в красных майках продолжали бежать первыми. Вместо отставших выходили новые, и опять получалась стайка, и снова все повторялось.

Молодой человек, который сидел со мною рядом, — у него были черные усики, крупный значок на цепочке и первый том Брет Гарта в руке, — сказал: «А что же я?» — и пошел — как это называется? — да, к месту старта, где сменщиков уже не хватало.

Он тоже пробежал два круга, а те, в красном, все не унимались, я пришла в ужас. И когда мой молодой человек вернулся — весь, конечно, румяный, — сказала ему прямо: это безобразие!

— Вы что, не знаете, что это братья Знаменские? — воскликнул он. — Их никто не может обогнать!»

(Н. А. Смирницкая, архитектор)

В середине августа 1934 года команда советских легкоатлетов участвовала в интернациональном антифашистском слете, который состоялся в Париже. Вся команда, и Серафим Знаменский в том числе (Георгий не ездил), выступила так успешно, что последовал ответный визит — рекордсмена мира в беге на 1000, 1500 и 2000 метров Жюля Лядумега.

Это было новостью, до сих пор спортсмены из буржуазных стран, не входящие в рабочие спортивные союзы этих стран, от встреч с советскими спортсменами уклонялись. Блокада экономическая давно себя не оправдала, но блокада по линии культурных связей все еще продолжалась.

Прибыл также один из сильнейших бегунов Финляндии Эйно Пурье, у которого незадолго до того именно Лядумег отобрал мировой рекорд на 2000 метров.

Пурье не собирался брать реванш у Лядумега, он приехал помериться силами со Знаменскими. Лядумег же предполагал, что его противником будет только Николай Денисов.

Оба гостя находились в отличной форме. Перед визитом в СССР их результаты на дистанцию 1500 метров были: Лядумег — 3.51,8, Пурье — 3.55,5. Денисов же и оба Знаменских к тому времени еще ни разу не выходили из четырех минут. Силы были заведомо неравны, од-

нако наши спортсмены рвались в бой, а для гостей поражение означало потерю престижа.

22 сентября стадион «Динамо» трещал от наплыва зрителей.

...Десять советских миттельштрекеро-ров против мирового рекордсмена. Знаменские делают легкие пробежки, они пока в роли зрителей.

Лядумег весь в белом, но не в майке, привычной для легкоатлетического зрителя, а в шелковой рубашке с короткими рукавами и круглым воротничком. Он без номера, его и так знают все. Он самый маленький и самый изящный, он истинный француз.

Десять бегунов в майках разных обществ бросаются вперед, а француз спокойно занимает место в конце цепочки. Совершенно неважно, где бежать сейчас — важно, кто первый на финише. Вот в цепочке появилась пустота — почему бы не перейти поближе к лидеру? Еще ближе, еще — «прошивать» цепочку ему, кажется, совсем не трудно. Ага, вот и лидер, мсье Денисов, бонжур. Пожалуйста, не оборачивайтесь, я не сочту это за невежливость, но знайте, что я рядом, за вашей спиной. Сколько там осталось? Ах, уже последний круг? Как скоро, я и не заметил — ну что ж, мне пора...

И Лядумег показывает результат всего на три секунды хуже своего мирового рекорда: 1000 метров — 2.29,6. Денисов же устанавливает новый рекорд СССР — 2.32,8.

Только теперь Знаменские слышат аплодисменты трибун, в которых восхищение перед мастером смешано с досадой, что победил не «наш». «Фу, черт, лучше б мы этого не смотрели». Обмениваются взглядами: теперь черед за ними — вот и противник.

Телосложением финн не отличался от Знаменских. 2000 метров — его коронная дистанция. Побежали.

Знаменские, сразу возглавив группу, рвались вперед и вперед, они бежали в ногу, и на их лицах было вдохновение. Быстрее, еще быстрее!

Пурье в черной майке, мрачный, невозмутимый, перебирал ногами совсем в ином ритме — реже, но не отставал.

— Хорошо, Сима, очень хорошо! — кричали товарищи по команде.

— А ну еще быстрее! Жора, как ты там?

На последнем круге они понеслись с такой уверенно-

стью, что весь стадион вскочил, и сквозь невообразимый шум сумел пробиться только чей-то басище:

— Братья Знаменские чешут Пурьевых!

Раздался хохот, трибуны радовались, что на сей раз победа досталась «своим».

Счет в матче «СССР — капиталистические страны» стал один — один.

Через день Лядумег и Денисов пробежали 1500 метров, Знаменские и Пурье — 3000, все повторилось, и счет стал два — два. Ничья.

Тотчас родилась мысль устроить соревнование победителей. Лядумег выслушал предложение и согласился задержаться в Москве на несколько дней. 2000 метров? Хорошо.

Но через два дня погода резко пошла на ухудшение: дождь, температура 15 градусов, 12 градусов, 10 градусов.

Лядумег сказал, что дистанцию надо сократить — холодно, слишком холодно.

30 сентября, в день розыгрыша традиционных осенних эстафет, состоялся забег на 1500 метров, в котором участвовало всего трое.

...Было безветренно, ясно, но холодно. Судьи, обычно щеголявшие во всем белом, оделись в пальто. Прошли женские эстафеты 5×500, начались мужские 10×1000, но первую дорожку все время берегли, ее отгораживали канаты, по ней не бегали. Эстафеты, как всегда, проходили азартно, весело, но вдруг все остановилось. С неприкосновенной дорожки сняли канаты, появились Знаменские и Лядумег.

...350 метров оставалось до финиша. Знаменские оторвались уже метров на пятнадцать, и тут шаг Лядумега удлинился, кажется, раза в полтора. За 200 метров до финиша впереди был уже он. Знаменские не сдавались, но разница скоростей давала себя знать. Все было разыграно точно так, как и во встречах Лядумега с Денисовым.

— Как мальчишек обогнал! — сказал Георгий, пожимая руку победителю.

Лядумег не понял, но улыбнулся в ответ. Когда их фотографировали, все трое дышали спокойно, будто совершили легкую пробежку. Никто не устал. Лядумег тут же сказал через переводчика, что хотел бы встретиться со своими уважаемыми противниками в неофициальной об-

становке, и Николай Денисов пригласил его, Знаменских и еще нескольких человек в гости к себе домой. Не обошлось без интервью на спортивную тему.

— Скажите, — спросили Лядумега, — с помощью какой тактики вы били мировые рекорды?

Лядумег ответил:

— Я люблю всегда бежать вторым или третьим... до последнего круга.

И он засмеялся.

— Понимаю, — сказал Лядумег, — вы сомневаетесь. Как на одном только последнем круге можно наверстать все упущенное? Но дело в том, что рекорды можно ставить только в такой компании, где каждый хочет и, главное, может это сделать. Сам по себе человек не способен на сверхусилие, его должен заставить кто-то другой...

Уже после смерти брата, во время войны, вернувшись в Москву из партизанского отряда, Георгий сказал жене, что на выбор профессии врачей повлиял именно тот проигранный Лядумегу забег.

Поздно ночью братья возвращались на базу «Спартака» в Тарасовку. Вагон был почти пуст, они стояли в тамбуре у двери с разбитым стеклом и, не обращая внимания на ледяной ветер, спорили о словах Лядумега. И вот тут оба почувствовали, как мало они знают человека, самих себя, поняли, что бегают как бы вслепую, наивно полагая, что главное — поднатужиться. Чем лучше они бегут, тем большего от них ждут, и обратного хода нет. Как же все-таки заставить свои ноги бежать быстрее? Есть ли способ переделки самих себя?

Именно в 30-е годы наша страна вызывала капиталистические страны на соревнование. Родился и был подхвачен всюду лозунг: «Догнать и перегнать!» Газета «Правда» писала: «Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет, мы должны пробежать это расстояние в 10 лет, либо мы сделаем это, либо нас сомнут». А в газете «Красный спорт» было такое: «И когда рабочие капиталистических стран узнают, что в Советском Союзе бьют мировые рекорды, они приходят к определенным выводам». Таким образом, спортсмены получили дополнительную боевую задачу стать международными политическими агитаторами. Теперь в билете участника первенства СССР помещались таблицы рекордов и призыв: «Знай рекорды, чтобы их побить!»

Конечно же, наши всесоюзные рекорды по легкой атлетике еще значительно уступали мировым, и было маловероятно взять последние штурмом, в год-два. Однако призывы нацеливали, мобилизовывали спортсменов на высшую цель. Сперва в отдельных видах, а после войны (то есть как раз через 10 лет) все чаще и чаще рекорды Европы и мира переходили к нам.

Сильная компания, о которой говорил Лядумег, постепенно подбиралась и в беговых видах.

Много лет упорно наступал на пятки Знаменским белорусский стайер Моисей Иванович. В 1937 году он отобрал у Серафима и чемпионское звание в беге на 10 километров, и — ненадолго — рекорд на ту же дистанцию: «причесал», как тогда говорили.

Все ближе и ближе подбирались к рекордам братьев Александр Пугачевский и Станислав Пржевальский. Наконец, приехал с Урала и нанес неожиданный удар Феодосий Ванин. Не Знаменские стали бегать хуже, а их соперники лучше.

Что же все-таки сделали в спорте братья Знаменские?

Как можно судить по таблице всесоюзных рекордов, между 1928 и 1934 годами в большинстве беговых видов легкой атлетики наметился застой. С появлением же Знаменских рекорды резко пошли в рост.

Дистанция 1500 метров.

За восемь лет (с 1925 по 1933 год) рекорд был улучшен всего на две секунды. Георгий Знаменский в 1934 году сбросил с него три секунды сразу. И началось! Не прошло и трех недель, как Николай Денисов (прежде он улучшал рекорд по 0,3—0,4 секунды в год) пробежал дистанцию на две с половиной секунды быстрее.

Через год Серафим сократил цифру рекорда еще на две секунды, а потом еще на две секунды — Георгий. Сброшено девять секунд в течение трех лет.

Дистанция 3000 метров.

С 1928 года рекорд застыл на цифре 9.12,8. В 1933 году Серафим смахнул сразу пятнадцать секунд. Георгий в следующем году еще десять. В том же году Серафим еще семь. В 1935-м он же еще три. В 1936-м еще пять с лишним и, наконец, в 1939-м еще три с половиной, доводя цифру рекорда до 8.28,0.

То есть 45 секунд за 6 лет.

Дистанция 5000 метров.

До 1934 года рекорд не улучшался в течение четырех

лет. Серафим в течение одного сезона сбросил с него 30 секунд. В 1935-м еще 5, а в 1936-м еще 13. Дальше стало труднее. Только в 1939 году он улучшил рекорд на 0,3 сек., а в 1940-м еще на полторы, доведя его до 14.37,0.

50 секунд за 6 лет.

На дистанции 10 000 метров в течение шести лет рекорд был улучшен общими усилиями Знаменских и М. Ивановича почти на две минуты.

В общей сложности 23 раза братья вносили поправки в таблицу всесоюзных рекордов и двенадцать раз завоевывали титулы чемпионов страны.

Свои международные встречи они, как правило, проводили исключительно успешно, но наибольшую славу красному флагу Страны Советов принесли их выступления в кроссах на приз газеты французских коммунистов «Юманите».

Ежегодно, начиная с 1935 года, спортивный сезон открывался для них в феврале. В Москве и под Москвой все было покрыто снегом — леса, парки, поля. Они участвовали в парижском кроссе четырежды, но самым запоминающимся был, конечно же, первый.

Выехали 30 января — вшестером — и ехали навстречу весне. Польша, Германия. Непривычное тревожное ощущение какой-то бесправности или полубесправности. Скванность. Опасаешься засмеяться или что-то громко сказать. Наконец чемоданы взяты в руки и — Париж.

Ну что это! Разве это Париж? Словно приехали домой — цветы, улыбки, рукопожатия, красные флаги, крики — только никто не кричит по-русски.

Утром проснулись, после чего-то пресного и сладкого (не до еды), отправились на ипподром.

Народу! Как у нас в спортивный день на «Динамо». Держались друг друга — на каждом голубой костюм с эмблемой «СССР». Их рассматривают: сперва на лицах недоумение — читают, тыча пальцами: «Ц-Ц-Ц-П», но тут же улыбаются, кричат: «Вива!»

Осмотрели дистанцию, в одном месте высокая трава: в шипах бежать или в тапочках? Тут только видят, что трава-то, елки-палки, зеленая. Теплынь, почки надулись, птицы поют — весна! Совсем как в родных Сокольничках. Да нет — уж очень просторно: у нас аллеи, тропы, а тут словно огромная поляна среди леса.

Парад. Марсель Кашен что-то говорит, указывая на

советских спортсменов. Все понятно: мы тоже рады, что вы нам рады...

Конец перемонии. Приглашают на старт. Черт возьми, какая толпа — 350 человек!

Бах! Выстрел! А Знаменские в самом хвосте этого войска. Вот влипли!

Как пробиться сквозь мчащуюся массу? И когда? Сейчас или дать ей растянуться? Но на дистанции столько коридоров — там не протолкнешься. Надо решать немедленно. Серафим — капитан, за ним еще пятеро. Куда он, туда и они.

И вдруг Серафим видит — влево свободнее! Длиннее, ну да черт с ним! Оглянувшись, он машет: «За мной, ребята!» — и ходу. Фу-у! Выбрались...

Достали лидеров — их пятеро. Никто не оборачивается, чешут.

Серафим сделал условный знак и рванул. Прислушался. Кто-то топает, но один. Ясно, родной братец. Все хорошо, круг кончается, Знаменские ведут.

Что творится на трибунах! «Сэра! Сэра! Темпо!» А легко — хоть до вечера беги. Погодка-то какая!

Да, но как же там команда? Что, если кто-то уже сошел? Серафим понял, что они с братом оторвались метров на 150. Вот так канавки!..

Кто-то вперед лезет. Да ведь это Жора. Куда ты, милый? Впереди круг целый! Ну ладно, иди — своя голова на плечах. Держаться за ним — все в точности так, как бывало...

Мелькают лица зрителей, но не сливаются в сплошную ленту. Значит силы еще есть...

Сейчас канавки, третья самая широкая, пятая самая скользкая... До финиша метров 800... Тут Георгий оборачивается и бросает:

— Иди...

И Серафим, конечно, идет...

Про то, как они учились в институте, можно написать целую книгу. Как было трудно — 41 предмет! — а ведь у них за плечами был, по сути, один рабфак — и как много-много людей им помогали. Как получили, наконец, у Никитских две смежные комнаты и жили по-прежнему братской коммуной — не каждый в своей комнате, а в одной — общая спальня, в другой — общий кабинет. Как вставляли по привычке в пять зп-

мой и летом и бегали — по всем бульварам до Сретенки и обратно. И как потом Георгий ушел к своей жене, а Серафим остался здесь со своей...

Дипломы врачей они получили 24 июня 1941 года, а через несколько дней надели форму военврачей третьего ранга. Война их разлучила...

Из лучших спортсменов страны была создана Отдельная мотострелковая бригада особого назначения — ОМСБОН. Пройдя ускоренную специальную подготовку, спортсмены стали разведчиками, минерами, подрывниками, автоматчиками, снайперами. Уже в августе 1941 года подрывники и минеры получили задание готовить столицу к обороне. Дальние и ближние подступы к Москве покрылись сложной сетью минных полей. Мосты, железнодорожные и шоссежные коммуникации, важные промышленные объекты подготавливались к уничтожению.

Полевым врачом в группах минеров был Серафим Знаменский.

Небольшие подразделения, составленные из бойцов ОМСБОНа, направлялись в тыл врага, где начиналась их диверсионная деятельность. Здесь воевал коммунист, врач Георгий Знаменский.

Однажды зимой он был заброшен в белорусские леса. Из соседнего партизанского отряда прибыл связной — есть несколько раненых, свой доктор убит, дайте нам ващего.

Георгий пошел со связным, в течение нескольких дней оказывал раненым помощь, затем отправился обратно. Ему предложили трофейный мотоцикл, и он решил проскочить на нем по лесной дороге. Путь был немалый, километров сто.

Около часу ехал спокойно, затем вдруг его издали обстреляли из пулемета. Он дал газ, надеясь уйти, но с другой стороны тоже застучал пулемет. Пуля зацепила мотоцикл, и водителя выбросило на обочину.

Дотемна он лежал в снегу не шевелясь, потом пошел, а когда чуть-чуть отогрелся ходьбой, побежал. Поздно ночью добрался до боевого охранения своих. Тут сразу понадобилась его помощь, он вымыл руки, открыл сумку с инструментами и увидел, что почти все инструменты помяты, сломаны, затуплены — такой удар пришлось испытать при падении. Считают, что этот

удар и мог стать причиной его заболевания раком. Но это произошло уже в 1945 году. А в 1942-м, в ночь на 8 мая, умер брат.

Оба они были вызваны в Москву для участия в эстафете по Садовому кольцу, но прибыли не в один день и не смогли встретиться. Серафим в это время переживал сложную семейную драму, и однажды пришел миг, когда он не сумел с собой справиться. Он ведь всегда был слишком легкоранимым.

Два часа Серафим умирал на руках брата...

11 мая собирались команды, которые должны были разыграть приз в эстафете. Георгия не ждали, но он пришел. Ему сказали:

— Георгий Иванович, ты смотри сам, а то мы обойдемся.

Георгий сказал:

— Я побегу.

И неплохо пробежал свой этап, тот самый, где сейчас разыгрывается приз имени братьев Знаменских.

В 1945 году ему сделали операцию желудка, и он почувствовал себя снова здоровее здорового. В 1946 году, уже в качестве спортивного врача, его командировали на первенство Европы в Осло. Он и сам еще бегал так, что порой Александр Пугачевский не мог за ним угнаться. Это было в августе, а в сентябре он снова слег.

Он лежал в том же врачебно-физкультурном стационаре, где сам был врачом.

Приходила жена, и он говорил:

— Знаешь, только теперь я понял, что нет предела человеческому терпению, если твердо верить в будущее.

И они обсуждали, как займется английским, диссертацией. Он и слышать не хотел, что умирает, но 28 декабря 1946 года все было кончено.

Когда в Москву на соревнования памяти двух бегунов съезжаются спортсмены — бывает это летом, в разгар спортивного сезона, — молодые парни и девушки, а с ними всегда старые друзья Знаменских идут на Ваганьковское кладбище и кладут на их могилу цветы.

Александр Высоцкий

ФЕНОМЕН ИЗ КЛИНА
(Александр Долгушин)

«День парного весла» разыгрывается Московским городским советом спортивного общества «Буревестник» ежегодно 19 июля, в день рождения Александра Максимовича Долгушина, выдающегося советского спортсмена, заслуженного мастера спорта СССР, павшего смертью храбрых на полях Великой Отечественной войны. Только тридцать лет отпустила Долгушину скупая судьба, но, не скупясь, наделила его жизнь трудностями и препятствиями, словно все это время испытывала на прочность его характер. И паренек из подмосковной деревушки Клин, родившийся в 1912 году, преодолел на своем пути все препятствия, в возрасте двадцати лет «сделал» свой первый золотой дубль. И надо сказать, добиться этого было непросто: в гребных клубах тогда царил строгая иерархия, от разряда к разряду гребцы продвигались медленно. «Выскачок» здесь не любили, так что рассчитывать на быстрый успех не приходилось.

К первенству столицы тридцать третьего года Долгушин готовился в качестве загребного в восьмерке. Гонки восьмерок, этих линкоров академической гребли, никого и никогда не оставляют равнодушными. Темп этого великолепного зрелища регулирует загребной — спортсмен, сидящий на корме лодки, но являющийся центральной фигурой, ведущим команды, под работу которого подстраиваются остальные гребцы.

Все это отлично понимал Долгушин. Он знал, что загребной, помимо большой силы и выносливости — качеств столь необходимых для гребцов, сидящих третьими, четвертыми, пятыми и шестыми номерами в восьмерке и именуемых на профессиональном языке — машиной, должен еще хорошо «чувствовать» лодку, «катить» ее, соразмеряя силу гребка и скорость подъезда, то есть подготовку к гребку. Это обостренное чувство лодки и заставило Александра мечтать о выступлении в одиночке. Он отдавал себе отчет в том, что гребец-одиночник должен обладать особым талантом: тут требовались совсем иная тактика, другой расклад сил, нежели от загребного восьмерки. Именно поэтому Александр так внимательно

и жадно наблюдал за посадкой и техникой маститых гребцов-одиночников.

— Гляди, Саша, — грозил ему пальцем его наставник Петр Сергеевич Сергеев, — знаешь пословицу «за двумя зайцами...»?

— Знаю, — отвечал Долгушин, — и все же...

«Мили делают чемпионов» — запомнились прочитанные слова. И поздно вечером после каждой тренировки на восьмерке он садился в одиночку и «накатывал» километры.

За неделю до соревнований на первенство Москвы 1933 года Долгушин объявил Сергееву:

— Хотел бы, Петр Сергеевич, попробовать свои силы и в гонке одиночек.

— На таких соревнованиях не пробуют, — ответил тот. — Слишком ответственная гонка. Но, коли есть охота, можешь продолжать тренироваться и в одиночке. Если пойдет, когда-нибудь и попробуешь...

И вот настал знаменательный день.

Великолепным финишем завершила гонку восьмерка с загребным Долгушиным. Поздравив гребцов, Сергеев спросил:

— Как самочувствие, Александр? Поди, весь выложился?

— Нет, — улыбнулся Долгушин. — Еще бы одну гонку выдержал.

— Ну гляди, — неопределенно сказал тренер.

Счастливым победителем собрался было переодеться, но Сергеев остановил его:

— Послушай!

В это время диктор объявлял состав участников заезда одиночников, и Александр услышал свою фамилию. Теперь он понял, почему тренер интересовался его самочувствием. Позднее Долгушин узнал, что один из участников заезда на одиночках заболел, и фаворит остался без спарринг-партнера. Сергееву удалось убедить судейскую коллегию разрешить выступить Александру. Ведь фавориту будет интереснее бороться с соперником, чем идти одному, а для Долгушина это проба сил, убеждал тренер главного судью.

И судьи разрешили.

— Ты что, Саша, и в одиночке гоняешься? — обступили его товарищи по восьмерке.

— Выиграть надеешься? — улыбнулся первый номер.

— Выиграть, не выиграть — не знаю. Но и проигрывать не собираюсь, — упрямо сказал Долгушин. Он понимал, что на стороне соперника серьезные преимущества: отличная техника и опыт.

Обе лодки одновременно приняли старт. Сразу же завязалась острая борьба. Противник Долгушина взял очень высокий темп. Он был уверен, что новичок его долго не выдержит и безнадежно отстанет или бросит гребсти. Жаль, снизит эффект победы. Но Долгушин принял темп. Это означало, что новичок намерен сопротивляться. Соперник Долгушина был доволен. Сопротивление новичка и будет тем фоном, на котором утвердятся триумф техники и мастерства. Он укоротил гребок и еще резче увеличил темп. Теперь новичок должен был быстро отстать. Пройдена первая половина дистанции, но Долгушин не отстает.

«Хитришь, милоч», — думает он. Александру кажется, что соперник не гребет еще в полную силу и вот-вот начнет бурный финиш. Но этого не происходит.

«Пора», — решает Долгушин, и весла рвут воду. На глазах удивленных зрителей Долгушин выдвигается вперед. Соперник отчаянно пытается его достать. Но просвет увеличивается. Долгушин приходит первым.

— Золотой дубль! — истошно орет первый номер.

— Ведь техника слаба, а выиграл, — недоумевали знатоки. — Почему он выигрывает? Ведь только силой и выдержкой берет. — Они были недалеко от истины.

Высокий, кряжистый, с прекрасно развитой мускулатурой, Долгушин не знал, что значит нервничать. Он был рожден с характером бойца... «Я должен быть и буду первым», — говорил он себе, и губы его плотно смыкались.

Выдержке и упорству Александра с детства учила жизнь. Его отец, крестьянин-бедняк, Максим Долгушин, часто мыкался на заработках. Дети росли без него, и, вероятно, поэтому Александр так нежно любил мать Варвару Захаровну. С тринадцати лет Александр начинает помогать отцу, теперь сторожу гребной станции. После школы он бежит на реку: старательно вычерпывает из лодок воду, вытаскивает их на берег в ненастную погоду, перевозит пассажиров... Работает Александр

много и охотно. Учится, надо сказать, с меньшим рвением, позже он скажет своей жене: «Понимаешь, Люся, стеснялся, что был старше своих товарищей и выше их ростом...» Окончив пять классов, он поступил чернорабочим на завод. После смены, как бывало раньше после школьных занятий, он шел на Москву-реку и перевозил пассажиров на другой берег.

В лодке, на воде, Александр чувствовал себя словно в родной стихии. Через три года он так овладел ремеслом перевозчика, что ни один лодочник не мог обогнать его на реке. Теперь для него ничего не стоило в лодке, полной пассажиров, пройти от Бабьегорской плотины до Воробьевых гор и обратно, проделать путь в 20 километров. Он играючи греб, по три часа не бросая весел. Полюбив могучую ширь реки, крутые и отлогие местами берега, Саша научился понимать ее тихий или буйный при ветре нрав. Так же усердно Александр работает на заводе, и старательного паренька-чернорабочего направляют в фабзавуч.

Во время учебы Александр по вечерам в свободное время продолжал перевозить пассажиров. Вместе с другими перевозчиками он участвует в азартных гонках — кто первым пересечет Москву-реку. Испуганные, облитые холодной водой, пассажиры тщетно просят разыгравшихся перевозчиков прекратить рискованные соревнования. После двухлетней учебы Александр возвращается на Первый завод Осоавиахима. Идет 1929 год. Он оставляет лодку: рабочая честь не позволяет ему заниматься перевозом. Теперь он рабочий-слесарь, кормилец, как и отец.

Но река по-прежнему влечет Александра. Он часто вечером приходит на берег и сидит, задумчиво глядя на воду... В судьбе его немалую роль сыграл Петр Сергеевич Сергеев. Вот как об этом рассказывал сам Долгушин: «Петр Сергеевич не был ни тренером, ни выдающимся спортсменом, но обладал редким чутьем на гребцов. Однажды он сказал мне: «У тебя, парень, спина хорошая, мощная. Почему ты греблей не займешься?» Я ответил, что греб, но вот уже три года как бросил.

Сергеев пристыдил меня и предложил составить учебную двойку. Я согласился и, в свою очередь, соблазнил своего товарища Жверблиса. Тренировались по вечерам, после работы. Мы со Жверблисом гребли, а Петр Сергеевич сидел на руле. Готовились всего 20 дней и не ожи-

данно выиграли в тридцать втором году первенство Москвы в третьем разряде».

Это была первая победа Александра Долгушина.

Готовясь к своему второму гребному сезону, 1933 года, Долгушин всю зиму усиленно занимался бегом и лыжами. Особенно он полюбил лыжи и этой своей любви остался верен до конца. Победам Долгушина на первенстве Москвы 1933 года по третьему разряду в двух лодках — одиночке и восьмерке — удивлялась вся спортивная Москва. Меньше всех удивлялся сам Долгушин. Он продолжал настойчиво тренироваться и вскоре признался: «Хочу побить рекорд Федора Рогачева».

12 июля 1934 года четыре водные станции выставили свои команды на соревнования по академической гребле, проходившие в районе Дорогомилова. Но вместо обычных двух километров шли на полтора. На этих соревнованиях в заезде мужских одиночек первого и второго разрядов выступал и Долгушин. Многочисленные зрители предвкушали интересную борьбу. Так оно и оказалось, однако исход гонки был совершенно неожиданным...

На старт вышли второразрядники Маврин, Веселов, Долгушин и чемпион Москвы перворазрядник Смирнов. Гонку возглавил Смирнов. Но Долгушин буквально «сидит» у него на корме. Метров за 200 до фишина Смирнов не выдерживает напряжения и сходит с дистанции. Победил Долгушин.

— Я гребу изо всех сил, а он, чувствую, вроде без напряжения нагоняет меня, — рассказывал Смирнов после гонки.

Через несколько дней Долгушин устанавливает свой первый всесоюзный рекорд на двухкилометровой дистанции в заезде одиночек-скифов. Характерно, что из-за несоответствия условий в различных реках и озерах (скорость течения, кривизна дистанции и т. д.) рекорды по академической гребле не фиксируются — ни мировые, ни всесоюзные. Отмечаются лишь рекорды данного водоема. В СССР в то время регистрировали всесоюзные рекорды для московской и ленинградской воды.

С этим заездом у Долгушина связана любопытная история. Дело в том, что рекорд на два километра, принадлежащий москвичу Федору Рогачеву (7 минут 51,2 секунды), был установлен им еще в 1927 году. В течение семи лет к этому времени никто не сумел даже приблизиться. И вот Долгушин, который совсем недавно начал

выступать в крупных соревнованиях, идя в темпе 34—36 гребков, сразу улучшает рекорд на 3,1 секунды. Это казалось невероятным, и судьи не решились засчитать время Долгушина: главный судья мягко объяснил недоумевающему победителю, что, очевидно, «секундомеры подвели». Впрочем, уже через пять дней на первенстве ВЦСПС Долгушин доказал, что секундомеры были в полном порядке. На этот раз рекорд был засчитан.

Долгушина включили в московскую команду, поехавшую в Ленинград на первенство СССР 1934 года. Слет лучших гребцов Советского Союза открылся 4 сентября парадом участников. В тот же день состоялся финальный заезд одиночников, в котором участвовали два москвича — Долгушин и выступающий в личном первенстве Смирнов и два ленинградца — чемпион СССР 1932 года на одиночке Чувахин и экс-чемпион СССР Жуков.

Два фальстарта. Наконец гребцам удалось преодолеть волнение. Соперники гребут ровно. Жуков и Чувахин делают по 40 ударов. Долгушин и Смирнов — по 36. На первых ста метрах еще никто не добился преимущества. Идет борьба нервов. Затем постепенно выдвигается вперед Долгушин.

Но Смирнов делает «навал», наехав на лодку Чувахина. Главный судья останавливает гонку и снимает Смирнова. Судьи на катере решают дать новый старт с места остановки заезда (остается примерно тысяча сто метров). Со старта вперед вырывается Чувахин, но Долгушин настигает его и длинным спуртом уходит вперед на корпус лодки. На повороте просвет увеличивается. Бурным финишем Александр доводит разрыв до трех с половиной корпусов лодки. Чемпион Союза 1932 года проиграл ему на тысяче ста метрах 15 секунд!

Нельзя, пожалуй, вспомнить первенства или соревнования, в котором Долгушин выступал бы только в одном классе судов. Первенство СССР 1934 года не было исключением. В этот раз Долгушин выступал и в заезде скифовых восьмерок.

Основное соперничество разгорелось между командами двух городов: Ленинграда с загребным Савримовичем и Москвы, где загребал Пахомов, Долгушин на сей раз сидел седьмым номером. Его задачей было передать темп и работу загребного всей команде.

Со старта начинают ровно по 32 удара. Из-под моста команда Москвы выходит немного вперед. Москвичи на-

жимают и выигрывают пол-лодки на отметке 1100 метров, Ленинградцы увеличивают темп до 34 гребков, но москвичи все еще впереди и упорно ведут гонку. Темп падает, соперники делают по 32 гребка. К повороту подходят рядом. На повороте рулевой Ленинграда, пользуясь лучшим знанием трассы, резко бросает свою лодку влево, и она оказывается впереди. На последней прямой стремительный финиш: обе лодки идут вместе, их весла почти касаются друг друга. Напряженный спурт, и лишь на самом финише ленинградцы выигрывают гонку.

В отчете, посвященном закончившемуся чемпионату, корреспондент писал: «...из гребцов, заслуживающих быть отмеченными, следует выделить в первую очередь нового одиночника Долгушина, добившегося за короткий срок звания чемпиона и рекордсмена СССР и в настоящее время почти не имеющего конкурентов, несмотря на далеко еще не совершенный стиль».

В 1934 году Долгушин выступает за команду Промкооперации, представители которой не раз составляли серьезную конкуренцию спортсменам из обществ с романтическими названиями «Спартак» и «Динамо». Однажды Лидия Даниловна Чупшева, которую, впрочем, за улыбку и молодость все называли просто Лида, хотя она и занимала пост председателя общества Промкооперации, собрала спортивный актив. Долгушин смущенно сидел в стороне, не зная, куда девать свои длинные руки: он увидел здесь сразу столько знаменитостей, что у него захватило дух. Лида Чупшева, окинув собравшихся веселым взглядом, спросила: «Кто из вас читал «Песню о Буревестнике»?»

Кто-то поднял руку. Еще один, два, три... Лида нахмурилась. Она отошла к окну, поправила красную косынку и, заложив руки за спину, продекламировала: «Над седой равниной моря ветер тучи собирает. Между тучами и морем гордо реет Буревестник, черной молнии подобный».

Впервые в жизни Саша слышал такие слова и такое чтение. Он отчетливо, зримо представил себе седые гребни волн, и черные тучи, и эту смелую птицу...

«То крылом волны касаясь, то стрелой взмывая к тучам, он кричит, и — тучи слышат радость в смелом крике птицы».

Стихи произвели на Долгушина огромное впечатление. Он сидит притихший и зачарованный.

— На днях я прочитала речь Максима Горького на съезде писателей, — говорит Чупшева, — и подумала, а что, если назвать наше общество «Буревестником»?

— Здорово! — поддержал кто-то.

Эта мысль всем понравилась. Молчал только Саша.

— А ты что же, Саша, — против? — спросила Лида.

— Очень даже за. Но разрешит ли нам Горький, может, он не согласится.

— Разрешит, — убежденно произнесла Лида. — Не может не согласиться. Я его видела. Глаза у него такие задумчивые и добрые. Очень добрые. Сами увидите.

Тут же решили, кто будет в составе делегации. Долгушина избрали единогласно. Саша вышел от Лиды Чупшевой с аккуратно сложенным листком, на котором старательно записал книги Максима Горького.

Через несколько дней Саша с волнением всматривался в усатое морщинистое лицо, которое напоминало лицо его отца. И усы Горький разглаживал так же старательно, как и Максим Долгушин. А глаза — Лида была права — были очень добрыми. Горький внимательно слушал, потом поинтересовался, много ли спортсменов в обществе, какие имеются спортивные достижения. Лида, волнуясь, рассказывала чуть сбивчиво, перечисляя рекорды, загибая пальцы. Писатель улыбнулся в усы и, сильно окая, сказал:

— Вам нужно запастись верою в себя, в свои силы, и эта вера достигается преодолением препятствий, воспитанием воли, тренировкой ее... Вы знаете, что, тренируя свое тело, человек становится здоровым, выносливым, ловким, — так же следует тренировать свой разум, свою волю.

Лида ответила за всех:

— Мы понимаем это.

Саша Долгушин, смущаясь, спросил:

— А как с названием?

Горький, прищурившись, разгладил усы:

— Согласен, если не подведете.

Так родилось еще одно романтическое название спортивного общества — «Буревестник». В этом же году Александра Долгушина призвали в армию.

Окончив курс молодого солдата, он с головой уходит в изучение боевой машины. Прошло только полгода, как

он надел военную форму, а его уже отмечают как одного из лучших водителей бронетанкового батальона.

Однажды Долгушина вызвали в штаб. Приехавший комбриг с любопытством смотрел на высокого светлоглазого красноармейца.

— Как служит? — спросил он у комбата.

— Красноармеец Долгушин — отличник боевой и политической подготовки, — отчеканил комбат.

— А учиться хотите? — спросил комбриг у Долгушина.

— Хочу, товарищ комбриг.

— Есть распоряжение, — объявил комбриг, — вас досрочно демобилизовать и направить на учебу в институт физкультуры. Что, — сказал он комбату, — жаль расставаться с хорошим бойцом? Ничего не поделаешь, приказ командующего округом. А вас, товарищ красноармеец, поздравляю. Желаю успеха.

Так Александр Долгушин стал студентом. Понимая, что для него сделано исключение, Александр взялся за учебу. А спортивная жизнь шла своим чередом. Уже 5 августа Долгушин принял участие во II Спартакиаде профсоюзов. Александр выступил загребным в четверке с рулевым. В лодке сидели: Патрин, Барановский, Родионов и на руле Рогачев.

В финальном заезде, кроме москвичей, выступали и ленинградцы с загребным Чистяковым — эта команда была чемпионом СССР 1934 года.

Но москвичи, ведомые Долгушиным, значительно опередили именитых соперников, выиграв у них 7,8 секунды и улучшив рекорд 1927 года, установленный ленинградцами с загребным Савримовичем. Выступление Александра Долгушина в качестве загребного четверки с рулевым явило еще одну грань его спортивного дарования. А через две недели на водной станции Дорогомиллово начались соревнования 1935 года на первенство ВЦСПС. Они особенно запомнились Александру еще и тем, что в них участвовали 132 команды гребцов-академистов. Цифра небывалая для тех лет. Кстати, Долгушин принимал участие в подготовке для радио информации, посвященной состязаниям.

В первый же день соревнований Александр Долгушин на одиночке улучшил почти на 13 секунд свой же рекорд 1934 года для московской воды. Он прошел двухкило-

метровую дистанцию за 7.34,6, показав время европейского класса.

— Европейское, говоришь, милоч, — улыбнулся Долгушин одному из поздравлявших его болельщиков. — Не спорю, время хорошее, а насчет европейского ничего не скажу, не знаю. Встретаться с зарубежными спортсменами мне пока не довелось.

— Гребля — единственный вид спорта, в котором советские мастера еще ни разу не встречались с иностранными, — вставил кто-то.

— Встретимся, — заверил Александр, — и не подкачаем...

На этих же соревнованиях Александр, как обычно, выступает еще и в восьмерке. Загребает в ней Пахомов, Долгушин сидит на седьмом. Основным конкурентом москвичей была восьмерка Ленинграда с загребным Савримовичем. Это был сильный противник, но Долгушин с товарищами и здесь добились успеха. Они противопоставили резкой спуртовой манере ленинградцев спокойную, размеренную греблю. Борьба была на редкость упорной. Почти до самого финиша лодки шли нос в нос. И лишь почти на самом створе москвичи, «передернув»¹ несколько гребков, выиграли гонку.

В конце августа Долгушин вновь завоевал звание чемпиона столицы в заезде скифовых одиночек. Чемпионат страны в 1935 году не разыгрывался. Так закончился еще один гребной сезон.

Из-за участия во II Спартакиаде профсоюзов Александр сильно отстал от своих институтских товарищей. Хотя к Долгушину и были прикреплены отличники-студенты и преподаватели, сам он на каждом шагу мучительно ощущал пробелы в своем образовании. Пять классов были явно недостаточным подспорьем для усвоения программы вуза. Долгушин видел то, чего не хотели замечать друзья-студенты: что-то одно — институт или греблю следует оставить.

Долгушин жадно тянулся к знаниям, но и спорт не был развлечением. Глубоко в душу запали слова Максима Горького: «Нужно, чтобы рабочий класс окреп физически...» Значит, занятия спортом были важнее. Так

¹ Передернуть — резко увеличить темп, или силу проводки весел.

пришло окончательное решение. Обманывать себя и товарищей он не хотел и не мог.

— Я лучше повременю, — сказал он в деканате и выложил студенческий билет и зачетную книжку. — Не хочу занимать место, пусть учится другой. Поступлю на рабфак, поработаю, подучусь, тогда и приду...

Пригодилась освоенная в армии профессия. Долгушин устроился работать шофером. Шел 1936 год.

Пожалуй, первенство СССР этого года, проходившее с 22 по 24 августа на Малой Невке в Ленинграде, можно смело назвать одним из самых блестящих достижений в спортивной биографии Долгушина, который выступил в трех классах судов. На одиночке он выиграл у москвича Смирнова и ленинградца Шевенко. Но на этот раз отрыв от соперников был равен 4—5 секундам, чем многочисленные зрители были явно разочарованы, ведь обычно отрыв достигал 15—20 секунд. На двойке парной вместе с Родионовым Долгушин тоже был первым. И в этом заезде разница была минимальной, всего лишь 0,6 секунды. Наблюдавшие за соревнованиями недоумевали, почему Долгушин, обычно намного опережавший соперников, сейчас выигрывает так мало?

А Долгушин просто берег силы. Ему предстояла еще гонка в восьмерке. Гонка, в которой команда Ленинграда, ведомая Савримовичем, значительно усилившая свой состав после поражения на первенстве ВЦСПС, надеялась на реванш, тем более что у москвичей вместо опытного Пахомова теперь загребал Долгушин.

Гонка, заключающая первенство, по праву была признана наиболее интересной и драматичной. Три четверти дистанции лидировали москвичи, но на последних 500 метрах вперед выходят ленинградцы, правда, выигрывают они всего 0,5 секунды.

Долгушин остро переживал проигрыш.

— Ничего, милоч, — говорил он первому номеру, — мы еще погоняемся...

Командам-соперницам предстояло встретиться в этом году еще раз, но уже на другой, более длинной дистанции — такой, на которой проводились состязания английских гребцов. В Англии в те годы большой популярностью пользовались соревнования между высшими учебными заведениями Оксфорда и Кембриджа. Журнал «Физкультура и спорт» выступил инициатором нового состязания — «советского Оксфорда и Кембриджа».

На эти соревнования были допущены команды вузов двух городов: экипаж Ленинградского института физической культуры имени Лесгафта, команда — чемпион СССР 1936 года с загребным Савримовичем, и восьмерка Московского института физической культуры имени Сталина. Оба экипажа, готовясь к этому состязанию, максимально усилили свой состав. Команда москвичей включала чемпионов СССР — Долгушина, Родионова, Смирнова и чемпионов Москвы — Барановского, Панина, Патрина, Солдаткина, Троицкого. На руле шел опытный Рогачев.

Гонка проводилась на шестикилометровой трассе. Врачи опасались чрезмерных нагрузок, но их опасения не подтверждались, хорошо тренированные команды легко преодолевали новую для них дистанцию.

В день соревнований была солнечная погода. Яркие блики играли на воде. Катера с судьями сопровождали соревнующиеся экипажи. С трибун и гранитных ступеней набережной Центрального парка культуры и отдыха имени Горького за ними, волнуясь, внимательно следили болельщики.

Команды заняли стартовые места. На стороне ленинградцев преимущество. Долгушин при жеребьевке вытащил невыгодную воду.

Около двух третей дистанции пролегал по крутой излучине Москвы-реки, команде Долгушина досталась внешняя дорожка, поэтому путь, который должна была совершить их лодка, был длиннее. Со старта лодки рванулись почти одновременно. Первые десятки метров они идут нос в нос, но вот москвичам удается выйти вперед. Теперь главное — удержать преимущество. Александр укорачивает гребок и за счет этого повышает темп. Ленинградцы работают заметно реже, и их гребок длиннее.

На финишную прямую команды выходят одновременно. В работе москвичей что-то разладилось. Хотя так же дружно раздаются всплески захвата, но гребок «тает» на глазах. Александр пытается вывести команду вперед.

Тренер Рогачев, сидевший на руле, поддерживает загребного. «Держать гребок! Не скисать!» — командует он в рупор.

Но гребок ослабевает. Вот пройден последний бакен. Москвичи чуть-чуть впереди. Рулевой ленинградцев что-то кричит своим.

Ленинградцы спуртуют.

Ответный спурт москвичей. Уже из последних сил. Лодка ленинградцев настигает москвичей, и сейчас они идут рядом. «Уходят, — мелькает мысль, — уходят!» Долгушин увеличивает темп. «Принимай загребного, — снова кричит Рогачев. — Принимай!» Шестнадцать весел рвут воду. Судейский гонг и отмашка фиксируют победу ленинградцев.

— Не падай духом, Саша, — сказал тренер. — Умей и проигрывать. Помни пословицу «быть гребцом — значит быть борцом».

— Помню, — хмуро откликнулся Долгушин. — Только почему мы на протяжении сезона дважды проиграли гонку? Ведь в нашей восьмерке цвет московских гребцов?

— Сам по себе этот фактор еще ничего не решает, — ответил Рогачев. — Если бы мы посадили в лодку восьмерых чемпионов-одиночников, мы все равно бы проиграли. Решает, Саша, не умение каждого гребца, а гармоничное сочетание качеств всех восьмерых. Это-то нам и не удалось достичь. Моя ошибка. Знал ведь, что все номера в восьмерке — это сильные гребцы, но разные по характеру, склонностям, надеялся, что успеют прикататься, сработаются. Но не сработались. Команды не получились. Потому и проиграли...

Придя домой, Долгушин принялся разбирать почту. Он ожидал письма из Баку. В спортивной жизни этого города сложилась парадоксальная картина. В Баку, стоящем на берегу моря и имевшем все возможности для развития гребного спорта, именно этот вид спорта почти не культивировался. Долгушин написал об этом в партийные органы печати города Баку. И вот перед ним вырезка из газеты. «Вышка» забила во все колокола, повела широкую пропаганду гребного спорта под рубрикой: «В шлюпки, за весла».

«Ай да ребята, ай да молодцы, — улыбается довольный Александр. — Теперь дело пойдет. Надо мне ответить им». И 21 апреля 1937 года Долгушин обратился через газету «Вышка» к бакинским спортсменам.

«Товарищи бакинцы, — писал он, — с большим интересом я узнал о готовящихся у вас соревнованиях по гребле на шлюпах, организуемых газетой «Вышка»...»

Это письмо он закончил такими словами:

«...надо надеяться, что в недалеком будущем гребцы

Москвы встретятся в соревнованиях с гребцами города Баку...

Чемпион СССР по гребле А. М. Долгушин».

Он радовался. Гребля получала все большее признание. В соревнованиях на первенство Москвы в конце июля участвовало 850 гребцов из девятнадцати спортивных обществ. Состязания продолжались четыре дня, и за это время ни на минуту не спадал накал борьбы.

— Именно это, — говорил потом Долгушин, — помогло мне установить на этих соревнованиях сразу два всесоюзных рекорда для московской воды, на одиночке и на двойке парной с Родионовым.

Долгушин сожалел, что в 1937 году не проводилось первенство Советского Союза. Поэтому самым главным событием гребного сезона Александр считал первенство ВЦСПС, проводившееся в конце августа в Ленинграде. Он смотрел на него как на неофициальное первенство СССР, потому что на гонки в качестве гостей были допущены гребцы и непрофсоюзных коллективов. Долгушин тщательно готовился к соревнованиям и рассчитывал на успех. И он пришел. Александр стал победителем в заезде на одиночке и на двойке парной вместе со своим неизменным партнером Родионовым. В командном зачете также победили москвичи.

— Я не согласен, — говорил Долгушин, — со спортивными обозревателями, утверждающими, что успехи московских команд объясняются применением нового стиля Фербена, который якобы помог москвичам достичь таких же благоприятных результатов, как и за рубежом. Да, действительно, многие гребцы Москвы знакомы со стилем знаменитого англичанина, этим знакомством мы обязаны тренеру товарищу Рогачеву. Метод англичанина можно выразить несколькими словами — это стиль непринужденных, естественных движений. Но мне думается, что основа успеха москвичей в том массовом увлечении греблей, которое характерно для нашего города.

Александр понимал, что вместе с массовостью растет и мастерство.

Чемпионат страны 1938 года проводился в первых числах сентября в Москве. Помимо команд Москвы, Ленинграда, Днепропетровска, Киева, Горького, Днепродзержинска выступали молодые команды Иркутска, Тбилиси, Ростова.

Долгушин ликовал.

— Гляди, милоч! — торжествующе говорил он своему другу. — Сколько новых гребцов появилось!

Заключительный день соревнований принес победу Москве. Все четыре заезда в разряде мастеров выиграли столичные гребцы.

И на этот раз Долгушин отлично прошел дистанцию, завоевав в третий раз звание чемпиона СССР на одиночке. Разрыв между победителем и ближайшим из борющихся за второе место ленинградцев Чувахиным и Жуковым был больше тридцати секунд! Второе место досталось Чувахиному.

Через некоторое время участники только что закончившегося заезда одиночников встретились на старте вновь. Но на этот раз уже в двойках парных. Жуков греб в паре с Чувахиным, Долгушин — с Родионовым. И в этом заезде первенствовали москвичи, опередив соперников на 9 секунд.

Однажды читатели спортивной газеты были немало удивлены.

В небольшой заметке сообщалось, что в конце декабря 1938 года общество «Буревестник» проводило конькобежные соревнования и... «классное место мог бы занять чемпион СССР по гребле Долгушин, но упал».

А на лыжне он выступал за команду мастеров, от соревнования к соревнованию улучшая свои результаты. В этом же году Александр знакомится с Люсей Мухиной, и она становится его женой...

Целую декаду шли упорные «бои» на Москве-реке за звание чемпиона столицы по академической гребле сезона 1939 года.

Интерес к этим спортивным соревнованиям, как всегда, был огромен.

Сенсацией явилось поражение неоднократного чемпиона СССР А. Долгушина. Почти всю дистанцию лодки Александра и его постоянного конкурента Смирнова шли нос в нос, и только на последних ста метрах ценой невероятного напряжения Смирнов вырвал победу. Это было первое поражение Александра Долгушина на одиночке за последние шесть лет. А через три дня на водной станции ЦПКиО имени Горького началось первенство СССР.

В отличие от прошлых лет в нем участвовали сборные команды спортивных обществ, а не сборные городов. Новый принцип позволил большему количеству талантли-

вых молодых гребцов впервые выйти на старты всесоюзных соревнований и помериться силами с признанными мастерами. За победу боролось около 400 гребцов из 17 обществ. Только в финале встретился Долгушин со Смирновым. Как бы беря реванш за проигрыш на первенстве Москвы, Долгушин значительно опередил Смирнова! Блестяще выступили Долгушин с Родионовым на двойке парной, одержав уверенную победу. Завоевав звание чемпиона СССР 1939 года на одиночке и двойке парной, Долгушин вновь подтвердил, что он находится в расцвете своего спортивного таланта.

Александр стал семикратным чемпионом СССР. Он не проиграл ни одного первенства Союза на одиночке и сделал на трех чемпионатах «золотой дубль», победив одновременно на двойке парной.

Гребля — такой вид спорта, где обычно трудно сравнить результаты мастера и новичка из-за разницы судов почти для каждого разряда. Тем больший интерес представляют соревнования, когда мастера, перворазрядники и все остальные гребцы выступают в равных условиях на учебных четверках — самых тяжелых лодках. Вот почему никогда не упускавший случая помериться силами Долгушин решил выступить в этих соревнованиях на приз открытия гребного сезона, проходивших в Москве 6 мая 1940 года, загребным в четверке «Буревестника», которая и выиграла их, опередив 23 команды.

Восемь дней разыгрывалось первенство Москвы по академической гребле, и с первого до последнего дня в центре всеобщего внимания были блестящие победы А. Долгушина. За это время он установил два новых всесоюзных рекорда на московской воде, из которых один — вместе с Родионовым на распашной двойке без рулевого — улучшил дважды, превывсив рекорд ленинградцев Стельпе — Сабриковича 1938 года на 30,2 секунды, а на одиночке вновь показал время международного класса. Кроме того, впервые в истории гребли он стал четырехкратным чемпионом столицы — на одиночке, двойке парной, двойке распашной и четверке с рулевым.

Взрыв оваций вызвала победа в заезде четверок с рулевым.

Команда «Буревестника», ведомая Долгушиным, уверенно обыграла чемпиона СССР — четверку общества «Спартак» с за рулем С. Шереметьевым, показав результат 7. 21, 0. На двойке парной Долгушин и Родионов фи-

нишировали с результатом 7. 12, 0. И, наконец, на одиночке Долгушин улучшил свой результат 1938 года на 15,8 секунды, показав результат 7. 15, 1. Это время было достигнуто при очень плохой погоде, на крутой волне. Интересно заметить, что Долгушин шел на чужой лодке.

Многие годы этот результат, показанный Александром Долгушиным на московской воде, оставался непревзойденным. Улучшить его смог через несколько лет после войны олимпийский чемпион Ю. Тюкалов. Тот факт, что сделать это удалось лишь гребцу, ставшему олимпийским чемпионом, еще раз свидетельствует о том, что рекорд, установленный в 1940 году Долгушиным, был результатом не только союзного, но и мирового значения.

27 июля 1940 года Александру Долгушину присваивается самое высокое спортивное звание, которое может завоевать спортсмен в нашей стране, заслуженного мастера спорта СССР. В этом же году он переходит на тренерскую работу и обращается через газету «Красный спорт» ко всем классным спортсменам СССР с открытым письмом, озаглавленным «Почетный долг».

«Несколько дней назад, — писал Долгушин, — постановлением Всесоюзного комитета физкультуры мне присвоено звание заслуженного мастера спорта СССР. Это почетное звание дорого мне не только и не столько, как оценка моих спортивных достижений, но особенно как оценка моей общественно-тренерской работы по гребному спорту...

Мы не только подготовим сотни и тысячи сильных, выносливых людей, готовых к труду и обороне, но и сумеем «открыть» в низовых коллективах спортивные таланты, свою смену, молодежь, которая уверенно пойдет на штурм мировых рекордов.

Я обращаюсь ко всем заслуженным мастерам и мастерам спорта СССР, к сильнейшим перворазрядникам с призывом: идите в низовые коллективы готовить квалифицированных тренеров-общественников, растите нашу спортивную смену...

Уверен, что мастера спорта откликнутся на мой призыв».

И спортсмены откликнулись. Как и Долгушин, они старательно готовят молодых. Занятия с начинающими увлекают Александра. Кропотливо и настойчиво он растит смену, стремясь пробудить в своих учениках любовь к гребле.

— Это благородный спорт, — горячо говорит он им, — вода, солнце, стремительное движение изящных легких лодок...

Каждое проводимое им занятие, как правило, оканчивается беседой по душам. Александр не скрывает трудностей тренировок и особенно соревнований...

— Гонка требует предельной отдачи, — пояснял он, — нередко мужественные, сильные люди с последним ударом весла падают в обморок. Да, да, я не шучу, — повторяет он, заметив чью-то недоверчивую улыбку, — огромное напряжение воли. Малодушные обречены на неудачу. Бывает так, что сильный гребец проигрывает более слабому только потому, что не может подавить в себе малодушия.

— А как же бороться с этим? — спросил толстощекий паренек.

— Строгим режимом и повседневными упорными тренировками. Запомните, борьбу эту нужно вести не только во время соревнований.

Сколько спортивных талантов было найдено Долгушиным в период подготовки к первенству Москвы 1941 года и к первенству СССР, назначенному на 6—8 августа?

Но война спутала все планы.

Через несколько дней после ее начала в Комитете по делам физкультуры и спорта собрались заслуженные мастера спорта, чемпионы СССР. Александр здоровается с абсолютным чемпионом страны по боксу Николаем Королевым, прославленными бегунами братьями Знаменскими, машет рукой чемпиону страны по конькам Анатолию Капчинскому, что-то говорившему в дальнем углу, борцам Алексею Катулину и Григорию Пыльнову.

После горячего обсуждения спортсмены подготовили и направили письмо в Центральный Комитет ВКП(б), Председателю Обороны И. В. Сталину. Заключимив подлое нападение, спортсмены единодушно выразили готовность немедленно отправиться на самый трудный участок фронта и выполнить любое задание Родины. Одним из первых подписал письмо Долгушин.

1 июля 1941 года на митинге молодежи Москвы и Московской области Александр Долгушин произнес пламенную речь:

«Занимаясь мирным трудом, мы ни на минуту не забывали об угрозе войны, готовились к защите Родины...

Мы уходим на фронт. Мы идем защищать свою Родину и будем драться до последней капли крови.

Наше дело правое! Мы победим вероломного врага!»

Сразу же после митинга, проходившего на стадионе «Динамо», Долгушин в военной форме вместе с другими спортсменами едет на одну из подмосковных станций, где формируются, в основном из спортсменов, подразделения ОМСБОНа для действий в глубоком тылу врага.

С трудом сдерживая слезы, припала к груди мужа Люся Долгушина.

— Успокойся, Люсенька, — целуя жену, говорил Александр. — Ты ведь жена гребца... Жди.

И она ждала. Первое письмо она получила в феврале 1942 года. «Любимая, — писал Саша, — 23 января мы приняли боевое крещение и вышли победителями. Моя снайперская винтовка не подвела меня. Пригодились и спортивная стрельба, и лыжная подготовка. В этом бою на мою долю пришлось семь фашистов. Первого — фашистского офицера, я снял, когда он выглянул из башни. За танками шла пехота, и мне удалось уничтожить еще шесть человек.

Так много хотелось бы рассказать тебе, родная...»

Он, действительно, многое мог бы сообщить жене. Спустя неделю после описанного им боя под Сухиничами в городе Козельске из остатков бригады, принявшей на себя главный удар мотомеханизированных и бронетанковых частей гитлеровцев, рвавшихся к Москве, был организован партизанский отряд «Славный», почти целиком состоящий из заслуженных мастеров и мастеров спорта СССР.

«...В бою под Сухиничами, — писал жене Александр, — пал смертью героя Гриша Пыльнов. Ты знала его — он был чемпионом страны по борьбе в полутяжелом весе. Он погиб, но сотни других спортсменов продолжают борьбу...»

Долгушин имел в виду дравшихся рядом с ним гимнастов Сергея Коржуева и Владимира Семенова, велосипедиста-трековика Виктора Зайпольда, пловцов Евгения Мельникова и Константина Мадея — балагура и весельчака, командира комсомольско-молодежной роты, заслуженного мастера спорта Леонида Митропольского, став-

шего боевым разведчиком, дискобола Али Исаева и многих других.

Через несколько дней отряд пересек линию фронта. Этот переход занял пять суток и уже сам по себе, несомненно, был подвигом. Наиболее выносливые и сильные: Долгушин, Мадей, Ермолаев и Фролов — составили головной дозор и торили лыжню по глубокому снегу, неся на себе продовольствие и боеприпасы. Менялись часто, давая отдохнуть идущему впереди через каждые двести метров. Мороз и ледяной ветер обжигали лицо. Снег забивался под обмундирование. Коченели ноги. Но они шли...

И вот «Славный» в Брянских лесах. Ранней весной была получена радиogramма из Центра. Один из отрядов, перейдя линию фронта, затерялся в Брянских лесах. В отряде обмороженные. Необходима помощь. На поиск вышло несколько групп. Решили послать также лыжников-москвичей. В группу вошел и Долгушин. Им удалось обнаружить пропавший отряд. Более тридцати человек были обморожены. Доставить их в лагерь «Славного» оказалось непросто — весенний паводок превратил реку Болву в озеро. Только вершины кустов и затопленные деревья обозначали берега. Лодок не было. Опасаясь партизан, немцы еще осенью изрубили их и сожгли.

Местный старик рыбак пригнал утлую лодчонку.

— Глядите, — сказал он, — на ней недолго и потонуть, может, кто из вас сумеет с ней управляться?

Долгушин сел в лодку и весь остаток дня и всю ночь перевозил обмороженных. Ладони стерты до крови. Наконец переправа окончена. Можно двигаться в лагерь.

Слух о появлении «московского» отряда быстро распространился по всей округе.

Кондратия Мадея, Николая Шатова, Леонида Митропольского, Моисея Ивановича, Григория Ермолаева, Эдуарда Бухмана, Виктора Зайпольда и Александра Долгушина знали и в других отрядах. Долгушин умел делать все — сказало трудовое детство: сплести добротные лапти, смастерить седло, подковать лошадь, сварить обед, срубить баню, починить сапоги и подоить корову. Но известность Долгушину принесли его снайперские выстрелы. Однажды, прикрывая отход товарищей после дерзкой вылазки, он залез в подбитый немецкий танк. Уничтожив троих гитлеровцев, Долгушин дотемна держал в топком болоте остальных, не давая им поднять головы.

Тоскуя по реке, по лодке, он завел себе ручную дрезину, которую обычно приводили в действие три человека. Долгушин справлялся один. Эта дрезина скоро стала хорошо известна немцам. Через несколько районов Брянщины проходила узкоколейка. Она связывала Дятьковский район, где базировался отряд, с Брянском, Людиновом, Ивотом, Бытошем и Сельцом. Дрезина оказалась очень полезной для партизан.

— На весла, Милок, — говорил ему командир. «Милок» — любимое обращение Александра — крепко пристало к нему самому.

— Хальт! — орали фашисты, беспорядочно строча из автоматов вслед промелькнувшей дрезине.

— Проскочили! — улыбается Долгушин. Ветер треплет его выющиеся волосы.

Напряженный труд партизан, полный опасностей и приключений, не тяготил Долгушина. Он относился к нему, как к обычной работе. Его беспокоила судьба Люси, Как там она?

Для отрядов, базировавшихся в Клетнянском лесу, конец 1942 и начало 1943 года оказались трудными. Немцы решили очистить район от партизан. Ежедневно прибывали новые воинские подразделения гитлеровцев. Кольцо блокады сжималось.

— Будем прорываться, — решил командир «Славного». — А ну-ка, Милок, давай на весла. Передашь Бате боевое донесение. Только гляди, кругом фрицы вдоль дороги шастают.

— Ничего, проскочу!

— Мы постараемся отвлечь от тебя внимание.

Александр разгоняет дрезину и вскакивает на ходу...

Батя, получив донесение, ударил с тыла. 30 января 1943 года отряд вырвался из окружения. Но гитлеровцы организовали преследование. Передышки нет. Бой следуют один за другим. Февраль оказался еще более трудным. Каратели пытались проникнуть на партизанские базы.

В начале марта сорок третьего года Александра Долгушина вызвал командир. В его землянке Саша увидел Али Исаева, Шатова, Иваньковича, Мадея и других заслуженных мастеров спорта. Их осталось всего только восемь. Остальные погибли в боях или были ранены и эвакуированы.

— Специально о вас пришел приказ из Центра, — объявил командир. — Запрещено посылать заслуженных

мастеров спорта, чемпионов и рекордсменов на опасные задания, отправим вас, как только представится возможность, на Большую землю. А пока мы используем вас для караульной службы и хозяйственных работ.

— Не согласны, — ответил за всех Александр.

— Это приказ, — жестко оборвал его командир, — обсуждать его не будем. Можете высказать предложения по его исполнению.

Долгушин молча обвел взглядом лица товарищей. Кого не пускать в бой? Али Исаева — лучшего гранатометчика, не знающего слова «страх» и непостижимо спокойного в минуты смертельной опасности? Или Мадея — командира ударной роты?

— Я добровольно пришел на фронт, — глухо сказал Долгушин. — Я на стадионе «Динамо» призывал идти в бой с врагом, а мне предлагают вернуться в Москву, лишают возможности защищать Родину. Я понимаю, чем вызван такой приказ. Это забота о нас, спортсменах. Но поймите и вы меня, я не могу оставить отряд, пока оккупанты топчут нашу родную землю. Только победа может демобилизовать меня.

Иначе Долгушин поступить не мог. Его всегда отличали исключительная честность и принципиальность. Както на соревнованиях при розыгрыше первенства Москвы 1939 года произошел такой случай. Соперник Долгушина перед самым стартом заявил, что они соревнуются в неравных условиях, ибо лодка Долгушина лучше. Действительно, Александр выступал на одиночке А. Переселенцева, первого русского чемпиона Европы 1913 года, привезенной знаменитым москвичом в 1914 году из Франции. Александр улыбнулся и добродушно предложил: «Давай поменяемся лодками». Соперник обрадовался. Чужая одиночка была «мелкой» для Долгушина, да и на ходу она ему показалась «тупой». Уже со старта он проигрывал несколько корпусов, его прежняя лодка, как бы мстя за «измену», уходила все дальше и дальше. Собрав всю свою волю, Долгушин длинным спуртом достает соперника и пересекает финиш первым, опередив соперника на целых 42 секунды.

Но главное заключалось не в том, что Долгушин победил, а в том, что не отдать лодку он не мог. Спортивная честность во время соревнований, как и честность гражданская, не позволившая ему занимать чужое место в институте, была его человеческой сущностью. Вот и сей-

час мог ли он покинуть товарищей, сражающихся с врагом?

— Правильно, Саша, верно, Милок, — поддержали Исаев, Шатов, Зайпольд и другие.

— Только смерть может заставить меня прекратить борьбу с фашистами, — сказал Костя Мадей. — Я не оставлю роту...

— Силком не заставляю, — ответил командир, едва скрывая свое одобрение. Он выполнил приказ... Не его вина, если они решили воевать. — А теперь собирайтесь, — сказал он, — идем в Белоруссию...

19 мая 1943 года «Славный» достиг Чечеренских лесов и остановился близ реки Сож. Для подготовки переправы командир выделил группу. Помощником начальника переправы был назначен Долгушин. Широкая река еще не вошла в берега. Лениво извиваясь среди зеленых лугов, она сверкала на солнце. За рекой были шоссе Могилев — Гомель и железная дорога. Мадей на лодке хотел было перевозить подводы с ранеными.

— Погоди, милоч, — остановил его Долгушин. — Ты ведь пловец, а здесь нужен гребец. — Он впрягся в повозку вместо уже переправленных лошадей и потащил ее, стараясь накатить на лодку. Наконец это ему удалось, и через секунду довольный Долгушин уже сидел на веслах. Лодка черпала воду, колеса телеги касались воды, но Александр греб, удерживая равновесие. Так он перевез одну за другой все десять повозок с ранеными.

На второй лодке Мадей переправлял тех, кто не умел плавать. Долгушин теперь помогал Кондратию.

— Гляди, милоч, — говорил он товарищу, — теперь мы переправим пушки.

Сначала Долгушин попробовал было, как повозки, вкатить их на лодку. Но не смог, орудия поместили на плоту. Спортсмены сошли в воду и поплыли, толкая его к берегу.

— Я бы все орудия перетащил на лодке, — не унимался и в воде Александр. — Только было б время найти центр тяжести...

Преодолев реку, отряд вытянулся в длинную цепочку и взял направление на Днепр. Шли открыто даже в дневное время. Заходя в населенные пункты, устраивали митинги. Агитаторы рассказывали о положении на фронтах, раздавали листовки и газеты, доставленные самолетом.

— Теперь уже победа не за горами, — мечтал у ко-

стра Долгушин. — Еще год, милоч, и конец войне, вот увидишь, — говорил он соседу, степенному здоровяку, только что вступившему в отряд. — Больше года фрицы не протянут. Будем праздновать победу. А какие спортивные игры закатим! Ведь в сорок четвертом, в мае, как раз исполнится восемьдесят лет со дня основания в Петербурге первого гребного клуба.

— В каком году это было? — спросил Мадей.

— В 1864 году.

— Говоришь, в Питере?

— Да, в Москве, Одессе и Киеве гребные клубы открылись позже. Кстати, ты знаешь, что гребля была первым видом спорта, который начали культивировать в России?

— Хвастаешь, Саша, — улыбнулся Мадей. — Послушай лучше, что я тебе расскажу. Наше появление у Гомеля прямо ошарашило гитлеровцев.

Действительно, земля горела под ногами оккупантов. К тому же появление отряда вблизи города привлекло в «Славный» большое количество местных жителей. Все надеялись на скорое освобождение. Мелкие гарнизоны в страхе разбежались при приближении столь крупного соединения. Гитлеровская разведка доносила, что это головной отряд советской дивизии. Партизаны были одеты в синие комбинезоны, захваченные у самих гитлеровцев. По данным немецкой разведки, дивизия русских имела задание перерезать шоссе Могилев — Гомель.

Гитлеровцы срочно перебрасывали сюда воинские части, стремясь не допустить русских к шоссе. Но на рассвете 4 июня отряд пересек шоссе Могилев — Гомель. Атакованные превосходящими силами, партизаны приняли бой. Во главе командиром большая группа пулеметчиков и автоматчиков, в которую входил и Долгушин с ручным пулеметом, прикрывала продвижение вперед основной части отряда. Место для засады выбрали очень удачно. Вдоль дороги были свалены бревна, позади, метрах в ста, подступал лес. Он обеспечивал скрытый отход.

Гитлеровцы атаковали на всем участке, стремясь охватить фланги. По команде командира Долгушин открыл прицельный огонь. Атака захлебнулась. Фашисты повторили ее.

— Приготовиться к отходу, — передал по цепи командир.

Оккупанты, словно поняв это, снова пошли в атаку.

— Я прикрою, — вызвался Александр и, не ожидая согласия, открыл огонь, разя набегающих гитлеровцев.

Пустая гильза упала на руку Долгушина. Кончились в диске патроны.

— Саша! Милок! — донеслись голоса и перекрывший их гулкий разрыв гранат.

«Вырывают», — мелькнуло в сознании. В тот же миг что-то тупо ударило в голову. Долгушин рванулся вперед и упал на руки подоспевших товарищей...

Его похоронили друзья-партизаны 4 июня 1943 года в белорусской земле. Только тридцать лет прожил Александр Долгушин, но каждый день он шел на бой...

Л. Безуглая

СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА
(Любовь Кулакова)

Любку знала вся улица, на которой она жила, и не только вся улица, а знала вся Гольяновка, где она царствовала без трона, и не только Гольяновка, но и Большая почтовая, куда она водила драться гольяновских мальчишек. А суждено было Любке, что узнает ее вся страна.

Улица резко спускается к прудам. Зима. Ребята с улицы, крутой и прямой, на санках лихо съезжают на лед. И санки, словно юла, начинают крутиться по льду. Чем больше кругов, тем сильнее удовольствие. Мальчишка лет семи разогнался изо всех сил и мчится на пруд. Вдруг — треск, и он вместе с санками (даже крикнуть не успел) идет под лед. Было одно место на пруду со слабым льдом: старались не кататься там, да новичок не знал этого. Обожгла его ледяная вода, ничего не успел понять, а его, мокрого, оглушенного и испуганного, вытащив из проруби, уже колотила распаленная девчонка. Колотила и приговаривала:

— Иди, бес, домой и не показывайся мне на глаза, а то еще получишь. — А сама легла на лед и еще пыталась выудить шапку и санки паренька. Малый с ревом помчался домой. Знал, что с Любкой Кулаковой шутки плохи. Еще всыплет, тумачков надает.

Любка отогнала мелюзгу от проруби и пошла домой сушиться.

Мама стирает. Рядом с корытом лежит гора белья — опять взяла у студентов. Любка сняла с себя мокрую одежду, повесила поближе к печке, переделалась в сухое, пошла к колонке за водой, потом наколола дров.

— Люба, садилась бы за уроки!

— Сейчас, мам! Давай помогу. В четыре руки быстрее управимся. Уроки подождут.

Вода греется. Пар, мокрое белье. В доме, и без того сыром, стало совсем душно. Закончили стирку. Теперь за готовку. Скоро с работы вернутся братья и сестры. После стирки и готовки надо прибрать комнаты. На комод постелила кружевную салфетку, на стол — клеенку,

убрала постели. Дома одни только кровати да сундуки. Но всегда чисто и от этого уютно. Народу полным-полно. Не до мебели. Было бы где спать да есть.

Все домашние дела закончены, осталось только младшую сестру Лиду разыскать. Опять куда-то умчалась. На прудах ее нет. Наверное, на лыжах не накачается. Любка, захватив лыжи-самоделки, побежала за Лидой с тайной мыслью и самой разочка два прокатиться с горы.

Ребят здесь, как всегда, много. Самые смелые и удачные съезжают с горы на санках. И Лида, конечно, здесь. На правах старшей (Любке — четырнадцать) она пытается загнать Лиду домой. Но та хитрит, видит, что Любка сама на лыжах, значит, ее можно уговорить еще покататься. Невдалеке увидела Люба и свою тезку (за редкую миловидность ее все звали Ляля). Красивую темноглазую девчущку опять осаждали мальчишки, по-ребячьи выражая свое расположение: то дергали за косички, то кидали в нее увесистые снежки, словом, не оставляли без своего жестокого в этом возрасте внимания. Любка опекала и охраняла ее. Разогнала слишком ретивых поклонников: «Смотрите, если кто обидит Ляльку — жизни дам!» Для Ляли наступило блаженное время — можно спокойно покататься.

— Эй, кавалеры! Чем к Ляльке приставать, давайте с горы не на пятой точке, а на лыжах. Кто из вас смелый?

Смельчаков не нашлось. Просто глядеть вниз — голова кружится, на санках и то дух захватывает. А Любка закрепила ремнями свои «скороходы»-самоделки. И их — понеслась! Да не просто, а с фокусами. Зрителей собралось много. Жуть первой секунды сменилась радостью и легкостью. Все могу. Захочу, остановлюсь на всей скорости посреди горы. Резкий поворот. Ребята на горе не сразу поняли, в чем дело. Шлейф из снега. И Любка как вкопанная стоит посреди отвесной горы лицом к ним. И хохочет во весь свой зубастый рот. Ребята смотрели на нее с восхищением. Это было не просто поклонение, а удивление перед чудом. Ребята забыли и про Лялю — тайную любовь почти всех мальчишек их улицы. Сейчас торжествовала Любка Кулакова.

Любка не была красивой, но красавицы завидовали ей. Любка колотила мальчишек, а они ходили за ней косяком, безмолвно признавая ее превосходство над собой и всеми девчонками своей улицы. Бремя власти не тяготило

Любку. Она несла его легко и весело. Любка непреклонно, но справедливо следила за тем, чтобы ребята держали свое слово. Если заваривалась драка, то один на один, обидчик на обидчика, а не все на одного.

Зимой ей не было равных.

— Любка, выходи с лыжами! Давай наперегонки!

— Давай, только иди вперед, все равно обгоню.

— Слабо.

— На что спорим? Мороженое, кино или щелбанчики?

Все плохо! На мороженое и кино — денег нет, а щелбанчики у Любки не сладкие. Ну да ладно, своя голова, не покупать.

— Погнались, что ли? Только к дому! Идите вперед, а я за вами!

Энергия, рассчитанная по меньшей мере на пятерых, отпущена ей одной. Снег за Любкой так и вихрится, и вся она, гибкая, ладная и быстрая, в снежной пыли, словно Снежная королева под вуалью. Любка, озорная, одержимая Любка, легко и свободно обгоняет одного, другого, третьего... И вот уже мчится одна, все дальше, дальше и дальше... Показались дома. Деревянные домики Гольяновки. Любка ждет должников. Ей стало уже и холодно-вато. А вот и они.

Надо расплачиваться. Неохота щелбанчики получать.

— Айда завтра в кино!

— Денег нет? А вон лавка утильсырья. Одна смехота. Разберем в минуту. Тряпье в другую сдадим. А потом в кино «Пятый рабочий».

За такие дела родители не разрешали своим детям дружить с Любкой. Доходили до взрослых слухи, что ребята в Измайлове таскали щенят и отвозили на конный рынок, трясли сады. Огороды и сады Ухтомки помнят оголтелую компанию под предводительством светловолосой и отчаянной девчонки.

На 1-й Гольяновской улице в двух маленьких комнатах одноэтажного деревянного дома бедно, но в ладу жила семья рабочего-маляра вагоноремонтного завода коммуниста Алексея Никитича Кулакова. Жену его, Евдокию Трифоновну, наградили медалью материнской славы. Она родила и растила пять дочерей (Антонину, Веру, Валентину, Любовь, Лидию) и двоих сыновей (Александра и Владимира). Жили все вместе — в тесноте, да не в оби-

де. Дети вырастали, женились и выходили замуж, но из родительского дома уходить не спешили. В тесных сыроватых комнатках всем хватало и места, и тепла, и ласки.

Люба родилась 9 июня 1920 года. Она была шестым предпоследним ребенком Кулаковых. Вскоре после рождения Любы Алексей Никитич ушел на войну с белополяками. Всем детям, кроме Любы, он выхлопотал места в разные детские дома. Нельзя же было оставлять без помощи мать с грудной дочкой. Затужила Евдокия Трифоновна. Тосковала безмерно, места себе не находила. Да хорошо, с поляками быстро покончили. Вернулся Алексей Никитич и сразу забрал всех детей домой, кроме Тони. Не стали ей срывать учебу. Училась она легко и с охотой, а дома только малолетки — будут мешать ей. Хватит, понянчила. Пусть учится. Тоне тоже понравилось в опытно-показательной школе. Оттуда она тоже попала в педагогический техникум.

В 1928 году непоправимая беда свалилась на семью Кулаковых. Смертельно болен оказался отец — Алексей Никитич. Раньше все недуги переносил на ногах — надо было кормить большую семью, все болезни перебогал. А теперь слег. Туберкулез. Напряжение стольких лет не прошло бесследно. Ухаживали за ним все. Но было поздно, болезнь зашла слишком далеко — легких почти не осталось.

Любе надо было идти в школу, но она бегала за врачами, за лекарствами. Не хотела отходить от отца. Думала, что если она рядом, то с ним не случится ничего плохого.

Отец умер, оставив любимых детей и жену в страшном горе. Тяжелее навалилась и нужда. Осиротели. Но все оказались еще ближе и дороже друг другу. Муж Тони (Сергей Дмитриевич Маковеев, он работал во Всесоюзном комитете по физической культуре и спорту) взял на себя заботу и о семье жены. Помогал всем, чем мог. Мама, Евдокия Трифоновна, устроилась подсобным рабочим и по совместительству уборщицей на меховую фабрику, да еще брала стирать белье у студентов. Маленькая Люба не могла видеть, как мама выбивается из сил, и тоже помогала ей. Носила воду, вешала белье. Дрова ей не разрешали рубить, но она уже пыталась колоть их в свои восемь лет. Если кто-нибудь из старших заставлял ее за этим, ей влетало.

Люба пошла учиться на девятом году. Школа № 8

размещалась в бывшем особняке владельца меховой фабрики Гольянова. В окна класса заглядывали старые липы. Любка очень любила смотреть на них — они напоминали ей вольное житье. «Вот бы убежать сейчас на насыпь или на Козьи горы! А может, лучше на пруды? Мама дома предупреждала вчера, чтобы не бегала на болото, там, рассказывают, недавно засосало корову». Люба представила себе, как мычала корова, пытаюсь выбраться из болота, и ей стало жалко корову. «А может, все неправда?» И вздохнула с облегчением.

С учебой Любка сразу не поладила. Ей казалось, что учиться — только время тратить. Дома столько дел, надо маме помочь, а потом и мяч погонять. Без Любки игра шла вяло.

Объяснения в школе она слушала с интересом, а к домашним заданиям не прикасалась. Ей и в голову не приходило, что она не успевает в школе из-за хозяйственных хлопот, да и как она могла жаловаться на то, что делала добровольно, с охотой и удовольствием. Видно, честолюбивая в душе, Люба не могла смириться с тем, что она не первая в классе, а раз не первая, то лучше никакая. Так и шло. Зато на физкультуре девочка брала реванш за все свои неудачи.

В четырнадцать лет — 25 марта 1935 года — Люба Кулакова заняла первое место в районных соревнованиях по лыжам среди ребят младшего возраста.

Тогда она впервые держала в руках грамоту райсовета физкультуры. Здесь даже не подходит слово «завоевала». Она спокойно и быстро обогнала всех своих соперников. Ей это не стоило большого труда. Ведь ребят со своей улицы она обгоняла на лыжах даже с двухгодовалой племянницей Галей на руках.

Первыми Любкими соперниками на лыжне были мальчишки Гольяновки. Они «тренировали» ее беспощадно. Когда она обгоняла одного, тут же подбегал другой и говорил: «А меня слабо обогнать!» И без передышки, пренебрегая всеми международными спортивными правилами, рассчитанными на сохранение здоровья спортсменов, пла Любка с очередным мальчишкой, отчаянно хотевшим перегнать ее. Не было случая, чтобы Любку обогли.

Однажды Сергей Дмитриевич увидел, как Любка идет на одной лыже, и у него дух захватило от удовольствия: «Не покачнется, чертовка! И откуда у нее только такое чувство равновесия? Ведь со спортсменов на тренировках

сто потов сойдет, прежде чем они добьются такой устойчивости, а ей, видно, природой отпущено».

Вспомнилось ему, как первый раз сажал десятилетнюю Любу на свой велосипед. Хотел ее придержать, а она уже спокойно едет, смеется, оглядываясь на него.

— Ты что, уже раньше каталась?

— Никогда, дядя Сережа. У нас же нет ни у кого велосипеда.

Признаться, даже не поверил он тогда Любке. «Хочет, видно, прихвастнуть».

Но Любка врать не умела.

Люба очень любила Сергея Дмитриевича, он стал ей и отцом, и старшим братом, и другом. А ему дома часто жаловались на Любу, что не хочет учиться, вот и на второй год, наверное, останется. Отчаянная больно и непоседа. Про погромы лавки с утильсырьем слышал. Как бы не в ту сторону девчонка не свернула. Горяча и неосмотрительна.

— Люб, хочешь настоящей спортсменкой стать? Знаешь, где стадион «Сталинец»? Пойди разыщи Пенязеву Антонину Григорьевну. Она заслуженный мастер спорта СССР по лыжам. Скажи, что хочешь у нее тренироваться. А будет спрашивать, кто послал, скажи — сама пришла.

Люба удивленно посмотрела на него. Ведь дядя Сережа признавался сам не раз, что ему нравятся ее откровенность, правдивость. Говорил: «Любаша, ты не верь, что молчание — это всегда золото. Молчание бывает разное. Иногда это подвиг, если ты не выдашь друга, а иногда это предательство, если ты не предупредишь друга о беде. Молчать удобно, верно, но чаще оно все-таки сродни подлости».

— Дядя Сережа, не понимаю, почему не сказать, что ты меня прислал?

— Любаша, я не хочу, чтобы Антонина Григорьевна взяла тебя к себе только из уважения ко мне. А то еще, чего доброго, сочтет мою просьбу приказом. Я же в некотором роде их начальник. Если Антонина Григорьевна увидит, что ты способная лыжница, она тебя и без моей рекомендации возьмет.

— Ясно, дядя Сережа, не выдам, не подведу.

«Да, к сожалению, не часто можно преподнести такие подарки своим коллегам! Интересно, сумеет оценить ее как лыжницу Антонина Григорьевна? Не упустит?»

На стадионе «Сталинец» в тренерской раздался стук в дверь. На пороге стояла девушка среднего роста, в брюках и пальто нараспашку.

— Здравствуйте! Можно мне поговорить с Антониной Григорьевной Пенязевой?

Антонина Григорьевна встала.

— Здравствуй! Я Пенязева.

Люба взглянула на нее решительно и озорно.

— А я Люба Кулакова. Хочу, чтобы вы меня тренировали.

— Откуда ты обо мне знаешь?

— Знаю!

— Давно на лыжах ходишь?

— Как себя помню.

— Какие у тебя лыжи?

— Недавно подарили фабричные, а всегда — самоделки. Сначала папа мастерил, потом — братья, последние — сама.

— В соревнованиях участвовала?

— Да, есть грамота — первое место в районе.

— Сколько тебе лет?

— В этом году будет шестнадцать.

— Ну что ж, приходи на тренировку, посмотрю, как ты ходишь на лыжах.

На стадионе «Сталинец» очередная тренировка. Пришла и Люба. Антонина Григорьевна дала Любе лыжи, и они пошли на лыжню вместе со спортсменками. Пенязева объявила старт. «Раз!» И Любка рванулась. Единственный резкий толчок, а потом эта девочка преобразилась. Мягкие, кошачьи движения, полная расслабленность и невероятная работа палок. Антонина Григорьевна увеличила темп. Люба справляется, успевает за женщинами-мастерами. А ведь ей нет и шестнадцати.

Антонина Григорьевна смотрит со все нарастающим удивлением, удовольствием и даже завистью. Легко и свободно, красиво идет девочка! Пенязева еще увеличивает нагрузку и внимательно следит за новенькой. Что же это такое? Самородок! Как идет спокойно и накатиисто! Пенязева просто любит, зовет своих коллег, а они уже с интересом следят за незнакомой лыжницей. Только Любка ничего не видит и знает себе работает ногами и руками. Тренировка окончена.

— Ну что же, девочка! Тебя, пожалуй, и учить нечему. Быть тебе чемпионкой!

Любка засмеялась. И тут Антонина Григорьевна увидела, какая она славная и милая. Ничего примечательного и яркого не было в ее лице. Светлые бровки, даже бровями не назовешь их, светлые реснички, светлые волосы, зачесанные налево, близко расположены и глубоко сидят небольшие голубые озорные глаза. Носик прямой, слегка приплюснутый, небольшой рот. Лицо скуластое, задорное, мальчишеское, а вот засмеялась — и сразу стала женственной, мягче. Захотелось посмотреть на нее. Такие зубы называют сахарными. Лицо, очень легкое на улыбку. Улыбка, открытая и доверчивая, дерзкая и отчаянная, а девочка ожидает чуда и счастья.

И Антонина Григорьевна рассмеялась вместе с ней. Уж очень хорошо и заразительно хохочет ее новая воспитанница.

— Мамуля, — и Любка закружила Евдокию Трифоновну по комнате.

— Оставь, озорница!

— Не оставляю, — целуя ее, говорила Люба. — Меня будет тренировать сама Пенязева Антонина Григорьевна. Значит, я многообещающая. Увидишь, скоро в газетах обо мне напишут!

— Любаша, что ты говоришь? В каких газетах? За уроки-то опять не бралась. И где ты все время пропадала?

— Наверное, мой ум весь в ноги и руки ушел.

— Ох, и когда ты его только в голову загонишь?

— Не робей, мама, все будет в порядке. Наши спят? Иди и ты ложись. Я все доделаю.

В доме наступила тишина, но Евдокия Трифоновна долго не могла заснуть. Прислушивалась, как Люба убивается. А вот загремели лыжи. «И что она все время с ними возится? Какие-то ремни к ним пристраивает. Господи, что же с ней будет? Уж пора бы ей семилетку закончить, а там и на работу. Видно, учеба не по ней».

И не знала Евдокия Трифоновна, что дочка нашла сегодня и свое призвание, и друзей, с которыми потом пошла на смерть.

Антонина Григорьевна Пенязева стала не только ей тренером, наставницей, воспитателем, но и просто близким человеком. Люба преклонялась перед ней. Мнением ее бесконечно дорожила. Люба быстро располагала к себе людей. Вот и Антонина Григорьевна, много знающая и добрая, щедро делилась своим опытом и знаниями с этой девушкой. Она сразу почувствовала незаурядность и своеобразность этой простой девочки. Заводила, бедовая и озорная, задиристая со своими ровесниками, Люба, от природы наделенная внутренним благородством, с большим уважением и даже почтением относилась к старшим. Она знала, где и с кем можно поозорничать. Отчаянная и смешливая, напористая и смекалистая, она тянулась к хорошим людям, платя им бесконечным доверием и своей удивительной непосредственностью. Как-то на очередных занятиях на стадионе Любку спросили:

— Какой у нас высший орган власти?

— Милиция, — отчеканила Любка, по-своему распределив и власть и силу. Любка знала немного, но старалась сама собственным разумением дойти до самой сути.

Прошел год. Люба все время пропадала на стадионе. Антонину Григорьевну беспокоило это. Привязавшись к Любе, она не раз чуть ли не силой отводила ее в школу.

— Любаша, учти, без образования даже с твоими физическими возможностями далеко не уедешь. Как ты думаешь жить дальше? Ведь лыжницы выступают примерно до тридцати лет — самые высокие результаты у женщин в это время. А потом? С лыжами расставаться знаешь как трудно? Захочешь тренировать спортсменов, а образования не будет.

— До тридцати лет закончу школу, — смеется Люба.

Ну как тут сердиться? Улыбается и Антонина Григорьевна находчивому ответу.

— Ты же способная. Все понимаешь.

Очевидно, интерес Любы к лыжам перебивал все другие интересы.

В 1936 году Люба впервые участвовала в чемпионате СССР по лыжам среди девушек, но проиграла. Антонина Григорьевна считала, что виной здесь была не Любина подготовка, а лыжи.

1937 год. Свердловск. Соревнования лыжниц на пер-

венство Союза. Первыми идут спортсменки-девушки. Дистанция пять километров. В этот раз Антонина Григорьевна дала Любе свои лыжи фирмы «Лямпинен».

Перед соревнованиями Любу охватило нетерпение, она нервничает, ей кажется, что лыжи недостаточно хорошо смазаны, хотя возилась с ними часами напролет.

— Антонина Григорьевна, подмажьте еще, пожалуйста!

— Давай лыжи, Любаша! — Антонина Григорьевна делает вид, что еще подмазывает, понимая, что если еще к ним притронуться, то можно только испортить дело. Нетронутые возвращает Любе.

Та становится на лыжи, пробует скольжение:

— Совсем другое дело! Спасибо!

Слышна команда: «На старт!» Любка напряглась. «Внимание!»

«Марш!» — Любка рванулась. Уже всем был известен этот кулаковский рывок. В эстафете в первые годы Антонина Григорьевна всегда ее ставила первой, и команда сразу выигрывала время; позже, когда Люба стала сильнейшей лыжницей, Антонина Григорьевна ставила ее на финиш, и Люба на финише обходила соперниц.

Сейчас Люба старается изо всех сил, идет как гончая, со звуком выдыхая воздух. На большой скорости она так часто работает палками, что снег струится за ней, как за мотоциклом. Спортсменка, шедшая впереди Любы, не оглядываясь, по одному этому выдоху узнала обгоняющую Кулакову и без просьбы уступила лыжню.

Люба пришла первой. Так она доказала, что Антонина Григорьевна была права. От качества лыж зависит очень много. Да, Люба не просто пришла первой. После девушек шли женщины — мастера спорта. Время, за которое Люба преодолела пять километров, оказалось абсолютно лучшим — даже взрослые спортсменки на этой дистанции отстали по времени от ученицы Пенязевой. Подобного еще не случалось на чемпионате СССР. Этому не поверили, решили, что ошибка. Вскоре Люба пошла второй раз и показала такое же блестящее время.

Так Люба стала первый раз чемпионкой СССР среди девушек.

Март 1937 года. У Кулаковых сегодня праздник.

— Любаша-то наша — чемпионка! — говорила Евдокия Трифоновна, приглашая гостей к столу. — Проходите, проходите, садитесь.

Народу полно. Здесь сестры и братья, голяновские ребята, подруги; шумно, весело, передают газету со статьей о Любе. Только Евдокия Трифоновна нет-нет да и всплакнет. «Не дожил отец до Любиного торжества, не знает, что о его озорнице в газетах пишут».

А Любка хохочет: «Погодите, еще в киношке меня увидите, и книги напишут».

— Эх, куда хватила, Люба! Молчи! — говорит мама, вытирая руки о фартук.

Звонок.

— Наверное, Тоня с дядей Сережей. Это он мне напрогнозировал, да я не верила. Думала, что многие так могут на лыжах ходить.

Кто-то из ребят сказал: «Оказывается, не многие, а ты одна в стране. Хоть теперь не так стыдно тебе проигрывать. Ты же не просто девчонка, а чемпионка страны», — и запел: «Люба-Любушка, Любушка-голубушка...» Все подхватили...

— Ну, Любаша, поздравляю! Молодчина! Гармонист, не дреми! — говорил, входя, Сергей Дмитриевич. Расступились, и Любка пустилась в пляс. Куда девались резкость и даже грубоватость? Люба преобразилась. Медленно и плавно поднялись и опустились руки, задор и озорство в глазах, глядеть на нее и то весело. Ровные белые зубы ослепительны, а ноги, стройные, крепкие и сильные, отбивают такой умопомрачительный ритм, что сидеть и смотреть нет никаких сил. Ребята не усидели...

Гости разошлись далеко за полночь.

Люба упивалась своей славой. Улица радовалась вместе с ней. Во дворе был праздник после каждой победы Любы. В школе № 8 все поздравляли Любу Кулакову со званием чемпионки страны, а в другой школе (№ 414) тоже поздравляли свою Любу Кулакову — красавицу Лялю, Любкину любимицу.

— Ах ты, скромница! Ты что же молчала? В школе даже и на лыжи не становишься, а сама чемпионка страны.

И Ляля говорила всем, что она просто тетка, однофамилица Любы Кулаковой, а на лыжах ходить, к сожалению, не умеет, густо краснея при этом и сильно завидуя Любиной славе. К Лялиной досаде, поздравляли ее

очень часто, она уж и не знала, куда бы ей спрятаться, только бы не объяснять все сначала.

Однажды Люба Кулакова встретила Лялю:

— Привет, тетка! Как жизнь?

И Ляля рассказала, как все поздравляют ее со званием чемпионки СССР. Люба удивилась:

— А ты тоже Кулакова? Полная тетка. Живем рядом, а я только узнала. Ну и принимай поздравления на здорovie. Говори, что чемпионка. Мне вот пообиднее пилюли приходится проглатывать. Встречают и говорят: «А нам рассказывали, что Любка Кулакова — краса-а-а-вица». Ну теперь хоть все ясно, тетка. Нас двое Любок Кулаковых! Знаешь, мне даже приятно, что моя тетка красивая. Привет! Пойду себе и тебе славу зарабатывать. Хочешь сахару? — и убежала на стадион, на ходу по-сасывая сахар, который всегда носила с собой в карманах брюк.

Любка играла в мальчишку, не обращала внимания на внешность. Игра слишком затянулась. Она почти всегда ходила в брюках. Ей казалось, что они придают ей независимость: так понятно, что она не рассчитывает на мужское внимание, и оно ей не нужно.

И ребята на стадионе относились к ней как к своему парню: иногда даже просили ее сбежать за куревом. И Любка бежала, не находя в этом ничего зазорного. Сама даже пыталась курить, чтобы показать, что она ничем не отличается от ребят, хотя курение не доставляло ей удовольствия, она очень любила все сладкое.

Если спортсменам на сборах давали шоколад или конфеты, Люба откладывала их для племянниц и мамы. Когда на стадионе спортсмены получали пайки, Люба старалась взять побольше хлеба, чтобы отнести домой — там было не до деликатесов. Теперь Люба стала кормилицей. Маме она не разрешала больше стирать:

— Побереги себя, мамуля. Мы все выросли.

Целыми днями Люба на стадионе. Семилетку закончила в 1938 году и целиком ушла в спорт, постигая его премудрости; ни одна тонкость лыжной техники не ускользала от Любкиных зорких глаз. Если Любы не было

на лыжне, то ее искали в мастерской, там она часами колдовала над лыжами, не замечая, как бежит время.

Как спортсменка Люба Кулакова необыкновенно быстро выросла. Острый врожденный ум, трудолюбие, нерастраченная энергия помогли стать ей очень разносторонней спортсменкой. Спортивная многогранность и одаренность Любы Кулаковой поражали самых маститых знатоков спорта.

В 1938 году Кулакова — чемпионка СССР среди женщин на «гладкой пятерке». Так называется дистанция на пять километров в отличие от «военизированной пятерки», когда спортсмену, словно военнослужащему с полной служебной выкладкой, приходится преодолевать самые неожиданные препятствия, возникающие обычно в военной обстановке.

В 1939 году Люба уступила звание чемпионки страны Марии Початовой, проиграв ей только одну секунду. Зоя Болотова (сейчас заслуженный мастер спорта СССР, двенадцатикратная чемпионка страны по лыжам), с которой Люба жила в одной комнате на сборах в Свердловске, почувствовала:

— Жаль, что ты проиграла одну секунду. Обидно. Всего одну секунду.

— А ничего, на следующий год я выиграю, — не очень огорчалась Люба, очевидно чувствуя безмерный запас сил.

Она любила спортивную борьбу и этот проигрыш воспринимала как временный и легко поправимый промах. Не завидовала, не тосковала, не уединялась. Всегда была на людях и по-прежнему озорничала. Обливала водой зимой Зою Болотову, которая была чемпионкой по лыжам на «военизированной пятерке», и они, заигравшись, босиком бегали друг за другом по снегу.

Вернувшись в Москву, Люба, не прекращая тренировок, 10 декабря 1939 года закончила с оценкой «хорошо» курсы по подготовке и переподготовке начсостава ПВО. Кулакова получила удостоверение, которое свидетельствовало о том, что она признана соответствующей замещать должность командира взвода противохимической команды промобъекта ПВО.

В это же время Любу избрали членом месткома. Она чувствовала и переживала чужую беду острее, чем свою. И в месткоме Люба была на своем месте.

Жил на 1-й Гольяновской хороший мальчишка — си-

рота Вовка Щукарь. Он был моложе Любы на три года, тоже ходил на лыжах и бегал за Любой хвостиком. Люба слышала, что его хотят исключить из школы.

— Вовка, не повторяй моих ошибок. Будешь хорошо учиться, устрою тебя на стадион. Возьму к себе. А не будешь — пеняй на себя.

Слово Любы Кулаковой, чемпионки, было для Вовки Щукаря больше чем приказом. Стал лучше учиться, и Люба помогла ему устроиться в спортивное общество. Он всерьез занялся лыжами уже на стадионе «Сталинец». Люба Кулакова слов на ветер не бросала.

В 1939 году Люба еще раз пришла второй, участвуя в десятикилометровых массовых велогонках на дорожных машинах. Но это высокое место в чужом ей виде спорта делало только честь Любе Кулаковой-лыжнице. У себя на стадионе «Сталинец» в 1939 году она, словно компенсируя свою неудачу и доказывая ее случайность, вышла на первое место в метании гранаты и преодолении полосы препятствий ГТО.

Люба не ошиблась. До сих пор ее считали спринтером, а Зою Болотову и Марию Початову почти непобедимыми стайерами. Но 12 февраля 1940 года в Горьком Люба снова спутала все прогнозы и заставила еще раз удивиться знатоков спорта. Она стартовала на стайерскую для женщин пятнадцатикилометровую дистанцию и победила 246 своих соперниц. Поражали необыкновенная выносливость и великолепное умение молодой спортсменки экономить силы, легкость, с какой она преодолевала затяжные подъемы и головокружительные спуски... Так Люба стала победительницей и получила звание чемпионки ВЦСПС.

Высокая лыжная культура помогла ей успешно пройти самые сложные участки трассы. В техническом отношении Люба Кулакова была выше всех.

Перед поездкой в Свердловск Любе Кулаковой вручили премию — два дорогих отреза на платье. Антонина Григорьевна повезла ее в самое лучшее ателье. Первый раз в жизни Любе шили платье из нового, да еще и очень красивого материала. Прежде ей перешивали все из сестриных «нарядов».

Когда она надела новое платье, Антонина Григорьевна не узнала свою воспитанницу, а Люба — себя. Тон-

кая талия, ровненькая спина, округлые плечи, крепкие и стройные ноги — Люба смотрела на себя в зеркало и вдруг поняла, как это здорово быть девушкой, да еще такой ладной и милой: «Неужели это я? Ох, что теперь будет?» — и отбила чечетку нетерпеливыми ногами. «Быстрее бы на танцы!»

В те годы сильнейшей командой лыжниц в стране была сборная ВЦСПС. В эстафете участвовали Гордеева Анна Алексеевна, Рагозина Вера Ивановна, Пенязева Антонина Григорьевна. Когда на стадион «Сталинец» пришла Люба Кулакова, она постепенно заменила в эстафете Антонину Григорьевну, которая к тому времени была уже старшим тренером сборной команды ВЦСПС. Люба была самой молодой в эстафете. Да что там молодой, просто девочкой. Все были значительно старше и относились к ней покровительственно. Хотя она и обходила их на лыжне.

Приехали в Свердловск. Антонина Григорьевна пришла к Любе в номер, а та, намазанная зубным порошком и закутанная в простыню, в темной комнате пугала свою соседку, изображая привидение.

— А ну-ка, Люба, умывайся и надевай платье побыстрее. Поедем в театр на оперетту «Прекрасная Елена».

Люба хотела обнять и поцеловать Антонину Григорьевну, да вовремя опомнилась — ведь Антонина Григорьевна была уже одета для театра, а Любка вся в зубном порошке. Ее соседка по номеру облегченно вздохнула, а то хотела уже идти жаловаться на Любу Пенязевой. Умучила ее Любка вконец.

Сборы и дорога позади. Свердловский театр музыкальной комедии. Зал полощ. Праздничная и искристая музыка Оффенбаха пришлась Любке по душе. Дома Люба, когда убирала или стирала, всегда включала радио. И сейчас Любке хотелось подпеть, когда она слышала знакомую мелодию. Она с увлечением следила за развитием событий на сцене.

И вдруг Прекрасная Елена предстала полуобнаженной перед коленопреклоненным Парисом. Глаза у Любки раскрылись во всю ширь, губы приоткрылись от удивления и неожиданности. Антонина Григорьевна и Вера Ивановна удрученно переглянулись. Они забыли, что Любка совсем ребенок.

— Развлекли девочку!

А та замерла и смотрит во все глаза. Надо же, что показывают в театре! Оказывается, войны бывают и из-за женщин.

Любке нравились приключенческие и веселые фильмы. «Три поросенка» Диснея — первый цветной фильм — она смотрела раз десять. Утоляли ее любознательность, жажду героического фильма о событиях гражданской войны и революции. Любимым был «Чапаев», она просиживала по два сеанса подряд, преображаясь в Анку. Если ей не удавалось долго видеть этот фильм, то ей страшно чего-то не хватало. И она снова разыскивала кинотеатр, где показывали его, и мчалась туда со всех ног, словно надеясь, что в этот раз Чапаева не ранят, он не утонет и все кончится хорошо.

Люба очень любила кино и сразу, приезжая в другой город, только что сойдя с поезда, звала ребят: «Попшли в киношку». Характер у Любки был легкий, веселый, и она любила вещи легкие и веселые. Оперетта Любке тоже пришлась по душе.

Поезд идет в Ленинград. Обычно Люба в дороге бедурила, не давала никому покоя. Разбудит спортсмена: «Вставай, небо рушится!» — и тот спростонок бросается куда-то. Все хохочут, а Люба громче всех. А в этот раз приросла к окну, и ее не было слышно. Вместе с ней в купе ехали горнолыжники. И вдруг Люба запела: «Дни идут, как уходит весной вода...» Голос был сильный и верный. Лыжник с верхней полки не поверил своим ушам:

— Любаша, а ты еще и поешь? — и сам с удовольствием подтянул Любе, потом спели «Кирпичики», «Любу-Любушку».

Из другого купе на Любу все время посматривал моряк. Решился подойти к ней:

— Простите, девушка. Разрешите представиться. Меня зовут Николай Мокротов. Я служу в Кронштадте. Мне кажется, я вас узнал — вы Люба Кулакова — чемпионка СССР по лыжам?

— Не ошиблись, — ответила Люба.

— Я тоже люблю лыжи, а вот служу на море. И знаете, не жалею. Сколько ни смотрю на море, наглядеться не могу. Оно такое неповторимое всегда. Не помню, какой поэт сказал: «Придается все. Лишь тебе не дано примелькаться». А вы были на море?

— Да, в Ялту на сборы ездили.

— Простите меня, пожалуйста, вам, наверное, часто надоедают с такими просьбами. Я хочу вам написать письмо — дайте ваш адрес, пожалуйста.

— Если очень захотите, напишите. Адрес давать не буду. Сами найдете. Я не иголка.

— Обязательно напишу.

В Ленинграде в гостинице ребята завели разговор о девушках. Лыжник, который ехал вместе с Любой, спросил у Николая Антоневи́ча:

— Ты не знаешь, есть у Любы Кулаковой любовь?

— Ты что, с ума сошел? Какая там любовь? Она сама как мальчишка.

— Сегодня к ней один краснофлотец подъезжал, адрес просил, а она не дала.

— Ишь ты, фитюлька какая, — с уважением протянул Антоневи́ч.

— Но морячок сказал, что все равно разыщет ее.

Почему-то это сообщение не обрадовало Николая Антоневи́ча. Любку он знал давно, уже года четыре; вместе объездили полстраны. На сборах, пожалуй, не было парня веселей и находчивей, чем Любка, а на соревнованиях все ждали от нее чуда — чем еще ошеломит Кулакова.

Захотелось сейчас же увидеть ее. Постучал в номер к девушкам. Но Любка уже убежала с каким-то ленинградским лыжником в кино.

Встретил ее только вечером. Идет в окружении ребят, хохочет, несет большую лошадь-качалку. Никому из ребят даже в голову не пришло помочь ей. Любка — свой парень, в помощи не нуждается.

— Привет, Люб! Ты кому это конягу тащишь?

— Галинке, племяннице, дочке Тониной.

— Себе купила что-нибудь на память о Ленинграде?

— А что мне надо? Только снег! Захвачу мешок.

Новый, 1941 год Люба встречала в подмосковном доме отдыха со своими друзьями по спорту.

На маскараде появилась старая барыня с буклями, в белой кофте, в длинной широкой юбке. Скользила по снегу такая страхолюдина, что в темноте ребята пугались. Потом бросила лыжи и такого трепака отплясывала — пол ходуном ходил. Никто в этой барыне не узнал Любашу.

А наутро Люба вышла к столу в новом платье. Все ахнули — такой милой и нарядной ее видели впервые. Ребята уступили ей место. Николай Антоневи́ч загрустил.

— Люба, мне пришла повестка в армию. Писать будешь?

— Посмотрим, как служить будешь.

— Я тебя серьезно спрашиваю.

— И я не шучу.

— А моряк тебе пишет?

— Конечно. Интересные письма.

— Значит, разыскал? — Николай закурил.

Проводили Николая Антоневи́ча в армию. И Люба вдруг стала с нетерпением ждать от него письмо. Заглянула в ящик — есть. Да только из Кронштадта. Не то, что надо.

— Неужели Антоневи́ч забыл меня?

Письмо пришло через день из Львова. Люба сразу же ответила. Николай просил ее фото, ему так не хватало Любки. Ревнует ее к Мокротову. А Люба думает только об Антоневи́че. Вот ведь как получилось — сразу два Николая полюбили ее.

Оба Николая с гордостью следили за Любиными спортивными достижениями.

Люба специально не занималась слаломом и скоростным спуском с гор. В ее характере было ошеломлять и удивлять. А потом посмотреть на лица друзей и послушать, что они скажут. В Мурманске, на Празднике Севера, куда Любу командировали 25 марта 1941 года, она поразила не только своих друзей, но и всех знатоков лыжного спорта.

Она показала безукоризненное владение горнолыжной техникой в альпийском двоеборье. 2 апреля 1941 года Люба стала победительницей в соревнованиях по слалому и скоростному спуску с гор.

Специалистам было ясно, что эту блестящую спортсменку надо готовить к международным состязаниям. В стране она самая сильная и разносторонняя лыжница.

О своих победах Люба не сообщает, да ребята и так все знают — не пропускают в газетах ни одной строчки о ней.

Обычно Николай Антоневи́ч писал ей карандашом, а 8 июня 1941 года пришло от него два письма, написан-

ные чернилами. В первом Николай объясняется ей в любви, а во втором делает предложение: «Мне нужна именно такая жена, как ты, — честная, справедливая и верная».

В письмах передает приветы Антонине Григорьевне Пенязевой.

Он знал, что Любаша часто бывает у нее. Муж Антонины Григорьевны тоже опекал Любу, и она тянулась к этой семье. Первой черемухой Люба одаривала всех, кого любила. Муж Антонины Григорьевны, сидя спиной к двери, услышал шаги:

— Вон Любаша черемуху несет.

— Откуда ты знаешь?

— Таким ходом идет.

От своей сестры Тони Люба заезжала с черемухой сюда.

Сохранились два Любиных письма, написанные Антоневичу уже во время войны. Сдержанная на людях в выражении сокровенных чувств, она раскрывалась в письмах Николаю Антоневичу, расстояние и разлука делали ее откровенней

Война. Люба примчалась к Антонине Григорьевне.

— Идем?

— Конечно! — ясно о чем речь.

И они пошли с Антониной Григорьевной, Верой Ивановой Рагозиной и другими спортсменами на стадион, подали заявления о зачислении их в бригаду особого назначения. Народу полно. Ребята как награду получали направления на фронт.

— Любовь Кулакова? Вы лучшая лыжница, и мы обязаны сохранить вас.

— Но я же стреляю по цели, плаваю, неплохо бросаю гранату, вожу мотоцикл! Возьмите. Кому же, как не мне, бить врага?

Отказали и Антонине Григорьевне.

Как жить? Хорошо, что дел много.

Из московских добровольцев-спортсменов в первые дни войны на столичном стадионе «Динамо» был сформирован отряд особого назначения, который впоследствии пополнился комсомольцами предприятий Москвы, и все подразделение получило название — Отдельная мотострелковая бригада особого назначения, сокращенно

ОМСБОН НКВД СССР. Здесь готовили бойцов для разведывательной и диверсионной деятельности в тылу врага. Спортсмены проходили специальную подготовку в лагере под Москвой. Здесь, на стрельбище «Динамо», расположился первый полк бригады. Бойцы под руководством опытных пограничников, чекистов изучали подрывное дело, новые виды оружия, тактику и стратегию борьбы в тылу врага. Особое внимание командование обратило на лыжную подготовку бойцов. Наступала зима. В числе других инструкторов лыжного спорта была приглашена и Люба Кулакова. Она набросилась на эту работу. Тренировала без устали, передавала бойцам все свои сокровенные приемы. В короткий срок сумела обучить большую группу воинов.

Иногда бывали ночные тренировки с выполнением условных боевых задач. Тогда приходилось совершать броски на 30—40 километров. Любка задает такой темп, что ребята потихоньку начинают ругаться.

— Хлопцы, не пицать! — слышен ее голос впереди колонны.

— Тяжело в ученье — легко в бою! — Любка уже очутилась в хвосте. — Давай, давай, нажми! Представьте, что впереди вас ждет Карла Доннер!

И ребята изо всех сил нажимают, стараясь не уронить мужского достоинства.

— Ну и деваха на нашу шею, — уважительно ворчат.

Приезжая из части в Москву, Любка не находила себе места «Почему я не на фронте?» От Николая Антоневица ничего нет. Отправила ему два письма: «Скоро я буду тоже на фронте». И наконец, сама написала ему, что любит и ждет его. «Пусть моя любовь прибавит сил тебе Бей беспощадно фашистскую гадину».

Порой Любе становилось чуть ли не стыдно оттого, что она идет по Москве, по своей Гольяновке и ей ничто не угрожает, когда там, на фронте, дороги каждые руки, каждый точный выстрел. Не было сил жить так. Сейчас она опять шла и спорила сама с собой, приводила, как ей казалось, убедительные доводы в пользу того, что ей надо быть на фронте. И было внутреннее ощущение чуть ли не того, что она, Любка Кулакова, способна повлиять на ход войны, ускорить победу. Конечно, она никогда и

никому этого бы не сказала, но это чувство подсознательно жило в ней.

Надо обязательно что-то сделать самой, чтобы прогнать фашистов. И не что-то, а бить их собственными руками. Когда Люба тренировала мужчин, уходящих на фронт, она думала, что каким-нибудь чудом окажется на фронте. Фронт, фронт, фронт! Ни о чем другом думать уже не могла.

В январе 1942 года Люба снова подает рапорт. На этот раз ее просьбу удовлетворили и зачислили в партизанский спецотряд, сформированный из состава Отдельной мотострелковой бригады особого назначения. Это был один из многих отрядов ОМСБОНа, направленных зимой 1941/42 года в тыл врага для выполнения особых заданий командования. Командиром отряда, в который попала Люба, был назначен Анисим Ильич Воропаев. Он партизанил еще в гражданскую войну на Дальнем Востоке.

В дверь квартиры Пенязевой настойчиво и нетерпеливо звонили. На пороге в овчинном белом полущубке стояла Люба, неудержимо и победно улыбаясь.

— Ухожу, Антонина Григорьевна! Пришла проститься.

Сели. Антонина Григорьевна почему-то вспомнила первое появление Любы в тренерской на стадионе. Вот так же неожиданно, как ветер, ворвалась она в ее жизнь. «Прошло всего пять лет с тех пор, а как Люба выросла. Уже чемпионкой СССР уходит на фронт».

— Ну, прощай, Любаша! Будь умницей. А меня, видишь, не взяли. Наверное, возраст не тот. Пусть тебе сопутствует удача. Возвращайся домой целой и невредимой.

Обнялись, расцеловались.

— Спасибо вам за все, Антонина Григорьевна!

— Ну что ты, Любаша.

— Ждите с победой.

Воскресенье. 8 февраля 1942 года. Последнее увольнение. В распоряжении Любы только час.

Дома мама. Вся в слезах. «Родная моя, куда же ты в самое пекло! Мужиков, что ли, там не хватает?»

— Мамуля, не плачь! Такое время. Или грудь в крестах, или голова в кустах. Не бойся за меня. Я же сильная.

Сели. Помолчали. Люба крепко-крепко обняла маму.

— Прогоним гадину. Все будет хорошо.

Хлопнула дверь. Люба услышала, как в голос заплакала мама. Жалость и незнакомая прежде тоска охватили Любу. Она прощалась со своей юностью, Гольяновкой. На улице караулит Вовка Щукарь.

— Люб, я провожу? — полувопросительно уставился на нее.

— Только до остановки. Дальше нельзя.

— А почему меня не берут?

— Мал еще, Вовка-морковка. Учись получше, лады? Ну прощай! Не поминай лихом!

Любка была одна среди мужчин. Да ей это не в винку. Детство ее прошло в окружении мальчишек, юность — с ребятами-спортсменами, и вот сейчас на войне — двадцать шесть мужчин и она одна.

Отряд формируется, он еще в Москве. Люба получает первое задание: вместе с Ипполитом Рогачевым, заслуженным мастером спорта по гребле (ныне он также и заслуженный тренер Советского Союза по гребле), ей поручено тщательно подготовить к долгому и сложному переходу тридцать пар лыж. Надо подогнать крепления под валенки разных размеров. Энтузиазма эта кропотливая, сложная, довольно-таки однообразная и нудная работа не вызывала, тем более что всех, кроме Любы и Рогачева, отпустили 8 февраля на двое суток домой.

Работы на несколько дней.

«Только успеть бы, не ударить лицом в грязь».

А руки делали привычное дело споро и хорошо. Позднее в долгом и тяжелом пути крепления выдержали испытание. Кулакова и Рогачев поработали на совесть, и через сутки все было готово. «Какая трудяга, — удивлялся он в душе. — И ведь не пожалуется, молодчина!»

В отряде, кроме спортсменов-добровольцев, есть опытные чекисты, уже побывавшие в тылу врага, партизаны из отряда Медведева, радист, врач. Любу сразу же зачислили в разведку. Анисим Ильич Воропаев удовлетворил ее просьбу, учитывая то, что блестящие способности выдающейся лыжницы-гонщицы пригодятся в предстоящих вылазках в тыл врага.

Любка торжествовала в душе: «Я разведчица!» Внеш-

не ничего не было заметно. Она стала строже, сдержаннее, но по-прежнему очень была похожа на парнишку — коротко стриженная, в ватных брюках, валенках, белом овчинном полубубке, перепоясанная ремнем. Пистолет, гранаты и карабин за плечами довершали это сходство.

Предстояло перейти на лыжах линию фронта и вести разведку прямо в логове врага.

Утро 10 февраля 1942 года. Отряд на двух автомашинах покидает Москву. Улица Горького, Ленинградское шоссе и дальше, дальше... Остались позади Калинин, Торжок.

Ехали ночами, днем отсиживались, чтобы не попасть под авиационные налеты.

У поселка Кресты — затор. Дорога занесена снегом, забита застрявшими машинами. Команда: «На лыжи!» Партизаны грузят сани-волокуши, надевают тяжелые рюкзаки, встают на лыжи и в путь-дорогу длинную. До линии фронта еще ох как далеко!

«Кулакова, Бородин! К командиру!» — раздается по цепи.

— Наверное, боевое задание, — говорит Любе высокий плечистый Володя Бородин.

Любка — сама готовность и собранность.

— Задача такая, — говорит Анисим Ильич, внимательно и испытывающе глядя на них, — добраться до первого населенного пункта и подготовить места для ночевки!

— Есть! — Люба встает на лыжи. Володя Бородин едва успевае за нею.

Несколько дней добирались до линии фронта. Шли ночами, днем отсыпались в селениях. «Какая она, линия фронта?» — не раз думала Люба. Ей представлялись сплошные ряды пушек, если не пушек, то колючей проволоки или ежей: «Как же мы, двадцать семь человек, будем прорывать ее?»

Ранним утром пришли в деревню Маклоки¹. В 5 утра стали готовить завтрак — в это время начался воздушный

¹ О партизанской жизни Любы рассказали ее однополчане — Анатолий Карлович Кирш и Ипполит Ипполитович Рогачев.

налет. Каким-то образом отряд был обнаружен противником, и самолеты сбросили на деревню бомбы. Завтрак сторел вместе с домом. Отсиживались в лесу, впервые ощутив его как свою верную защиту.

В деревне Маклоки дали подводы, и на них 19 февраля партизаны прибыли в Каменку в штаб 350-й дивизии. Здесь получили указания о переходе линии фронта, и в отряд был зачислен проводник — Тимофей Иванович Большаков, местный житель, прекрасно знающий все лесные тропинки.

Зимой 1942 года на Калининском направлении линия фронта была не сплошной. И Тимофей Иванович повел партизан. Подводы тронулись, но что-то подозрительным показалось Большакову, повернули назад — и не напрасно. Здесь оказались новые подразделения фашистов.

В деревне Сенино стали готовиться ко второй попытке. Ясно, что на подводах трудно маневрировать. Пошли на лыжах. Зимовать придется в лесу, поэтому утеплены основательно: ватные брюки, телогрейки, полубубок, валенки. Взяли с собой только оружие, взрывчатку и минимум продуктов. Но каждый нагружен так, что, казалось, если упадет, то не встанет: автоматы, карабины, пистолеты, гранаты, запас патронов, тол, мины.

Зима 1942 года на редкость была снежной. И снег, которого всегда с нетерпением ждала Любка, вдруг оказался таким недобрым и коварным. В лесу снежный покров достигал метровой толщины. Протапывали лыжню поочередно. Первые все время менялись: впереди шли то Рогачев, то Люба, то Володя Бородин, то Анатолий Кирш. Из-за тяжелой поклажи лыжи проваливались в снег на полметра. Последний лыжник тащил за собой елку: по заметной лыжне труднее определить количество прошедших людей.

На соседнем участке в это время разгорелась перестрелка, и отряд незаметно скользнул в гущу леса.

Путь был так изнурителен, что идущие влезеди менялись через каждые сто метров. Надо спешить, чтобы скорее миновать самую опасную зону, где расставлены дозоры гитлеровцев. К утру Тимофей Иванович вывел отряд к одиноко стоящему в глуши домику. Линия фронта позади. Можно отдохнуть.

Люба сбросила с себя поклажу. Ох, как же стало легко! Хотелось только спать, спать. Но Люба нашла в себе еще силы осмотреть лыжи: «А вдруг разбудят — и при-

дется идти на задание» — так или приблизительно так думала Люба, приводя в порядок свои лыжи. Как бы она ни уставала, как бы ни хотела спать, вернувшись с очередного задания, в первую очередь проверяла лыжи и карабин.

Проснулась.

Партизаны после ночного перехода еще спали, а Люба пошла к хозяйке: «Давайте помогу».

Намыла котел великолепной смоленской картошки. Печь жарко топится. По избе разлился душистый вкусный запах свежей баранины. Ребята проснулись. Съеден котел вкуснейшей рассыпчатой картошки и целый баран — хозяйка ничего не жалела своим. Только хозяйка сердобольно смотрела на голубоглазого, крепко сбитого паренька: «И зачем такого юнца с собой берут? Ведь идут-то все дальше и дальше, в самое пекло».

Наступила ночь, и партизаны вновь готовы отправиться в путь.

— Сохрани тебя господь, сынок! — украдкой перекрестила хозяйка Любу.

Партизаны надели белые маскировочные халаты, и Тимофей Иванович повел их одному ему ведомыми тропами.

Цепочка белых лыжников нырнула в лощину, пересекла речушку Касплю, мелькнула на другом берегу и скрылась в лесу. Это была та самая Соколянская дача, где и обосновался отряд. Дачами на Смоленщине называют большие участки леса. Цель уже близка; сделав ложную петлю, чтобы запутать след, партизаны остановились на небольшой поляне.

— С прибытием, товарищи! — Анисим Ильич распределил места для всех отделений. Разведчики расположились на краю поляны. Люба огляделась. Снег. Темень. Густой лес сухо шумит голыми ветвями, воет ветер...

Люба вместе с разведчиками расчищала большую яму, диаметром метров в пять. Из длинных жердей и еловых веток над ямой соорудили высокий шатер, но верхнюю часть оставили открытой, чтобы выходил дым от костра, который должен гореть все время. Морозы в феврале и марте 1942 года стояли такие, что даже эта напряженная работа не очень-то согревала. Развели костер, в котелках закипела вода — все повеселели.

— Огонь в очаге — уже жизнь, — сказал Володя Бородин Любе.

Она выбрала себе место у входа в шалаш справа, разложила вещи и сразу принялась за карабин. Разбирая карабин, Люба ощущала то же самое, что ощущают другие женщины за вышиванием или вязанием. Она уходила мыслями в прошлую жизнь. «Что-то сейчас делает мама? Наверное, ждет не дожидается письма. А ведь ей и рассказать-то нельзя, где мы и что будем делать». Дома печка, и ее неказистое и сырое прежде жилье показалось вдруг таким благоустроенным и теплым по сравнению с ее лесной квартирой...

Началась партизанская жизнь. В шалаше царил суровый благородный дух мужской дружбы. Говорили немного. В отделении разведчиков по соображениям конспирации особенно и не рассказывали, куда и зачем уходит партизан. Ушел — значит, на задание. Пришел — легче всем на душе.

Постепенно отряд стал налаживать связь с местным населением.

Любу Анисим Ильич берег для серьезных заданий. В сорока километрах от лагеря находился Смоленск, где располагались штабы большой группы немецких армий, аэродромы, военные склады. Туда и была направлена Люба вместе с разведчицей из деревни Чача.

По лесу партизаны их везли на лошадях, а по шоссе девушки пошли одни. На разведчицах была крестьянская одежда. Они везли сани с продуктами, якобы для того, чтобы обменять их в городе на соль, спички, керосин.

Добравшись до Смоленска, девушки, прежде чем попасть на рынок, долго ходили по городу, приглядывались и старались запомнить как можно больше. Люба сейчас в нарочито скромной одежде оставалась незаметной в толпе. Только чаще, чем всегда, билось Любино сердце, да еще зорче стал взгляд. С ненавистью смотрела она на фашистов, нахально и свободно расхаживающих по русскому городу... Какой-то вертлявый немецкий офицер стал даже нервно оглядываться, очевидно, почувствовал, что на него смотрят. Люба нагнулась к саням. И дала себе слово сдерживаться. «Лучше попрошусь у Воропаева на операцию вместе с партизанами».

В этот же вечер ценные сведения, добытые девушками, были переданы в Москву.

Ночью наши самолеты совершили налет на Смоленск.

Воропаевцы получили приказ — необходимо ликвидировать школу шпионов-радивистов «Сатурн», обосновавшуюся на даче в Красном Бору. Подойти к ней было невозможно. Вокруг минные поля, колючая проволока, все деревни в радиусе восьми-десяти километров заняты крупными гарнизонами.

Люба вместе с разведчицей из соседнего партизанского отряда Лидой Младовой — учительницей Бабневской школы, отправилась в Красный Бор. Многие удалось узнать отважным партизанкам, но позже Лида Младова попала в руки гестаповцев. Двое суток фашисты ее истязали и, ничего не добившись, расстреляли.

Всего два месяца отряд находился в смоленских лесах, а Любе казалось, что прошла целая вечность. Столько пережито!

Наконец Люба вырвалась в свою первую боевую операцию. Двенадцать человек под командованием начальника штаба Павла Предтеченского отправились на задание — уничтожить гитлеровских наймитов — полицаяев. Партизаны на лодках отчалили от берега, двинулись в путь...

Операция была проведена успешно. Люба наравне со всеми действовала смело и находчиво. Группа возвращалась обратно.

Но в селе нашлись предатели, которые донесли о действиях партизан командованию большого немецкого гарнизона. Гитлеровцы выслали три танка, пятьдесят автоматчиков и отряд конницы. Около деревни Андрюпы фашисты устроили засаду.

23 апреля 1942 года партизанская группа вышла на пригорок перед деревней. В это время танки выдвинулись из-за домов и открыли огонь.

— Люба, идем с нами! — крикнул Рогачев, уводя часть группы влево. Но она была уже далеко и с другой группой вполнота отходила. Танки усилили огонь прямой наводкой по этой группе партизан, уходящей вправо. Сразу же был убит Володя Бородин. Погибли Павел Предтеченский, инженер-москвич; Егор Долголеев — учитель из Козельска и Евгений Снохин — тракторист-сибиряк, комсомолец. Осколок настиг и Любу...

Лилась Любкина кровь, согревая еще не оттаявшую после суровой зимы землю. Под крошечным огнем навзничь лежала Люба, медленно в последний раз открывая глаза. Запрокинулась голова, упала шапка, рассыпались

светлые волосы, открывая чистый ясный лоб. Так оборвалась жизнь Любы Кулаковой, Любы-Любушки, замечательной лыжницы, самоотверженной и смелой разведчицы, предводительницы и гордости гольяновских мальчишек, их Снежной королевы.

Оставшиеся в живых семеро партизан с трудом добрались до лагеря с твердой решимостью отомстить за гибель боевых друзей.

Трагедия разыгралась на глазах жителей небольшой деревушки Линьки¹. Двое суток фашисты не давали возможности похоронить погибших партизан.

Так и не выполнив намеченной операции по уничтожению партизанской группы, гитлеровцы ушли из деревни.

Через двое суток местные жители прощались с погибшими партизанами. Хоронила Любу и Анна Трофимовна Гаврекина. «Видели бы вы, как хороша была ваша дочь», — писала она через несколько лет Любиной маме...

«Мамочка, ты не волнуйся, все будет хорошо...» — в который раз читала Евдокия Трифонова весточку от Любы. От нее долго скрывали гибель дочери, подальше убирали газеты, на улицу выходили вместе с ней. Но как-то дошла до нее страшная весть, и Евдокия Трифонова слегла.

Вовка Щукарь, узнав о смерти Любы, добился направления на фронт, ушел мстить за Любу и погиб. Сложили головы и оба Николая — Антонец и Мокротов. Не знала Люба, что в письмах рассказывала о своей любви уже погибшему Николаю Антонецу.

12 апреля 1945 года Евдокии Трифоновне вручили пакет из Кремля.

«Президиум Верховного Совета

12 апреля 1945 года

Москва — Кремль

Кулаковой Евдокии Трифоновне

¹ Названия всех деревень по карте уточнял Анатолий Карлович Кирш.

По сообщению военного Командования Ваша дочь красноармеец Кулакова Любовь Алексеевна в боях за Советскую Родину погибла смертью храбрых.

За совершенные Вашей дочерью, Любовью Алексеевной Кулаковой, боевые подвиги в борьбе с немецкими захватчиками она награждена орденом ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ВТОРОЙ СТЕПЕНИ.

Орден ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ВТОРОЙ СТЕПЕНИ и орденская книжка, согласно статье 10-й статута ордена Отечественной войны, передаются Вам на хранение как память о дочери, подвиг которой никогда не забудется нашим народом.

Первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР
Н. Шверник».

Люба Кулакова осталась в памяти родных, друзей, спортсменов, однополчан. Лица их становятся добрыми, когда они вспоминают о Любе.

Пионерская дружина школы, в которой училась Люба Кулакова, названа ее именем. Там создан музей боевой славы, где есть материалы, рассказывающие о жизни Любы.

На стадионе в Лужниках в Музее физкультуры и спорта часть одной из витрин посвящена трехкратной чемпионке СССР по лыжам, спортсменке-партизанке, молодой разведчице Любе Кулаковой. За высокие спортивные достижения Любе посмертно присвоено звание заслуженного мастера спорта СССР. Ежегодно проводятся лыжные соревнования на приз Любы Кулаковой.

На родном стадионе памятник Любе:

«Заслуженный мастер спорта
СССР

Люба Кулакова
(1920—1942)

партизанка Великой
Отечественной войны.
Погибла в боях за
Советскую Родину».

Теодор Гладков

ЧЕЛОВЕК ИЗ ЛЕГЕНДЫ
(Анатолий Капчинский)

Обидно было очень, не столько даже ему самому, сколько его болельщикам. На последней дистанции — 10 тысяч метров — он мог проиграть ближайшему сопернику Евгению Летчфорду семьдесят секунд и все-таки завоевать алый свитер абсолютного чемпиона страны 1938 года. Анатолий проиграл больше двух минут... Остался по-прежнему, в третий раз, чемпионом лишь на «пятисотке». Мог бы и не бежать эти десять тысяч, не тратить зря физические силы и нервную энергию. Видел ведь прекрасно, что на такой дорожке нужны не коньки, а лыжи.

Весь последний год он усиленно отрабатывал технику и тактику бега именно на длинные дистанции, готовился доказать, что может бороться за высшее место на пьедестале и в многоборье, а тут на тебе... Капризное февральское солнце разом перечеркнуло все планы и надежды. Все сделанное за год оказалось сизифовым трудом.

Уже перед началом забегов на 500 метров всем было ясно: лед плывет, хороших результатов ждать не приходится. В первой паре стартует Летчфорд. В общем-то конькобежцы не любят открывать забеги, но сегодня в этом известное преимущество. После каждого очередного старта дорожка будет все хуже и хуже.

Летчфорд показывает 48,5 секунды. Слабо. Время Константина Кудрявцева — 49,2, хотя он регулярно бегаёт «пятисотку» быстрее 44 секунд.

Все ждут забега его, Капчинского. Анатолий бежит мощно, смело, по внешнему впечатлению легко. Даже неспециалистам видно, как силен и ровен его толчок. Да, при такой погоде вся надежда — на высокую физическую подготовку. Хронометры показывают отличные для такого льда секунды — 45,5! Еще свыше семидесяти спортсменов стартовали на 500 метров, но никому из них не удалось улучшить этого результата.

Анатолий удерживает общее лидерство после второй дистанции и закрепляет его после третьей. Перед забегом на десять тысяч он уже отрывается от Летчфорда на три очка. Никто на стадионе: ни друзья-соперники,

ни тренеры, ни корреспонденты, ни зрители — не сомневается, что сегодня к своему уже привычному титулу чемпиона страны в забеге на 500 метров, к званиям абсолютного чемпиона Москвы и «Локомотива» Капчинский прибавит и звание абсолютного чемпиона СССР.

А лед между тем плыл. Все усилия работников стадиона спасти дорожку были безрезультатны. После «полуторки» спортсмены уже были готовы разъехаться по домам, все были уверены, что забеги на десять тысяч перенесут. Тем неожиданнее оказалось решение судейской коллегии: соревнования продолжать, однако, учитывая непрерывное ухудшение льда, конькобежцев выпустить на дистанцию не парами, а четверками.

При жеребьевке Летчфорд снова вытянул первый забег, Капчинский — одиннадцатый. Это означало, что абсолютным чемпионом Анатолию и на сей раз не бывать. Дальнейшая борьба бесполезна. Спортсмены, вытянувшие более дальние номера, уже один за другим отказывались от выступления.

Так соблазнительно — отказаться бежать эти десять тысяч метров, никто не упрекнет, и не нужно ждать несколько томительных часов, чтобы узнать то, в чем не сомневаешься и так. Чемпионом может стать только Летчфорд. Золотой при других условиях запас в семьдесят секунд сегодня ничего не стоит. Он попросту расстает после первых двух-трех забегов. К тому времени, когда его, Капчинского, вызовут на старт в составе одиннадцатой четверки, сорок спортсменов успеют превратить лед в полужидкое месиво.

Летчфорд показывает 21 минуту 38,3 секунды. Это на три минуты хуже его обычных результатов! Следующие четверки бегут (если только можно применить это слово к тому, что происходит на дорожке) еще хуже: двадцать пять минут, двадцать восемь и даже тридцать. То, что осталось ото льда, даже не блестит под радостными лучами совсем не зимнего солнца.

Капчинский вышел на старт. Никто не виноват, что первый помер достался Евгению, а не ему, могло случиться и наоборот. Спорт есть спорт. И для него сейчас победить — это не выиграть у Летчфорда, что никак невозможно, а преодолеть самого себя, закончить дистанцию хоть пешком, только не сойти, не отказаться от борьбы...

Анатолий закончил дистанцию, хотя на выражах

коньки увязали в дорожке чуть ли не по подошву. Более того, он показал время лучшее, чем у всех, кто стартовал до него. Кроме Летчфорда...

Старейшина советского конькобежного спорта, легендарный Яков Мельников писал на следующий день в «Красном спорте»:

«На 10 000 метров конькобежцы шли по совершенно изрезанному льду, который после каждой четверки становился все хуже и хуже. Это решило судьбу Капчинского, который стартовал через девять квартетов после Летчфорда и проиграл ему больше двух минут. В нормальных условиях А. Капчинский был бы абсолютным чемпионом СССР».

Спортсмены люди самолюбивые. Потому-то многие друзья Анатолия и не могли понять поразительного спокойствия, с каким Капчинский воспринял всю эту действительно обидную историю. Не знай друзья, с каким упорством тренируется Анатолий, сколь ответственно относится он даже к второстепенным соревнованиям, они могли бы подумать, что ему вообще безразличны итоги чемпионата.

Внешняя невозмутимость Капчинского объяснялась тем, что он больше любил спорт, нежели себя в спорте. Те или иные поступки, мысли, переживания Капчинского-спортсмена целиком определялись характером Капчинского-человека. Никакого разрыва, а тем более противопоставления между ними не было и быть не могло.

Конечно же, Анатолий был самолюбив, но лозунга — победа ради победы, победа любой ценой! — не принимал принципиально.

...Анатолию Капчинскому так и не суждено было стать чемпионом СССР в многоборье. Но имя его навсегда вошло в историю советского спорта.

Анатолий Капчинский родился в 1912 году в Саратове. Ясное дело — едва мальчишка научился более или менее твердо передвигаться по земле, его неудержимо повлекло к воде. Так уж было на роду написано у всех саратовских пацанов. На Волге, лишь сходил лед, торчали они целыми днями. Загорали дочерна, купались до посинения.

Позоже появилось еще одно увлечение — классическая борьба. Это уже под влиянием отца Константина Северьяновича. Опытный механик-дизелист, много плававший на своем веку, он был наделен недюжинной

физической силой, смолоду любил борьбу и передал эту любовь сыну. Из своей старой матросской тельняшки он собственноручно сшил мальчику настоящее борцовское трико.

Константин Северьянович лично судил по всем правилам — и очень придирчиво! — соревнования, в которых участвовали окрестные мальчишки, приятели Анатолия. Капчинский-старший знакомил сына не только с приемами: главное — он учил его подлинному спортивному благородству, воспитывал упорство, выдержку, мужество, то, что принято называть бойцовским характером. Недаром, уже став знаменитым спортсменом, чемпионом и рекордсменом СССР, Анатолий не раз с благодарностью вспоминал отцовские уроки и после каждой победы посылал Константину Северьяновичу в Саратов телеграмму, а следом и письмо с подробным рассказом о всех перипетиях борьбы на дистанции.

Не меньше, чем борьбу и плавание, Анатолий любил, когда подрос, прыжки в воду и гонки на парусниках. Позднее он стал одним из сильнейших яхтсменов Саратова и долгое время полагал, что парусный спорт будет главным в его жизни.

От отца Анатолий перенял и уважение к технике, ко всяким машинам, механизмам. Потому он и пришел вначале на завод, а затем и на рабфак. Таков был весьма типичный путь к диплому инженера тысяч рабочих ребят в те годы.

Одно из самых ярких воспоминаний юности Капчинского — о поездке в донские станицы в год великого перелома. Шестнадцатилетний юноша отправился туда вместе с десятками саратовских комсомольцев по путевке райкома, чтобы помочь крестьянам избавиться от исконных врагов урожая в этих местах — полевых грызунов. Но бороться посланцам саратовского комсомола пришлось не только с сусликами... Кулаки подбрасывали совсем юным парням и девушкам письма с угрозами, некоторых жестоко избивали. Ни угрозы, ни избивания не напугали комсомольцев. Они знали: кулаки и подкулачники лютуют в бессильной злобе, потому что подошел последний час их существования.

Здесь, в донских станицах, Анатолий крепко подружился — на всю жизнь — со своим земляком Федором Тарачковым, впоследствии тоже ставшим из-

вестным спортсменом, чемпионом СССР по велосипедному спорту.

Анатолий уже считался в Саратове признанным пловцом и яхтсменом, когда вдруг неожиданно для многих увлекся коньками. Это увлечение разделил с ним и Тарачков. Настоящие коньки в ту пору в Саратове было трудно отыскать, да и стоили они дорого. Поэтому свои первые коньки друзья изготовили сами, благо были они не белоручками, а рабочими ребятами, умеющими обращаться с металлом.

Квалифицированных тренеров в Саратове тогда не было, и азами бега на коньках друзья овладевали на природных катках по собственному разумению. Помогло, правда, то, что называется спортивной хваткой, выработанной в результате занятий плаванием, борьбой, хождением под парусом. Давно известно: тренированный спортсмен может овладеть незнакомым видом спорта гораздо быстрее и успешнее, чем круглый новичок. Анатолий и Федор проштудировали всю литературу о коньках, какую только смогли раздобыть. Кое-что они постигли, изучая фотографии сильнейших конькобежцев страны, помещенные в газетах, в первую очередь знаменитого Якова Мельникова, ставшего чемпионом России в 1915 году и все еще продолжавшего выступать в соревнованиях. Капчинский, конечно, не мог и загадывать, что через несколько лет он будет бороться за победу с Мельниковым, самым великим Мельниковым, в одном забеге.

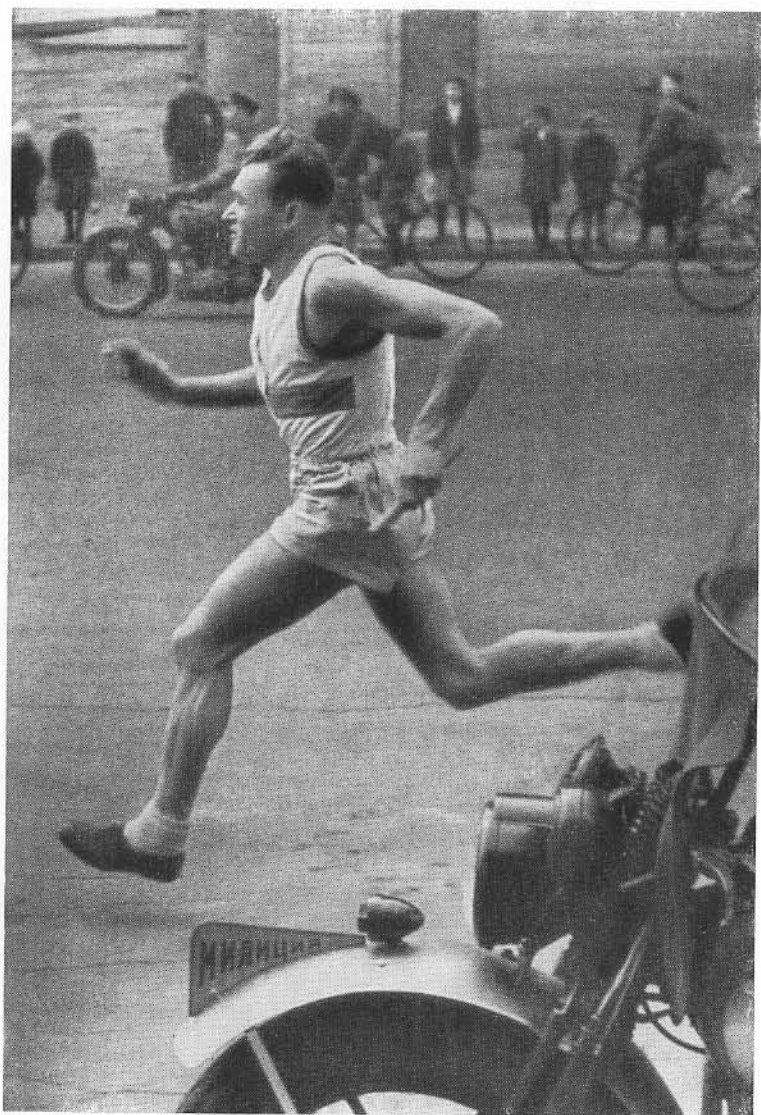
В результате Капчинский выглядел совсем неплохо, когда впервые пришел на настоящий стадион — «Машиностроитель». Правда, дорожка на этом стадионе была намного короче нормы. Но все-таки это была настоящая дорожка, а занятиями руководил настоящий тренер.

Тренировался Капчинский не только упорно, но и с подлинным увлечением, тем увлечением, без которого никогда не добьется значительных успехов даже одаренный и трудолюбивый спортсмен. Тяжесть, трудность большого спорта никогда не обременяли Капчинского, все покрывало непередаваемое наслаждение стремительного скольжения по сверкающей ледовой дорожке.

Результаты Капчинского возрастали от тренировки к тренировке, от соревнования к соревнованию. И вот уже первые весомые победы: на первенстве города, а затем

С. и Г. Знаменские.

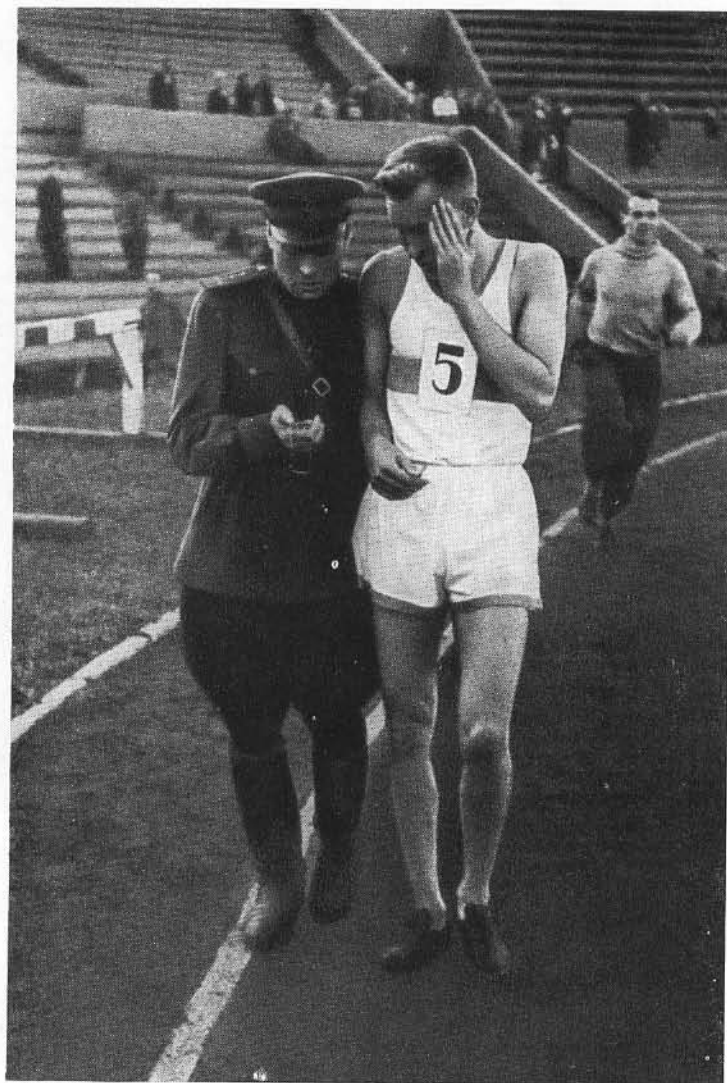
Г. Знаменский.

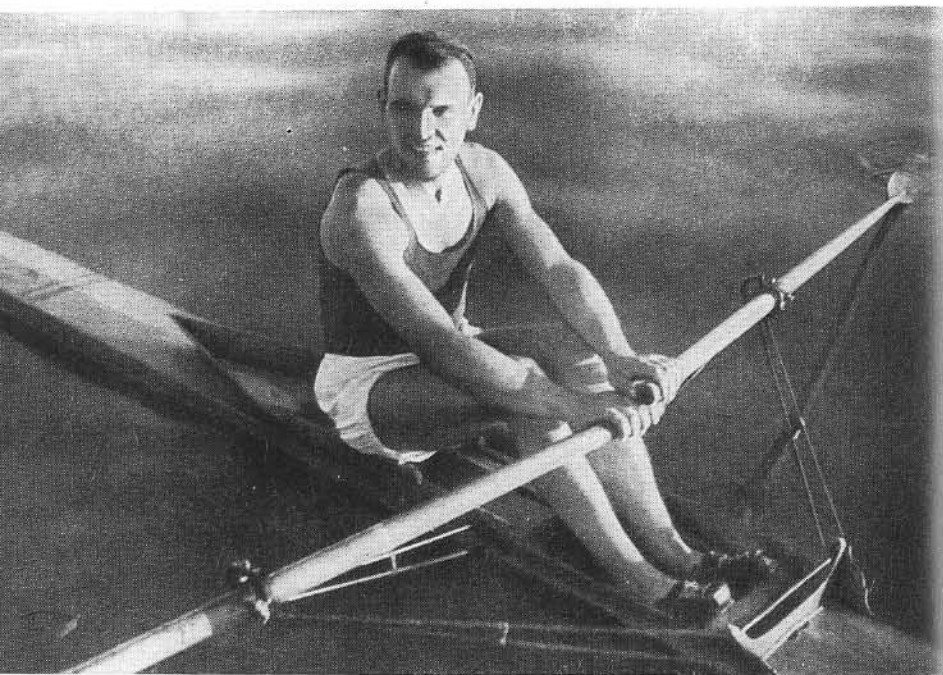
Ж. Лядумег, С. Знаменский, Г. Знаменский
(справа налево).

С. и Г. Знаменские на кроссе «Юманите».

Г. Знаменский.

А. Долгушин.

А. Долгушин.

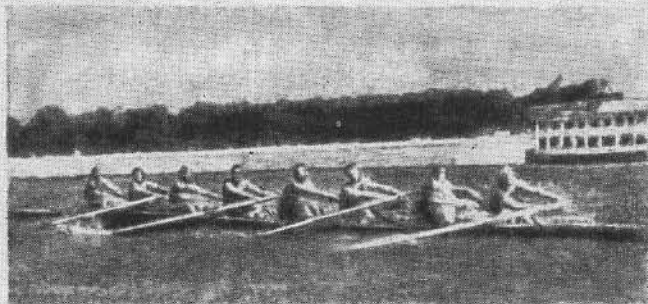
ПРОГРАММА

СОРЕВНОВАНИЙ ПО АКАДЕМИЧЕСКОЙ ГРЕБЛЕ

МАТЧА ВОСЬМЕРОК

НА ПРИЗЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПАРКА
КУЛЬТУРЫ И ОТДЫХА ИМЕНИ ГОРЬКОГО

22-го Июня 1941 года

УЧАСТВУЮТ:

Спорт-общества—„Буревестник“, „Крылья Советов“,
„Локомотив“, „Спартак“, „Строитель“, „Торпедо“,
„Энергия“ и спортивный коллектив Мосгарнизона,
(всего 38 восьмерок).

УСЛОВИЯ СОРЕВНОВАНИЯ:

Командное первенство и переходящие призы разыгрываются отдельно по I, II и III разряду и по разрядам юношеского и старшего возраста — по сумме результатов мужской и женской восьмерки от каждой организации.

В финалы мужских и женских восьмерок III разряда выходят по две лучших команды из каждого полуфинала, а по мужским восьмеркам I разряда — по одной лучшей команде из каждого полуфинала и третья команда, лучшая по времени из двух полуфиналов.

ДИСТАНЦИЯ:

для всех восьмерок—2000 метр.; юноши и девушки—1000 метр.

СОСТАВ СУДЕЙСКОЙ КОМИССИИ:

Главный судья— И. А. КОРКИН.		Ст. стартер — А. А. ИВАНОВ.
Зам. главы, судья— О. А. ПЕТРОВ.		Старш. финишер — Г. ПЕТРОВ.
Судья-арбитр—Н. А. АДАМОВИЧ.		Ст. секр.—К. В. КОХАНОВСКАЯ.

А. Долгушин и П. Родионов.

Л. Кулакова.

Л. Кулакова после соревнований.

Л. Кулакова.

Л. Кулакова.

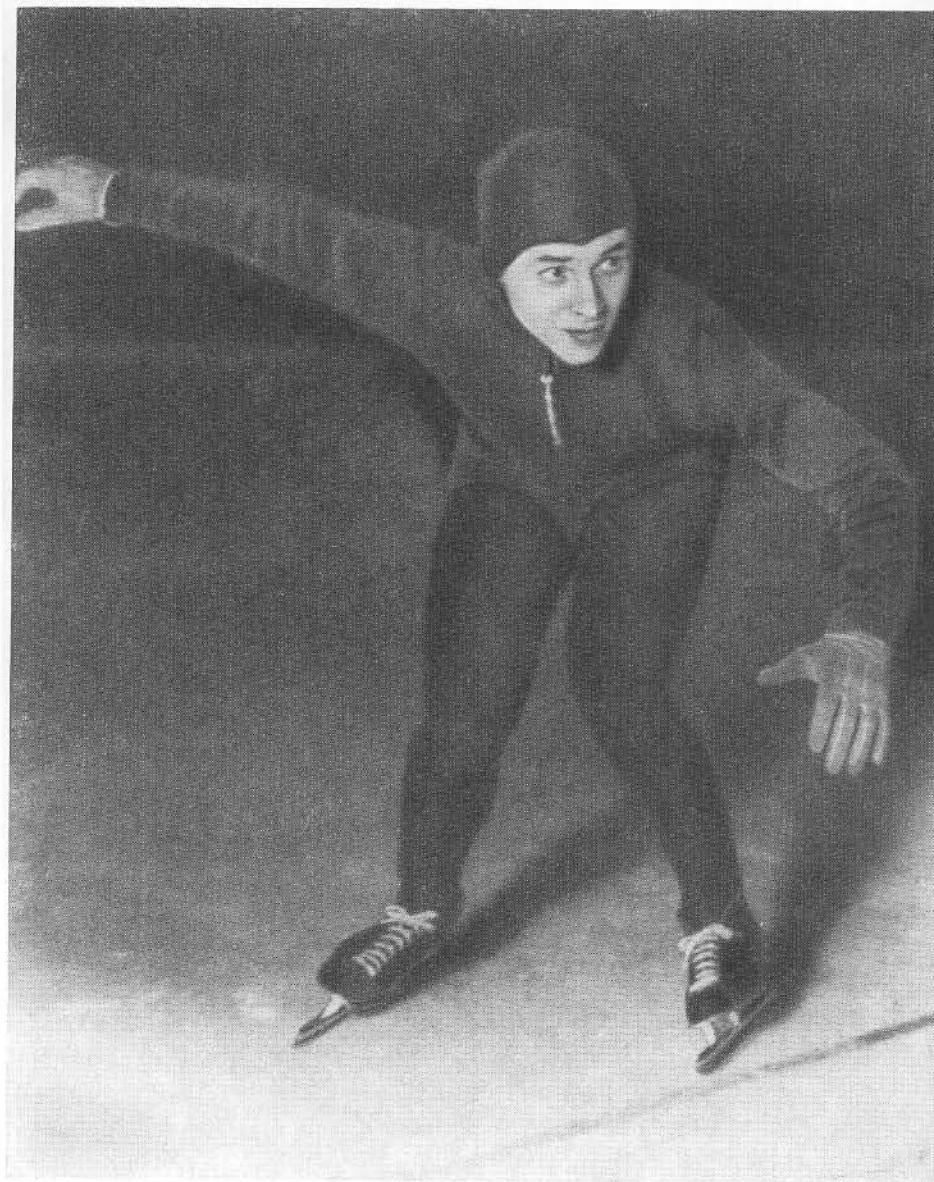
Л. Кулакова и А. Пенязева.

Л. Кулакова на дистанции.

А. Капчинский.

А. Капчинский перед стартом.

Г. Федотов.

и области. Вполне реальным представлялось теперь и участие Капчинского через сезон-другой в чемпионате СССР. Правда, в глубине души Анатолий хорошо понимал, что для выхода на всесоюзную арену ему недостает опыта, ведь, по существу, он никогда в жизни не видел вблизи ни одного крупного мастера.

В том, как много ему еще предстоит сделать, Капчинский зримо убедился, когда познакомился с приехавшим в Саратов сильнейшим конькобежцем страны Константином Кудрявцевым. Легкость, непринужденность, даже элегантность бега чемпиона произвели на Анатолия и его товарищей неизгладимое впечатление. И размеренность — Кудрявцев проходил круг за кругом, укладываясь почти в одни и те же секунды; он же, Капчинский, заканчивая дистанцию, о графике бега уже и не помышлял, просто выкладывался до последнего. Иногда он финишировал совершенно обессиленный, иногда — с таким запасом неистраченной энергии, что хоть снова выходи на старт. Не он вел бег, а дистанция диктовала ему свои условия. Кудрявцев же всегда был на дорожке хозяином положения, всегда четко знал, что от него требуется: просто выиграть забег или установить рекорд, быть первым на дистанции, или набрать нужное количество очков для победы в многоборье.

Несколько дней общения с Кудрявцевым стали для Капчинского, да и для других саратовских конькобежцев настоящей школой мастерства. Кудрявцев был щедрым человеком и, не скупясь, делился с молодыми спортсменами своим огромным опытом, отмечал их слабые стороны, выделял сильные. Подсказывал, советовал, учил.

Уж тогда он определил, что Капчинский — природный спринтер, что наибольших успехов он может достигнуть именно на коротких дистанциях: «пятисотке», полутора тысячах и тысяче метров (последняя дистанция, хоть и не классическая, в те годы пользовалась большой популярностью). Кудрявцеву понравилось, как энергично Капчинский проходит виражи, действительно, Анатолий вылетал из-за поворота на прямую, словно выброшенный катапульти. Должно быть, выработка техники прохождения виражей на большой скорости способствовало то обстоятельство, что Капчинский тренировался на стадионе «Машиностроитель», где дорожка была длиной всего в двести девяносто метров.

В 1934 году Капчинский впервые принимает участие

в первенстве страны. Результат его выступления мог бы обескуражить кого угодно — тридцать седьмое место... Но почему же Кудрявцев после столь сокрушительного провала разговаривает с ним так спокойно, словно и не произошло ничего страшного? Почему считает необходимым представить его, незадачливого дебютанта, таким асам конькобежного спорта, как Ипполитовы, Аниканов, Мельников? Почему, наконец, эти прославленные спортсмены расспрашивают его так, словно участие Капчинского в чемпионате будущего года у них не вызывает сомнения?

Вывод мог быть только один: тридцать седьмое место тоже бывает разное. Для одного это венец, высшее достижение или просто, если речь идет о ветеране, — дань уважения любимому виду спорта. Для другого лишь начало большого пути, экзамен на силу воли и твердость характера. Именно так расценили первый старт Капчинского его более опытные соперники. В молодом саратовце они разглядели то, что ему самому еще предстояло найти и проявить: спортивный талант.

Прошел год упорных тренировок и не менее упорного штудирования учебников: Анатолий готовился поступать в вуз. На старт следующего чемпионата страны он вышел уже студентом Московского электромеханического института инженеров транспорта. Результат Капчинского ошеломил даже тех, кто верил в его звезду: «пятисотку» он прошел за 45,1 секунды и стал чемпионом СССР на этой дистанции! И это всего лишь через год после злополучного тридцать седьмого места... Первым Анатолия прямо на дорожке поздравил Яков Федорович Мельников. Утром в газетах появилась фотография с надписью: «Я. Ф. Мельников и молодой выдающийся конькобежец Анатолий Капчинский». Выдающийся! Было от чего кружиться голове...

После закрытия официальных соревнований Мельников предложил Анатолию бежать в паре с ним тысячу метров на побитие рекорда. И снова отличные секунды. Правда, Капчинский проиграл Мельникову, но все же показал результат лучше старого рекорда.

Вчерашний новичок сразу вошел в шеренгу ведущих конькобежцев страны. Без его участия теперь не обходится ни одно крупное соревнование, его имя становится известным миллионам болельщиков. От старта к старту растет мастерство Капчинского, улучшаются результаты,

В последующем тридцать шестом году он снова становится чемпионом СССР на «пятисотке», в многоборье выигрывает первенство столицы, добровольного спортивного общества «Локомотив», ВЦСПС.

Заслуженный мастер спорта СССР Платон Ипполитов в своей книге «Конькобежный спорт» посвятил ему примечательные строки: «А. Капчинский, хорошо сложенный, плотный, коренастый, обладает хорошим стилем бега, низкой посадкой, бесшумным толчком, отличной координацией, сильным поворотом. Его манера бега технична с внешней стороны и эффективна для скорости... А. Капчинский — лучший стилист в СССР». Далее П. Ипполитов утверждал, что Анатолий является самым опасным соперником для любого конькобежца страны и главным претендентом на конькобежную корону СССР.

Сам претендент между тем все силы отдавал занятиям в институте. Что греха таить, и в наши дни, и в те времена в вузах стыдливо бытовала практика известных поблажек студентам-спортсменам. Анатолий никаких скидок не принимал. Ему учиться было не легче, а труднее, чем его однокурсникам, не увенчанным чемпионскими лаврами. Если случалось уезжать на соревнования в другой город (а известно, что спортивный сезон конькобежцев почти совпадает с учебным годом в вузе), брал с собой два одинаковых чемоданчика: один со спортивным снаряжением, другой — с учебниками и конспектами.

Соседи по номеру в гостинице — чаще всего это были Константин Кудрявцев и Александр Люскин — уже привыкли, проснувшись, видеть Капчинского сосредоточенно «долбающим» сопромат или что-нибудь иное. Тогда же Анатолий ввел за правило: летом во время каникул уходить по программе вперед, чтобы заранее компенсировать неизбежные зимой пропуски занятий. Как бы то ни было, но студент Капчинский за все время пребывания в институте не имел ни «хвостов», ни академической задолженности, ни обидной снисходительности профессоров к «нашему чемпиону».

Если же все-таки институтские дела вступали в неразрешимое, бескомпромиссное противоречие со спортивным календарем, Анатолий без колебаний, хотя и с сожалением, выбирал то, что считал главным делом — учебу.

Потому-то после обидной неудачи на первенстве 1938 года он отказался от участия в соревнованиях на

приз имени С. М. Кирова — они совпали со сдачей курсового проекта. Но в тот день, когда Анатолий сдал последний зачет, из Кирова пришла телеграмма: Константин Кудрявцев советовал приехать. На Урале стояла превосходная погода, могли быть рекорды. Первым же поездом Капчинский выехал в Киров.

Погода, точно, была отличная. Три-четыре градуса мороза при полном безветрии. Дорожка стадиона — в идеальном состоянии.

Настроение у спортсменов, съехавшихся в Киров со всей страны, приподнятое. Намерения — самые боевые. Оживленно и на трибунах, тысячи кировцев в нетерпении ждут рекордов от своих любимцев, в том, что высокие результаты будут, не сомневается, кажется, никто.

Забег на побитие рекордов открывают женщины. Вот на старт выходит худенькая русоволосая девушка, она местная, кировская. Ее имя еще никому почти не известно — Маша Исакова. К финишу она пришла уже знаменитой: старый рекорд на тысячу метров Исакова улучшила сразу на две секунды! Хорошее начало...

На старт «пятисотки» Капчинский вышел один, без соперника. Только это и спасло старый рекорд. И все же его результат 43,4 секунды был лучшим в сезоне и вторым в истории конькобежного спорта в СССР.

Стартует на 10 000 метров Евгений Летчфорд и бьет всесоюзный рекорд, державшийся до того... девятнадцать лет!

И снова на старте Капчинский. На сей раз он бежит полторы тысячи. Эта дистанция едва ли не самая тяжелая в конькобежном спорте. Ее можно сравнить только с бегом на 400 метров в легкой атлетике. В самом деле, фактически спортсмен должен в состязании на полторы тысячи пройти подряд три «пятисотки»! Скорость спринтера и выносливость стайера — вот что такое полторы тысячи.

Рекорд устоял. Капчинскому не хватило всего-навсего одной десятой секунды из-за того, что на втором вираже он споткнулся...

Через сутки, заряженный основательной дозой спортивной злости, Капчинский снова вышел на старт. И рекорд пал! Анатолий Капчинский пробежал полторы тысячи метров, показав великолепное время: 2 минуты 20,6 секунды! Только тринадцать лет спустя, в 1951 году,

был побит этот рекорд и то на льду высокогорного катка Медео под Алма-Атой!

...Беда подкралась с той стороны, откуда ее можно было меньше всего ожидать. Пустыковая ангина — и тяжелейшее осложнение на почки. Долгие недели на больничной койке, и категорический приговор врачей: со спортом покончено. Физическая нагрузка, неразрывно связанная с тренировками, может привести к необратимым последствиям.

Худой, ослабевший, Капчинский возвращается домой. Навертывая упущенное, работает над курсовым проектом, свободные часы отдает семье. У него уже есть семья: жена Галина и сын Борька. Так проходит полгода — Капчинский и не помышляет о спорте. Откровенно говоря, ему и некогда: он перешел на последний, пятый курс, у него дипломный проект, практика в паровозном депо, общественные нагрузки. Позволяет себе лишь легкую утреннюю зарядку для бодрости, не больше.

А потом выпал снег и... безудержно потянуло на каток. Капчинский прочитал о своей болезни все, что мог осилить при отсутствии специального образования. И составил план возвращения к спорту.

Весь день расписан по минутам. Учебные занятия чередуются с физическими упражнениями. Непрерывный самоконтроль. Как только появляются боли в пояснице или повышается температура — он уменьшает нагрузку.

День идет за днем. Все меньше колотится сердце после приседаний, все реже стреляет в почки после небольшой пробежки в парке. Наконец, первый круг по дорожке на коньках. Рядом, с тревогой поглядывая на него, катит теперь уже старый друг Константин Кудрявцев. Он сейчас главный наставник Анатолия и строгий опекун. Ему тоже хочется, чтобы Капчинский вернулся в большой спорт, но он хорошо понимает, что заключение врачей не шутка, что воля и настойчивость не должны оборачиваться безрассудством. А потому на сегодня хватит.

Весной 1940 года Анатолий Капчинский получил диплом инженера, а в начале зимы вышел на старт своих первых после болезни соревнований — на первенство Москвы. Зрители встретили его восторженно-изумленными аплодисментами: среди любителей спорта было хорошо известно, что Капчинский «сошел», и его неожида-

ное появление на стадионе было для всех радостной неожиданностью.

Анатолий порастил всех не только самим фактом своего выхода на дорожку, но и высокими результатами. Он занял второе место на «пятисотке» (первым с поразительным рекордом — 42 секунды ровно — был Константин Кудрявцев) и стал чемпионом столицы в беге на пять тысяч метров!

В числе многочисленных поздравлений, полученных Анатолием, было и поздравление от врачей больницы, из которой его выписали с категорическим предписанием покончить со спортом.

В декабре Анатолий одержал еще одну победу — причем на всесоюзных соревнованиях и в многоборье! — он стал первым обладателем только что учрежденного приза Верховного Совета СССР. Фактически это было равноценно (с учетом состава участников соревнований) завоеванию звания абсолютного чемпиона страны.

Последний раз в тот довоенный сезон Анатолий Капчинский вышел на лед стадиона в Кирове 12 марта 1941 года: и побил на 0,6 секунды пятилетней давности рекорд Аниканова в беге на тысячу метров.

Через три месяца с небольшим началась война.

Это случилось в воскресенье. В понедельник Капчинский, как и миллионы его сверстников, уже был в военкомате. Ему отказали решительно. Инженеров-железнодорожников добровольцами в армию не брали, если даже они и имели звания командиров запаса. Работники железнодорожного транспорта рассматривались как призванные на военную службу и без заявлений с их стороны. Спорить с военкомом было бессмысленно: тот попросту не имел права послать инженера Капчинского на фронт.

А через несколько дней от старого, саратовских времен, друга Федора Тарачкова Анатолий узнал, что на стадионе «Динамо» собираются спортсмены, из них формируют какие-то особые полки. И Капчинский поспешил по такому привычному маршруту...

На «Динамо» действительно набирали добровольцев в Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения — ОМСБОН НКВД СССР. Весь цвет московского большого спорта собрался здесь. Анатолий не успевал здороваться с друзьями, имена которых знала вся страна: Николай Королев, Георгий Мазуров, Серафим и Георгий

Знаменские, Любовь Кулакова, Григорий Пыльнов, Сергей Щербаков, Константин Кудрявцев. Целыми курсами пришли на стадион студенты института физкультуры.

Через несколько часов Анатолий Капчинский был зачислен в бригаду, назначен командиром отделения и направлен вместе со всеми на подмосковную станцию, где омсбоновцы проходили подготовку.

Бойцы ОМСБОНа предназначались для действий в составе небольших групп в тылу врага, а также для борьбы с фашистскими диверсантами в тылу советских войск. Особый характер будущих боевых действий омсбоновцев обусловил и особый характер их подготовки. Бойцы совершали долгие лыжные и пешие переходы, марш-броски, прыгали с парашютом, учились стрелять из всех видов советского и немецкого стрелкового оружия, устраивать засады, действовать в лесных условиях, овладевали приемами рукопашного боя, диверсионным и радиоделом. Нагрузка и физическая, и нервная была огромной, и Капчинский понял, почему, формируя ОМСБОН, командование отдавало предпочтение спортсменам.

Боевое крещение бойцы ОМСБОНа приняли в зимних боях у стен столицы, но, как только гитлеровцы были отброшены от Москвы, омсбоновцев снова вернули на их «дачи». Красноармейцы и командиры бригады предназначались для выполнения особых заданий, подготовка каждого из них требовала времени и больших усилий, потому их и берегли. Разумом Капчинский все это прекрасно понимал и... рвался на фронт.

Отделением он уже не командовал: как инженера его назначили начальником оружейных мастерских. Теперь мечта попасть на фронт вообще отодвинулась на неопределенное время.

В самом начале зимы совершенно неожиданно Капчинскому довелось снова... встать на коньки, последний раз в жизни...

Это казалось невероятным: немцы кричат на весь мир, что не сегодня-завтра они войдут в советскую столицу, а в Москве между тем проводятся традиционные соревнования — открытие сезона на Патриарших прудах.

На старт, правда, вышли всего четыре участника, но какие! Константин Кудрявцев, Платон и Игорь Ипполитовы, Анатолий Капчинский. Не принесли высоких

результатов. эти забеги, но они вошли в историю советского спорта как символ мужества москвичей, даже в эти самые тяжелые дни уверенных в конечной победе своего правого дела.

Однажды, получив увольнительную, Анатолий посетил свой дом. В письме к жене, находившейся в эвакуации, он рассказывал об этом так: «Галочка, почти в каждом письме я писал тебе, что чувствую себя отлично. Это было верно, но на днях схватила меня ангина — и как следствие почки. Сейчас почти здоров, правда, утром была еще температура 37,9. Уверен, что завтра пойду в свою мастерскую».

Я очень увлекся работой. Пусть я только ремонтирую оружие, а не стреляю из него, все равно работаю для победы.

В письме ты спрашиваешь, взял ли я свой приз имени Верховного Совета, теплое белье, бурки. Поехать раньше не было возможности. Выбрался в прошлое воскресенье.

В этом районе немцы сбросили несколько бомб, и дом сильно пострадал от взрывной волны.

Я поднимался по исковерканным лестницам, заходил в пустые квартиры, по которым разгуливал ветер, и сердце мое сжималось от боли. Как хочется отомстить фашистам за все...»

Потом пришел день, когда от вернувшегося после нескольких месяцев пребывания во вражеском тылу абсолютного чемпиона СССР по боксу Николая Королева Капчинский впервые услышал фамилию полковника Медведева.

Дмитрий Николаевич Медведев был старый чекист, и сорокатрехлетней жизни его хватило бы на несколько романов. Он участвовал в бурных Октябрьских событиях 1917 года, прошел фронты гражданской войны, потом в органах ВЧК—ОГПУ боролся с контрреволюцией, бандитизмом, иностранной агентурой. В 1940 году из-за тяжелой болезни Дмитрий Николаевич вышел на пенсию. Но ненадолго. Когда началась война, Медведев вернулся в строй. В августе он собирает небольшой отряд из тридцати трех добровольцев-москвичей, переходит с ними линию фронта и начинает партизанить у себя на родине, в Брянских лесах, а фактически организует в области массовое партизанское движение. В январе 1942 года он возвращается в Москву и докладывает о выполнении

порученного ему задания. О полученных за эти несколько месяцев ранениях и контузии молчит. Одна из ран могла бы привести к гибели, если бы не пронес его на своих широких плечах несколько километров адъютант — Николай Королев.

Медведеву поручают возглавить новый отряд, более сильный и с более важными задачами. В нем должна была найти воплощение мысль, зародившаяся у Дмитрия Николаевича еще на Брянщине.

У будущего подразделения должно было быть две сферы деятельности. Первая — сугубо разведывательная: сбор в тылу немцев необходимой для командования Красной Армии военной, политической и экономической информации.

Вторая — чисто партизанская: диверсии на железных дорогах, уничтожение воинских складов, налеты на гарнизоны, распространение среди населения листовок, рассказывающих правду о положении на фронтах, уничтожение предателей и тому подобное.

Заместителем Медведева по разведке был назначен старый чекист подполковник Александр Александрович Лукин, заместителем по политической части — майор Сергей Трофимович Стехов.

Из омсбоновских батальонов Медведев, Лукин, Стехов должны были отобрать около ста бойцов: самых подготовленных, решительных, надежных. Добровольцев — хоть отбавляй. Среди них и Анатолий Капчинский. Ему повезло: Медведев зачислил его в отряд сразу же.

В мае 1942 года подготовка отряда, которому было присвоено символическое название «Победители», подошла к концу. Пора было приступать к очень трудному и опасному делу — переброске за линию фронта.

Отряд «Победители» должен был действовать в глубине тогда тыла врага под Ровно. Это был не обычный город — гитлеровцы объявили его «столицей» временно оккупированной ими Украины. В Ровно располагались резиденция одного из ближайших к Гитлеру людей — рейхскомиссара Украины, гауляйтера Восточной Пруссии Эриха Коха, сам рейхскомиссариат, множество оккупационных и военных учреждений. Они-то и должны были стать объектами самого пристального внимания разведчиков отряда.

Каждую ночь с подмосковного аэродрома поднимались тяжело груженные самолеты и брали курс на запад. Они

пересекали линию фронта и растворялись во тьме над оккупированной территорией. Потом следовала команда пилота — и прыжок в неизвестность.

Первая группа десантников, которую возглавлял командир войсковых разведчиков Александр Творогов, приземлилась в двухстах километрах от того места, которое планировалось. Она была выдана местным предателем и в ожесточенной схватке с карателями почти целиком погибла.

20 июня в районе железнодорожной станции Толстый Лес была сброшена группа, в которую входили Медведев, Лукин, командир радиовзвода Лидия Шерстнева, разведчицы Симона Гринченко и Мария Фортус (обе они в свое время воевали в Испании), несколько бойцов-испанцев.

Группы сбрасывались одна за другой, и не для всех высадка завершилась успешно. Погиб самый молодой боец отряда, шестнадцатилетний Толя Пронин, уже отличившийся в боях под Москвой. Группа во главе с начальником штаба майором Федором Пашуном, в составе которой летел Пронин, была обстреляна немцами еще в воздухе над станцией Хойники. Анатолий был ранен, приземлился без сознания. Немцы схватили юношу, почти подростка, долго пытали. Анатолий не сказал ни слова. Его повесили...

Кроме Пронина, гитлеровцы схватили еще одного парашютиста — Калашникова, сломавшего себе обе ноги при неудачном приземлении. Калашников тоже ничего не сказал при допросах, но уже из этих фактов немцам, конечно, стало ясно, что сброшен десант. Гитлеровцы начали поиски, а отряд никак не мог тронуться к Ровно, потому что еще не встретили группу, заброшенную под командованием начальника штаба Пашуна.

Ночи проходили беспокойно. Каждое утро часовые докладывали, что слышали в лесу какое-то неопознанное шевеление, улавливали за деревьями колышущиеся тени. Сам лагерь был разбит на возвышенном, открытом со стороны леса месте. Палатки, натянутые из белого парашютного шелка, ночью буквально светились за десятки метров, словно серебряные пузыри.

В ночь на 28 июня взводу Анатолия Капчинского было поручено нести охрану лагеря. Д. Н. Медведев вспоминал потом: «Толя Капчинский, с которого вмиг слетела вся его беззаботность, взволнованный и обрадо-

ванный этим первым боевым заданием, сдержанно отвечал на каждую фразу: «Есть».

А на рассвете в лесу загрели выстрелы: разведчики Володя Царев, Валентин Семенов, Христофор Мухин и Константин Пастаногов, посланные на задание, не успев отойти от лагеря на несколько сот метров, натолкнулись на колонну карателей... Немцев и полицейских было около двухсот, в то время как отряд тогда считывал семьдесят два бойца.

Первым на выручку разведчикам, попавшим в беду, бросился со своими бойцами Анатолий Капчинский. Они подоспели вовремя. Ударили по немцам стремительно, дерзко, решительно... Каратели были разбиты в этом первом коротком бою и бежали, оставив около сорока трупов. Отряд захватил несколько пленных, взял трофеи, в том числе два пулемета.

Восемь бойцов отряда в том бою получили ранения. Двое пали смертью храбрых. Одним из павших был комсорг Семен Прохоров, вторым — пробитый восемнадцатью пулеметными пулями Анатолий Капчинский...

Д. Н. Медведев писал: «...в бою отряд понес тяжелую утрату: погиб Толя Капчинский».

В далеком Мозырском лесу, на цветущей поляне, мы вырыли могилу герою-партизану. Опустили тело в землю, обнажили головы.

— Прощай, дорогой друг, мы за тебя отомстим.

В суровом молчании прошли бойцы мимо открытой могилы, кидая в нее горсти земли.

Потом зарыли могилу, выросший бугорок любовно обложили дерном».

Это была первая могила на славном боевом пути легендарного чекистского отряда «Победители», чьи дела нашли достойное место в летописи Великой Отечественной войны. За два года действий в тылу врага разведчики и бойцы отряда, выросшего в двухтысячное соединение, совершили много славных подвигов. Трем лучшим из лучших: Дмитрию Медведеву, Николаю Кузнецову и Николаю Приходько — Родина присвоила высокое звание Героя Советского Союза, сотни храбрецов удостоили орденов и медалей.

И навсегда останется в благодарной памяти потомков имя партизана отряда «Победители», первым из медве-

девцев отдавшего свою жизнь за свободу и независимость Родины.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 июня 1944 года за храбрость, мужество и самопожертвование в бою Анатолий Константинович Капчинский посмертно был награжден орденом Отечественной войны I степени.

...В последнее воскресенье января каждого года в Москве и Саратове на ледяные дорожки стадионов выходят конькобежцы. Они оспаривают почетный трофей — приз имени Анатолия Капчинского. Настоящего человека. Большого спортсмена. Отважного партизана.

Анатолий Ланщиков

**РЫЦАРЬ
ЗЕЛЕННОГО ПОЛЯ**
(Григорий Федотов)

Легенды создаются людьми, и создаются они о людях. В довоенный период каждый мальчишка, неравнодушный к футболу, твердо веровал в то, что где-то живет футболист по фамилии Бутусов, ударов которого не выдерживают штанги, а для вратарей его удары попросту смертельны. И появилась эта легенда давно, еще в детстве ее слышал Григорий Федотов. (Родился Григорий Иванович 24 апреля 1916 года.)

Федотов вырос, сам стал играть в большом футболе, а легенда о Бутусове жила, как жила легенда о Федоре Селине, который «может мяч головой провести через все поле и, если захочет, обратно». А вскоре Федотов и сам стал легендой. «С чьей-то легкой руки, — вспоминает наш известный статистик футбола Константин Есенин, — знаменитого Федотова уже после первых чемпионатов водрузили в каком-то дружеском шарже на пьедестал, на котором было написано «300 голов», и на этом успокоились, решив, что ни Федотов, ни его вершина недосягаемы».

По свидетельству строгой статистики, Григорий Федотов никогда такого количества голов не забивал, но легенда меньше всего считается со статистикой, легенда даже не вобрала в себя эту цифру — игнорировала ее. Что там 300 голов, ведь и эта цифра определяет какой-то потолок. Конечно, статистики и прочие доки — они все подсчитали и все знают, хотя, впрочем, простые любители футбола знают больше, они, например, знают не то, что Федотов мог забить и забивал голы в матчах с любими соперниками, они знают, что Федотов не мог не забить гол, — вот в чем дело. Больше того, они совершенно уверены, что почти все голы в армейской команде забивал Федотов (и даже в тех матчах, в которых он не участвовал). Как известно, московские динамовцы в знаменитую поездку на родину футбола осенью сорок пятого года брали с собой армейца Всеволода Боброва, но любители футбола, во всяком случае, те из них, что совершенно безразличны к футбольной бухгалтерии, твердо верят, что вместе с динамовцами ездил в Англию и Григорий Федотов.

Но что же такое тогда легенда — одни преувеличения, нетребовательный вымысел, полная недостоверность? Нет, легенда, возможно, содержит в себе больше достоверности, нежели строго документальные выкладки и всякого рода списки статистических данных.

Как это ни странно, но даже самая точная и достоверная статистика не в состоянии нам помочь, если мы зададимся целью охарактеризовать футбол какого-либо периода или сравнить игру сильнейших футболистов. Например, в списке членов «Клуба Федотова» первым стоит А. Пономарев (152 гола в первенстве), далее следует Н. Симонян (144), С. Соловьев (143), Г. Федотов (132), А. Гогоберидзе (127) и т. д. Бобров в играх на первенство не дотянул до сотни мячей (97). Но тут сразу же встает вопрос о неравенстве условий: один играл семь-восемь лет, а другой — двенадцать-пятнадцать. Разумеется, первому достигнуть рубеж в сто мячей труднее, чем второму. Есть, кажется, принцип, более близко подводящий нас к истине, — сколько в среднем за игру мячей забивает футболист. Тут лидер уже Бобров (0,84 мяча за одну игру), вторым следует Федотов (0,79), третьим Соловьев (0,62), Пономарев (0,61) четвертым, а Симонян (0,53) только восьмым.

Казалось бы, этот принцип подводит нас к истине. Но... и это не так. Один футболист может уйти из спорта еще в годы своего расцвета, другой может очень долго играть, и вполне естественно, что в последние годы выступлений в интересах команды могут эксплуатироваться не столько его ударные способности, сколько организаторские. Закономерно коэффициент «забиваемости» у такого футболиста несколько снизится. Возьмем вратарей. Выступая за сборную, Яшин пропуская в среднем за игру 0,91 мяча, Кавазашвили 0,65, а Маслаченко только 0,62. Вроде бы столь точная статистика дает нам основания считать сильнейшими из вратарей Маслаченко. Но ведь тут играют не последнюю роль и количество проведенных матчей, и сила команд-соперниц. Что касается, например, количества сыгранных матчей за сборную, то больше всех их провел Яшин (78), затем в этом списке следует Кавазашвили (23) и последним оказывается Маслаченко (8). Итак, какой принцип мы ни положим в основу своих статистических изысканий, ни один из них не будет универсальным, Как ни стран-

но, но цифры только будоражат наше воображение и мало что дают, когда мы приступаем к анализу.

Другое дело легенды с их приблизительностью. Оказывается, они при анализе состояния футбола той или иной поры дают нам куда больше, чем все статистические данные, вместе взятые.

В конце 20-х — начале 30-х годов, когда тактическое мышление игрока порой отождествлялось с его игровой хитростью и четким знанием правил, когда под коллективной игрой подразумевалась игра дружная, а класс игры защитных линий был невысок, главную роль в футболе стал играть удар, что в общем-то соответствовало духу времени, ибо героем дня стал человек, могущий благодаря напряжению своих сил преодолеть на пути все преграды. Этого же ожидали и от футболистов, ожидали всеограждающего удара. Вероятно, Михаил Бутусов был ближе всех к идеалу тогдашних болельщиков, а если учесть, что отчеты о матчах по большей части передавались изустно, то нетрудно понять, как невероятное приобретало силу достоверного. Однако при всей своей недостоверности рожденная тогда легенда наиболее глубоко запечатлела дух и главную тенденцию той поры.

Но ни в жизни, ни в футболе ничто не стояло на месте. Хотя в футболе по-прежнему славился пушечный удар, в то же время все большее и большее количество игроков овладевало самыми сложными техническими приемами. И тут родилась легенда о Федоре Селине, не более достоверная, но и не менее точная, нежели легенда о Михаиле Бутусове.

В предвоенные годы футбол наш сделал качественный скачок: стали появляться целые ансамбли, составленные почти из равноценных игроков. Теперь уже при наличии двух-трех классных футболистов команда не могла рассчитывать на стабильные результаты. Пожалуй, успешнее и быстрее всех перестройку произвели московские команды «Спартак» и «Динамо», ставшие тогда лидерами отечественного футбола. Но и другие клубы работали в том же направлении и в первую очередь команда ЦДКА, пожавшая плоды этой работы в послевоенные годы.

Когда-то, в предвоенные годы, своего рода футбольным клубом были Сандуновские и Центральные бани Москвы. Сюда после футбольных баталий стекались их участники, тут же можно было увидеть тренеров и мас-

сажистов, руководителей спортколлективов и судей, короче говоря, всех тех, кто готовил матч или в нем участвовал. И вот в этой атмосфере естественного демократизма — ведь смешно же непомерно заботиться о своем авторитете, когда ты сам, как и все, пребываешь в облике Адама, — производились самые квалифицированные и объективные разборы матчей, взвешивались достоинства тех или иных игроков, делались экскурсы в футбольную историю, обсуждались самые жгучие проблемы современного футбола.

В один из таких банных дней весны тридцать седьмого года наш в прошлом замечательный игрок, а ныне один из наставников московского «Спартака» Николай Петрович Старостин впервые услышал о Григории Федотове. Впрочем, вот как это он сам вспоминает: «Я добросовестно хлестал себя веником на верхней полке в Сандунах, когда сквозь жар и пар разглядел Константина Блинкова. Через секунду Костя пристроился рядом на лавку. Всегда чуть улыбающееся умное лицо этого расчудесного игрока, подобно мне уже вышедшего в ту пору в отставку из большого футбола, радостно сияло. Он многозначительно поглядел на меня и поднял большой палец — жест, до сих пор равнозначный высшей похвале.

— Ты о чем? — спросил я.

Мой друг прищурился и дважды торжественно произнес:

— Самородок! Самородок, да еще какой...

— Кто?

Блинков в то время был начальником финансового отдела на заводе «Серп и молот» и шефствовал над командой «Металлург».

— Коля, друг, найден игрок, каких еще Москва не видала! Этот малый из Ногинска утратит нос всем нашим атаманам. На первый взгляд видно, что игрок от господ бога. Фаилия Федотов. Словами не расскажешь. Приходи, увидишь. А когда увидишь, то спать не будешь, пока в «Спартак» не перетянешь. Я заметил его еще осенью, но, конечно, молчал, а сейчас он на левом краю «Металлурга» в Сочи чудеса творит...

И он довольно засмеялся своим тихим, бархатистым смехом...

Каждый из нас невольно возводит мечты в действительность, принимает желаемое за факты. Но доста-

точно мне было дней через десять увидеть Григория Федотова в раздевалке стадиона «Локомотив», как я с первого же взгляда понял, что это незаурядный игрок. На тренировке он меня покори́л, после игры я им бредил.

Если спросить: «Кто лучший из лучших в советском футболе за пятьдесят лет?», ответят: «Григорий Федотов».

Дебют провинциала в Москве ошеломил гурманов столичного футбола. Все подкупало в молодом форварде: пружинисто-припадающий бег, мощь, резвость, прыжок и завораживающая манера игры. Все говорило, нет кричало, что перед нами драгоценность, Шаляпин в футболе. И он давал концерт за концертом.

Все, что делал Григорий Федотов на поле, было ново, неожиданно, самобытно. Безукоризненная корректность сочеталась с пламенным движением вперед, джентльменство с результативностью. Его выступления стали приманкой для зрителей. Идешь, бывало, на стадион и ждешь, что еще нового покажет этот талантище, предвкушаешь удовольствие от его игры.

Конечно, дело не в том, что два знатока оценили способности пока еще неизвестного футболиста, а в том, что Москва ждала такого футболиста, ждал его весь наш футбол.

II

Когда звонкие весенние ручьи, стянув отовсюду последние лоскуты слежавшегося за зиму снежного покрова, вдруг постепенно начинали смолкать, на пустыри, забыв все свои заботы и обязанности, двигались небольшими толпами мальчишки. Они ощупывали взглядами знакомые, но будто уменьшившиеся за зиму поляны, ковыряли носками ботинок землю, прикидывая в уме, как скоро можно будет принести футбольный мяч, чтобы начать... Футбольный сезон? Нет, начать новую жизнь, жизнь с футболом, и они ее всегда начинали хотя бы на день раньше, чем сами предполагали. Сначала приносили футбольный мяч просто так, «постучать»... Потом? Потом — пусть ты весь в грязи, пусть дрожат от непривычки или «отвычки» ноги, а рот твой изнутри словно оклеен сухой жесткой бумагой, потом пусть тебя ожидают заслуженная кара или простое неудовольствие, в

зависимости от склада родительского характера и других обстоятельств, — главное, ты сегодня играл в футбол, нет, жил в футболе.

В один из апрельских солнечных дней вот так же пришли на свой пустырь глуховские ребята, они принесли сюда небольшой глиняный бочонок. Светловолосый мальчишка после того, как все подержали в руках бочонок, ударил его о камень. Мальчишки смотрели завороженно: среди свежих глиняных черепков и рябившей россыпи монет чуть шелестели на ветру бумажные купюры...

Еще осенью глуховские ребята из Красноармейского общежития, в котором жили с семьями работники текстильного комбината имени Ленина, решили за зиму накопить сообща денег и по весне выйти на первую свою игру с ребятами из Буденновского общежития при форменных футболках и гетрах. Разумеется, свой замысел они держали в глубокой тайне, а хранить копилку поручили Грише Федотову.

Расколов бочонок, ребята были немало удивлены, а больше всех поразился хранитель казны Гриша Федотов — он-то наверняка знал, что никто бумажных денег в копилку не опускал. Оказалось, родители, догадавшись о затее детей, сговорились и тайком пополняли спрятанную казну. Теперь денег хватило не только на футболки и гетры, но и на бутсы.

Возможно, об этом эпизоде и не стоило упоминать, если весь смысл его сводился бы только к покупке формы. Тут нужно иметь в виду, что ребята целый год мечтали о спортивной форме, и не просто мечтали, они отказывали себе в чем-то, чтобы осуществить свою мечту. Приобретенную таким образом форму не станешь рассматривать как спортивную спецодежду, здесь форма нечто большее. И недаром Григорий Федотов как надел потом форму армейского клуба, так и не снял ее до конца своих дней, хотя, например, он всю жизнь любил спартаковцев, со многими из них, в частности с Николаем Петровичем Старостиным, был дружен. Нетрудно догадаться, что спартаковцы всегда были готовы принять Федотова и в качестве игрока, и в качестве тренера в свой коллектив.

Нет, что бы там ни говорили, а так называемый «дворовый» футбол имел свои преимущества, он не только давал мастерство, но и воспитывал характеры. Вы помни-

те, как Николай Петрович Старостин, впервые увидев Федотова, отметил его «пружинисто-припадающий бег, мощь, резвость». Что ж, Федотов был от природы награжден всеми этими качествами? Ничего подобного.

«Сделав попытку сдать нормы ГТО по бегу, — вспоминал потом Григорий Иванович, — я тут же убедился, что бегать как следует я не умею... Неумение быстро бегать мешало как следует играть в футбол. Я-то думал, что бегу быстро, что быстрее и бежать нельзя. Но почти всегда так случалось, что мой противник подбегал к мячу раньше, чем я, или догонял меня, когда казалось, что у меня в запасе достаточное расстояние».

Талант Григория Федотова нужно искать прежде всего в его характере. Григорий не стал дожидаться, когда кто-нибудь займется с ним физической подготовкой, не плюнул на легкую атлетику: с меня, мол, достаточно и моей техники. Он стал регулярно приходить на местный стадион, присматривался к тренировкам легкоатлетов, стал тренироваться сам. По утрам расстояние от дома до ФЗУ преодолевал бегом.

Как-то на стадионе один из лучших бегунов на короткие дистанции предложил Григорию пробежать с ним стометровку. Помощь добровольного «шефа» очень быстро дала свои результаты: вскоре Григорий сдал норму ГТО по бегу, и теперь на футбольном поле редко кто мог догнать юного форварда.

Нужно сказать, что Григорию Федотову часто везло: в жизни он встречал немало щедрых людей, но и те, кто встречал на своем пути Григория Федотова, могут считать, что им тоже очень повезло. Значительно позже, когда Григорий Иванович работал уже тренером армейцев, к ним часто на стадион приходили ребята с просьбой принять их в команду, и никому он не отказывал в просьбе «посмотреть». Пожалуй, самым тяжелым для Федотова было разочаровать кого-то отказом, но если он это и делал, то необычайно деликатно, хотя, казалось, футболист с таким авторитетом может не заботиться о том, как будет воспринят его отказ.

Хорошему спортсмену всегда сопутствует в его спортивной жизни слава. Спортсмену выдающемуся сопутствует громкая слава, но испытание ею выдерживает далеко не каждый. У Григория Федотова слава была не только громкой, но и продолжительной, и на протяжении долгих лет она очень осложняла его жизнь.

Был ли Григорий Федотов равнодушен к славе? Наверяд ли. Равнодушным к ней может быть только человек или безразличный, или очень неискренний. Федотов относился к славе трезво. Когда после его удара мяч вонзался в сетку ворот противника, он в душе ликовал, и ликование это увеличивал обвальный шум трибун.

Когда он видел свои портреты в газетах или журналах, то не огорчался, но, когда при нем затевали разговор о его футбольном таланте, ему делалось неловко за себя и за присутствующих. Но что его действительно постоянно тяготило, так это известность. Ведь каждому человеку (неважно, кто ты — Федотов или не Федотов) порой хочется спокойно пройтись по улицам, подумать о чем-то или просто помечтать, зайти в кинотеатр и посмотреть фильм, посидеть в сквере на лавочке... Но тебе негде укрыться, на каждом шагу тебе чуть ли не в лицо могут произнести: «Федотов», или послать вдогонку: «Смотри, Федотов прошел». И такое чувство охватывает, будто ты должен тут же чем-то проявить свою исключительность. Потому, наверное, Григорий Иванович так и не прижился по-настоящему в Москве, хотя очень любил ее и тосковал по ней, когда приходилось надолго уезжать. Иногда выдавались свободные дни, и семья Федотовых отправлялась в Глухово. Здесь, на родине, Григорий Иванович чувствовал себя свободнее.

Но все это будет потом, через много лет, а пока Гриша Федотов, как и тысячи его сверстников, гоняет на пустыре мяч, впрочем, порой не только мяч...

Играли на малых площадках, и это имело свою положительную сторону. Во-первых, нужно очень точно давать пас — тут и десять сантиметров имеют значение. Во-вторых, нужно уметь играть без мяча: вовремя открыться самому или, наоборот, прикрыть соперника. В-третьих, нужно быстро соображать: обстановка на поле меняется каждую секунду. В-четвертых, нападающий привыкает постоянно вести единоборство с вратарем, так как ворота всегда делались очень маленькими. И последнее, играли без судьбы, а потому каждый был на поле судьей, каждый знал правила. «Играли мы, конечно, без судьбы, но правила соблюдали точно, — вспоминал Григорий Иванович. — Единственно, от чего отсутствовали, — это от установленного времени. По четыре, а то и по пять часов продолжались наши встречи. Счет при

этом иногда доходил до астрономических цифр — 15 : 10, а то и больше».

Разумеется, стадион всегда манил ребят: там настоящее поле, настоящие ворота, и играют там настоящие футболисты. Стадион — это их футбольное будущее, а пока в их распоряжении пустыри...

«В первый раз на настоящее футбольное поле я вышел, став учеником ФЗУ. Случалось, правда, и раньше забираться на стадион. Но это были, так сказать, незаконные выходы. Теперь дело другое. Я начал играть в юношеской команде футбольного коллектива фабрики».

И это свидетельство знаменитого футболиста очень важно. На стадион Федотов пришел не овладевать азами футбола, а играть в футбол. Разумеется, и на стадионе Федотов продолжал учиться, но это новое теперь ложилось на прочный фундамент закрепленных с детства навыков и уже выработанную абсолютную реакцию на мяч.

В шестнадцать лет Федотова пригласили играть за команду взрослых. Второй команде комбината предстояла встреча с «Электросталью». Как всегда, взрослых сопровождали на матч ребята. И вот, когда все уже пришли на стадион, Гришу Федотова позвали в раздевалку. «Одевайся!» — сказал ему капитан, и тут же принесли футболку, трусы, бутсы. Гриша смотрел на все эти доспехи, верил и не верил... «Примерь, хороши ли? Только, Гриша, побыстрей. Пора выходить!» — вернул его к действительности капитан.

Включение юношей в команды взрослых всегда сопряжено с определенным риском. Одно дело, когда ты играешь со своими сверстниками, здесь и силовая борьба идет на равных и даже откровенная грубость не выглядит столь угрожающей. Но когда к парнишке на всей скорости летит внушительных габаритов соперник, то невольно может закрасться страх, изжить который потом бывает не так просто. И тут может пропасть всякий интерес к игре, а футбол равнодушных не терпит. Сначала у тебя пропадает интерес, потом исчезнет к тебе интерес и... прощай, футбол! Тут спасти может техника, вернее, заметное преимущество в технике.

«За технику я не очень беспокоился. Знал, техника у меня есть. Помню, когда полузащитник передал мне мяч, на меня налетел с небрежным видом центральный полузащитник противника, думая, что тут ему трудиться не придется. Крепко обманул я его тогда! Даже сейчас

весело вспомнить! Сделал обманное движение, другое. Он туда, сюда. Смотрю, остался где-то сзади, лежит. А я с мячом — вперед!

И тут случилось нечто такое, что и вовсе ободрило меня. Счет все еще был 0 : 0. Игра шла ровно, но, надо сказать, электрозаводцы больше атаковали нас.

Но вот игра перешла к штрафной площадке противника. Хорошо прошел по краю наш крайний правый нападения и сильным ударом послал мяч к воротам. Мяч стремительно летел на высоте примерно метра от земли. Вижу, правый полусредний не успевает к мячу. Центральный нападающий закрыт защитником. Что делать? Доля секунды решает все! «Эх, — думаю, — была не была — попробую!..»

Проскальзываю вперед. Вот он, мяч! Едва не падая, наклонившись влево, бью правой с лёта.

На редкость хорошо лег мяч на подъем. Удар получился сильный, быстрый, точный.

1 : 0!

Бегу к центру, будто ничего и не случилось. Будто для меня самое обыкновенное дело забивать голы, играя в команде взрослых.

В той памятной встрече мне удалось забить еще один гол. Мы выиграли тогда со счетом 4 : 1.

А после игры капитан сказал: «Так, Гриша, значит, придешь ты теперь к нам на тренировку в пятницу к шести часам».

В конце концов для нас сейчас не так уж и интересно, когда и при каких обстоятельствах Федотов впервые сыграл за команду взрослых. Интереснее тут другое — воспоминания самого Федотова об этом матче. И в частности, при каких обстоятельствах он забил первый гол. Во-вторых, интересна фраза: «Едва не падая, наклонившись влево, бью правой с лёта». Как часто потом, будучи уже известным футболистом, в играх с самыми грозными противниками, Григорий Федотов поражал чужие ворота примерно таким же образом, вызывая гром оваций на трибунах. Оказывается, этот удар он принес в наш футбол с глуховских пустырей.

Интересно и другое. Дебютируя в команде взрослых, безусловно волнуясь, Федотов все же прекрасно видел поле, решая не только свою собственную задачу, но и решая задачи за других: «...правый полусредний не успевает...», «центральный нападающий закрыт защитни-

ком...» Конечно, Федотову еще предстояло многому учиться и многому научиться, но задатки у шестнадцатилетнего паренька явно были незаурядные.

Закончив ФЗУ, Григорий в 1934 году переезжает в Москву и работает токарем по металлу в механическом цехе завода «Серп и молот». Сразу же записывается в футбольную секцию. В то время заводская футбольная команда «Металлург» принимала участие в самых ответственных соревнованиях. Достаточно сказать, что цвета команды защищали Федор Селин, Борис Аркадьев и другие известные футболисты. И вот как-то в середине сезона тренер Владимир Георгиевич Блинков сказал: «Ну, Гриша, готовься. В это воскресенье выйдешь на поле!»

Да, было от чего растеряться юному футболисту, ведь играть предстояло с первой командой «Динамо», стало быть, встретиться лицом к лицу и с Михаилом Якушиным, и с Сергеем Ильиным, и с Василием Смирновым...

Если в игре с «Электросталью» хватило задатков, то в игре с московскими динамовцами этого оказалось мало, теперь требовались опыт и отточенное мастерство. «Придется тебе, Гриша, немного посидеть в запасе, — сказал после игры Владимир Георгиевич Блинков. — Мы твердо верим в твое хорошее спортивное будущее. Но сейчас для тебя же лучше не спешить».

Но Григорий и не спешил, он хорошо понимал, что ему еще многому нужно учиться, и не только для того, чтобы играть, как играют лучшие игроки столичных клубов, а для того, чтобы играть лучше, чем играют они. Федотов очень упорно тренировался, он часто посещал матчи сильнейших команд, внимательно изучая игру лучших футболистов и многое у них перенимая. Москва в то время была поистине футбольным университетом, и молодой футболист из Глухова был, наверное, лучшим его «слушателем». Во всяком случае, скоро Григория снова начали ставить на игры, а в сезон 1935 года он прочно закрепился в основном составе первой команды завода.

Приближалась весна 1936 года, приближалось первое всесоюзное футбольное первенство, в котором должны были принять участие не сборные городов, а клубы. В первой группе «А» выступали московские команды «Спартак», «Динамо», ЦДКА, «Локомотив», киевское «Динамо» и ленинградские команды «Динамо» и «Красная заря».

Команде «Металлург» предстояло играть во второй группе «Б» и в ходе соревнований встречаться с динамовцами Тбилиси и Днепропетровска, торпедовцами Москвы, спартаковцами Ленинграда и двумя командами «Сталинец» (московской и ленинградской). Победитель этой группы на следующий сезон переходил в группу «А».

В весеннем первенстве 1936 года «Металлург» занял в своей группе только пятое место, и теперь ему вновь предстояло бороться за путевку в группу «А». Осенью игры носили на редкость упорный характер и закончились победой московского «Металлурга», завоевавшего право в следующем году выступать в высшей лиге.

III

В спортивной биографии Григория Федотова тридцать седьмой год занимает особое место — в этот год началась его замечательная футбольная карьера. На двадцать первом году жизни Григорий Федотов в составе московской команды «Металлург» вступил в борьбу за чемпионское звание и получил возможность соперничать с самыми прославленными мастерами кожаного мяча.

Нужно сказать, дебютант группы «А» тридцать седьмого года команда «Металлург» выступила успешно, а в первом круге просто блистательно, выиграв шесть матчей из восьми (у чемпиона страны московского «Спартак» — 4:0, у киевского «Динамо» — 2:0, у тбилисского «Динамо» — 1:0, у московского «Локомотива» — 2:1, у ленинградского «Динамо» — 5:1 и у команды ЦДКА — 5:0). И две встречи проиграла (московскому «Динамо» — 1:2 и ленинградскому «Электрику» — 1:3). В итоге первое место с лучшим соотношением забитых и пропущенных мячей (21:7). Правда, во втором круге, не располагая резервами, команда не выдержала напряжения и заняла в чемпионате пятое место, хотя для дебютанта высшей группы и это место было весьма почетным. И здесь немалая заслуга принадлежала молодому левому краю Григорию Федотову, снискавшему в первом же своем сезоне любовь болельщиков, и не только болельщиков. Во всяком случае, многие знатоки футбола с именем Федотова связывали свои надежды, а самому Федотову пророчили большое футбольное будущее.

Крупнейшим спортивным событием того года был приезд в нашу страну знаменитой команды басков, путь которой в Советский Союз лежал через Париж — Прагу — Варшаву. В это время симпатии советских болельщиков были, естественно, на стороне басков, представлявших героический испанский народ, борющийся с фашизмом. Во Франции испанцы дважды победили сильную команду «Рэсинг» (3:0 и 2:0) и одержали победу над клубом «Олимпик Марсель» (5:2). Успешно выступили они в Чехословакии и Польше.

Вечером 16 июня москвичи пришли на Белорусский вокзал, чтобы встретить испанских футболистов. «Да здравствует Советский Союз, который не забывает нас в самые трагические минуты!» — с этими словами обратился к москвичам руководитель испанской делегации Мануэль Де ла Сота.

А в спортивных организациях, ведающих футболом, да и в самих командах царил некоторая тревога: слишком успешное турне испанцев по футбольным полям Европы и особенно внушительная победа над «Рэсингом» давали повод для законного беспокойства.

В конце концов было решено, что на первый матч с басками выйдут обладатели кубка — московские железнодорожники. Эта встреча будет, мол, своеобразной разведкой. Но крупный проигрыш «Локомотива» (5:1) усилил тревогу, хотя некоторые и пытались объяснить его отсутствием у железнодорожников опыта международных встреч. Фактически чемпионом страны были спартаковцы (они выиграли осеннее первенство 1936 года), но в теперешнем сезоне они выступали хуже московских динамовцев, поэтому решено было, что главный бой баскам дадут динамовцы. Поначалу матч для москвичей складывался удачно, и они даже сумели открыть счет (сделал это Сергей Ильин), но потом пропустили два мяча и проиграли встречу. Баски уехали в Ленинград, там они сыграли вничью со сборной города и вновь вернулись в Москву, где должны были провести еще два матча.

Динамо ждало реванша. И вот 5 июля они приняли на своем до отказа переполненном стадионе игроков Басконии. «Динамо» было усилено тбилисцами Дороховым и Шавгулидзе и ленинградцем Дементьевым. Реванш не состоялся. Вновь победили баски.

Да, было отчего задуматься спартаковцам: сейчас

внимание всех любителей футбола было приковано к ним, от них ждали чуда — победы над басками. В Тарасовке шли бесконечные обсуждения и совещания. В конце концов было решено усилить команду киевлянами Шиловским и Шегодским и армейцем Малининым, а на левый край пригласить из «Металлурга» Григория Федотова. Матч удался на славу. Стартаковцы тогда выиграли со счетом 6:2 и тем самым спасли престиж отечественного футбола. Первый гол на 14-й минуте забил Григорий Федотов.

Вот как вспоминает этот эпизод Николай Старостин: «Чего, например, стоил первый гол непобедимым баскам, — забитый им (Федотовым. — А. Л.) так, что и сейчас не верится! Мяч непостижимо влетел в ворота в самой лицевой линии. Вот и верь после этого, что резаный удар «сухой лист» изобретен в пятидесятых годах в Бразилии. На двадцать лет раньше им уже владел Григорий Федотов».

Капитан басков Луис Регейро потом признался спартаковцам: «У вашей команды вполне современная, зрелая тактика, и это в первую очередь определило ваш успех. Мы не знали до матча, что «Спартак» такая сильная команда. Нам казалось, что, выиграв у «Динамо», мы добились победы над самым лучшим, чем располагает Москва».

Этой победой «Спартак» заслужил поездку на III Международную рабочую олимпиаду в Антверпен, и спартаковцы вновь пригласили в команду Григория Федотова. Выиграв все встречи, они стали чемпионами Олимпиады. Затем команда направилась в Париж и приняла там участие в розыгрыше футбольного Кубка мира среди рабочих команд...

Все игры за «Спартак» Григорий Федотов провел удачно: оживил игру на левом фланге, сам провел несколько важных мячей в ворота соперников.

Приехав из-за границы, Федотов навещал родное Глухово: встречался с друзьями и знакомыми, рассказывал о поездках за границу, об игре с басками, ходил на местный стадион... Молодой футболист из Глухова стал уже знаменитостью.

В следующем году он был призван в ряды Красной Армии и с весны тридцать восьмого года стал защищать спортивную честь армейского клуба. Григорий Иванович рассчитывал отслужить положенный срок, а демобилизо-

вавшись, уйти в московский «Спартак», где его с нетерпением ждали. Но судьба потом распорядилась иначе.

Когда команда «Металлург» сойдет с футбольной сцены, у многих выветрится из памяти, что некогда это был довольно сильный клуб, давший нашему футболу не только Федотова, но и Бескова. Некоторые думают, будто армейцы разыскали Федотова в части, и пропускают футбольное становление Федотова в «Металлурге». Другие полагают, будто Федотову повезло, так как на заре своей футбольной карьеры он перешел в более сильную команду, что и повлияло на дальнейший рост его футбольного мастерства. Ничего подобного, в том-то и дело, что Федотов в 1938 году перешел из довольно сильного клуба, каким был тогда «Металлург», в довольно слабый. Это уже при Федотове армейская команда стала представлять собой грозную силу и долгие годы была лидером отечественного футбола. А когда, осенью 1936 года, «Металлург» завоевал право играть в группе «А», команда ЦДКА, заняв в группе «А» последнее место, потеряла это право. Однако специальным постановлением Всесоюзного комитета число участников на 1937 год было увеличено до девяти, и армейцы, таким образом, остались в группе «А». В 1937 году «Металлург» занимает в чемпионате пятое место с соотношением мячей 26 : 21, а ЦДКА снова занимает последнее место с соотношением мячей 18 : 43. На следующий год число команд было увеличено до двадцати шести (игры проводились в один круг). Чемпионом тогда стал «Спартак». Команда ЦДКА заняла второе место (в ее составе играл уже Федотов), а «Металлург» с тем же количеством очков занял третье место. Таким образом, Федотов стоял у истоков становления армейской команды.

В 1939 году ЦДКА занимает в чемпионате третье место, в 1940-м — четвертое. В предвоенные годы армейцы ни разу не стали чемпионами и ни разу не завоевали кубок, однако с 1938 года, когда в команде стал играть Григорий Федотов, армейцы прочно вошли в число ведущих команд страны и на протяжении многих лет ниже четвертой ступеньки не спускались. В эти же годы Федотов становится самым популярным футболистом и лидером по числу забитых мячей в чемпионатах страны, с ним конкурировал только Борис Пайчадзе. Накануне войны на счету Федотова было 68 забитых в чемпионатах мячей, у Пайчадзе — 65.

Заслуга Федотова состояла не только в том, что он забивал много мячей, этого было еще недостаточно, чтобы клуб в течение нескольких сезонов показывал стабильные результаты. Природный ум, изобретательность, тонкое футбольное тактическое чутье позволяли Федотову, как капитану команды и выдающемуся игроку, сплачивать вокруг себя современный игровой ансамбль, тем более что тренера, стоящего на уровне тогдашних возросших требований, в команде ЦДКА до войны так и не появилось. Безусловно, это отрицательно сказывалось на общих результатах команды, но зато развивало творческую инициативу у самих игроков. В 1939 году в команду пришел Алексей Гринин, в 1940-м — Валентин Николаев, они-то потом вместе с Федотовым и составят костяк грозной армейской линии нападения, которая и по сей день считается в нашем футболе эталоном.

Первый матч в армейском коллективе Григорий Федотов запомнил надолго (один из дебютантов сезона — команда «Стахановец» из города Сталино нанесла армейцам поражение со счетом 4 : 0). В своей книге «Записки футболиста» Григорий Иванович рассказывает и об этом матче: «Почему так случилось? Возвращаясь домой, в Москву, мы еще в вагоне поезда много и горячо спорили, разбирая игру...

Ведь это вовсе не так просто пропустить за 90 минут игры четыре мяча, не забив ни одного! Значит, какой-то серьезный недостаток есть в игре нашей команды.

Подумав, решили — основная беда в том, что нет у нас на поле взаимопонимания, чувства локтя. Недостаточно сыгрались.

На тренировках стали обращать особое внимание на проведение внезапных и неожиданных комбинаций... Однако чувство неудовлетворенности не проходило. Наконец мы поняли, что все-таки играем не так, как могли бы. Не хватало главного: интересных тактических находок. Хорошо понимая свои задачи на поле, мы не смогли найти нового в тактике игры команды. А это было необходимо. Возросшее мастерство команд требовало перестройки игры, новых, более гибких тактических форм.

Вот по этому руслу и надо было направить усилия коллектива! Тренер сделать этого не сумел. Правильный путь подсказали товарищи по спортивной борьбе на футбольном поле.

В ту пору у нас было немало выдающихся игроков,

и тут, вероятно, любой перечень окажется неполным, но именно в игре Федотова воплотились с наибольшей силой, а может, даже в абсолютной степени самые прогрессивные тенденции нового футбола. И прогрессивными эти черты были вовсе не потому, что они были новыми, а потому, что они по-новому раскрывали принципы и содержание коллективной по своей природе игры.

Да, Федотов умел делать на поле все — он был универсальным форвардом, но тут у него имелось немало соперников. Уникален он был в другом, что и сделало его футболистом № 1, которому нет равного во всей истории нашего футбола. Разумеется, Федотов любил и умел забивать голы, но все же больше он любил игру, сам процесс коллективной игры. Он никогда не сердился на партнеров, если кто-нибудь из них, приняв вовремя отличную передачу, бил мимо ворот или мяч становился добычей вратаря. Он не кричал: «Мазила!», а, наоборот, старался успокоить товарища, чтобы следующий его удар достиг цели. Но он всегда расстраивался, когда партнер не понимал маневра, когда запаздывал с выходом на передачу или, напротив, сам не догадывался вовремя отдать мяч тому, кто находился в более выгодной позиции для взятия ворот. И Федотов не просто отдавал мяч, но знал, когда и как нужно отдать мяч Николаеву и когда и как Щербакову или Грину, а впоследствии Боброву или Демину. Он изучал до малейших подробностей возможности своих партнеров и в такой же мере старался изучить возможности каждого из своих соперников. Для большинства форвардов цель игры — забить гол. Для Федотова целью игры была сама игра, а гол — это только результат хорошей игры.

В 1938—1939 годах московский «Спартак» был вне конкуренции, в эти годы он был и чемпионом страны, и обладателем хрустального кубка, так что когда в сезоне сорокового года решался вопрос о поездке советской команды в Болгарию, то предпочтение отдали спартаковцам, которые пригласили с собой в поездку Григория Федотова и Алексея Грину.

6 августа 1940 года усиленный игроками других клубов «Спартак» вылетел в Софию, где должен был встретиться на местном стадионе «Юнак» с сильной командой «Славия» и сборной города. Игры проходили почти при сорокаградусной жаре.

В матче со «Славией» первый гол забил Виктор Се-

менов. «Вслед за тем, — вспоминал Федотов, — удалось и мне забить гол. С недалекого расстояния я послал мяч в ворота. Вратарь отбил. Но, как и всегда, я после удара продолжал продвигаться вперед, к воротам, на всякий случай, зная, что иногда бывает так, что вратарь не совсем уверенно принимает мяч, роняет его или неудачно отбивает. В поединке нападающего с вратарем это, между прочим, очень важный момент. Так случилось на этот раз. Вратарь, не сумев поймать мяч, отбил его, и мне нетрудно было добить мяч в ворота».

Вскоре был забит третий мяч, а еще через несколько минут при подаче углового удара Федотов, обманув защитку, забил четвертый гол в ворота болгарской команды. Во втором тайме Федотов забил еще один гол. Итог встречи 6 : 1.

Со сборной Софии спартаковцы сыграли еще сильнее и одержали победу со счетом 7 : 1, и снова отличился центральный форвард советской команды Григорий Федотов. Через полтора месяца болгары приехали в Москву, но реванш не состоялся. Во встречах с московскими командами «Динамо» и «Спартак» они потерпели поражение с одинаковым счетом — 4 : 0.

После поездки в Болгарию футбольный авторитет Федотова еще больше укрепился. В частности, народный комиссар обороны Маршал Советского Союза Тимошенко наградил лучшего нападающего страны именными золотыми часами, ему было присвоено звание заслуженного мастера спорта и воинское звание капитана, в команде его так и звали «дважды капитан». В 1940 году динамовцы отобрали у спартаковцев и чемпионское звание, и кубок, так что сезон сорок первого года обещал быть на редкость напряженным.

Наступила пора и армейцам наконец-то включиться в борьбу за чемпионское звание.

IV

22 июня сорок первого года должен был стать большим футбольным днем. Накануне московские спартаковцы выехали в Ленинград на матч со своими одноклубниками. Армейцы выехали в Киев, где им предстояло на новом республиканском стадионе выступить против местных динамовцев.

Приехав в Киев, армейцы остановились в гостинице «Континенталь». Основной состав разместился в комнатах по два-три человека, а группа молодых футболистов (человек восемь-девять) расположилась в большой комнате, среди них был и Иван Щербаков. Вечером всей командой отправились на концерт Рознера.

Рано утром слышались какие-то далекие глухие взрывы. Иван Щербаков то ли в шутку, то ли всерьез приставал к товарищам с одним и тем же вопросом: «Слушай, а ты к какой части приписан?» Неожиданно объявили воздушную тревогу. Все тогда жили в каком-то предгрозовом ощущении, но сейчас никому не хотелось верить, что это война. Продолжали еще говорить о предстоящей сегодня встрече с киевлянами, об открытии нового стадиона... Кто-то сказал: «Иван, а ты, чего доброго, еще накликаешь...» Вскоре было передано сообщение, что по радио выступит народный комиссар иностранных дел товарищ Молотов... Теперь сомнений не оставалось. **Война.**

И все-таки надеялись, что встреча с киевлянами состоится: ведь проданы билеты, подготовлен новый стадион, футболисты обоих клубов рвутся в спортивный бой... Руководители команды куда-то звонили, что-то узнавали, а футболисты мучились в ожидании. Наконец пришло официальное распоряжение — матч отменяется.

Не знали тогда многие «счастливые» обладатели билетов на воскресный матч «Динамо» (Киев) — ЦДКА, что им уже никогда не придется вновь оказаться на трибунах стадиона...

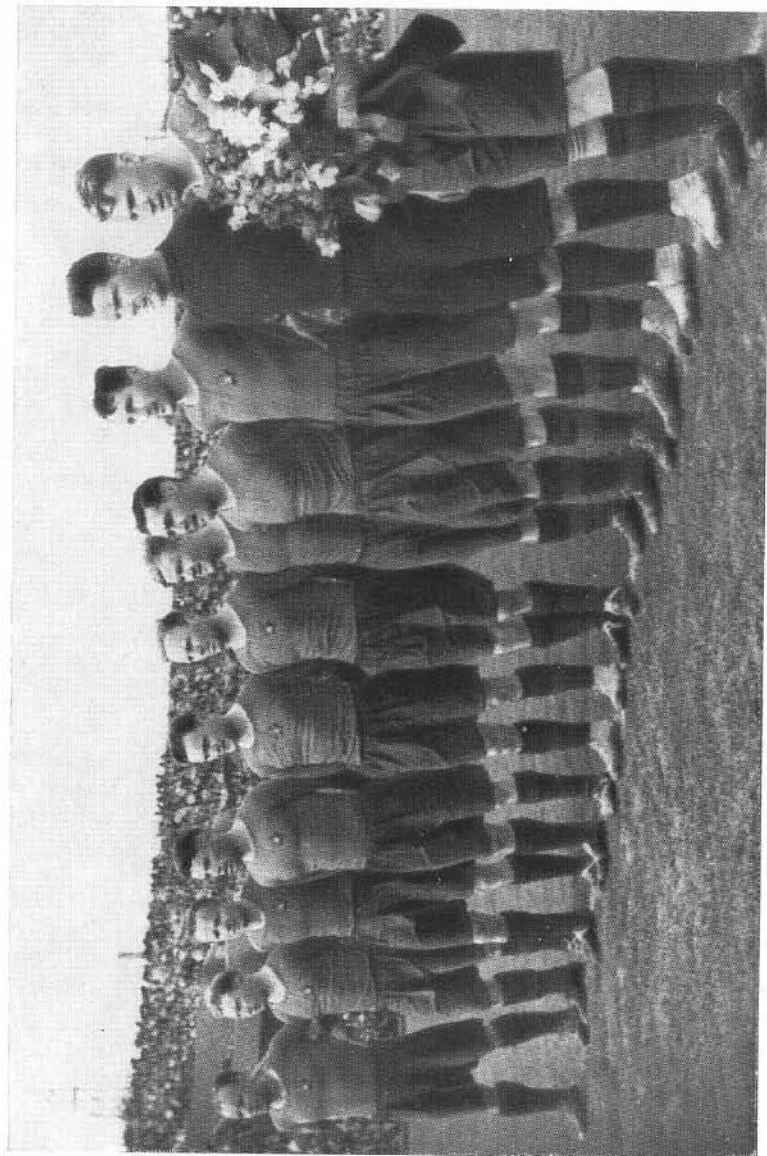
Не знали тогда многие футболисты киевского «Динамо», с кем им вскоре предстоит встретиться на зеленом поле стадиона и какими трагическими последствиями обернется для них этот матч...

Не знали тогда и армейские футболисты, что каждого из них ждет впереди...

На следующий день опять тревоги, глухие разрывы бомб, грек зенитных орудий, опять по крышам гремят осколки...

Да, как угодно представляли себе возвращение домой армейцы, но только не так: растянувшись длинной цепочкой, жмутся к стенам домов люди с небольшими чемоданчиками в руках — это они, армейские футболисты,

Команда ЦДКА. Капитан — Г. Федотов.

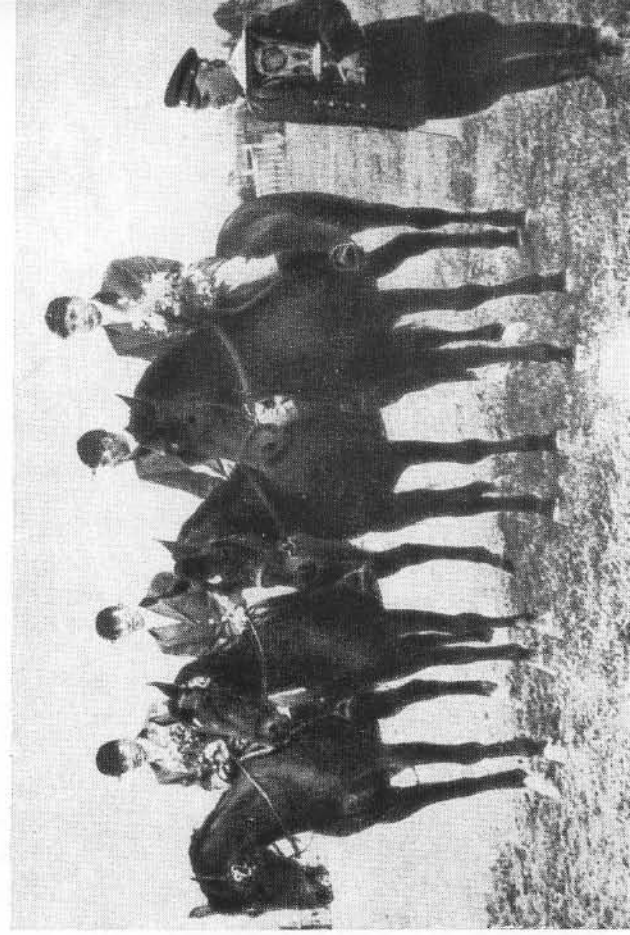
ЦДКА — «Шахтер»: Г. Федотов в атаке.

Г. Федотов.

Б. Лилов.

Команда конников ЦСКСА: слева направо — Б. Лилов, В. Фаворский, В. Располов, Э. Шабайло.

Б. Лилов на «Диаграмме».

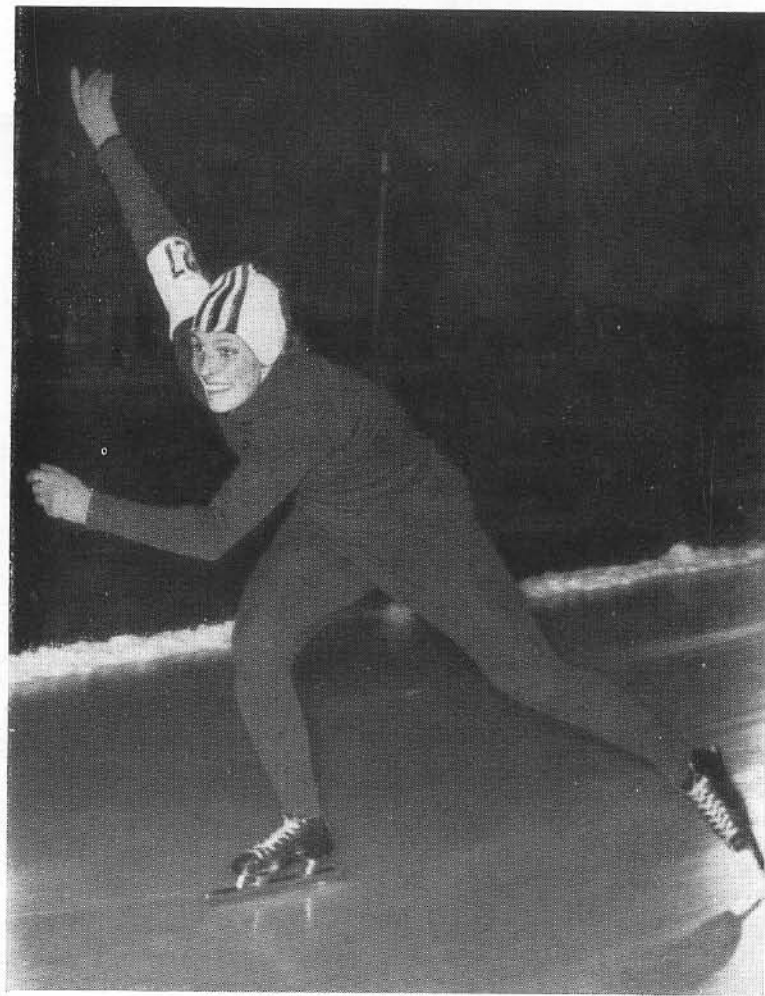
Б. Лилов после победы.

Б. Лилов.

И. Артамонова.

Знаменитый финишный рывок И. Артамоновой.

К. Е. Ворошилов вручает орден И. Артамоновой.

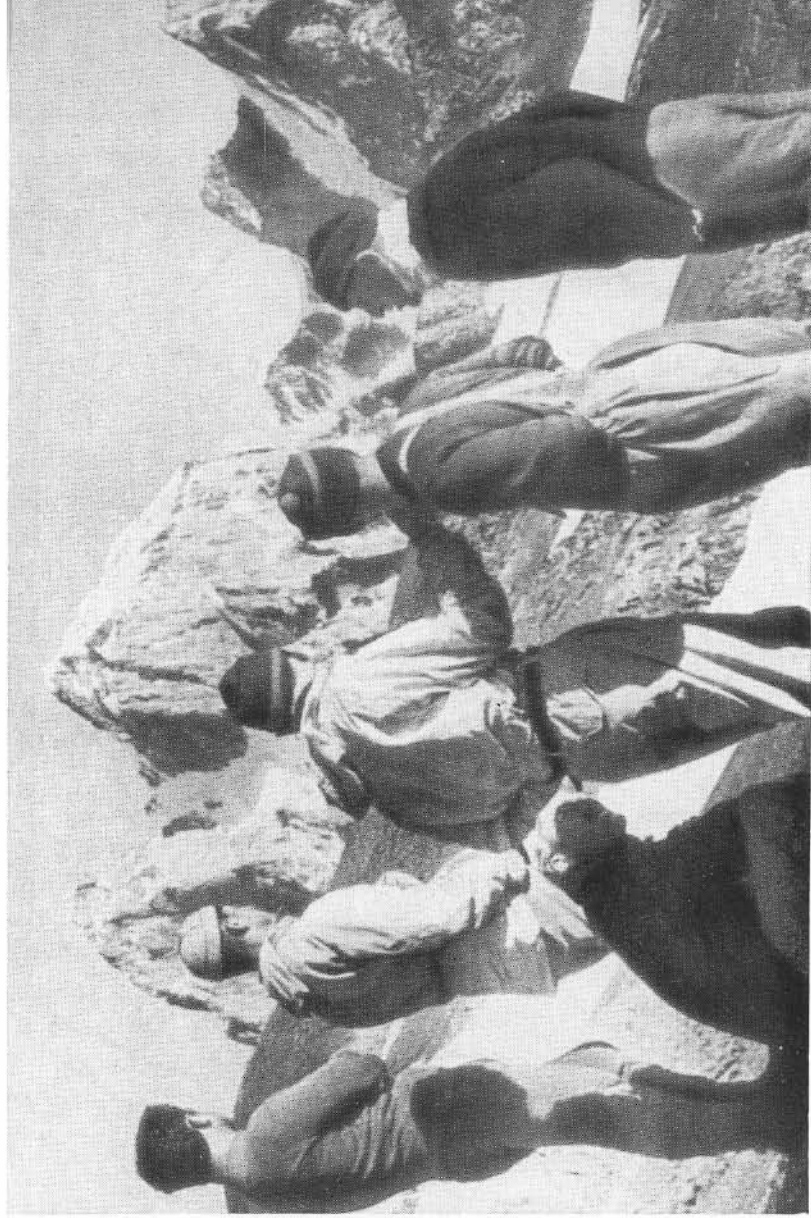
И. Артамонова
на дистанции.

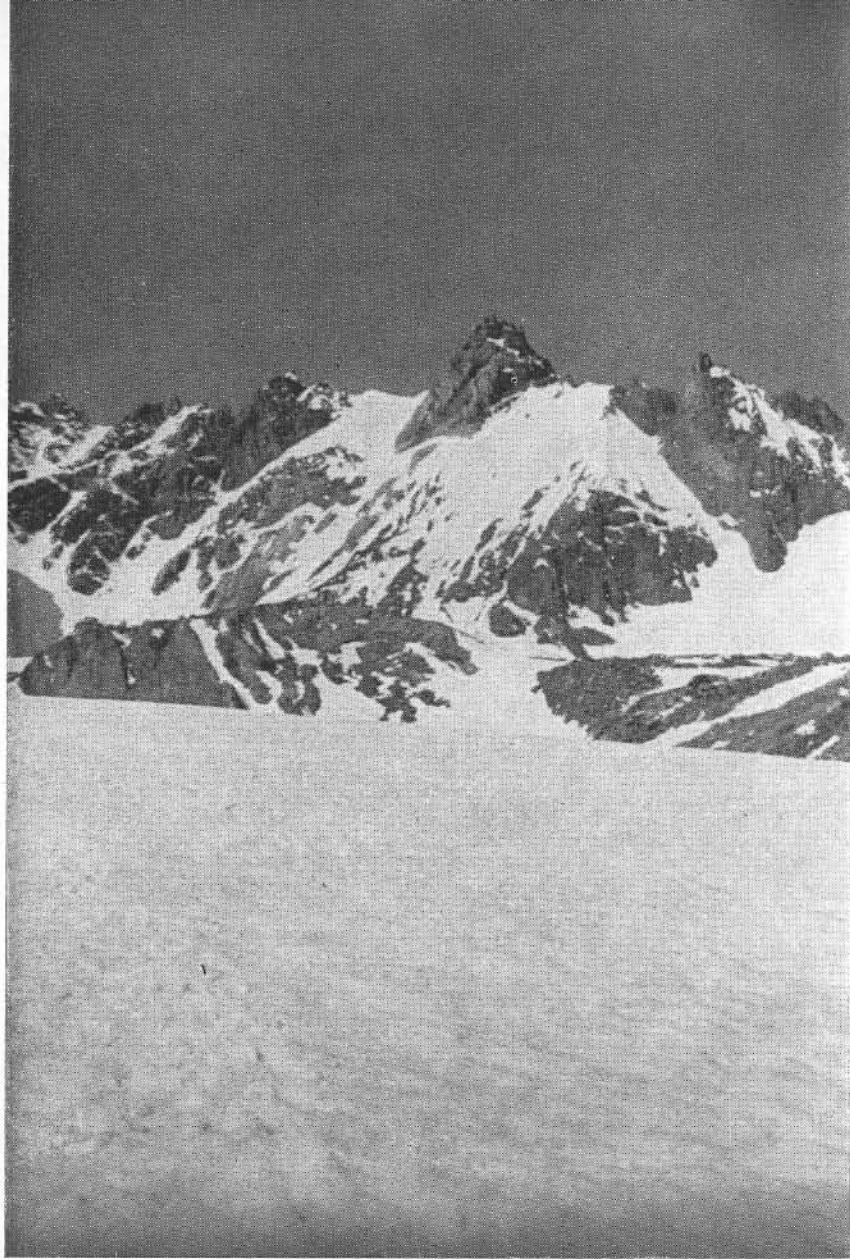
Л. Скобликова, И. Артамонова, В. Стенина
(слева направо).

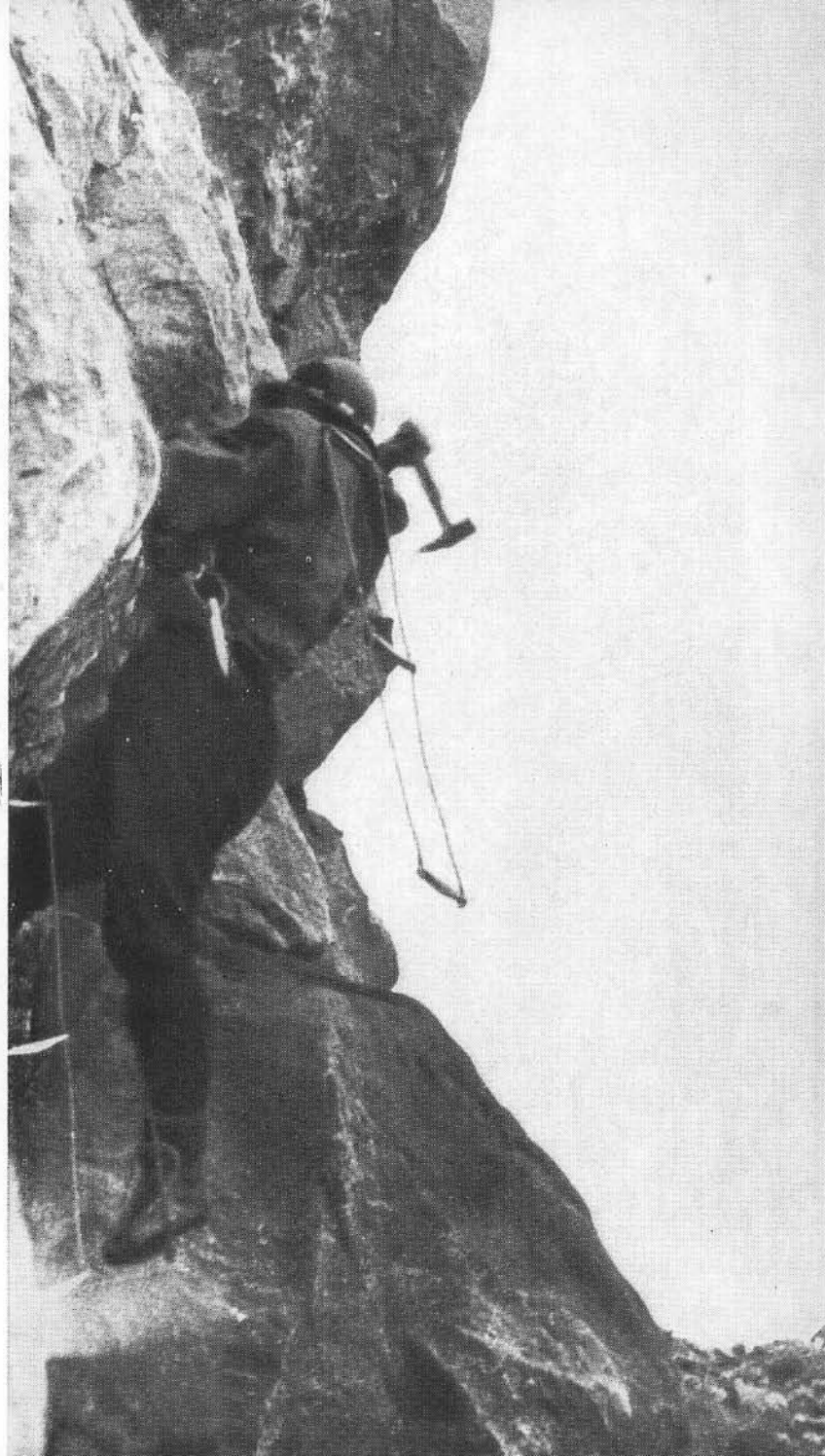
Сваны-альпинисты.
Справа — М. Хергиани.

Альпинисты перед Ушбой.

Пик Хергиани.

Стенной маршрут.

М. Хергиани.

покидают Киев, пробираясь на вокзал. Утром пришло распоряжение — срочно вернуться в Москву.

В Москве команду сразу же перевели на «военное положение». Жили на лыжной базе ЦДКА в Сокольниках. Началась усиленная военная подготовка... В те дни тысячи советских спортсменов ушли добровольцами в армию. Ни Федотов, ни его товарищи по команде сделать этого не могли, так как они уже были в рядах армии и подчинялись приказам. На рапорты по команде обычно следовал один и тот же ответ: «Ждите приказа».

Григорий Иванович тяжело переживал, что его, командира Красной Армии, не отпустили на фронт, да вряд ли и впоследствии отпустят. Он знал, что буквально через несколько месяцев после начала войны вышло какое-то распоряжение о том, чтобы по возможности беречь заслуженных мастеров спорта. У Федотова же был такой спортивный авторитет, что никто не отважился бы нарушить это распоряжение. В середине января сорок третьего года в семье Федотовых произошло важное событие — родился сын. Первенца назвали Владимиром.

Победы под Сталинградом и на Курской дуге уже обязывали думать и о будущем советского спорта.

В сорок третьем году начали проводиться различные футбольные состязания местного значения, а вот уже в сорок четвертом году было решено разыграть Кубок страны. Двадцать четыре команды различных городов Советского Союза приняли участие в борьбе за почетный приз.

Ленинградская команда «Зенит» на пути к финалу со счетом 3:0 победила столичных динамовцев, два дня преодолевала сопротивление команды «Динамо-2», а в полуфинале встретилась со «Спартаком». Первый день не выявил победителя: на последних минутах зенитовцы сквитали второй мяч, а в добавочное время результат не изменился. И только на второй день в добавочное время молодой ленинградский форвард Борис Чучелов забил победный гол.

Команда ЦДКА довольно легко дошла до полуфинала, обыграв с крупным счетом сталинградский «Трактор», московский «Локомотив» и ленинградское «Динамо», а в полуфинале встретилась с московскими торпедовцами. В тяжелом поединке армейцы со счетом 3:2 вырвали победу. Открыл счет торпедовец Александр По-

номарев. Григорий Федотов забил ответный гол. Потом Петр Щербатенко и Алексей Гринин делают счет 3:1. Но Пономарев тут же сокращает разрыв. Армейцам стоило большого труда удержать победу.

И вот 29 августа сорок четвертого года на московском стадионе «Динамо» в финале встретились ленинградский «Зенит» и команда ЦДКА. Счет в матче открыл своим излюбленным ударом почти с линии ворот армеец Алексей Гринин, но во втором тайме зенитовцы ответили двумя голами и впервые завоевали хрустальный кубок.

Москвичи горячо аплодировали команде города-героя, видя в победе «Зенита» какую-то высшую справедливость. Игры на кубок сорок четвертого года послужили как бы преддверием нового, послевоенного футбольного сезона, который и был открыт весной следующего, сорок пятого года.

▼

9 мая 1945 года весь советский народ отпраздновал свою победу в Великой Отечественной войне, а через четыре дня двенадцать футбольных коллективов страны вступили в борьбу за чемпионское звание.

Футбольный сезон 1945 года, впрочем, как и все последующие сезоны 40-х годов, был отмечен жестким соперничеством двух столичных клубов: ЦДКА и «Динамо» — бесспорных лидеров той поры. Другие клубы могли тогда только состязаться с ними лишь в отдельных матчах (и порой случалось, что отбирали у них драгоценные очки) или составить им конкуренцию на каком-то этапе, но реально претендовать на победу в первенстве могли лишь армейцы и динамовцы. Спортивный конфликт этих клубов и составил главное содержание чемпионатов 1945—1950 годов.

В десяти встречах первого круга оба коллектива набрали по 18 очков из 20, у армейцев соотношение мячей было 38:8, у динамовцев — 37:8. Теперь все решал поединок между ними, который состоялся 22 июля на стадионе «Динамо». Динамовцы в блестящем стиле выиграли у армейцев со счетом 4:1 и возглавили турнирную таблицу. Во втором круге армейцы взяли реванш, но потерянное ими очко в игре с «Зенитом» сделало динамовцев недосыгаемыми. Так московское «Дина-

мо» вновь стало чемпионом страны, а команда ЦДКА заняла в чемпионате второе место.

Но судьба свела эти коллективы еще раз, теперь уже в финальной встрече на кубок. 14 октября начался этот полный драматизма поединок. На 9-й минуте динамовский правый край Василий Трофимов, овладев мячом, проходит вперед и точно выдает мяч Сергею Соловьеву. Следует мощнейший удар, и мяч влетает в сетку ворот. Между прочим, в игре первого круга из четырех забитых динамовцами мячей три забил именно Сергей Соловьев. Атаки динамовцев следуют одна за другой. И только к концу первой половины игры армейцам удается перехватить инициативу. Всеволод Бобров сильно пробил по воротам. Алексей Хомич бросился под удар, но Валентин Николаев хладнокровно изменяет полет мяча. Гол! Со счетом 1:1 команды уходят на отдых.

Во втором тайме динамовцы были близки к цели, получив право на одиннадцатиметровый. Стадион притих. «Динамо» делает «дубль». Разбегается Леонид Соловьев... Удар. Штанга! Теперь инициатива снова у армейцев. И в конце тайма полузащитник Александр Виноградов сильным ударом посылает мяч в ворота Хомича.

Впервые на серебряной крышке кубка появилось название команды ЦДКА. Что ж, питомцы Аркадьева (Борис Андреевич Аркадьев принял армейский клуб в 1944 году накануне финальных игр на Кубок СССР) могли быть довольны результатами сезона: кубок и второе место в чемпионате. К тому же в грозной линии армейского нападения появился совсем еще молодой игрок — Всеволод Бобров, о котором заговорили не только поклонники ЦДКА. Капитан армейцев Григорий Федотов наконец-то был доволен: линия нападения, о которой он мечтал, создана. Теперь можно бороться с любым соперником.

1946 год был триумфальным для армейской команды. Имена Федотова и новой звезды отечественного футбола — Боброва не сходят с уст болельщиков и с полос спортивных изданий. Достаточно сказать, что в первом круге чемпионата армейцы потеряли всего лишь одно очко, забили 35 мячей и пропустили только 5. Вот несколько выдержек из газетных отчетов того времени:

«...Федотов тихим ударом в угол, метров с 4—5, забивает третий мяч.

Пять форвардов ЦДКА одинаково хорошо бьют с обеих ног, причем бьют часто, сильно, неожиданно». (ЦДКА — «Торпедо» — 4:0.)

«...Во втором тайме Бобров и Федотов на 7-й и 18-й минутах забивают по мячу». (ЦДКА — «Крылья Советов» Кб. — 4:1.)

«За семь минут до конца матча Демин обвел Москаленко и отдал мяч Федотову, который несильным ударом в нижний угол ворот сравнял счет». (ЦДКА — «Зенит» — 1:1.)

«22 гола забил футболисты ЦДКА за пять матчей. Это лучшая аттестация форвардов команды... Всмотримся в игру пятерки ЦДКА. Ощутительно видна роль Федотова. Как точны его передачи, как умно выбирает он место и время для атаки, выводя вперед своих партнеров, чаще всего Боброва и Николаева». (ЦДКА — «Динамо» Ленинград — 8:1.)

Во втором круге сезона сорок шестого года армейцы выступили несколько слабее, но запас прочности был достаточным, и они заняли в чемпионате первое место, оторвавшись на четыре очка от московских и тбилисских динамовцев, занявших соответственно второе и третье места. Радовало и то, что оба матча с московскими динамовцами армейцы выиграли (2:0 и 1:0).

Кубок в этот год завоевали спартаковцы, победив в финале тбилисских динамовцев со счетом 3:2.

VI

Итак, 1946 год принес впервые в истории нашего футбола чемпионское звание армейскому коллективу, и всем стало ясно, что команда ЦДКА не только располагает целой плеядой первоклассных игроков, но в ней создан интересный футбольный ансамбль. Однако новый сезон складывался для чемпионов неудачно, а вот их главные соперники — московские динамовцы — начали его очень сильно, достаточно сказать, что в первом круге из двенадцати матчей они выиграли десять и два свели вничью при отличном соотношении забитых и пропущенных мячей — 33:6 и солидно оторвались от армейцев, набравших на пять очков меньше при соотношении мячей 25:12.

Многим тогда казалось, что судьба первенства уже

решена — московские динамовцы вернут себе чемпионское звание, с этим не хотели смириться лишь сами армейские футболисты да их наставник Борис Андреевич Аркадьев, они считали, что в команде еще есть много неиспользованных резервов. Больше всего, пожалуй, смущал проигрыш самим динамовцам в первом круге. А соотношение мячей? Нет, никакие «если бы» тут не помогут. Первый круг проигран начисто. Из этого и нужно исходить...

И труднее всех было армейскому капитану. Слава принесла немало радостных минут Федотову. Но сколько она принесла переживаний! Федотов — Бобров!.. Федотов — Бобров!.. А разве Гринин, Николаев, Демин не высококлассные игроки? Ведь сколько раз бывало, что их с Бобровым так «держали», что шагу ступить нельзя было... А ступишь, как в прошлогодней игре с киевлянами, и на какое-то время «прощай, футбол!». Хорошо еще, если «на какое-то»... И сколько раз открывали счет то Николаев, то Демин, то Гринин, пока держали Федотова и Боброва? Нет, сила команды не только в Федотове или Боброве, а во всей пятерке, именно во всей пятерке: одних держат — другие играют, тех стали держать — эти играют. Так было в лучших матчах.

А быть первым, быть лучшим — это законное право любого спортсмена. Каждый понимает, что сыграть, как Федотов, мало. Не заметят. Значит, нужно сыграть лучше. И каждый старается... Это хорошо, что каждый старается, но ведь иногда старается не в ту сторону. Один в одну — другой в другую. И так бывало. Теперь так нельзя. Теперь только всей пятеркой.

Федотову вспоминается матч с московскими торпедовцами, когда он после долгого перерыва вышел на поле. Отлично тогда сыграл дебютант сезона Алексей Водягин: прорвался в штрафную площадку и своевременно откинул ему мяч назад. Стадион замер. Можно бить — гол почти неминуем. Но совсем рядом с воротами оказался Валентин Николаев — можно отдать и ему... Отдал. Удар Николаева. Гол! Акимов даже не шелохнулся. И сколько в последние годы отдано «своих» мячей — лишь бы ребята видели, что он играет не «на себя», не на свою славу.

И часто он «заражал» партнеров своей бескорыстной игрой — тогда матч приносил удовлетворение всем: и игрокам, и болельщикам. Но в сезоне сорок седьмого

года, когда каждый почувствовал себя чемпионом, так бывало далеко не всегда, а «заражать» партнеров стало труднее.

«Если не переломить сейчас в себе «чемпионское» настроение, то сезон будет проигран. И не только сезон. Уступим чемпионское звание динамовцам, и померкнет собственный прошлогодний успех: не столько станут говорить об успехе армейцев в первенстве 1946 года, сколько о срыве динамовцев в тот год: ведь динамовцы — четырехкратные чемпионы страны... Нет, отдавать динамовцам первенство нельзя» — так, вероятно, думали тогда многие игроки армейской команды.

Начался второй круг. Прошли три тура, а просвет в пять очков между динамовцами и армейцами не сократился. Но в следующем туре соперники встречались между собой. Для армейцев это был последний шанс. Проиграй они эту встречу, судьба первого места была бы практически решена. Учитывая тогдашние кондиции динамовской команды, не приходилось надеяться, что в оставшихся восьми встречах можно отработать «чужими ногами» семь-восемь очков.

14 августа команды встретились на поле. Сначала некоторое преимущество было на стороне динамовцев. Вот Константин Бесков сильно бьет низом, вратарь армейцев Владимир Никаноров отбивает мяч прямо на Василия Трофимова, и тот незамедлительно посылает его в угол ворот. Гол?! Очутившийся здесь защитник Константин Лясковский в последнее мгновение выносит мяч с линии ворот.

Григорий Федотов после об этом поединке вспоминал: «Состязание прошло в быстром темпе. К этой встрече обе команды хорошо знали друг друга. Думаю, что я не ошибусь, если скажу, что не было такого действия, которое не было бы заранее предусмотрено соответствующим контрдействием. Вся первая половина встречи прошла во взаимном неустанном маневрировании, в поисках хоть какой-нибудь возможности создать реальную угрозу воротам. Но тщетно! Со счетом 0:0 команды ушли на отдых».

То, что первый тайм прошел в основном «во взаимном неустанном маневрировании», понятно: слишком велик был риск. Впрочем, динамовцев вполне бы устроила и ничья — фора в пять очков оставляла их соперникам слишком мало надежд на будущее. А армейцев давил

психологический груз: с одной стороны, нужно во что бы то ни стало открыть счет, а с другой — не дать волю безрассудному азарту.

Идет восьмая минута второго тайма. Дебютант Шапошников подает угловой. Хомич проскакивает мимо мяча, и Бобров головой посылает мяч в ворота. Гол?! Нет. Мяч от верхней планки отскакивает... Набегает вездесущий Валентин Николаев и открывает счет — 1:0.

С таким результатом и закончился этот напряженный матч, многое решавший, но далеко еще не решивший исхода борьбы за золотые медали (с этого года победители первенства награждались золотыми медалями).

Но вот динамовцы не выдерживают. В игре с московской командой «Крылья Советов» 19 августа на собственном стадионе они теряют сразу два очка, проиграв матч со счетом 0:1.

На следующий день команда ЦДКА на стадионе «Сталинец» встретилась с командой ВВС и победила со счетом 2:0. Голы забили Демин и Бобров. Напряжение достигает наивысшего предела: теперь уж и динамовцам нельзя терять ни одного очка.

В первом круге одно из двух потерянных очков отобрали у динамовцев куйбышевские «Крылышки» точно так же, как и московские. Во втором круге москвичи отобрали у динамовцев сразу два очка, не захотели от них отставать и куйбышевские одноклубники. Матч в Куйбышеве закончился со счетом 1:0 в пользу «Крыльев Советов». «Динамо» потеряло еще два очка.

И тут начинается настоящая гонка: победа одной команды непременно чередуется с победой другой. ЦДКА одерживает ряд просто блистательных побед и заметно улучшает соотношение забитых и пропущенных мячей. Словно осуществляется мечта Федотова, как и в прошлом году, играет вся пятерка. И как играет! После матча с динамовцами Ленинграда обозреватель писал: «Уже на первых двух минутах второго тайма счет вырос до 4:0. В конце концов победа москвичей определилась в 7:0. Вся пятерка забила по мячу, а Бобров добавил к своему балансу сразу три гола».

С ленинградским «Зенитом» Бобров не играл. Естественно, «держали» Федотова, а он умело «уводил» своих опекунов, давая оперативный простор своим партнерам.

В результате 8 : 1. Три мяча забил двадцатидвухлетний Михаил Дидевич, по два — Николаев и Демин, один мяч забил Соловьев.

В следующем матче со «Спартаком» (30 сентября) армейцы одержали победу. Единственный гол забил Бобров: 5 октября динамовцы в последнем своем поединке с трудом одолели во втором тайме сталинградский «Трактор» — 2 : 0. Динамовцы набрали 40 очков при соотношении мячей 57 : 15. У армейцев в активе было 37 очков при соотношении мячей 54 : 14, но им оставалось провести еще две встречи: в Тбилиси с «Динамо» и в Сталинграде с «Трактором». В случае победы в обоих матчах они становились чемпионами. В конце концов их бы устроила и нулевая ничья в Тбилиси, и победа с минимальным, но сухим счетом в Сталинграде.

Армейцы покидали поле тбилисского стадиона понурыми — 2 : 2.

Ничья... Какая там ничья? Самое настоящее поражение. Сыграй армейцы «по нулям», тогда бы ничья, тогда у «Трактора» достаточно было бы выиграть и 1 : 0. А что же теперь? Теперь нужно выигрывать со счетом... 5 : 0. Да, 5 : 0! Забить Ермасову, как по заказу, пять мячей? Нет, это невозможно...

И наверное, каждый тогда мучительно думал: 5 : 0, 5 : 0... А Федотову вспомнилось начало второго круга, когда он сказал: «Динамо» за первый круг потеряли два очка, мы во втором должны потерять меньше». За одиннадцать встреч потеряно только одно очко, если выиграть у «Трактора», то — одно очко за весь круг. Но это теперь не утешало — потеряно чемпионское звание. За десять игр пропустить один мяч, а в одиннадцатой сразу пропустили два.

Итак, вопрос о чемпионском звании решали теперь десятки или даже сотни долей — в то время еще не действовало правило, что в случае если команды, претендующие на первое место, набирают равное количество очков, то между ними назначается переигровка. У динамовцев соотношение мячей 57 : 15, то есть коэффициент 3,8, а у армейцев перед последним матчем соотношение мячей 56 : 16 и соответственно коэффициент 3,5. Для того чтобы армейцы вышли вперед, им надо выиграть у «Трактора» со счетом 5 : 0. Если же армейцы в этой игре пропустят хотя бы один гол, то им уже для победы в чемпионате потребуется удваивать число забитых мячей...

И вот настал день 12 октября 1947 года. Погода, в отличие от той, что была в день матча сталинградцев с московскими динамовцами, когда дул сильный ветер и шел дождь, выдалась самой футбольной — теплой и сухой. Местный небольшой стадион был набит до отказа — еще бы, ведь решалась судьба первенства.

Сталинградцы, естественно, понимали, к чему будут стремиться именитые гости (тут секретов ни для кого не существовало), поэтому в первую очередь они хорошо организовали свою оборону. Выиграть хозяева поля, разумеется, не надеялись. Ничья тоже для них выглядела весьма проблематичной, но вот не пропустить в свои ворота пять сухих мячей на родном поле — это уже реально.

Звучит свисток судьи Николая Латышева. Первые удары по мячу — и армейцы сразу же бросаются в яростную атаку. Уже на четвертой минуте штанга отражает пушечный удар Боброва. Ермасов все время в действии. Истекают десять минут, а настойчивые атаки москвичей остаются безрезультатными. Одиннадцатая, двенадцатая минуты матча... Атака следует за атакой. Идет тринадцатая минута. Валентин Николаев в центре поля получает мяч и быстро по своей зоне продвигается к воротам «Трактора». По флангу мчится Гринин. На ударные позиции выходят Бобров и Федотов. К ним устремляются «опекуны». Николаев издали сильно бьет по воротам. Гол! 1 : 0. Начало положено. Но это только начало.

Двадцать восьмая минута. Гринин прорывается по своему краю и навешивает мяч в штрафную площадку. Федотов принимает мяч головой, его партнеры в выгодном положении, но он вдруг совершенно неожиданно, в том числе и для вратаря Ермасова, «срезает» его в угол ворот. Гол! 2 : 0.

2 : 0 к середине первого тайма — это уже неплохо, и в сердцах армейских болельщиков затеплилась надежда, а в сердцах динамовцев и их приверженцев — беспокойство: кажется, у ЦДКА игра пошла, а если у них игра пошла, то счет 5 : 0 уже не фантастика. И опять атаки армейцев следуют одна за другой. Вот мяч у Всеволода Боброва. Удар. Гол! Нет, что это? Судья показывает на угол штрафной площадки, определяя положение «вне игры».

Этот матч предельно напряженным был не только для футболистов, но в неменьшей мере и для судьи. Николай Латышев прекрасно понимал, что засчитай он любой «сомнительный» гол, и его репутация навсегда будет запятана. И начнут говорить не только, что он армейцам «сделал» игру, но и что он «сделал» им золотые медали чемпионов. Ведь неделей раньше московский судья Широков не решился при нулевом счете назначить пенальти в ворота московских динамовцев, после чего «Трактор» проиграл. И сколько было тогда ненужных разговоров.

Как и всегда бывает в таких случаях, инициатива переходит к тем, кто только что избежал опасности. Сталинградцы рвутся на армейскую половину и начинают с разных дистанций обстреливать ворота Никанорова. Но вот звучит свисток арбитра — перерыв, а цифры 2 : 0 так и застыли на башнях. Теперь с облегчением вздыхают динамовские поклонники, а армейские напряженно молчат в ожидании дальнейших событий.

«...В раздевалке скупые, короткие разговоры. Очень спокойно, вполголоса тренер делает замечания.

— По-моему, все идет хорошо, — говорит он.

Мы понимаем и этот тон, и это «хорошо». Благодарны старшему товарищу за его спокойствие, хотя каждый видит, как сильно взволнован этот, всегда исключительно выдержанный человек.

— Ничего, Борис Андреевич, — как будто между прочим говорит Гринин. — Еще сорок пять минут игры!..»

Картина второго тайма во многом напоминает картину первого тайма. Армейцы атакуют, игроки «Трактора» разрушают одну атаку за другой. Остается всего полчаса, а счет по-прежнему 2 : 0. Идет шестьдесят пятая минута, сталинградцы выбивают мяч на угловой. Демин навешивает мяч на штрафную площадку, и вдруг Валентин Николаев неожиданно принимает мяч головой и переводит его в сторону ворот. Гол! 3 : 0. Проходят пять минут, и Всеволод Бобров совершает свой знаменитый рейд, обходит защитников Бадина и Григорьева и неотразимо бьет по воротам. Гол! 4 : 0. До цели остается один шаг, но он может оказаться самым трудным. Вот что пишет Федотов о последнем голе:

«Теперь вперед, стремительно, смело. Мяч передают мне, бегу на край, увлекая за собой центрального защитника. Уверен, Гринин правильно меня поймет. Так и есть. Он мгновенно делает рывок с края в центр, к штрафной

площадке. Надо немного «поводить» за собой моего «опекуна», чтобы Гринин успел оказаться на месте. Очень важно уметь сочетать в игре передачу мяча в одно касание с обводкой. Это бывает нужно для того, чтобы дать своим партнерам возможность переместиться, занять удобную позицию.

Место Гринина на краю занимает Николаев, делаю вид, что хочу послать мяч ему. Мой «опекун» поверил, метнулся перехватить мяч.

Быстро направляю мяч Гринину. Все это решается в какие-то доли секунды.

Гринин свободен. Бьет! Даже, помню, присел я немного. Рукой какое-то движение сделал. Уж очень хотелось, чтобы мяч оказался в воротах.

5 : 0!

И наступило самое страшное. Задуманное выполнено. Невозможное, невероятное стало действительностью — пять сухих мячей. Но стойло в оставшееся время пропустить хотя бы один случайный мяч, как все шло насмарку, все усилия, все напряжение команды, надежды тренера... Такого не случилось. Финальный свисток арбитра Николая Латышева возвестил о том, что команда ЦДКА вновь, во второй раз подряд, завоевала звание чемпиона страны и золотые медали.

VIII

У тех, кто видел Федотова с трибун, могло сложиться мнение, будто капитан армейцев отличается необыкновенной смелостью и решительностью, его игра, дерзкая по замыслу и исполнению, не оставляла на этот счет места для сомнений. Но вот те, кто знал его поближе, по существу, видели двух Федотовых: одного — дерзкого и решительного — на поле, другого — очень скромного и даже застенчивого — в быту.

Да, он боялся, например, простуд, потому что простуда — это значит не выйдешь на поле, а пропустить игру или даже тренировку для Григория Ивановича было настоящим несчастьем. Но больше, чем простуд, он боялся врачей, боялся всяческих осмотров и обследований, потому что, если никто не заметит, можно выйти на игру и когда побаливает горло: воля и мастерство помогут преодолеть недомогание. Но ты становишься совершенно беспо-

мощным, если врачи что-нибудь обнаружат — тут уж ничто на свете не поможет. Если ты даже закричишь: «Я — Федотов», тебе ответят: «Тем более. Федотова нужно беречь». Он мужественно перенес несколько операций (на футбольных полях он встречался не с врачами, и там далеко не все были убеждены, что Федотова нужно беречь), чтобы опять выходить на зеленый ковер футбольного поля. Ради этих минут он жил и поэтому боялся простуд и врачей.

Когда Федотов перестал играть, он вроде бы мало изменился — привычки нас не так уж быстро отпускают. В конце пятидесят седьмого года Москву, кажется, впервые посетила эпидемия вирусного гриппа. Жена и дети лежали с высокой температурой, а Григорий Иванович, только что вернувшийся из-за границы, принял на себя все заботы о домочадцах. Он перестал бояться заболеваний и, как показало время, напрасно это сделал.

Да, Григорий Иванович боялся пропустить матч или тренировку. Когда заканчивался какой-нибудь матч, федотовская игра продолжалась, и на следующий матч он не просто выходил играть, он как бы вызревал к нему, именно к этому матчу, вот почему Федотов так болезненно отнесся к пропускам игр, к которым готовился.

Однажды в Очамчире армейцы встретились с командой невысокого класса. Против Федотова играл довольно средний, но очень быстрый молодой защитник. Федотов несколько раз обошел его при помощи разных финтов, но вот на скорости обойти защитника ему не удавалось.

Мяч где-то в центре поля. Федотов на месте левого края. «Опекун», естественно, рядом. Николаев проходит по зоне центрального нападающего. Григорий Иванович расслабился, даже присел. Николаев неожиданно бьет на выход Федотову, тот мгновенно срывается с места (защитник оказался позади) и, войдя в штрафную площадку, сильным ударом забивает гол.

Защитник потом рассказывал: «Я думал, Григорий Иванович пренебрег мной. Я даже обиделся. А он, оказывается, таким образом принял «низкий старт» и за счет этого, увеличив «стартовую скорость», обошел меня».

Конечно, такой прием нельзя было вводить в широкий обиход. Но Григорий Иванович готовил и «разовые» приемы. Видимо, здесь, на тренировочных сборах, он уже «прокручивал» в голове какой-то будущий матч, в котором ему предстояло встретиться с защитником, превосходя-

щим его в скорости. Другой, зная, что он может любого защитника обойти на финтах, успокоился бы, а Федотов — нет. Возможно, он готовил этот прием против какого-то конкретного защитника, а возможно, просто впрок пополнял свой и без того богатый арсенал.

Федотова очень рано в команде стали называть «Григорием Ивановичем», хотя он никогда не важничал, не чинился. (С приходом Бориса Андреевича Аркадьева вообще многие игроки, следуя правилу старшего тренера, стали звать друг друга по имени и отчеству.) Высокая взыскательность к себе, умение любое правило возвести во всеобщий для коллектива закон позволяли самому Григорию Ивановичу требовательно относиться к товарищам по команде, создали ему прочный авторитет.

Сезон 1948 года армейские футболисты начали, преисполненные веры в собственные силы. В команде не только не оказалось слабых мест, но был и очень сильный резерв, многие игроки которого почти не уступали ведущим игрокам основного состава. Создав такой ансамбль, Борис Андреевич Аркадьев в сезоне сорок восьмого года мог рассчитывать на повторение прошлогоднего успеха, хотя прекрасно понимал, что теперь динамовцы окажут еще большее сопротивление, ибо двухлетнее чемпионство армейцев в некотором роде поставило под удар спортивный престиж динамовцев.

Однако и новый сезон начался, как и предшествующие, со слабого старта, даже еще более слабого. Достаточно сказать, что армейцы в первом круге проиграли три встречи и три свели вничью, пропустив вперед себя не только московских динамовцев, но и спартаковцев, а также динамовцев Тбилиси и Ленинграда. Правда, выход в число лидеров сразу нескольких команд имел и свое положительное значение, так как за первое место предстояла острая борьба не двум командам, а сразу пяти.

Так оно и случилось. Второй круг проходил в острейшей борьбе. Очень важна была победа армейцев над тбилисскими динамовцами (три гола из четырех провел Григорий Федотов).

Перед последним туром положение лидеров стало таково: «Динамо» (Москва) — 40 очков, ЦДКА — 39 очков, «Спартак» — 35 очков.

Итак, независимо от игр последнего тура «Спартак» завоевал бронзовые медали, а вот судьба первого места была неизвестна, и репалась она теперь в очном поедин-

ке динамовцев и армейцев. Матч этот состоялся 24 сентября и вошел в историю футбола как один из самых драматических.

Когда дверь раздевалки открылась и команду пригласили на поле, Борис Андреевич Аркадьев сказал игрокам: «Ну, друзья, не для того же вы выиграли одиннадцать встреч, чтобы в двенадцатой проиграть все».

Армейцы выиграли этот труднейший матч и в третий раз подряд стали чемпионами. Такого в нашем футболе еще не было, а ровно через месяц, 24 октября, они встретились в финальном матче на кубок со спартаковцами и одержали убедительную победу — 3 : 0. Итак, армейцы в сезоне сорок восьмого года не только в третий раз подряд стали чемпионами, но еще завоевали кубок, сделав так называемый «золотой дубль».

IX

1949 год не был для армейцев удачным: после трех блистательных сезонов и особенно последнего, когда был сделан «дубль», в их игре наступил спад. Наконец-то они пропустили вперед динамовцев, уступив им чемпионское звание и золотые медали. Но и это еще не все. Во-первых, динамовцы, заняв первое место, оторвались от армейцев на шесть очков и при одинаковом количестве пропущенных мячей забили на 18 больше, поставив своеобразный рекорд — 104 мяча за сезон. Во-вторых, в розыгрыше кубка армейцы еще в полуфинале потерпели поражение от московских торпедовцев (1 : 2).

Естественно, после «дубля» получить только серебряные медали — не очень много. Больше всех неудачу переживал Григорий Иванович Федотов, но он понимал: армейскую команду «хоронить» рано, а спад в игре носит временный характер; больше того, он видел, что динамовцы на свою победу израсходовали слишком много сил. Он верил, что скоро к армейцам придут новые успехи, но это, возможно, уже будет без него. Да, Григорий Иванович, ты свое, кажется, отыграл...

Тридцать три года для футболиста возраст солидный, особенно для форварда. Но не возраст заставляет его покидать зеленое поле, он бы еще поиграл, и как поиграл... Нет, недаром он всю жизнь боялся врачей, где-то в глубине чувствуя, что придет час, когда врачи разведут ру-

ками и скажут: «А что поделаешь, Григорий Иванович?..» И самое печальное, что ничего не поделаешь: слава твоего клуба и твоя личная слава оплачены твоим здоровьем. Нет, конечно, он благодарен врачам, это они подарили ему несколько лет жизни в футболе...

К новой своей должности — второго тренера — Григорию Ивановичу привыкать было не нужно: все последние годы он и так помогал Борису Андреевичу Аркадьеву, но теперь ведь ему, Федотову, не придется больше играть... И вот последнее обстоятельство долго, а скорее всего до последних дней мучило его.

Роль второго тренера в команде незаметна: в случае успеха все лавры достаются старшему тренеру, а в различного рода отчетах фамилия второго тренера упоминается только в исключительных случаях. В то время еще не практиковались торжественные проводы футболистов, хотя, конечно, многие болельщики знали, что уже не увидят своего любимца на зеленом поле, но и многие еще надеялись, что у Федотова очередная травма и вот-вот он снова появится в составе армейской команды... Никак не хотелось верить, что Федотов перестал играть в футбол.

Собственно говоря, началом пятидесятых годов завершился спор армейцев с динамовцами, закончившийся убедительной победой армейцев. Они четыре раза становились чемпионами, трижды выигрывали кубок, дважды делали «золотой дубль» и дважды завоевывали серебряные медали. Динамовцы в этот период только дважды были чемпионами и четыре раза серебряными призерами. Однако заслуги динамовцев были значительно большими, нежели их формальные достижения.

Ровно через двадцать лет после знаменитого турне динамовцев в Англию футбольный обозреватель «Дейли экспресс» Дерик Ходсон напишет: «Имя московского «Динамо» стало магическим с тех пор, как в мрачные и холодные дни 45-го года русские футболисты впервые посетили Британию. В то время все русские рассматривались как «сверхлюди», и мы видели, как блеск этой славы отражается на футболках... В течение многих лет после этого «Динамо» было единственным иностранным клубом, известным среднему английскому болельщику». А двумя годами раньше Роланд Аллен в журнале «Футбол Манфли» признавался, что «в коллективности игры, в предвидении, в контроле за мячом, комбинацион-

ном даре, масштабности и результативности московское «Динамо» намного превосходит все иностранные команды на любом уровне, когда-либо посещавшие Великобританию».

Блестящая победа динамовцев в Англии, а позднее победы над шведскими, венгерскими, норвежскими командами и командами других стран поставили московское «Динамо» в ряд сильнейших клубов Европы.

Не будь в тот период у команды ЦДКА такого конкурента, как московское «Динамо», вероятно, показатели у армейцев могли бы оказаться и выше, но вот уровень их игры был бы, безусловно, ниже. Два эти коллектива и определили уровень советского футбола послевоенной поры. И самой значительной фигурой в футболе того времени был Григорий Федотов.

Безусловно, в послевоенные годы Федотов при его футбольном авторитете мог бы забить намного больше мячей, чем он забил на самом деле, стоило ему только пожелать брать игру «на себя». Но к счастью для своей команды и всего нашего футбола, он этого не пожелал. Конечно, тут имело место и счастливое стечение обстоятельств, хотя, вероятно, в этом можно усмотреть и определенную закономерность, если в одной команде встретились два таких человека, как Борис Андреевич Аркадьев и Григорий Иванович Федотов, первый в качестве старшего тренера, а второй в качестве ведущего игрока.

Бесспорно, Всеволод Бобров был уникальным игроком, и, вполне возможно, попади он в любую другую команду, со временем о нем все равно бы заговорили. Но так быстро раскрыть свои способности Бобров мог только в команде Федотова. В матчах на первенство страны Бобров дебютировал в сорок пятом году и добился выдающегося результата — 25 забитых мячей за один сезон. Этот результат является рекордом армейского клуба и по сей день, хотя в том чемпионате участвовали только двенадцать команд.

Когда на поле появлялись армейцы, то соперники основное внимание уделяли, естественно, Федотову, затем уж Николаеву и Грину. На этом и строил свою игру Федотов, он старался побольше привлечь внимания к себе, а на самом деле постоянно старался вывести на завершающий удар Боброва. И Бобров бил.

Роль Федотова в команде никогда не исчерпывалась количеством забитых им голов и организацией игры на поле. Его присутствие в команде было самым сильным стимулятором для повышения индивидуального мастерства. На него, естественно, равнялась и молодежь. Интересно, почти большинство дебютов в армейской команде было успешным: ведь каждый знал, чтобы играть рядом с Федотовым, нужно играть приблизительно как Федотов. Между прочим, даже защитник Анатолий Башапкин говорил, что он по-настоящему научился играть в футбол у Федотова. Присутствие в команде Федотова спасало игроков и от такой «спортивной болезни», как зазнайство, хотя, возможно, в то время далеко не все поняли этого скромнейшего человека до конца.

Трибуны шумят, трибуны ликуют, трибуны неистовствуют... А по гаревой дорожке совершают традиционный и такой для них привычный круг почета армейские футболисты — чемпионы страны 1951 года. Впереди команды идет знаменосец, по одну сторону печатает шаг старший тренер Борис Андреевич Аркадьев, по другую — тренер Григорий Иванович Федотов. Итак, еще один сезон позади. Сопrotивление динамовцев преодолено — они заняли только пятое место. Начинается какой-то новый период в нашем футболе... Не знали тогда ни Аркадьев, ни Федотов, ни многие игроки команды, что больше им никогда не придется вот так совершать круг почета, а новый период в футболе начнется уже без них.

Окончен решающий матч чемпионата, но армейцам еще предстояла борьба за кубок. Финал получился отменным спортивным зрелищем. Команда ЦДСА (с сезона 1951 года Центральный Дом Красной Армии стал называться Центральным Домом Советской Армии) встречалась с командой города Калинина — это была сенсация: коллектив класса «Б» выступает в финале Кубка страны. Матч оказался упорным, и при счете 2:1 калининцам удается забить еще один ответный гол. Ничья? Нет, судья определил положение «вне игры». Калининцы опротестовали решение судьи. Армейцы поддержали протест соперников, и была назначена переигровка. Во втором матче счет открыли калининцы. Армейцы (Вячеслав Соловьев) с трудом сквитали счет, а незадолго до конца второго тайма Грinin с подачи молодого игрока Родина забивает решающий гол. Итак, опять «золотой дубль».

Сезон 1952 года начался с подготовки к Олимпийским играм в Хельсинки. За основу взяли команду ЦДСА. В конце концов был определен состав, и тренеры увезли сборную в Финляндию. Как известно, в повторном матче наша сборная проиграла югославам. «Кому отвечать?» Началась «игра в одно касание», в результате проиграла команда ЦДСА, и весь наш футбол — славный коллектив был распущен. Это решение окончательно подвело итоговую черту под эпохой послевоенного футбола.

Много горьких дней пережил Григорий Федотов — его команды больше нет, навсегда разрушены те традиции, рождению и укреплению которых он отдал всю свою жизнь. Нет рядом и старшего друга — Бориса Андреевича Аркадьева. Многие нет рядом...

Потом армейский коллектив начали восстанавливать. Но созидать гораздо труднее, чем разрушать. Под разными наименованиями выступала команда и лишь в 1955 году завоевала бронзовые медали и кубок. В 1956 году только бронзовые медали (кубок в тот год не разыгрывался). В 1957 году уже ничего. Неудачная поездка в Англию. В то время старшим тренером был Григорий Пинаичев, начальником команды — Всеволод Бобров, тренером — Григорий Федотов.

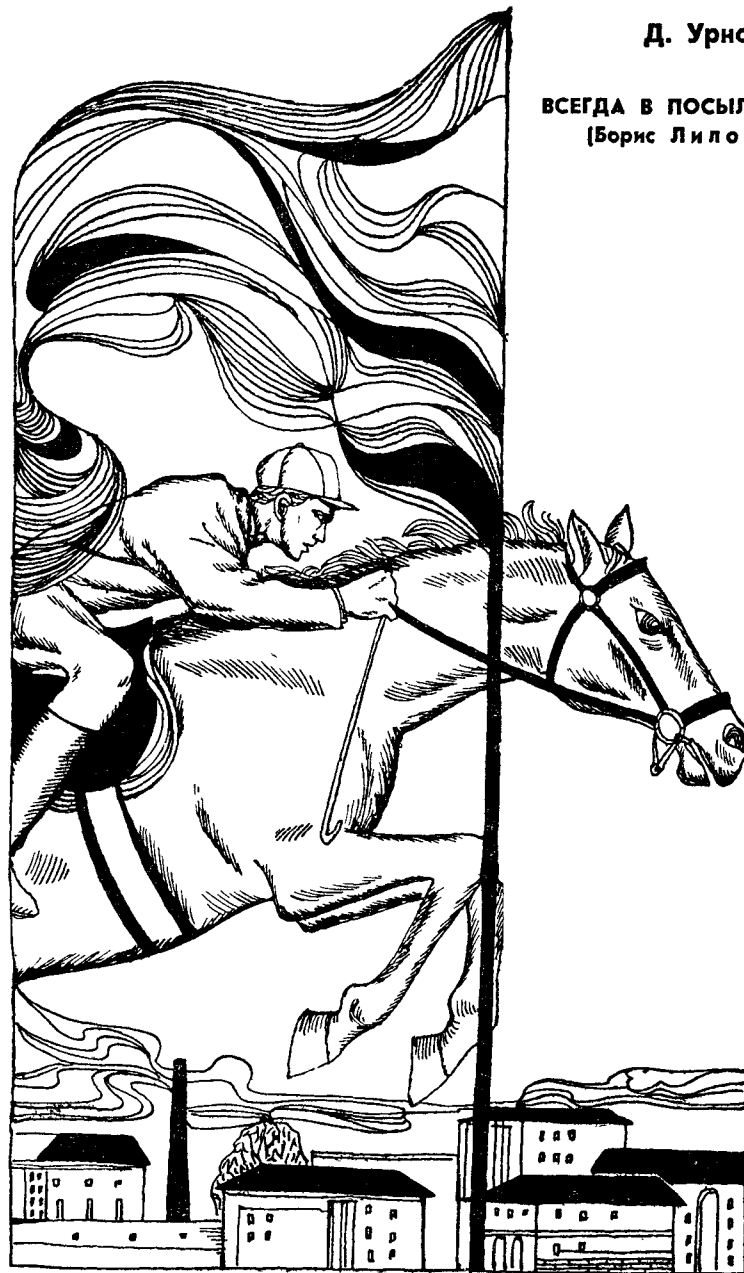
Пинаичев и Бобров выехали с командой в ГДР, а Григорий Иванович отправился в Тбилиси, где доигрывались пропущенные матчи. В Тбилиси Федотов заболел (видимо, он заразился вирусным гриппом еще в Москве).

Возвращался в Москву Федотов со спартаковцами. В следующем году он решил демобилизоваться и пойти работать в «Спартак», но связать свою судьбу с этим коллективом ему так и не удалось. Через несколько дней, 8 декабря 1957 года, Григория Ивановича не стало. Но легенда о нем осталась жить.

Позже Николай Петрович Старостин скажет нам: «Много видоизменил в советском футболе Григорий Федотов, Ни один тренер никогда так не двигал вперед класс нашего футбола, как этот рабочий парень из подмосковного текстильного городка». И это справедливо.

Д. Урнов

ВСЕГДА В ПОСЫЛЕ
(Борис Лилев)

В чем, собственно, заключается искусство верховой езды? У футболистов, известно, один лучше другого бьет по мячу. Бегун или боксер — тоже понятно. А чем может быть особенно замечателен человек, сидящий на лошади? «Несется конь быстрее лани», — а человек что?

И это вовсе не вопросы профана.

Едва ли футболист, потерпев поражение, станет оправдываться, что ему бутсы были не по ноге. Но конник, бывалый конник, может сказать: «Вместо лошади не поскачешь». Или: «Младенца посади, и этот конь его первым к финишу привезет».

Слышите? «Конь привезет» — что же тогда остается на долю человека?

Ведь и звезда Бориса Лилова (1923—1969) стала клониться к закату одновременно с тем, как сошла со спортивной арены его гнедая Диаграмма. Многие так и судили: «Диаграммы нет — нет и Бориса...»

— Так что же, много значит лошадь для всадника?

Самого Бориса Михайловича уже нет, чтобы сказать, большую ли роль в его спортивной судьбе сыграла Диаграмма или Мальта, но друг его и соконюшенник Андрей Фаворский начинает ответ на такой вопрос с глубокого вздоха.

Говорит:

— Виноват...

— Кто? Перед кем виноват?

— Перед жеребцом своим я виноват.

Жеребца зовут Маневр, и исполнилось ему двадцать лет. Лошадиный век течет в четыре раза быстрее человеческого, стало быть, в свои лошадиные двадцать по-человечьи Маневр — восьмидесятилетний старик. Перевели его из класса олимпийского в группу учебную, и вместо всадников высшего класса носит он на своей спине новичков.

— И ни разу, ни разу, — вздыхает мастер, — не навел я его... Идем!

И мастер, предложив идти на конюшню, как бы ведет

в историю нашего конного спорта. Это видно по кличкам, по датам и титулам. Имена на табличках говорят сами за себя. Компания, собравшаяся в первом конюшенном отделении, так блистательна, что глазам не верится: мировые чемпионы, те, что смотрят на нас обычно с фотографий, или со спичечных и конфетных коробок, просто «памятники самим себе» — вороной Пепел, гнедой Корбей и даже конь-идеал — легендарный Абсент... Когда-то здесь же место было и Диаграмме и Маневру, но Диаграммы нет, а к Маневру идти надо теперь через всю конюшню, в дальний угол, в отделение подсобное.

Осыпанный сединой с головы до ног, отвернувшись от кормушки, стоит ветеран. Как обычно делают выдавшие виды лошади, он часто переступает ногами, перенося вес то на правую, то на левую. На здоровой ноге он и полчаса мог бы простоять, прежде чем сменить ее, а на больной не продержаться и сорока пяти секунд: больно! Сказываются годы, битвы¹, — конь дремлет, переступая с ноги на ногу.

— Рыжий! — произносит Фаворский.

Истинные конники сентиментальностью в отношении к лошадям, даже очень дорогим для них, не отличаются. Окликнул, зашел в денник, похлопал по плечу, седло и уздечку надел и вывел на манеж — так поступил и Фаворский в тот раз, только не нужно было ни седла, ни уздечки. Но Маневру непривычно было оказаться на ристалище, для него столь знакомом, без постоянных своих атрибутов и к тому же без всадника. Он осмотрелся кругом, а также взглянул на хозяина, как бы желая знать: «Что делать будем?»

Со стен, с портретов глядят на него знаменитости былых времен. Вот портрет его собственного отца. Его «тетка», «прабабка». Иные из них видели, как приходил сюда смотреть манежную езду Толстой, живший по соседству. И многие мастера верховой езды показывали здесь свое искусство, поколение за поколением, смена за сменой. Здесь выступал и Борис Лилов.

II

Имя Бориса Лилова знают все же не очень многие, потому что и самый конный спорт был тогда, в послевоен-

¹ Вскоре Маневр так и погиб как боец — в прыжке через барьер.

ные годы, у нас не популярен: не до лошадей было, и казалось, что верховая езда какая-то несвоевременная роскошь.

Не снились тогда конникам ни манежи из стекла и бетона, ни праздничные кавалькады по столичным улицам, ни ффраки, ни цилиндры, но это не значит, что мастера были хуже, хотя тогда не то, что теперь, и на первых полосах газет о конном спорте материалы в ту пору не помещали. Но прошло некоторое время — и вот что писали:

«На международных конноспортивных соревнованиях в Париже советский всадник Б. Лилов за наибольшую популярность среди зрителей награжден жюри Всемирного праздника лошади специальным призом» («Правда» от 19 июня 1959 года).

И наконец:

«СЕНСАЦИЯ В ПАРКЕ ПРИНЦЕВ БЛЕСТЯЩИЙ УСПЕХ КОННИКОВ СССР

Париж, 23 июня. Здесь, в Парке принцев, закончился розыгрыш Кубка наций по конному спорту. Интерес к этому спортивному событию был огромен... Розыгрыш Кубка наций является как бы неофициальным командным первенством мира... В качестве основных претендентов на обладание кубком западные специалисты не без оснований единогласно выдвигали три команды: западногерманскую, итальянскую и американскую. Однако прогнозам не суждено было сбыться: Кубок наций завоевали советские конники (Фаворский, Распопов, Шабайло и Лилов), показавшие исключительно высокий класс верховой езды. Стадион наградил их бурными аплодисментами. В парижском небе торжественно прозвучал Гимн Советского Союза. Да, это была настоящая сенсация...» («Труд» от 24 июня 1959 года).

Достижение историческое — по трудности, по силе конкуренции, по значению и уровню. Победа этой четверки имела в летописи нашего конного спорта один прецедент, когда незадолго перед первой мировой войной трое русских офицеров взяли в Лондоне на преодолении препятствий Золотой кубок. Такие победы не бывают серийными, но, если уж вершина покорена, это свидетельствует не только об успехах классной команды, но о целой традиции, сложившейся и плодотворной. Французы тогда же, в 1959 году, между прочим, писали: «Мы можем отметить громадный прогресс советских всадников. За год до Олим-

пийских игр на это стоит обратить внимание». Писали это, как видно, наблюдатели опытные, понимающие, потому что их слова подтвердились: год спустя в Риме на пьедестал почета поднялся советский мастер выездки Сергей Филатов. Потом наши троеборцы (манежная езда, кросс и преодоление препятствий) два года подряд, в Англии и у себя дома, выигрывают чемпионат Европы; феноменальный Анилин в руках мастера-жокея Николая Насибова бьет по обеим сторонам Атлантики крэксов¹ Старого и Нового Света; потом олимпийские лавры получает Иван Кизимов, Елена Петушкова становится «мисс мира» по конному спорту.

Спросите любого любителя спорта, кто такие Анилин и Пепел, он вам тотчас ответит, хотя, быть может, лошади в жизни своей не видал и не отличит, как это у конников говорится, «хлыста от хвоста». А кто у нас слышал о Борисе Лилове и его Диаграмме, пока не присудили им парижане первый приз за популярность? Между тем, кроме победы в Кубке наций, Лилов был призером в Лейпциге и Аахене, он был ни много ни мало двенадцатикратным чемпионом страны в личном и командном первенстве. Мастером спорта Лилов стал в двадцать пять лет, когда Сергей Филатов был еще разрядником, Иван Кизимов только начинал, а Елена Петушкова, должно быть, и к лошади не подходила. Он достиг звания мастера, а заслуженных мастеров конного спорта в ту пору можно было пересчитать по пальцам одной руки.

Но в конный спорт тогда как-то не верили. Конники были, конечно, полны энтузиазма. Однако то был энтузиазм секты, немногочисленной, стиснутой со всех сторон новыми условиями и тем более отчаянной в привязанности к предмету своей страсти — к лошадям. «Да разве лошади еще существуют?» — спрашивали между тем вовсе не враги конного спорта, а просто люди, искренне убежденные, что это спорт «камерный», «аристократический» и потому обреченный.

Бывает, что целые полосы жизни, а может быть, даже истории окрашиваются в некий один цвет и тон. Вспоминаешь, и кажется, будто все происходило при одинаковой погоде. Вот над конным спортом в ту пору, когда брал барьеры Борис Лилов, непрерывно шел дождь. Не ливень и не гроза, а сеял ровный серенький дождичек. Так полу-

¹ Кони высокого класса.

чалось: на ипподром придешь, и обязательно дождь. Не надо это понимать буквально. Бывало и солнце. Но так уж получалось, так все совпадало, так выглядело, такая тогда у конников погода была. Тучки, небо серое, лужицы — моросит. По лужам и по грязи кони — копытами, и звук получается тоже характерный, чавкающий, или, вернее, хлюпающий.

Кругом — город. На тренировочном кругу, где носятся лошади, всегда пахнет травой, пылью, природой. А совсем рядом, за забором, — камень, трубы, думы. Блестящая крыша высокого здания вдали отражает солнце, скрытое тучами от тех, кто сидит в седле. Там, в городе, и погода вроде другая. Другое время там, в городе!

Без всякой «машины времени» вступивший за врата ипподрома попадал по меньшей мере на сто лет назад: там уцелел, хотя бы и кусочками, прежний конный мир, жизнь этого мира еще существовала за этим забором.

Прежде всего ритуал, что называется «старый порядок». Важно, как журавли, призовые наездники вышагивают через лужи, блестя голенищами сапог. Тут, чтобы в самом деле «хлыст с хвостом» не спутать, надо пояснить: наездник не жокей, а жокей не спортсмен-конник. Держа в руках вожжи, несутся на рысках в легких двухколесных экипажах, называемых «беговыми качалками», наездники. Притулившись в седле на коротких стременах, «по-обезьяньи», летят жокеи. Через барьеры прыгают и приемы выездки демонстрируют спортсмены — тоже верхом, но приемы не те, что у жокеев, и посадка другая, и другие лошади.

Подобно летчикам-испытателям, наездники и жокеи проверяют образцы, они проводят соревнование лошадей-эталонов. В этих соревнованиях отбираются лучшие кони, которые служат совершенствованию всей природы. У многих любителей спорта перед глазами живая картина — Абсент, выполняющий приемы высшей школы верховой езды под седлом Сергея Филатова. Но хотя этот вороной красавец и был первым в Риме, ведь он даже не мог бы выйти на старт рядовой ипподромной скачки. А если бы в фамильном древе чистокровного скакуна Анилина был бы обнаружен один сомнительный сучок, его бы просто не допустили к участию в скачке на Кубок Европы, который этот скакун-феномен выиграл трижды. Такие высокопородные скакуны немислимо дороги и уже поэтому использоваться в массовом спорте не могут.

Конный спорт существует для того же, для чего существует всякий спорт, — чтоб человек упражнялся, получал удовольствие, совершенствовал мастерство. Племенное дело и конские испытания совершенствуют саму лошадь. Пожалуй, ни один спорт не имеет такой исчерпывающей и непрерывной хроники, как племенное дело. За плечами у призового наездника или жокея популярность старейшего у нас массового зрелища — бегов и скачек, привлекавших внимание коннозаводчиков, кавалеристов и просто любителей. Среди своих почитателей видели наездники и жокеи таких людей, чьи имена каждый из нас произносит с благоговением. Ипподромный тренинг — занятие наследственное, традиционное, и в некоторых ипподромных династиях и вожжи, и «секреты езды» передаются с рук на руки, из поколения в поколение, буквально веками. Один из таких «мамонтов» говорил: «Всего я достиг. Все могу. В моем деле нет для меня тайн. Вижу я каждую лошадь, не говоря уже о людях, насквозь...»

Так что пусть хмурилась над ипподромом погода, сапоги все равно сияли. Наездники шагают с осторожностью, чтобы блеск не замутить. Да и спешить им совершенно некуда, все у них под рукой, вся жизнь их тут — от квартиры на Беговой улице до конюшни на Скаковом поле. И многие из них верили, что человек, посвятивший свою жизнь лошадям, только так и может существовать. «Мамонты» были полны сознания своего исторического величия.

Вот другая картина из тех же времен: идет мартовский снег пополам с дождем, идет зимнее первенство по конному спорту. У дверей манежа толпа, потому что мест для зрителей в манеже, собственно, нет, и лишь избранные счастливицы могут смотреть соревнования. Толпа стоит и страждет. Афиш накануне не было, объявлений по радио тоже не было никаких, как, впрочем, на другой день не было и результатов в газетах: так, словно этого всего вообще не было. Мираж какой-то! Но энтузиасты собрались и стоят. Остается лишь в мечтах рисовать, что совершается там, за дверьми манежа.

Вдруг сквозь толпу проходит... нет, является фигура, даже видение. Одна только рукоятка хлыста, которую сжимает этот человек рукой своей в перчатке, чего стоит! А шпоры, а бриджи-брюки для верховой езды, подбитые кожей...

Фигура движется сквозь толпу, приближается к двери, рука с хлыстом поднимается и стучит в доски. Там, с той стороны двери, должно быть, спрашивают: «Что нужно?» Потому что джентльмен отвечает, и отвечает голосом, который так согласуется и со звоном шпор, и со скрипом кожи: «Это я, откройте!»

И двери отворяются, выпуская на улицу клубы пара, в которых исчезает этот маг и волшебник, словно граф Калиостро, унесенный высшими силами.

Впрочем, воспоминаниям верить трудно. И фотографии плохо помогают. Они только, пожалуй, путаницу вносят, приводя нас в полное противоречие с собственной памятью: сохранила память одно, а фотографии показывают... Неужели этот худощавый молодой человек и есть тот самый немислимый «граф Калиостро»? А этот, неужели этот мальчишка — Борис Лиллов. Ведь эти есенинские вихри казались тогда чем-то вроде нимба над головой великого маэстро.

Но в одном совпадают и память и фото: время, то время! Это все лица 40-х годов, удивительно открытые и доверчивые. Такие лица у Талалихина или у Гастелло, у тех, кто шел тогда на подвиг. В глазах — ясность, а отсюда — решимость и мужество.

Теперь это уже история и, как всякое ушедшее, восстанавливается с трудом. Показывают, например, в кино войну, двигают танками, устраивают сражения, произносят документами удостоверенные фразы, подбирают актеров, но того взгляда на вещи воспроизвести невозможно. И лишь когда в художественной ленте промелькнет вдруг хроникальный кадр, тогда сразу делается видно: вот оно, время!

Это просто по Гегелю, начала исторической диалектики: каждый — «сын своего времени», время кладет печать, из-под которой ни один современник не выскользнет. «Здесь твой Родос, и только здесь!» — учил поэтому философ, вспоминая случай из древности, когда один хвастун, вернувшись в родной город, рассказывал, будто он перепрыгнул через остров Родос. «А ты и здесь так прыгни, — отвечали ему, — вот тебе Родос...»

Конники наши осуществляли тогда этот диалектический принцип буквально. На лошадях, какими теперь, пожалуй, и начинающий не прельстится, брали они барьеры высшего класса. На Диаграмме Лиллов взял сто девяносто пять сантиметров, хотя высота самой Диаграммы

до холки не превышала и пятнадцати «ладоней» (мера лошадиного роста — «ладонь», десять сантиметров).

Конечно, рекорды со временем могут быть и побиты. Хотя надо сказать, в лошадином спортивном мире рекорды почему-то гораздо более долговечны, чем в людском. Достижения великого Крепыша оставались непревзойденными по двадцать-тридцать лет, а один рекорд этой «лошади столетия» держался ровно полвека. Время американского резвача Грейхаунда, показанное в 30-е годы, было улучшено всего лишь на секунду только в конце 60-х годов. И это несмотря на усовершенствование беговых дорожек и безусловный прогресс в резвости.

Но дело не в рекордах, а в том, как прыгали. Это вечный спор среди конников: о сравнении знаменитостей былых и нынешних времен. «Вот поднять бы из могилы Крепыша, — рассуждают они, — да посадить бы на него и т. д. и т. п.». А кончается так: «Где бы вы, нынешние, в таком случае были?»

«Нынешние» тогда еще только переступали порог конюшни и с трепетом смотрели вокруг: лошади жуют овес. По крайней мере, кажется, будто жуют что-то, а уж, наверное, овес, ибо все выглядит образцовым, хрестоматийным, ожившей страницей головокружительных книг юности. И звон удил, и стук копыт, и всякие приспособления, и целые процедуры, вокруг совершающиеся, и названия, которых непосвященный не знает, самой непонятностью своей составляют заправский смак конюшенной атмосферы.

С первых же шагов ясно, что это мир невероятный, подчиняющийся своим законам, изъясняющийся на каком-то своем языке и занятый своего рода священнодействием. Словом, особый, особый, особый мир.

Смесь песка с опилками, называемая у циркачей тырсой, здесь также покрывает манеж, только в отличие от арены он прямоугольный. И в отличие от арены нет здесь слепящего блеска, можно даже сказать — мишуры, что, впрочем, в цирке уместно, на то он и цирк! А здесь стоят барьеры, полосатые бревна. Доски громоздятся, образуя разные фигуры — пирамиды или заборы.

Гремит духовой оркестр: «С неба полуденного жара — не подступи...» А за барьером ложи собрались все те, о ком эта музыка. И среди конского фырканья и стука копыт легендарные лица как бы вернулись в жизнь, о которой каждый знает из учебника истории, но ведь потому что

из учебника, не очень-то веришь в существование этой жизни.

Больше всех музыку переживает старенький усатый дирижер. Он будто сошел с известного полотна «Трубачи Первой конной». Дирижер отбивает такт рукой, оглядывается на ложу, наклоняется вперед всем телом, всей душой устремляется к своим оркестрантам, желая внушить им настоящее чувство. «Пусть гром гремит! Пусть враг...»

Мы — Красная кавалерия и про нас...

И вот раздается:

— На старт вызывается мастер спорта Борис Лиллов!

Впечатление «между прочим». Так, случайно заехал в этот зал человек верхом на лошади. Видит — доски какие-то. Дай попробую перепрыгну! Раз! Получилось. Еще раз! Опять получилось. Человек вошел во вкус, прищипорил лошадь, и она помчалась по манежу, оставляя позади себя барьер за барьером. Лишь однажды ей не понравилось что-то, и хотела она обойти барьер стороной. Р-раз! Взметнулся в руке хлыст. Лошадь сразу поняла, чего от нее хотят, и двинулась на барьер. Но барьер был слишком близко, и, казалось, она сейчас стукнется об него грудью. Но человек не растерялся. Он как бы взял коня за гриву и властным движением перекинул его через полосатый брус.

— Чисто, — сказал бас в ложе.

Аплодисменты вспыхивали после каждого прыжка, но тут же шум утихал. Мало этого, всадник произносил: «Ш-ш! Ш-ш!» Он, кажется, хотел, чтобы было еще тише, чтобы замерло даже дыхание. Но это он, конечно, утихомиривал не публику, которая и без того едва дышала, а вспененную свою лошадь.

Зато уж никто ничего не слушал, когда маршрут был закончен. Все зашумели, захлопали в ладоши. А всадник ласково потрепал по шее коня. Диктор объявил:

— Мастер спорта Борис Лиллов на коне Бриг закончил дистанцию без штрафных очков.

Белокурый всадник столь же легко, так же «между прочим», как возник на манеже и перелетал через барьеры, исчез, уступив место следующему. Новый всадник прыгал не хуже, то есть у него лошадь «чисто» преодолела препятствия, не задевая их. Так же тихо было в манеже. Раздавалось: «Ш-ш! Ш-ш!» Потом хлопали. Но впечатление было все же другое.

У Лилова — стиль, почерк. Глядя на него, можно бы-

ло понять, почему это так называется — «искусство верховой езды». Печать таланта была на его прыжке.

Кто-то на фотографии — Лиллов в прыжке — вывел строки:

Птица в полете,
Рыба в воде —
Таков был Лиллов
На манеже везде.

И помнит Германия,
Франция тож:
На птицу в полете
Был Борька похож.

Это не стихи, но впечатление, но чувство — то самое. Ведь у Лилова был даже некоторый порок в посадке. Он слегка горбился. Однако именно он получил у парижан особый приз за обаяние в езде. Присуждая этот приз Лиллову, французы вспомнили, должно быть, что говорил их великий Мольер: «У этого совершенства есть и недостатки, однако они только подчеркивают силу совершенства».

III

В седле Лиллов умел делать, разумеется, все. Нет такого вида конных соревнований, в которых он не принял бы участия. Но это не потому, что он за все брался и всюду хотел успеть, а тогда так учили. Еще до войны, мальчишкой, получил он звание «Ворошиловский всадник», что означало владение конем и оружием. Он знал вольтижировку (гимнастику в седле) и рубку, ныне почти совсем забытые. Он совершал многокилометровые пробеги на коне и выступал в барьерных скачках. Способен он был сам выездить лошадь, то есть сделать из нее послушный и все понимающий «мотор», что умеют далеко не все даже среди мастеров.

Обычно по склонностям и возможностям конники так и делятся на тех, кто может «выездить», и тех, кто умеет «проехать», на тренеров и ездоков. Тренер — это умение и терпение, а ездок — способность взять в нужную минуту от лошади все, на что она способна. Но Борис Лиллов готовил лошадей сам и сам же на них блистательно выступал. Более того, после него на тех же лошадях становились чемпионами другие.

У него был вороной жеребец Дарлинг, переименованный со временем (или лучше сказать — переведенный с английского) в Дорогого, — лошадь немислимой злобы и дьявольского ума. Несколько раз Дарлинг первенствовал в так называемой «подготовке спортивной лошади» и многоборье, демонстрируя образцовое послушание. Но рядовому всаднику на нем приходилось трудно — в психологическом отношении. Правственно тяжело было сидеть на лошади, с которой по ее понятливости и умению иной мог бы поменяться и местами. При малейшей ошибке новичка Дарлинг тотчас останавливался и оглядывался. Он как бы спрашивал: «Кто это еще там мне мешает делать свое дело?»

Лилов начинал свой спортивный путь, когда в соревнованиях по джигитовке участвовал не кто-нибудь, а сам Ирбек Кантемиров, ныне цирковая звезда первой величины. В барьерных скачках на всесоюзном первенстве выступал будущий «жокей жокеев» Николай Насибов. Борис Лилов выдерживает сравнение с этими звездами, он по праву принадлежит к той же плеяде, но уделом его была не цирковая арена и не скаковой круг, он был конкуррист.

Конкур — понятно, хотя бы по родству со словом «конкуренция» — соревнование. Конкур-иппик — значит конные соревнования, но когда говорят «конкур», речь идет только об одном из таких соревнований — о преодолении препятствий. Конкур — это, ясно, не барьерные скачки, не стипль-чез, известный всем по «Анне Карениной», и не «гладкие» классические скачки, описанные Голсуорси в «Саге о Форсайтах». Но еще неизвестно, что труднее.

Вопрос не в том, конечно, что в седле сидеть страшно. Хотя вообще любая, даже смиренная лошадка способна выкинуть штуку невероятную. В седле дремать не приходится! Кочевники говорили: «Конский череп найдешь и тот взнуздай». Лошадь все-таки остается лошастью, зверем. Однако опасна главным образом не лошадь сама по себе, но упражнения тяжелы.

Прыгая на коне через препятствие, погиб один из пионеров современной техники прыжка, итальянец Каприлли. А сколько призовых наездников привозили рысаки к финишу уже бездыханными! Сердце сдало. И самому Лилову жизнь ведь сократили многочисленные и неизбежные для конника падения.

В разных видах конного спорта степень опасности различна. Выездка, называемая по традиции высшей школой верховой езды, практически безопасна. Выполняя под управлением всадника фигуры высшей школы, лошадь как бы гимнастику делает или танцует. Здесь нет барьеров. Исключены серьезные падения, и жизни всадника, мало-мальски опытного, в общем ничто не угрожает. Но все усложняется, как только перед конем возникает препятствие.

Начинал Борис Лилов прыгать так, как и все новички, — лошадь должна всего-навсего переступить через жердь, лежащую на земле. Потом перед всадником встают веники торчком — сантиметров сорок. Лошади, если есть в них хоть сколько-нибудь спортивного азарта, даже любят это препятствие. Это даже и не препятствие, а так, для разминки. Юный всадник (Боре было всего двенадцать) воспринимает все это даже серьезнее, чем конь.

— Так, сядь прямее, корпус вперед! Каблук назад! Молодец! Оглядь лошадь.

Но вот опять жердь, только уже не на земле, а над землей... Это прыжок, тут и техника нужна. Разумеется, если конь бывалый, выезженный, то он прежде всего сам все «знает» и «везет» новичка.

— Спокойнее! Молодец! О-огладить!

И так все выше, выше, причем до такой степени, что не только советы тренера, но даже конь как бы бессилен помочь всаднику. Отныне все зависит от человека в седле. Теперь не конь его везет, теперь он, что называется, едет!

Лилов падал. Как еще падал! С лошади, под лошадь и вместе с лошастью, что, пожалуй, опаснее всего — вся масса коня при таком падении может обрушиться на всадника.

IV

На традиционные вопросы Борис Михайлович отвечал большей частью «нет».

— Как вы пришли в конный спорт? Семейная традиция?

— Нет.

— Может быть, старший брат? Приятель-конник?

— Нет, просто я...

Если бы в самом деле это было бы так «просто», хотя кто возьмется разгадать «дороги судьбы»! Но сам же Лилов, задумываясь, вспоминал:

— Да, прадед у меня был ведь кучером...

«Ямщицкое в крови» есть далеко не у всех замечательных конников. Но отсутствие «ямщицкого» сказывается так же, как сказывалось то, что у Лилова оно все-таки было. Один наездник приводил такую «арифметику»: его отец, известный наездник, имел шесть человек детей, и только двое из них стали наездниками, хотя все с детства росли возле лошадей, играли в «лошадки», и даже ездить на призы пробовал каждый. У другого наездника было пятеро детей, наездником же сделался только один. А какой вывод? «Наездником, — говорил этот мастер, — нужно родиться. Наездник — призвание».

Так и у Бориса Лилова сказалось «ямщицкое», и он, вполне городской мальчик, выросший в центре Москвы на улице Герцена, перешел на улицу параллельную, Поварскую (теперь Воровского), а там был манеж Осоавиахима. И тут надо представить себе, куда попал этот мальчик, чтобы понять его дальнейшую судьбу.

Мало того, что особый мир. Охота и рыбная ловля тоже, конечно, миры, и очень особенные, но все же по завершенности и замкнутости это не идет в сравнение с конюшней. Кроме того, по «возрасту», историческому «возрасту», особенно тогда, с конниками не шли в сравнение никакие другие спортсмены. Другие виды спорта находились в иной фазе своего исторического развития. Они еще только росли, развивались, а некоторые и вовсе не родились. Конники — это была сложившаяся среда. Такого «багажа» не имел у нас ни один другой вид спорта. Такого тренерского состава нигде больше не было... Среди таких людей, прекрасно знавших лошадей и, мало этого, мысливших о лошади поэтически-возвышенно, и оказался Боря Лилов на Поварской. Рассказывают, что иногда впадал он в отчаяние: «О скотины! Какие же все-таки они скотины!» — говорил вдруг Лилов о лошадях, но это, разумеется, лишь обратная сторона безраздельной приверженности и восторга.

Он выполнил «Ворошиловские нормативы», был зачислен в кавалерийскую часть, но в самом деле воевать ему не пришлось, все-таки молод, и в бой его не спешили посылать. После войны Лилов поступил в конноспортивную школу общества «Пищевик», соперничать с

которым по классу езды долгие годы могли только кадровые офицеры-кавалеристы. Если Поварская посадила Лилова в седло и выучила его ездить, то на манеже «Пищевика» Лилов стал Лиловым, тем вдохновенным творцом прыжка, какого не забудут все любители конного спорта.

Потом Борис Михайлович вернулся в армию и отправился в Новочеркасск, где закладывались основы нашего ныне сильнейшего конноспортивного клуба — ЦСКА. Когда-то Новочеркасск вроде бы считался «столицей казачества», но также являлся он, безусловно, одним из центров искусства верховой езды. Там был не то что манеж, а просто-напросто конный заповедник, бастион, толстые стены которого при любой жаре сохраняли подходящую для лошадей температуру. Там формировался «цвет» советского кавалерийского офицерства. Там были курсы усовершенствования кавалерийского командования, так что придется напрячь все силы фантазии, чтобы вообразить, что за зрелище являла собой смена отборных всадников, выполнявших «испанский шаг», пьядфе и все прочие приемы высшей школы. Видевшие эту феерию, говорят теперь: «Вам, дескать, не видать таких сражений...» Добавим только, что в эту же смену входил воспитатель мировой чемпионки Елены Петушковой — Григорий Терентьевич Анастасьев... По мере сокращения кавалерийских частей расформированы были и эти курсы, но «закваска» особенная, новочеркасская, сохранилась, и не случайно на заповедном манеже сложилась блистательная четверка: Лилов — Фаворский — Распопов — Шабайло, поднявшая наш конный спорт на мировой уровень.

О том, что представлял собой в те годы Борис Лилов, можно судить по результатам хотя бы одного, 1955 года: Лилов — чемпион СССР (в который раз!), но, кроме того, он выигрывает подряд четыре конкурса, в том числе «Охотничий» (55 всадников), Кубок СССР (40 всадников) и «Высший класс» (25 всадников).

В чем же заключалась сила Лилова, его «секрет»?

— Кто? Лилов? Борька?

— Да, чем он брал?

— Руки, — вот все, что отвечает на это мастер-наездник, победитель многих традиционных и именных призов, сын наездника, брат наездника, «живая история» призового дела.

А Фаворский, напротив, рассказывает очень много. Вспоминает, как шумел вокруг них Париж, как в Лондоне подошел к ним сухонький старичок полковник Павел Родзянко, один из участников команды, взявшей Золотой кубок. Но доходит очередь до Лилова, и Фаворский произносит тоже лишь:

— Руки.

Еще есть один спортсмен, который прекрасно знал Лилова. Он начинал вместе с ним. Подобно тому как на манеже ЦСКА сложилась замечательная четверка, у них была хотя и совсем юная, но победоносная тройка — Борис Лиллов, Владимир Микоян и Константин Гриднев. Владимир Микоян был постарше, он пошел воевать летчиком и погиб, а Лиллов с Гридневым, оставаясь друзьями, разошлись по разным командам. Гриднев тоже незаурядный конкуррист, чемпион Москвы. Теперь же он ведет спортивную секцию на конном заводе...

— Борис? — произнес Гриднев, и тень пробежала у него по лицу.

Но потом он улыбнулся и сказал:

— Руки.

Последняя инстанция — чемпионская чета Левиных, с которыми Лиллов вместе выступал за «Пищевик».

— Видите ли, — отвечала Александра Михайловна Левина, — это была великолепная четверка. И другой такой у нас пока нет. Каждый из них был по-своему конником высшего класса. У Фаворского идеальная посадка, образцовое управление. Я всегда любовалась им, когда он прыгал. Распопова я знаю меньше, но сомнения нет, что он одаренный всадник. А Шабайло, единственный из них, до сих пор еще остается действующим спортсменом. Он за прыжки занесен в «Золотую книгу» города Гамбурга. Что же касается Лилова, то у него в езде было много и неправильного. Он действительно сидел порочно. Не всегда нога у него оставалась в точности там, где должна быть при прыжке нога всадника: каблук уходил слишком назад. Но было у него и одно преимущественное качество... Реакция.

Итак, «руки» и «реакция». Попробуем расшифровать, что же обыкновенно вкладывается у конников в эти магические понятия. А тут поистине некая мистика, и мы подходим к тем «пределам поэзии, — как это говорил Толстой, — которые обсуждать отвлеченно нельзя». «Анализировать этого, по-моему, нельзя, — говорил Тол-

стой, — но это всегда чувствуется». Он имел в виду литературное творчество, но что за письменным столом, что в седле, творчество есть творчество. И все эти «руки» и «реакция» называются еще у конников «чувством лошади». Есть это чувство — есть и настоящий конник, нет «чувства лошади» — ничего нет!

Показателем тут служит прежде всего сама лошадь. Она на это чувство отзывается очень чутко. Если лошадь доверяется всаднику полностью, если она не только послушна ему, не только выполняет указания повода и шпор, но составляет со всадником как бы одно целое, то, стало быть, всадник этот одарен «чувством лошади».

По Филлису (патриарх манежа, автор «Основ выездки и езды»), «tact equetsre» («чувство лошади») заключается в инстинктивной тонкости ощущения всадником каждого движения лошади во всей его полноте и вместе с тем во всех его оттенках. Лошадь чуть-чуть «сдала в челюсти», и рука всадника уже отзывается на это, лошадь едва заметно «свалила зад» (идет слегка боком), а нога всадника уже выправляет ее. Всадник — в седле, он не видит всей лошади, что существенно для правильного и продуктивного хода работы задних ног. Так вот, «чувство лошади» состоит в том, чтобы немедленно видеть перед собой лошадь по-гамлетовски — «очами души».

Как и всякое из чувств, «чувство лошади» таится в натуре человека и составляет его неотъемлемую принадлежность, но уровень и запас этого «чувства» бывают различны — от одного лишь намека, незначительной, хотя и заметной способности, до истинного дарования. Иногда чувство это так велико, что оно определяет личность всадника целиком.

У Филлиса выстроена целая шкала достоинств, желательных для человека в седле. Раньше всего проявляются смелость, хладнокровие. Затем постепенно приобретается «шлюсс», иначе говоря, прочная посадка. «Но до «чувства лошади», — писал эксперт, — еще далеко». О себе «волшебник выездки» говорил, что лишь на последнем этапе целой жизни, проведенной им в седле, он имел основание считать, что у него есть развитое «чувство лошади».

Но это, действительно, уже не одно «чувство», а некая «философия» верховой езды, вырабатываемая с годами и опытом. Самое же это «чувство» проявляется как

раз с первых шагов, когда новичок еще только приближается к коню. Наметанный глаз тут же определит, останутся ли конь и всадник разобщены или же, напротив, найдут через «чувство лошади» общий язык. Дальнейшее говорит само за себя. Все садятся в седло, но вот он **сидит** по-настоящему, как у себя дома, «как на стуле» (говорил Филлис), но это не значит, что он развалился на этом стуле, а значит лишь — с полнейшей естественностью. Все хватаются за поводья, но у этого — «лошадь в руке». У всех почему-то лошади начинают капризничать, а у него одного как шелк. И чем дальше, тем яснее становится — всадник! «Чувство» человек имеет!

Брусиллов приходил в манеж и у вахмистра спрашивал:

— Есть всадники?

— Никак нет, — отвечает вахмистр, — пока что незаметно!

А за ним целый полк, обученный не то что ездить верхом, а приемам высшей школы верховой езды. А подлинных «рук», а чутья все равно ни у одного нет! Но вот вдруг блеснут среди многих Андреев (мастер-самородок, называемый «первым русским наездником») или Лилов: по лошади видно и «столб финишный показывает» то же самое, и «порода сказывается»...

Теперь уж и спросить не у кого, почему Борис Михайлович не мог или не считал нужным исправить себе посадку, почему вместо того, чтобы, как полагается, на прыжке «прогнуть» спину, **выгибал** ее. Собственно, ошибка элементарная. Про человека, который так делает, говорят, что он сидит в седле, «как кот на заборе». Глядя, однако, как прыгает со сгорбленной спиной Борис Лилов, некоторые пробовали подражать ему. Но то, что получалось у Лилова, у других было в самом деле только ошибкой.

Фаворский разъяснял все это так, что Лилову важна была работа руками. Он продолжал вести лошадь в поводу и во время прыжка, между тем большинство все делает до прыжка, и дальше всадник в действия лошади уже не вмешивается. Не вмешивается прежде всего потому, что можно сделать только хуже, лишь помешать лошади, сбив ее и с хода и с толка. А при нынешних маршрутах и препятствиях, которые громоздятся выше лошади и требуют от коня кошачьей гибкости, а от всад-

ника мгновенного расчета, лиловские «руки» решали дело. Да, он выгибал спину, это все видели, но лишь знатоки замечали, как он работает руками, как он действует поводом, а если нужно — и хлыстом.

Снимки сохранили полеты Бориса Лилова над препятствиями. Кроме рук и посадки, стоит обратить еще внимание на лицо, глаза: в любой из моментов прыжка всадник смотрит, следит за тем, что делает он сам и лошадь, а это не так часто встречается. Некоторые считают даже за шик в момент прыжка «убрать голову», лихо отвернуться в сторону, как бы показывая: «Сделал все, что мог, а теперь будь что будет!» Нет, Борис Лилов был **мастером** от начала и до конца, от первого и до последнего момента, в полном смысле мастером, создающим прыжок. Расчет? Он не боялся, не стыдился расчета во всю меру отпущенных ему способностей, а там, выше, должно было, он знал, сработать уже «чувство лошади».

Борьба и соперничество обостряли у него это «чувство». В характере его, как спортсмена, поистине сказывалось нечто «ямщицкое»: не любил, так сказать, медленной езды. У конников есть такой вид соревнований — «до первой ошибки». Первое же поваленное препятствие — и всадник сходит с дистанции. Кроме того, устанавливается норма времени. Скажем, две минуты. Иными словами, кто больше за это время возьмет препятствий. И тут Лилов не то что соперников не знал, а выгладел просто всадником другого класса, чем остальные. На классических конкурсах его бивали. Случалось, что и лошади под ним отказывались прыгать. «Не мог справиться с лошадью мастер спорта Борис Лилов», — читать странно, но так и было. Необходимость методического расчета и оглядки при езде на классический конкур притупляла в нем самое выигрышное — эту реакцию. Но до «первой ошибки», когда дело решает изобретательность на ходу, ловкость, когда требуется удаль и та знаменитая кучерская способность, взявшись за вожжи, сказать «Черт побери все!» — тогда говорило в Лилове — лиловское, «ямщицкое», тут и полная гармония во взаимоотношениях с конем устанавливалась, и был Борис «как птица в полете, как рыба в воде»...

Вот прыгают один за другим десять человек. Для большинства первый же барьер оказывается чреват «первой ошибкой». «Сердца» у людей не хватает! Наконец, наи-

более стойкий и опытный преодолевает шестнадцать препятствий. Однако на старт вызывается Борис Лилов — и берет двадцать один барьер. Он взял бы и больше с той же чистотой, да две минуты кончились.

Относился к мастерству и «чувству лошади» Борис Михайлович без мистики, но знал, что это есть и этим все держится. И тут уж многого не высчитаешь, не учтешь. Бывают и парадоксы... Однажды весной выехала смена всадников первый раз из манежа на улицу. Лошади были как на пружинках. Они только высматривали случай, им только повод был нужен для того, чтобы взвиться свечой. Лошади ведь не так уж боязливы, они чаще делают вид, будто боятся. Ну, отдаленные гудки машин и чириканье воробьев не могло быть приличной причиной для безобразия. Но тут с треском отлетели в заборе доски, и через дыру высунулась... козлиная борода. Это один из «мамонтов» по старинному ипподромному обычаю держал на конюшне козла, считая, видимо, что и в наши дни козел на конюшне, как и века тому назад, приносит и пользу и счастье: это он отгоняет оводов и... Правда, никаких оводов на городском ипподроме нет, но традиция есть традиция. Словом, этот бородастый дьявол вышел погулять, весенний воздух на него, в свою очередь, возымел действие, и, увидав забор, решил он растратить на него избыток пробудившихся в нем сил. Что тут было с лошадьми! Всадников раскидало по всему ипподромному полю. Кони носились с развевающимися поводьями и стременами. Один спортсмен усидел только потому, что его занесло за угол конюшни, и там ему удалось успокоить лошадь. «Тогда считать мы стали раны, товарищей считать...»

— Ну как, и ты упал? — спросил Борис Михайлович этого спортсмена, когда он вернулся в манеж.

— Нет, — отвечал тот, имея, кажется, все основания быть довольным собой.

— Эх ты, — сказал Лилов, — какой же ты после этого конник!

В такой ситуации, он считал, настоящий конник именно должен был бы упасть. Лихое падение было бы в данном случае все той же «оборотной стороной» мастерства, как и возникавшая вдруг в нем самая ненависть к лошадям.

Так, кто же выигрывает — конь или всадник? Вот речь Фаворского Андрея Максимовича, мастера спорта, чемпиона СССР, произнесенная им в ответ на этот вопрос.

(Конюшня. Амуничник, где хранятся седла и сбруя. В стороне олимпийский чемпион Иван Кизимов чистит после езды стремяна. Ветфельдшер готовит таинственную смесь для втираний лошадям.)

Фаворский. Лошадь должна быть талантлива. У нее должны быть душа, ум, сердце и другие природные данные, необходимые в нашем деле. Диаграмма у Бориса была талантлива. Крохотный талантлив. У Лисицына Пентели и небольшой, лещеватый, а талантливый, просто талантливый! Порода? В спорте свое понятие о породе. Спорт не скачки. Скакуну нужна резвость и еще раз резвость, все остальное для скакуна в конце концов постольку поскольку... Но конь спортсмена должен обладать такими свойствами, что они, кажется, даже взаимоисключают друг друга. И в спорте нужна резвость. А как же иначе можно наверстать упущенное при повалах? Но резвость — нервы, а с чрезмерными нервами на манеже делать нечего. На манеже и от коня и от всадника требуется расчет. Борис, можно сказать, всю жизнь ехал по маршруту: всегда в посыле! Он шел по улице и высчитывал темп прыжка до каждой лужицы впереди. Он даже во сне брал барьеры. Он знал, как никто, когда нужно «снять» лошадь, поднять ее перед барьером на прыжок. Некоторые хорошо прыгают изда-лека и настильно, некоторые резко вздымаются вверх. К сожалению, во множестве случаев, когда падают барьеры, виновата не лошадь, а всадник, который заставил ее прыгнуть не вовремя, без расчета. А Борис в этом расчете не знал себе равных...

(За дверьми, в конюшечном коридоре, раздается шум. Кажется, ругают кого-то. «Это Терентьич ребят отчитывает», — поясняет Фаворский, прерывая свой монолог. «Терентьич» — понятно, это Г. Т. Анастасьев, а что за «ребята»? Разве занимается олимпийский тренер с новичками? И кому же в таком случае говорит он: «Ездить надо уметь! Повод держать как следует и в седле сидеть!» Выглядываем на минуту за дверь: перед Терентьичем стоят... Петушкова и Калита. Что ж, век живи, век

учись, и, достигнув мастерства, на уровне которого Александр Блок о себе сказал: «Мне надо перестать писать стихи, я слишком хорошо умею это делать», смирись и начинай все сначала.)

Фаворский. (Вернувшись на прежнее место.) Да, Борис чувствовал лошадь, но и лошади «чувствовали» его. И Бриг понимал его, и Атлантида, но Диаграмма в особенности. Она была, кстати, скаковой лошастью, но в скачках — середняк и даже бездарность. Скакала бесцветно. А на манеже нашла себя. Она была темпераментна в меру. У нее был природный «сбор» (гармония движений), который в скачках был ей даже и не нужен, а в прыжке решал все. Действительно, трудно было уловить, кто же это из них двоих делает, когда они шли с Борисом на препятствие: одно, другое, третье, система и всякие там разноперые стенки, с любого положения, с любой ноги эта гнедая кобылешка взлетала, как мячик. Она была незабываема. Борис ее и так никогда не называл. Но напряжения бывали страшные. А ведь известно, как это бывает с лошадьми, в особенности с кобылами: раз «отобьешь душу», переработаеть — и все! Но Диаграмма была отходчива. Она умела сама сберечь себя и распределить силы, но без лукавства, без отлынивания. Открытая сердцем, откровенная по езде, да что говорить, талантлива была...

VI

Лилов рассказывал, что когда бывали они дома у Фаворского, то дядя его, выдающийся график, учил их так:

— Первую половину жизни, молодые люди, человек трудится ради того, чтобы заработать авторитет. Вторую же половину жизни авторитет должен «работать» на человека.

Что может быть яснее? Почему философии этой не последовать? Но, должно быть, знаменитый художник сам же первый не подавал примера в том, чему учил других, и не «эксплуатировал» он свой авторитет. Работал, и все. Так и «молодые люди» вновь и вновь садились в седло и шли на препятствия, на «разноперые стенки».

Когда Бориса Лилова окончательно ссадила с копы болезнь, он стал тренером. Наши пятиборцы прогрессом

в конном кроссе, который был у них слабым местом, обязаны Лилову, и он занимался с ними уже тяжело больной.

Он был среднего роста, плотный, даже чересчур плотный для всадника, любил улыбаться, смеяться. Он и тогда все посмеивался, все повторял с улыбкой: «Только бы добраться домой! Только бы добраться мне домой!» Тогда был он в манеже последний раз. Так он и остался в памяти: подвижной, веселый, белокурый — конник-спортсмен есенинского облика:

Отговорила роща золотая
Березовым веселым языком...

Когда жизнь Бориса Лилова стала уже главой в истории нашего конного спорта, один авторитетный конник высказался на первый взгляд неожиданно:

— Лилов, — сказал он, — в прошлом. Забывать его не надо. Но я бы не ставил его в пример, а извлек бы из судьбы его урок. Борис ушел вместе со своим временем.

— А что ты думаешь! — и последовал ответ, как бы давно готовый. — Другие времена — другие спортсмены приходят. Другие не по именам только, по самому складу своему. По запросам и возможностям.

Все трое из знаменитой четверки сидели на плацу, на полосатой стенке, наблюдая за ездой молодых всадников, нынешних и будущих звезд.

Уже известный призер крупных соревнований Геннадий Дробышев зашел на Реакторе на систему и чисто взял все препятствия.

— Лучше они нас? И Бориса не вернешь, и своих годов тоже, а потому этого не проверишь.

— Мне кажется, — добавил Фаворский, — стилия у нас было больше. Но у нас учителя были стильны. А теперь мы сами стали учителями, и если ныне станет меньше стильности в прыжках, то чья же это вина?

— Мягче, мягче веди в поводу! — крикнул Распопов второму из молодых всадников, готовившемуся взять завал.

Он подошел ближе к барьеру, и по мере того как всадник пошел на прыжок, вместе с ним подался вперед, как бы желая передать ему все, что было у него самого в «руках».

Лошадь закинулась.

— Просидел! Опоздал! — закачали головами ветераны.

— Главное, — продолжали они, — чтобы не только выигрывать, а выигрывать красиво. Древнее правило олимпийцев! А при теперешних нормативах это становится все труднее. «Голы, очки, секунды» — результат! Этим все диктуется. А зрелище где?

— Сядь в седло, сядь в седло! — вдруг чуть не хором закричали они всаднику, который слишком подался вперед, опережая движение коня.

Наконец сказали они так:

— Придут новые Лилоры, на него самого, может быть, вовсе не похожие. Но все-таки о нем вспомнит каждый, кто захочет себе представить, что есть истинное спортивное в нашем деле.

Вот и ответ. Пора в обратный путь. Дорога убегает из-под колес автобуса, как бы отодвигая в панораме заднего стекла этих троих, оседлавших полосатое бревно, на историческую дистанцию.

И только четвертого с ними нет.

СЕКРЕТ УСПЕХА
(Инга Артамонова)

Замечательная спортсменка Инга Артамонова потрясла спортивный мир своими фантастическими результатами, она смогла сделать то, что не удалось сделать ни одной конькобежке за всю историю мировых коньков — стала четырехкратной абсолютной чемпионкой мира.

В 1962 году Инга установила сразу в одном соревновании каскад феноменальных мировых рекордов, побив 4 прежних. 10 раз она была чемпионкой мира на отдельных дистанциях, 5 раз абсолютной чемпионкой СССР, 27 — чемпионкой СССР на отдельных дистанциях, свыше 10 раз улучшала мировые рекорды... Сколько бы Инга еще могла сделать?! Но в 1966 году трагически оборвалась ее жизнь, на 30-м году...

Выступая на торжественном заседании в Большом театре, посвященном Дню 8 марта, Инга сказала:

— Мы (спортсмены. — В. А.) всегда чувствовали, что за нами стоят миллионы советских людей. Какая это радость быть полпредом Страны Советов, делегатом великого народа — строителя коммунизма!

Радость ее зиждилась на необыкновенном чувстве ответственности перед своей Родиной. Один пожилой человек писал ей в те годы: «Милая Инга, я Вас не знаю как человека, но люблю и «болею» за Вас. Вы даже не представляете, что Вы делаете для страны. Большое тебе спасибо, дочка».

Инга получала тысячи писем самого различного содержания. Во многих из них был неизменный вопрос: «В чем секрет Вашего успеха?»

...Инга всегда спокойно относилась к своим победам. Все кругом шумят, хвалят, поздравляют... А она смотрит с недоумением, и на ее лице будто написано: «Товарищи, произошла ошибка, это не обо мне, что вы?» И такого легковесного признания («Я в следующем году пробегу еще лучше») от нее и не услышишь. Только когда приехала она с первенства мира, где выиграла свой второй лавровый венок, а под глазами синяки, тут, как говорится, все налицо. И какой ценой ей давался спорт, тоже становилось понятным. Не на банкетах, нет, когда свети-

лось в бокалах шампанское в ее честь, а она искрилась от счастья, не на парадах, когда на ней были чемпионские ленты с медалями... А вот именно в эти минуты. Есть одна фотография Инги, которая в тысячу раз больше может сказать о цене ее побед и о ней как о человеке, чем сто красивых эпитетов. Ее запечатлели в момент приступа язвы. Глаза ввалились, губы делают усилие, чтобы получилось глотательное движение... Больно, очень больно там внутри! Но в глазах терпеливость. Спокойная, упрямая, гордая. Потом, когда все пройдет, Инга может отшутиться («Сейчас очень модно иметь какую-нибудь болезнь») или признаться матери в своих «достижениях» по излечению язвы («Мама, а я вчера даже кусочек куриной шкурки съела, и, ты знаешь, ничего...»).

Я тоже искал истоки ее успехов. Не так это просто, как кажется на первый взгляд! Даже брату. Но когда я вновь и вновь задумываюсь над вопросом «В чем секрет ее успехов?», невольно вспоминаю наш каток. И смысл опять не в том, что окна нашей комнаты выходили чуть ли не на лед. И не в том, что, много тренируясь с детства, Инга сумела поэтому стать классной спортсменкой. Нет. Хотя кататься действительно она начала очень рано (на массовом катке, наверное, лет с десяти).

С годами она крепла физически, лицо румяnelo (а ведь в детстве у нее обнаружили туберкулез).

Все это являлось прелюдией к мировой известности, но, если быть педантичным, причина все-таки не в том, что она рано приобщилась к конькам, волею судьбы оказавшись в благоприятных условиях конькобежного двора (ведь сколько там ребят жило, а из многих так и не получилось классных спортсменов), а в том — и это самое главное, — что, накатав за многие годы большое количество километров, не напрягаясь, испытывая при этом радость от движения, она на 80 процентов подготовила из себя конькобежку, не подозревая об этом и храня в неприкосновенности свои нервные ресурсы. Ведь она каталась не по принуждению!

И вот эта непосредственность в тренировках, без заботы о каких-то спортивных результатах, которые она должна обязательно показать, породила в ней и другое качество — умение не думать о предстоящих соревнованиях, воспринимать изматывающую, настоящую тренировку как ту радость, что у нее воспиталась от общения

с родным катком. И характер у нее по этой же причине был такой — не принимать все близко к сердцу... При чем искусственной эту ее черту нельзя назвать.

Ингу не жди с катка, прежде чем не смолкнет там музыка и диктор Бодя (так прозвали радиста Бориса) не произнесет в 22.45:

— Внимание, время катания окончено, просьба освободить территорию катка, повторяю...

Специально посмотришь в окно, а она все катается, увертываясь от милиционеров-преследователей. Минут через двадцать слышишь — стучится (не в дверь квартиры) в стенку, которая выходила на лестничную клетку. Врывается веселая, взбудораженная, морозная. Чтобы умерить ворчание бабушки, обнимет ее, а та сразу растает. Инга чуток перехватит чего-нибудь и спать — не шелохнется до самого утра, хоть из пушки пали. Или придет, расскажет, как один парень «пристроился» за ней на катке и все катается, катается, а отставать ему неудобно от девчонки, хотя и рослой. А у нее шаги размашистые, мощные (Инга каталась в байковом черном костюме, на «гагах», давнишних, уже поржавевших; шаровары заправлены были в светлые шерстяные носки). И вот круг за кругом, а парень не отстает, тянется.

— Я уже круг десятый пошла, обернулась, а он, бедный, весь запарился, а на одиннадцатом гляжу — зашатался и к сугробу. — И рассказывает этот случай без издевки. Конечно, сначала хотелось проучить парня, чтоб знал, с кем тягается, а потом жалко его стало.

О надвигающейся мировой известности Инги никто из родных не подозревал. Когда ей было лет 12, в семье полшутя-полусерьезно обсуждался вопрос об Ингиных занятиях спортом (это после того, как ей предложили заниматься в гребной секции). Вот мать и говорит:

— Надо выбрать что-нибудь полегче, например лыжи. — Ничего себе полегче, да? А бабушка тут же:

— Ну, к черту лыжи, запугаются еще ноги в этих палках.

Так выдвигались кандидатуры многих видов спорта. Инга колебалась, не подозревая, конечно, что ее будущее — коньки. Но пошла она в греблю и добилась там, как известно, тоже немалых успехов (стала чемпионкой СССР среди девушек; в 17 лет выполнила норму мастера спорта, была в восьмерке загребной; ее предполагали

включить в сборную команду Советского Союза для поездки на чемпионат Европы среди взрослых).

После нескольких лет занятий греблей Инга стала еще сильнее и очаровательней. Летнее солнце, свежий речной воздух на водном стадионе «Динамо» оказали благотворное влияние на нее. Инга, бывало, придет со сборов — прямо вся шоколадная от загара (загорала она быстро), и лишь одно в ней было неизменно — голубенькие глазенки; вся спокойная-спокойная, ничем не расстроишь. И добродушная, безмятежная, даже беспечная и чуточку равнодушная ко всему на свете.

Но чувствовалось, что большой любви к гребле у Инги нет. Любовь эта уже была воспитана — к катку, и, конечно же, в конце концов взяла свое.

Старый московский дом на Петровке (он был построен в 1836 году), который иначе называли обиденским — по имени его бывшего владельца, помнит многое, в том числе и первые шаги, сделанные Ингой... Она родилась 29 августа 1936 года. Природа подарила ей отцовский большой рост, его спокойную натуру. А от матери она унаследовала сильный характер.

Матери пришлось нелегко, особенно после того, как бросил семью отец и мать стала рассчитывать только на себя: ведь к еде в послевоенные годы дети проявляли повышенный интерес — еды не хватало. Уходила мать на работу рано утром, когда все еще спали, а приходила, когда бабушка, Евдокия Федотовна, уложит внуков спать. А весь «прожиточный минимум» семьи складывался из зарплаты матери и бабушки, работавшей санитаркой в диспансере.

Это и есть та самая «знаменитая» бабушка, которая всем без исключения Ингиным приятелям нравилась до глубины души своим своеобразным, прямым и справедливым характером, непосредственностью и золотым сердцем. Инга для нее была самой любимой из всех на свете.

Бабушка вообще симпатизировала людям высокого роста, таким, к примеру, как ее муж — он погиб в гражданскую войну, и людям с хорошим, незлобивым нравом, какой был у Инги. А сама бабушка была маленькая-маленькая, сухонькая такая, прямо «капельная», и любила все выспрашивать, когда кто-нибудь из наших знакомых оказывался у нее в гостях:

— С кем живешь? Сколько получаешь? Кем у тебе работает мать? — Причем мы всегда заранее в шутку предупреждали наших новых друзей, незнакомых с этой бабушкиной причудой:

— Ребята, будет вас бабушка о чем спрашивать, не юлите, отвечайте все как есть.

И где бы мы потом ни встречались с ними, первым был вопрос:

— Ну как там бабушка живет?

И вот эта маленькая старушка, которая могла по кому-нибудь пустяку расстроиться и заплакать, никого не боялась, если это диктовалось интересами внучат, и бросала вызов человеку любого положения. Не всегда оказывалась права, но в своей искренней «борьбе» за справедливость была неповторима.

Помню, принесла Инга в получку... два рубля (она работала тогда на фабрике). Бабушка возмутилась и пошла в дирекцию. Для нее не существовало проблемы, как найти компетентного в подобных случаях человека. Бабушка его находила. Потом уже дома, конечно, принесла недостающие деньги, рассказывала об этом все еще взволнованная от несправедливости и одержанной победы.

— Как же ты могла там доказать свое?

— Не смотри, что я неграмотная, — колебимо отвечала бабушка.

Или другой пример, когда она ходила в Ингину школу на собрание (школа № 187 за Центральным рынком). А дело было так...

Инга училась в классе пятом. Она была способной в общем-то девочкой, но отличалась непоседливостью, озорством и бесшабашностью. Поэтому от нее можно было ожидать всевозможных проделок. То разорвет только что купленное матерью платье, перелезая через какой-нибудь забор, то, не выучив урока и сбежав с занятий, придет раньше времени домой и объясняет это «смертью» учительницы (мать тогда ей всыпала за такое вранье), то еще что-нибудь подстроит.

Но вместе с тем Инга была на хорошем счету... в драмкружке (она также отлично рисовала). И, несмотря на то, что учителя сокрушались по поводу ее отношения к учебе, в драмкружке Инга исполняла главные роли — дедов морозов (ввиду своего высокого роста) и партизанских командиров (мальчики в то время учились от-

дельно). И вот Инга оказалась в таком положении, что в драмкружке без нее никак не могли обходиться, а учителя всячески препятствовали тогдашним ее увлечениям. И они были правы.

— Она способная девочка и может очень легко учиться, но ленива, — говорили они.

Правда, когда наступал «крайний случай», она выучивала уроки и получала хорошие оценки. Единственное, за что никогда не приходилось беспокоиться, так это за пение, рисование и физкультуру. Здесь всегда были пятерки. И вот ее классный руководитель, стараясь как-то притянуть эту непокорную девчонку к учебе, пробовала для этих целей один способ за другим. Но ничего не помогало. И видимо, совсем выбившись из сил, на общем собрании родителей она в сердцах назвала ее дылдой. Но, на беду учительницы, на задней парте, за спинами родителей Ингиных одноклассниц «притаилась» бабушка. Она и просидела бы все собрание молча. Но, когда про единственную и самую любимую внучку сказали такое, «извини подвинься» — от бабушки в таких случаях жди взрыва. Она тут же дала о себе знать и пошла искать «дилектора» школы, чтобы сказать ему:

— Знаешь что, ты как хошь думай про меня, а для учителя все ребята должны быть одинаковыми. А то дылда! Она такой же ребенок, как и все, только выше ростом, чем они, а кто же виноват, что они такие сморчки уродились?! А Ина у нас без отца росла, и туберкулез у ней... Это она на вид такая бедовая, а дома-то с ней плохо бывает... Ты не погляди, что она высокая... поэтому учительницу-то свою предупреди...

В 1947 году в Москве было тяжело с продуктами. Мать откуда-то доставала один раз в неделю две пачки дрожжей, разводила их в воде и вместе с пережаренным луком делала вкуснейшую запеканку, которую мы целую неделю перед этим ждали. Инга так и заявляла всегда, что когда вырастет, то будет есть только мамину запеканку, но помногу. И вот в очередной раз мать не смогла раздобыть дрожжей. Сидели мы очень грустные, болели десны от недоедания, и мы начали потихоньку скулить, прося у матери поесть. Но «поесть» не было. Скулили, скулили и довели мать, бессердечные дети, до истерики.

В тот же день Инга принесла штук шесть картошек. Матери что-то наврала насчет картошки, а мне призна-

лась, где стащила. Оказывается, это в нашей же квартире. У кого-то из соседей. Картошка хранилась между створками входной двери в закрытом на замок ящичке. Инга как-то ловко отбила одну планочку, и мы своими тоненькими ручками нет-нет да и потаскивали потихонечку эту картошку. На этот раз мы блаженствовали: сварили картофельный суп. А Инга, как и всегда, когда разливали по тарелкам что-нибудь жидкое, уточняла:

— Мама, мне погуще.

Тяжелые времена вскоре стали проходить. Мама начала на пароходе дальнего следования работать (по Волге). Каждый раз ходили ее встречать на Речной вокзал вместе с бабушкой: и на столе появлялось много-много всего. Были даже астраханские арбузы! А из ягод бабушка варила различные варенья.

Уже в звании чемпионки мира Инга иногда приходила потренироваться на свою родную Петровку, и как только выходила на лед, тут же, как по мановению волшебной палочки, раздавался чуть ли не одновременный стук открывающихся форточек — и трибуна была готова к зрелищу. А Инга, проезжая мимо своего окна, кивала головой болельщику № 1 — своей бабушке, Евдокии Федотовне, которая, просунув кое-как голову в узкую форточку, строго следила за бегом своей внучки. За день-два перед первенством мира бабушка не находила себе места, только все спрашивала:

— Чтой-то ничего не передают, как там наша Ина? — Наконец раздается голос комментатора: «Мы ведем свой репортаж...», и бабушка буквально несется по квартире и взволнованно, а иногда с укоризной и ревностью напоминает соседу, ярому болельщику, если он вдруг забывал об этом:

— Петра́, что ты сидишь, включай же скорей радиу. — И уже умоляюще: — Ина ведь бежит.

Бабушка знала очень много пословиц и каждой из них точно била в цель. Придет иногда Инга расстроенная из-за того, что на нее кто-нибудь накричал, а бабушка и скажет:

— Не бойся собаку, которая брешет, а бойся ту, которая молчит. — Или в другой раз саму себя оправдывает за истраченные на гостинцы для своих же внучат деньги: — Не оттого мы оголели, что сладко ели.

Вот эта бабушкина сердечность, отзывчивость, а иногда и вспылчивость клубочком отмоталась к Инге. Доброта в Инге на первый взгляд могла показаться странной. К чужим людям, даже незнакомым, она могла проявить больше чуткости, чем к своим родным, будто те могли обидеться, а ты нет. Она забудет порой предложить тебе поесть, когда находишься у нее в гостях, и в то же время у нее можно было хоть полквартиры вывезти, и она не обратит на это внимания (где-то на аэродроме она потеряла 200 рублей; бабушка, когда узнала, руками всплеснула, а Инга говорит спокойно: «Ну что теперь делать-то, их уж все равно не вернешь»). А доброта ее заключалась в следующем: приходи и бери, что тебе нужно, не спрашивай, ты же свой человек и должен все понимать.

Наступили конькобежные дни Инги. Но признали ее в спортивном мире не сразу. До того времени существовала мода на невысоких конькобежек, и примером тому могла быть трехкратная чемпионка мира Мария Исакова. Про Ингу поэтому говорили, когда она впервые выступила на первенстве СССР в 1955 году, где заняла 24-е место:

— Из нее ничего не выйдет, слишком длинные мышцы, а в коньках, как известно, нужны более короткие для быстрого сокращения. — Но в ответ на такое заявление Инга вспыхивала и отвечала:

— Ну это мы еще посмотрим. — И, видимо, зарождавшуюся в Инге спортивную злость, при всей ее человеческой доброте, умерить в то время не было никаких сил: в 1956 году на первенстве Советского Союза неожиданно для всех она стала абсолютной чемпионкой страны, и, что самое потрясающее, с новым мировым рекордом в сумме многоборья. Ей было девятнадцать лет! В газетах тогда сообщили о ней, что совсем недавно, каких-нибудь два года назад, Инга Артамонова впервые встала на беговые коньки. Это было действительно так.

Но ее продолжали не признавать и не включили поэтому в команду для поездки в том же году на чемпионат мира (там сильнейшей оказалась Софья Кондакова). Но наступил следующий год, 1957, а потом 1958, когда она два раза подряд стала абсолютной чемпионкой мира. Это было громом среди ясного неба. Так стремительно, так смело, просто поразительно! Победы Инга одержала в финском городе Иматре и шведском — Кристинехамне.

Скандинавские болельщики сразу же ее признали и выбрали в свои кумиры. А на банкетах, устраиваемых после чемпионатов мира, она оправдывала эту любовь к себе. Инга появлялась там нарядной и красивой. И будто не она несколько часов назад выполняла такую изнурительную, «лошадиную» конькобежную работу, а кто-то другой. В этом ее характер — не показывать, как тяжело достаются победы, а выигрывать с легкостью, изяществом, артистичностью, вызывая тем самым еще большую симпатию окружающих.

Ее тогдашний тренер З. Ф. Холщевникова призналась:

— Она будет чемпионкой мира не два раза, а десять раз! — И согласиться с этим можно было. Инга — это действительно было что-то новое в коньках. Откуда-то вдруг появилась высоченная (рост 177 см), стройная, сильная, разделала всех под орех. Теперь-то уже не удивительно, что победы одерживают преимущественно спортсмены высокого роста. У них больше мощи, длиннее рычаги. Это подтверждает в последние годы своим выступлением и голландец Ард Схенк.

Что же касается ее бойцовских качеств, то трудно найти что-то подобное. На соревнованиях она улыбалась, а если кто-то пытался ее «заводить» перед стартом, грозя «привезти секунд 10 на финише», делал только хуже для себя. Вот что Инга рассказывала мне: Стин Кайзер на чемпионате мира 1965 года чем-то раззадорила ее, и Инга голландке «врезала» в ответ, став в четвертый раз абсолютной чемпионкой мира.

Если можно было бы проследить за двумя состояниями человека — в период, когда он известен небольшому кругу людей и когда к нему пришла всемирная слава, — было бы очень поучительно. Как ни печально, но некоторые люди, ставшие известными, потеряли многое из того, что прежде было любимым окружающими. Мы перестаем уважать зазнаек, и мы правы. Но представьте себе, что вы как раз и есть тот самый прогремевший, пусть только на «всю округу», человек. Вам почет, прохожие останавливаются на улице и восхищенно глядят вам вслед, вы являетесь желанным гостем в любом доме, с вами хотят познакомиться, вам пишут письма, к вашему мнению прислушиваются... И вот при всеобщем признании нужно остаться простым и скромным человеком. Играть здесь невозможно, показывая и доказывая каждому встречному, что ты такой же простой, каким и был, а в

душе лелеять высокомерие. Им, простым, видимо, нужно быть. И вот за что я особенно люблю Ингу (и в настоящее время тоже), так это за ее очень естественную и милую простоту. Конечно, нельзя сказать, что она совсем не изменилась с тех самых озорных детских лет. Изменилась, да еще как. Ведь побывать пришлось во многих странах мира, а это новые впечатления. Не говоря уже о новых появившихся чертах характера — сдержанности, аккуратности, строгости к себе... Но все та же простота, отличавшая ее всегда, открытость души, бесхитростность и то главное свойство ее детской души, все равно сохранившееся, несмотря на трудности и испытания взрослой жизни, про которое ее самая первая учительница, старенькая Наталья Васильевна, как-то сказала матери:

— Вы знаете, она просто вожак у вас. Если захочет, то весь класс уведет с урока, честное слово. — Вот эта черта — быть инициатором, заводилой, принимать на себя главный удар сохранилась у нее на всю жизнь.

Однако в силу своей простоты и постоянной приподнятости от одерживаемых победы в спорте, необычайного оптимизма, доверчивости Инга не замечала и многого плохого, что было в некоторых людях, окружавших ее, — хитрость, небескорыстие, обман... Не так-то все просто бывает, когда тебе всего двадцать лет и столько о тебе говорят... Попробуй разберись в себе и других.

Разные, конечно, бывают люди. Но некоторые из них остаются друзьями навечно. Это, например, тетя Наташа, воспитательница детского сада, в который ходила Инга. Мать иногда несет утром Ингу в садик, просит ее пойти ножками, а та упрется — и ни с места, а ведь тяжела была необыкновенно. Из-за этого и на работу мама опаздывает. А вечером немного позже приезжает за ней в садик. Наташа на первых порах ругалась, ведь и ей тоже нужно домой. А потом как-то смиловилась — бог с ними! К тому же и полюбила эту молчаливую и спокойную девчущку, которая никогда не плакала, не жаловалась по пустякам. Наташа стала брать ее к себе домой после садика, если Аня, мать Инги, опаздывала. Стала девочку подкармливать и даже чуть-чуть баловать.

Есть еще Александра Ивановна, которая каким-то образом доставала для нас продовольственные карточки в те

трудные годы. И что удивительно: эти люди куда-то потом исчезали, а когда в нашу семью врывается несчастье — они вновь находят нас и предлагали свою помощь. Будто они и существуют-то для того, чтобы помогать. А когда все нормально, лишь присылают приветствия по случаю Ингиной победы.

И вот, когда приходили эти открытия, вновь в нашей семье была радость. Ведь за Ингу мы все переживали, наша неграмотная бабушка и та знала все Ингины секунды наизусть и была таким специалистом в конькобежном спорте, что по выступлению спортсменки в первый день соревнований могла определить:

— Ну Ина теперь выиграет. — Потому что все знали, в том числе и наша бабушка, что уж три-то километра Инге отдай и не грехи: стайерские дистанции у нее были на особом счету.

Особенно нас радовали ее успехи в 1962 году. Об этом я сейчас расскажу.

Была тогда для Инги полоса неудач, связанная с плохим выступлением на высокогорных катках. По-видимому, подводили большие в прошлом легкие. И действительно, внизу бежит отлично, выигрывает, а поднявшись в горы, становится неузнаваемой. Нет былой энергии в движениях, задыхается. А тут сразу же и ярлык:

— Инга не может бегать на высокогорье.

И вот в 1962 году, когда уже, казалось, нельзя было развеять этот пресловутый миф, она сделала то, что вообще трудно укладывалось в сознании.

Я как раз служил в армии. Захожу вечером, когда все уже легло спать, в ленинскую комнату, включая телевизор — ведь знаю, что сегодня заканчивается чемпионат СССР на высокогорном Медео. Сердце мое екает в предчувствии чего-то, а чего — не пойму. А уж когда объявил диктор, сразу понял:

— Москвичка Инга... установила каскад мировых рекордов, превысив прежнюю сумму в конькобежном многоборье более чем на 10 очков!

Не говоря уже о том, что смогла все же приспособиться к «бескислородным» условиям. Это потрясло всех. К тому же результаты прямо-таки были мужскими. Вот ее четыре мировых рекорда: 500 м — 44,9, 1500 м — 2.19,0, 3000 м — 5.06, сумма — 189.033 очка. Впоследствии Римма Жукова писала: «Они (рекорды. — В. А.) были столь великолепны, что все прежние спортивные

подвиги в скоростном беге на коньках померкли перед ними. Инга почти полностью обновила таблицу мировых рекордов. Она побила рекорд Тамары Рыловой на дистанции 500 метров, который держался 7 лет; Лидии Скобликовой — на дистанции 1500 метров, который устанавливался ею в Скво-Вэлли; Риммы Жуковой — на дистанции 3000 метров, продержавшийся 9 лет, и, наконец, рекорд в многоборье, набрав фантастическую сумму... Ингу поздравлял весь спортивный мир».

Долго потом держались они и лишь в 1967—1968 годах были в основном побиты голландскими и советскими конькобежками.

В том же году, в 1962-м, Инга выиграла все, что могла. В том числе и в третий раз стала абсолютной чемпионкой мира. Это вновь произошло, как и пять лет назад (в 1957 г.), в финском городе Иматре. Потом — снова цепь сплошных неудач.

Внешне могло показаться: наверное, Инга уже выдохлась, да и сколько можно, все-таки сделала много — стала трехкратной чемпионкой мира. Кому удавалось такое? Из женщин только Марии Исаковой. Но Инга так не думала о себе. Не думали так и те, кто знал Ингины возможности. А знали про нее следующее. Инга могла болеть и при этом долго не тренироваться, могла быстро прибавить в весе за это время, но проходил небольшой период, и она вновь была в хорошей форме. Ее ругали на первых порах за плохую технику, но она выигрывала, ругали за то, что она не делала по утрам физзарядку, от которой ее клонило ко сну, и спортсменка умышленно поэтому ее избегала. Но в то же время в Ингу верили. Тренеры. Болельщики. Для подруг по команде она была ну чем-то вроде матери. Ее так и звали — «наша мать». К ней всегда приходили со своими бедами — и, смотришь, полегчало. Знали также про нее, что Инга с одинаковой ответственностью будет выступать и на самых крупных соревнованиях, и на самых незначительных, даже за свой динамовский райсовет, чтобы принести ему зачетные очки. Инга могла себя плохо чувствовать, могла бежать с температурой, могла быть не в форме. Но никогда не могла спасовать, отступить в соревнованиях любого ранга. Там она боец. Это знали все. Знали и другое, что если Инга споткнется, упадет, то обязательно поднимется, выпрямится.

И снова неприятность. В 1963 году у Инги обнаружи-

ли язву на почве нервных переживаний. Это было накануне Олимпийских игр в Инсбруке. Неужели и на этот раз она не сможет поехать? И вот запись в дневнике Инги, датированная 17 ноября 1963 года: «Поздно вечером прилетела в Иркутск. Вчера вышла из больницы. Очень сильно болят ноги от долгого лежания. Просто не верю, что я на свободе. Очень хорошо быть здоровым человеком». А вот еще запись: «С 13 по 30 декабря 1963 года за 11 ледовых тренировок — 486 кругов — 194,5 км. Из них быстрой «работы» — 85 кругов — 33,5 км».

И, зная ее необыкновенный настрой на победу, тем более что до олимпийских стартов оставался еще месяц, тренеры пообещали взять Ингу туда, если на отборочных соревнованиях в Москве она займет хотя бы на одной дистанции третье место. Инга, не оправившись еще от болезни, не войдя и наполовину в свою лучшую форму, заняла второе место на одной из дистанций. Но ее все-таки не взяли. Почему? Много тут причин могло быть. Одна из них — кампания по омоложению сборной...

Но тогда настроение у Инги испортилось. Второй раз она, сильная, обладающая таким запасом энергии и еще не до конца раскрывшая свои возможности, оказывается вне олимпиад.

Но Инга не скисла, хотя ей и было не по себе. Она восстанавливала отнятые болезнью силы и смогла занять на чемпионате мира 1964 года (после Олимпиады) уже второе место по сумме многоборья, а на первенстве СССР, которое было проведено под конец сезона, она полностью обрела спортивную форму и выиграла у всех, даже у сильнейшей в тот год челябинской конькобежки Лидии Скобликовой. Инга в пятый раз стала чемпионкой страны, а озорные московские болельщики в тот же день прислали ей телеграмму: «На уральскую молнию нашелся московский громоотвод». Этим и закончился спор на ледяной дорожке двух замечательных конькобежек. Лида после этого оставила на несколько лет коньки, а Инга и в следующем году (в 1965 г.) стала недосягаемой для соперниц всего мира.

За Ингу «болели» тысячи советских людей. Вот одно маленькое письмо: «Здравствуйте, Инга! Вам пишет свердловская пионерка Тамара Шиманова. Я учусь в 5-м классе «Б» школы № 36. Обещаю Вам, что буду учиться только на «отлично». Теперь я, как только на-

пишу небрежно, подумаю: «А вот Инга ни в чем не дает себе поблажек». Занимаюсь в секции фигурного катания. 3-й разряд. Знайте, когда будут соревнования первенства мира, что за Вас «болеет» пионерка из Свердловска. Вы для меня, Инга, во всем пример».

Инга была на редкость способным человеком. Это проявлялось в ее умении все схватывать на лету, мгновенно перерабатывать полученную (увиденную или услышанную) информацию и через секунду (да простит ее бог!) выдавать ее за свою. В этом, видимо, заключалось ее особое свойство ума, нервной системы, характера. И в спорте, и в общественной и личной жизни. Всюду.

При всей ее веселости и доброте нрава к ней лучше не подходи во время тренировок. На соревнованиях уже можно: там представление для зрителей, блистательное, яркое. А здесь ни о чем, потому что тренировка — это черновая «шахтерская» работа в три смены — все вперед и вперед, и даже собственная улыбка может только помешать, отвлечь от главной цели. На тренировках улыбки нет — она подзаряжается, аккумулируется, чтобы потом во время соревнований засиять на ее лице. А сейчас — работа, серьезная, ответственная. Отсюда ее бойцовский характер на соревнованиях. А когда она чувствует, что близка к цели, да к тому же ее действия стимулируют гипнотически направленные на нее глаза болельщиков, то у Инги еще больше прибавляется сил. Поэтому-то у нее и был всегда фантастический финиш. Столько страсти, стремительности, будто и не было позади этого трудного пути.

Точно такое же у Инги и вне коньков.

Поначалу мы думали, что ей очень трудно будет вести домашнее хозяйство, когда ей дали комнату и она стала жить самостоятельно. Ведь этим прежде занималась мама и бабушка. А как Инга, справится ли? Какое же было удивление мамы и бабушки, когда они в скором времени сняли первые пробы с блюд, приготовленных Ингой. Они были поражены ее искусством. Никто ее не учил. А рецепт, как печь пирог под каким-то хитрым названием, пришлось уже матери брать у Инги. Мы приятно удивились также ее успехам в вязании и в шитье. У нее получались очень красивые кофты и платья.

Мне думается, что основным недостатком людей, же-

лающих достичь какой-то цели, является ожидание советов наставника, который в каждом случае нас обязан научить, направить. И вот если человек привыкает к помощи «учителя», он в будущем, за что бы ни взялся, боится самостоятельности. Все он чего-то ждет, подстраховывается, в результате даже из человека потенциально способного и получится «ни то ни се».

И наоборот, привыкнув проявлять самостоятельность, инициативу, пусть даже имея средние задатки, вскоре можешь быть приятно удивлен, что изменился в лучшую сторону и, следовательно, многого достиг. Ты не обращай внимания ни на кого, ни на какие авторитеты. Конечно, слушай, что они говорят, может пригодится. Но не считай, что ты сам ни на что не способен. Не делай поправку на свои 18—19 лет. Ты уже личность. Сегодня, сию минуту. Ты должен сам испытать себя, свои силы, чтобы убедиться — можешь ли ты вообще что-нибудь сделать хорошее. Только так и добывается счастье людьми.

Это качество было доведено у Инги до совершенства. Все время в труде. И самостоятельно. Поэтому она вечно что-то делает: то носится с разными выкройками, перебрав груды журналов, то готовит печенье по только что услышанному рецепту, то займется перестановкой мебели в своей комнате, то делает себе новую прическу... Правда, если она уставала (об этом, очевидно, «сообщал» организм), то все бросала, просто отдыхала — спала и ничего не делала (в такой период приходила бабушка и помогала). Это распространялось порой и на тренировки.

Она не стеснялась быть оригинальной и интересной для людей («Для чего ж мы живем»). Ей приятно было щегольнуть перед тобой знанием хотя бы десяти иностранных слов. Ты удивлялся ее способности (иногда специально), а это стимулировало ее, и она выучивала еще десяток слов. Да еще изобретет для пользы дела два-три слова и выдаст их за английские, чтобы настроить себя соответствующе. Смотришь: по капельке, по капельке и уже свободно разговаривает.

Как победительнице соревнований на приз Совета Министров Казахской ССР, ей предстояло разрезать большого гуся и раздать его по своему усмотрению присутствующим. Инга проделала эту «операцию» очень остроумно. Так, кому-то досталась голова, потому что его

«амплуа» — забота о других, и, следовательно, приходилось больше думать, чем другим; кому-то были необходимы быстрые ноги — на его тарелке поэтому оказались лапки; кому-то нужно было не просто бегать, а летать — ему предназначались крылышки.

Вот эта привлекательность ее как человека побуждала и других интересных людей искать с ней встречи. Были среди них знаменитые производственники, заслуженные фронтовики, студенты, к которым она была особенно добра, популярные актеры, певцы, поэты...

У Инги было много друзей. Но в особенности показательно ее отношения с людьми из мира спорта. Заслуженный мастер спорта Зоя Федоровна Холщевникова, тренер Артамоновой, отличалась резкостью и прямоотой. Однако и Инга умела за себя постоять, когда была уверена в своей правоте. Их содружество можно назвать творческим. Много вечеров провели они, обсуждая будущие старты, составляя планы тренировок. Зоя Федоровна внесла большой вклад в победы 1957—1958 годов. Теплая дружба связывала Ингу с В. Стениной, И. Егоровой и другими спортсменками. Неприимимые соперницы на льду, в жизни они относились друг к другу со взаимным уважением. И здесь сказывались Ингина доброта и широта взглядов, ее умение понять человека. Она старалась видеть в людях только хорошее, у нее были задатки воспитателя. К ней домой часто приходили девочки — начинающие конькобежки, и для каждой у Инги находилось доброе слово. Многим она помогала составлять тренировочные планы.

Одним из последних наших общений с Ингой был телефонный разговор. Он относится к 1965 году. Я в то время работал в издательстве газеты «Правда». Работал ночью, потому что ведь ночью делают газету, утром люди должны знать новости. Так вот, сделал я оттиск с одной полосы, привычным взглядом просматриваю — вышли ли заголовочки, фотографии и рисунки в будущей газете, и вдруг... указ. О награждении Инги за большие спортивные заслуги орденом. Уже вторым по счету.

Был час ночи. Думаю, сообщу ей прямо сейчас, чтобы порадовать. Неважно, что спит. Тем более что узнал-то я одним из первых, а завтра уже поздно будет. Звоню. Долго не снимает трубку. Наконец:

— Хозяйка, ты что же там спишь? — специально

в таком «пожарном» тоне, чтобы она проснулась. И слышу в ответ испуганное:

— Что случилось?

— Да ничего не случилось, — говорю я, уже успокаивая, — ты вот все спишь, а тебя орденами награждают.

— Да ну, — удивляется она, — правда? — И чувствую, что ей очень, очень стало тепло на сердце...

Е. СИМОНОВ
ВДОХНИ ВЕРШИН
СИЯНИЕ
(Михаил Хергани)

С чего начинается альпинист

Когда чемпион идет на рекорд, он не поет. Не до песен чемпиону. А Хергиани поет. Пусть над ним, под ним сплошной отвес. Крутизна! Стена! Так и называется этот класс соревнований альпинистов — «Стенные восхождения». Хергиани примостит полступни на уступчике, уцепится фалангами пальцев и подтянется, и совсем по-кошачьи соберется, растянется и вожметя всем телом в камень. Не собьешь меня, ветрило! Теперь освободившейся рукой надо забить крюк и защелкнуть в нем карабин и можно запеть.

Ему хорошо! Не знает Хергиани, что это за штука — боязнь глубины. Не отводит глаз от обрывающейся изпод человека и словно бы сброшенной вниз стены. Ему хорошо!

Михаил Хергиани из Сванетии. Значит, чем-то сродни язычнику. И поет любимое «О лиле Дали» — гимн повелительнице зверей и вершин.

Она: Неужели, любимый, не надоели тебе эти горы и ты не хочешь спуститься ко мне в долину?.

Он: Нет, моя милая. Горы никогда не могут наскучить. Прости, но они и красивей женщины и желанней.

Местиа, где увидел свет Михаил, райцентр Верхней Сванетии. Ее жители издавна звали еще свою страну Вольной Сванетией. Вся она заняла бы чуть больше одной пятнадцатой Московской области, все ее население уместилось бы в нескольких высотных зданиях столицы.

Здесь, в горах, в третьем веке до нашей эры и появились сваны. Грузинский царь Саурмаг отселил сюда тех, кто был стеснен в земле. Но и за отгородившей их от мира грядой хребтов они оставались и останутся грузинами. Не правы те, кто пишет «сваны и грузины». Это то же, что говорить, к примеру, «русские и туляки».

Сванетию нетрудно найти на карте по обилию отмеченных густой сетью горизонталей хребтов. Это центр всего Большого Кавказа с системой боковых отрогов, тянущихся параллельно Главному, или Водораздельному, хребту. На юг от Местии — скалистые склоны Сванет-

ского хребта, дальше, к югу, хребты Лечхумский и Рачинский. С запада огромная высокогорная котловина Сванетии отгорожена Кодорским хребтом. Отроги делят ее на отсеки — ущелья.

В Грузии, восемь десятых территории которой — горы, Сванетия наиболее горный край. Пропилив гигантский желоб в толще сланцев, глухо ревет река Ингури. Самая быстрая среди нетихих рек Грузии. Не эти ли картины побудили встреченного здесь нами американского туриста Вильяма Стинс-Вессермана писать: «Швейцарские Альпы лишь слабая миниатюра природы Сванетии, и им не оспорить первенства ее горного ландшафта».

Хергиани родился в 1933 году. Михаилом его стали называть русские, от рождения он Чхумлиан, дома же вслед за отцом его стали звать Минан. Так у простого парнишки из Местиа, словно у титулованной особы, появилось целых три имени. Если же обратиться к спортивным титулам, их у него будет дай боже!..

Примерно в это же время односельчанин Гио Нигуриани стал первым сваном, узнавшим, что такое альпинизм. С этим событием совпал и прилет в Местию первого рейсового самолета, выход первого номера местной газеты.

Еще два года... Михаил топает цухленькими ножками по шиферным плитам дворика, прислушивается к незнакомым звукам автомобильного клаксона. Дорога соединила Местию с Сухуми. До этого и зимой и летом все перевозили только на санях. На девять снежных месяцев Сванетия бывала отрезана от мира.

Вершины стояли над колыбелью свана, всем его детством. Черноглазый, стриженный под нулевку парнишечка часами мог разглядывать вставленные под стекло дипломы своего отца, дядей Габриэля и Бекну. А там повел шершавым пальчиком, разбирая вязь грузинского алфавита. Вот они какие, его родичи! Это они — один, и другой, и третий Хергиани — названы в почетных грамотах старейшего в стране Грузинского альпклуба, в приказах командования Закавказья.

Габриэль и Бекну не только партизанили в тылу у немцев, вели неозначенными на картах тропами горных стрелков Советской Армии. В самый трудный февраль — месяц, когда весь массив Эльбруса в броне натечного

льда, — восходят они на его макушку. И это не просто восхождение, не просто спорт. Вместе с русскими товарищами по восхождениям мирных и военных лет Сашей Гусевым, Колей Гусаком, Сашей Сидоренко пинками табельных армейских валенок сбрасывают сваны свастику с вершины Эльбруса, а затем водружают Государственный флаг СССР. С ними русская Люба Коротаева, украинец Женья Белецкий, армянин Никита Петросов, еврей Леся Кельс.

Мы вынуждены поправить здесь отечественных историков физической культуры. Среди всех сельских спортсменов страны не подмосковным и горьковским лыжникам, как утверждают историки, но именно сванам, именно Габриэлю и Бекну Хергиани первым вручают жетоны мастера спорта (1940 г.), потом и другие — с надписью «Заслуженный мастер спорта СССР» (1950 г.)¹.

— Дай мне поносить его, батона Бекну, — выпрашивал Миша.

— Это тебе не брошка, Минан. Заработать надо.

Только и выпросил Миша снимок... Двурогая вершина. Ползущий по склонам пунктир. Слова — «Путь Габриэля Хергиани». Тогда это был самый трудный из всех пройденных маршрутов на Ушбу. Куда, честно говоря, нет легких маршрутов. А габриэлевский вариант был нацелен точно по линии падения воды, левее Мазерской зубрины.

Не раз бегал с мальчишками Миша в ближнее село Ушхванари. За околицей, словно распахивающиеся ворота, раздвигались тяжкие стены хребтов. За ними обрывался мир духовитых лугов, вкусно пахнущего сена, деловито жужжащих шмелей. Ты вступаешь, мальчишка, в чертоги самой богини Дали... Лед. Камень. Высота. Свист ветра. Треск льда. Тревожное эхо лавин.

И выше всех, на изумрудном цоколе глетчеров — Ушба.

Отец тоже хаживал на Ушбу, и Минан терпеливо дожидался своего часа, пока не перетаскают они все сено в зимний дарбаз, расчистят на потолке люк, в который будут сбрасывать корм зимующему тут же, в жилье, скоту.

— Пустишь теперь меня на гору, отец? Ну, пожалуйста...

Отец испытующе оглядел парнишку. Эх, сынок-сынок!

¹ Вместе с Годжи Зуребиани, Максимом Гварлиани, Чичиком Чарголиани.

Дитя малое! Думаешь небось, что альпинизм сплошной почет, реки араки в честь победителя, грамоты, звания. Так думаешь?..

И сын выжидал. И отец размышлял. И оба молчали. Но вели безмолвную дискуссию. «Да?» — «Нет!» — «Позволь?» — «Не позволю!» — «Сам ведь на вершины ходишь». — «Потому тебя и не пускаю».

— Непростое это дело — гора Минан, — оборвал молчание отец, — ох и трудное. Соображать надо. Думать перед каждым шагом. И не бояться. Чтоб не начал ходить, как говорит русский альпинист, коленками назад.

Миша поглядел на ноги. На отца.

— А ты сделай мне экзамен, как в школе.

— Думать буду.

Утром, когда отец ладил кеври, этакую сванетскую борону, в раме которой вместо железных зубцов острые валуны, Михаил потихоньку забрался на чердак зимнего жилья — мачуба. Легко балансируя руками, перебежал по деревянной стремянке в боевую башню.

Через бойницу Михаил вылез на верх башни. Потрогал руками кладку. Выбрался на плоскую кровлю, встал на балюстраду и замер зажмурившись. Все, что внизу, стало махоньким. Все, что вверху, ужасающе громадным. Стоял и не мог заставить себя сдвинуться. Такое бывает. У многих и не проходит.

— Уж не подняться ли за тобой, дорогой мой орел вершин? — с ехидством осведомился отец. — Лучше совершай восхождение на стога сена. А мы тебе теплого да мягкого навозца от коровушек подстелем. Ну как, сынок мой любимый?

Ответа не последовало. Хергиани-младший только зыркнул потемневшими, округлившимися, как у хищной птицы, глазами. Выпрямился в рост. Осторожно, но не останавливаясь, обошел башню по узкой балюстраде. «Нате вам!» Засунул руки в карманы, напустил небрежности, повторил обход по всему кругу. «Кушайте на здоровье!» И по третьему заходу, привстав, на одних носочках, танцующей походкой по ослизлым камням и, замкнув круг, деловито сплонул с таким расчетом, чтобы все видели — ему лично на это наплевать. «Так кому навоз подкладывать?»

Утром, ухмыльнувшись в усы, отец заметил, что Минану, между прочим, полагалась бы порка: «Лезет не спросясь. Свистит на доме предков, плюется, как

хулиган, но это всегда успеется. А пока давай сдавай экзамен, сам напросился».

— На какую вершину идти? Бангурьян или Лайлу? Может, сразу на Ушбу?

— Сани никогда вперед вола не ходят. Ячмень не убирают, между прочим, на пасху. Храбрость в доме и храбрость для вершин так же не похожи, как наш Ингури на Куру, пусть обе они реки. Клади ему, мать, в мешок лепешек, сулгуни, бери, Минан, ружье и затемно иди под Ушбу. Найдешь пещеру Антона. Переночуешь один. Знаешь, как найти? Помнишь деда Антона?

Еще бы! Любой охотник-сван, пусть гроза, ливень, метель, ни за что не станет искать укрытия в этой пещере. Последним, кто ночевал под ее сводами, равно и первым, был и остается Антон. Знаменитейший на всю Сванетию охотник.

Из его неторопливых рассказов вставала зимними вечерами перед Мишей Сванетия... Потрескивают поленья в дымящемся очаге. Подрумяниваются хлебы на раскаленной плите шифера...

Помнил ли Минан про пещеру?.. Еще бы не помнить! Забрался в нее Антон, и только пропал последний луч заката за Лайлой, как услышал дед голоса. Окликнул. Не отвечают. Выглянул. Только мрак ночи, да россыпь звезд, да потрескивает все сильнее в ночной тиши Гульский ледник, да умолкают один за другим замерзающие на ночь ручьи.

Лег. Укрылся волчьей шкурой. И все сначала: «Антон, что же ты не спасаешь меня? Помоги мне! Ничего не пожалею, Антон! Где же ты? Погибаю!»

Чертыхнулся сван, делать нечего, вылез из пещеры, так и просидел с ружьем при взведенном курке. И только стало розовым небо, Антон — в долину. У первой травы захотел покурить, а будь она неладна, эта пещера, забыл в ней кремневое огниво... И черт с ним!

Отец молча подал Мише ружье, свечу. «Спички?» — «Не надо, должно лежать огниво». Обул самодельные бандули, сплетенная из ремешков подошва которых напоминает шахматную доску.

Вернулся Миша на другой день, все сидели за обедом. Кивнул. Сохраняя молчание, выложил на стол улара¹,

¹ Горный фазан, пугливая птица, обитающая в скалах высотной зоны.

перед отцом — тронутое лишайником, значит, очень старое огниво.

И так же молча уселся за стол. Негоже мужчине трепать языком, как сороке.

И только вечером разговорился.

— Не мерз? Хорошо ли хоть спал, Минан?

— На минуту глаз не сомкнул.

— Холодно было? Ты вроде охрип.

— Не знаю. Всю ночь голос из темноты. Глухой таковой, тихий, как из трещины. «Чхумлиан, это ты? Чхумлиан, помоги, спаси и помилуй!»

— Испугался?

— Правду скажу. Не по себе стало. Он мне «Чхумлиан!», я запеваю «Сваны, в поход!». Он — «Спаси и помилуй!», я — «Подвиг местийского охотника». Так до утра и пел все песни.

Отец встал, расправил густые усы. Поднял резную крышку старого деревянного сундука. «Сидеть всем на месте». Вернулся в перетянутой по талии чохе с газырями. В разрезе высокий ворот белоснежной рубахи — капля. На ремне с серебряными «разговорами» старый кинжал, на котором написано — «Кинжал я, режу врага, убийцу моего».

Отец протянул сыну ледоруб. На потемневшем ясеневом древке выжжено: «Ушба, 1937». Минан с почтительным поклоном поцеловал его.

Посвящение в альпинисты состоялось.

КАК КОПЬЕ, ВОТКНУТОЕ В НЕБО

Попробуйте, подобно свану, с таким рассекающим воздухом присвистом произнести «Уш-ш-ш-ба». В устах Михаила Хергиани короткое это слово как бы уплотнилось, сжималось, становилось еще короче. Словно хлестало по воздуху. Возможно, Хергиани был прав, когда говорил, что название вершины образовано от слова «копье». У сванов название и впрямь приобретало резкость полета; услышав его, невольно вздрагиваешь, будто присвистел над ухом боевой дротик.

Народ не дает необоснованных названий. А две заостренные, вонзенные в самое небо вершины Ушбы и впрямь похожи на копье в полете.

Эта вершина внушала страх и уважение не только

тем, кто обитал в крохотной Сванетии, которую еще не так давно называли «Ломтем, отрезанным от остального мира».

О том пиетете, которым была окружена эта вершина за рубежами страны, свидетельствует то, что в прошлом столетии в Англии был создан Клуб ушбистов. Уже в наши дни физиолог и мастер спорта по альпинизму Е. Б. Гиппенрейтер вручил наш советский значок «За восхождение на Ушбу» достопочтенному мистери Хоккинсу. Пресловутая британская сдержанность изменила прослезившемуся Хоккинсу. Ведь он был последним из могижан, единственным оставшимся в живых членом клуба покорителей Ушбы.

Туман, третьи сутки застилавший Шхельдинский ледник, развеялся, и мы смогли поднять наконец свой лагерь на ледяное плато, вплотную примыкающее к стене Ушбы. Сама гора оставалась еще невидимой, но из-за пелены тумана весь день доносились глухие звуки. Словно кто-то рвется из толщи льда, стонет, вздыхает...

— Амирани, — не то шутя, не то всерьез шепнул, покосившись на меня, пожилой сван Гио.

Его односельчанин, теперь кутаисский студент Максиме Йосселиани, поведал мне, что Амиран — герой преданий горцев, подобно Прометею, восстал против угнетавшего людей властителя небес, принес огонь и свободу в глухие селения. За это боги и приковали его к Ушбе. Однажды два свана услышали глухие стоны с горы. Они были отчаянные парни, и им удалось добраться до узника на вершине. Великан привял у сванов ломоть жесткого хлеба с соломой, другого они не знали тогда, и молча сжал его. Кровь брызнула на ладонь. Амиран взял тогда другой кусок хлеба: из него заструилось пенной струей молоко.

«Такой хлеб ели вы, сыны гор, в недолгий век, когда я был с вами. Этот, пропитанный вашей кровью, заставляет есть вас угнетатели народа».

Но злые силы не позволили Амирану поднять людей на борьбу. Подкравшись из-за скалы дух смел сванов с горы. Но они оказались упрямыми. Снова двинулись к Ушбе, но, когда нашли ведущее к ней ущелье, оно внезапно сомкнулось, словно створки ворот. Перед сванами выросла каменная стена такой вышины, что даже облака

плыли ниже. Не раз еще пытались другие сваны найти путь к Амирану, к обещанной свободе, но дьявол душил смельчаков в лавинах, сбрасывал в пропасти, и только дьявольский посвист разносило ветром по ущельям, и, заслыша его, матери шептали непослушным: «Тише! Ушба гневается». Само имя ее стало равнозначно проклятью. И старейшие, толкуя о чем-то несбыточном, приговаривали: «Это так же невозможно, как смертному взойти на Ушбу».

Стемнело. Поеживаясь от холода, долго стояли мы у низенькой палатки, не в силах оторваться от подчеркнутых лунным светом граней горы.

У-ш-б-а!

В конце прошлого столетия в горы Кавказа прибыла экспедиция прославленного английского восходителя Дугласа Фрешфильда, визитные карточки которого лежали на многих вершинах Альп, Пиренеев, Гималаев. С неизменным своим спутником, швейцарским проводником Франсуа Девуассу, сэр Дуглас поднимался на Эльбрус, стал первым альпинистом мира, покорившим Казбек. Через перевалы Главного хребта проник он в Сванетию. Ушба напомнила ему суровые, потемневшие от пороха и времени боевые башни, которые увидел он в селениях Сванетии.

Но те башни из льда и камня, на которые с восторгом и трепетом глядел путешественник, уходили в небо больше чем на четыре с половиной километра. На отвесных склонах не держался снег, и, весь день грохоча, скатывались лавины, обрушиваясь в долины тысячами пудов льда и камня.

И Фрешфильд отступил перед вершиной. Глава старейшего в мире альпийского клуба и президент Королевского географического общества заявил: «Нет сомнения, кавказский Маттерхорн (труднейшая вершина в Альпах. — Е. С.) найден! Разница только в том, что тут два Маттерхорна стоят рядом, да еще удвоены в размерах».

Шли годы, десятилетия, гранитные бастионы горы отбили уже более двадцати штурмов лучших альпинистов мира. И лишь в 1903 году пятерке участников Международной беспроводниковой экспедиции (ни одного русского, сваны — только носильщики) удается проложить путь к мечте, высшей и более трудной южной

вершине массива. Но за следующую четверть века никому не удается посетить чертоги златокудрой Дали.

Быть может, некоторые и расценят это как пережиток, но кто, как не альпинисты, возродил где-то в конце XVIII столетия тот культ вершин, который когда-то существовал. Впрочем, разве не изображен Казбек в государственном гербе нынешней Грузии или Арарат у Армении. А двуглавый Эльбрус не только белеет на спортивных значках, но и на боевой медали «За оборону Кавказа». Если же стали бы создавать собственную геральдику сваны, то взяли бы своим символом Ушбу, только Ушбу.

Именно она стала в наши дни мерилom мужества и зрелости. Сван мог пройти какие-либо головоломные маршруты где-нибудь в Небесных горах — Тянь-Шане, на Крыше мира — Памире. Но... «Вай ме, — качали головами старики. — Тот не альпинист, кто на нашу Ушбу не ходил!»

Михаил Хергиани и начинал освоение Ушбы с пути Хергиани (дяди Габриэля)... Здесь северный гребень соединяет массив Ушбы с Главным хребтом. И с «подушки», пухлого снежника у взлета к северному гребню, увидел юный сван ее, северную стену, которую не озаряет солнце. Хмурую и огромную.

Поднимаясь до высоты «4300», она, подобно этакому кавказскому атланту, удерживает на гранитных своих плечах купол северной вершины (4694 метра). Нижний ярус стены переходит в нагромождения ледника Чалаат. Особенно внушительна ее правая половина, как бы обрубленная километровым сколом. Глаз альпиниста тщетно отыскивает на ее поверхности обычные для микро-рельефа полочки, площадки, выемки. Работа лавин, камнепадов, ветров и времени, смена жары и холода до такой гладкости отполировали фактуру, что стену стали называть Зеркалом Ушбы.

Первыми на Северной Ушбе побывали в 1888 году англичанин Коккин с швейцарским гидом Альмейером. Но за семьдесят восемь лет штурмов ни одному из восьмисот побывавших на Ушбе советских плюс восемьдесят зарубежных восходителей не довелось взглянуть в упор в гранитное зеркало стены.

Да и Михаил-Минан, уже решившись на штурм, шесть раз выходит на разведку, включая и спецрейс са-

молета. Словно тасуя колоду, перекладывает стереопары снимков, перебирает варианты.

«По линии падения воды», — определили бы намеченный им маршрут геоморфологи. Но человек не собирается падать, хочет подыматься, пусть не даны ему крылья Икара. Их заменят острые зубья кошек, надежность страховочной веревки и главное — вера в себя, в друга, продуманность каждого движения.

Он пометил для себя: кругизна от 35 до 85 градусов, много отрицательных участков, где глубины выпирают из массива, образуя подобия глухих балконов. Вот выписка из заявки общества колхозных спортсменов «Колмеурне»: «Палатки за все шесть дней штурма будут возможным установить только в первый и в последний дни штурма, у подножья стены и под вершиной. Все биваки на гамаках и искусственных площадках».

Подобно полярнику, летчику, циркачу, отдает дань суевериям и альпинист. Вот так и Миша ужас до чего не любил распространяться загодя о задуманном восхождении. Впрочем, как и десяток, как и сотню лет назад, и нынче уходит сван на охоту молча. («Упаси его святой Джраг, услышит Дали, покарает хвастуна».)

Лишь после «Зеркала» и показал Минан общую тетрадь, и в ней не только вычерчен, рассчитан до метра весь маршрут. Его заметка чем-то напоминала боевую диспозицию. «На участке 19 могут быть камнепады, на участке 26 после снегопада лавины». И здесь же указаны все выступающие над стеной «бараньи лбы», под которыми можно укрыться в случае чего.

Минан изучал и продумывал поведение Ушбы даже по ночам, когда замирают стекающие с нее бесчисленные потоки и недвижны скованные холодом ночи камнепады.

— Сколько же пролежал ты в спальном мешке на виду Ушбы, Миша?

— Не считал, конечно, Евгений Димитрич, сколько? Сколько надо, столько и лежал. Пройдусь биноклем по камням. Запишу, как ведут себя. И дальше биноклем шарю.

Человек в шапочке лыжника глядел на гору. Закутанная в покровы лунного света, облокотившаяся на подушки облаков гора — на него. Что был он перед ней?.. Ростом?.. Весом?.. Силой?.. Даже не титаном, подобным Амирану! Но у него было то, чего не имел одинокий богорец. (В советском альпинизме, между прочим, оди-

ночные восхождения осуждены раз и навсегда, не засчитываются. Этот спорт — дело артельное, товарищеское.)

Они и стартовали, как записал официальный судья при участниках — Бекну Виссарионович Хергиани, в час ночи. Хрустнули стеклянные льдинки меж камнями. Пунктир искорки по валунам отметил движение подкованных стальными триконами ног. Хергиани оглядел небо. Звезд много. И холод. Значит, ночь хорошая. И день будет тоже. А луна медленно перемещается по темной сфере.

В семь утра они извлекли из рюкзаков сагзали, так с давних времен зовется харч, что берет в дальнюю дорогу путник. «Вай ме, Джумбер, — воскликнул Михаил, глядя на самого молодого в команде, на Джумбера Кахиани, — не ешь мало, будешь слабый, не ешь много, будет ко сну клонить». — «Надо заполнить карбюратор по самую пробку, Минан. Иначе мотор не потянет». — И покосился на начиненные мясным фаршем хлебцы, орехи с медом лучшей в мире серой горной пчелы, телятину с духовитыми травками и соусом из кислотоватого барбариса. «Такого в лучших домах отдыха не подают», — и сбросил с каменной полочки обглоданную косточку, и она полетела, нигде не зацепившись, и шлепнулась у самого подножья, понимать надо, — отвес, чистая вертикаль.

Солнце разбрызгивалось слепящим водопадом по темному граниту, и Миша пробормотал вполголоса: «Только бы ты, Веби, не подвел меня». (Древнесванское понятие слова «Вебиш» — «солнечный поток» — включает имя божества погоды — Веби.) Впрочем, не один год трубил Миша лаборантом Высокогорного геофизического института и своими глазами видел, как теперь без всякого Веби делает погоду и даже разгоняет тучи с неуспевшим родиться градом его односельчанин Володя Хоргуани под горластую команду профессора Гоги Сулаквелидзе.

Первый же день, первые участки — лед, трещины, скалы — показали, как хорошо спелась вся его шестерка, и не только на тренировочных восхождениях (Ушба южная, пик Щуровского) по чистым «Пять-бе», но и в таких, не предусмотренных методикой делах, как совместная перестройка дома, рубка и транспортировка пихты по крутым склонам, как охота в горах, не говоря уже о разработке на будущее напряжение всех фаланг пальцев рук и ног, всего корпуса.

И вечером шестого дня Миша смог облегченно вздохнуть, смог вздохнуть и записать в блокнот: «Выходим на предвершинный гребень. Это уже нормальный (Гм! Гм! — Е. С.) путь на Северную Ушбу. Длина участка двести метров. Рубим ступени. Крутизна 35°. Страховка через выступы на ледовых крючьях».

Только когда натянули палатку, он разрешил достать сигнальный пистолет. Четыре зеленые дуги ракет прочертили темное небо, шипя, недовольно фыркая, пытаясь заглушить «ваша!» («ура!») шестерых, осевших за эти дни напряжения голосов. «Вот мы и погляделись первыми в зеркало Ушбы, мужчины!»

Как бы утверждая силу молодого поколения горцев, задумывает Михаил Хергиани еще одно восхождение на Ушбу. «Ходили по два, по три. Пойдем большим коллективом». И оповестил по радио: «Объявляется запись всех желающих. Беру тех, кто сдаст для начала физнормативы». Словно бы не может расстаться с Ушбой сван. Будто привороженный ее властительницей — златокудрой Дали... Побывал на пиках Памира — и опять к «своей» Ушбе, показал свое искусство лазания на Балканах и массивах Уэльса — и опять к ней же.

Но теперь в ином качестве. (На территории Сванетии появился собственный альплагерь «Айлама».) И решил Михаил ознаменовать год тысяча девятьсот шестьдесят восьмой, юбилейный для всего комсомола, массовой альпиниадой. Где же? На Ушбе!

...Урочище Шихра под стеной уходящего на север Главного хребта. Палатки. Дымок остров. Скрежет напильников, заточивающих кошки. Озабоченно и деловито ходит от группы к группе высокий, несмотря на свою атлетичность (рост — 183, вес — 74), удивительно легкий в каждом движении альпинист в сдвинутом набедренном сером, плотно обтягивающем голову «паке». Шапочке сванов, которая напомнила русским путешественникам прошлого столетия шапки Улисса и его спутников.

Михаил Хергиани... Трижды восходил он до этого на Ушбу: от традиционных путей подъема до впервые пройденного его командой «Зеркала». Ученик художника и заслуженного тренера СССР Андрея Малейнова Миша обратил на себя внимание, еще когда парнишкой объявился в ущелье Адыр-Су. «Как никто, чувствует скалы, — определил опытным глазом Малейнов. — Прирожа-

денный и исключительный альпинистский талант». Миша стал демонстратором при штатных инструкторах: те проводят занятия и объясняют по-русски, Хергиани показывает приемы и сам учится русскому. Было это лет двадцать назад. Когда он, как и все сваны, уверенно шел на любые скалы, но неизменно обходил лед.

А далее по нарастающей, от сванетских четырехтысячников к шести- и семитысячникам Памира и Тянь-Шаня. К скальным стадионам Англии, где лорд Хант называет его «Тигром Кавказа». (В Гималаях титулом «Тигр снегов» Ассоциация высотных шерпов официально нарекает своих земляков за победы над восьмитысячниками.) Он спал у родичей в дальнем селении Кала, когда деревенские ребята тихо приподняли одеяло и долго вглядывались в пальцы ноги. «В чем дело, кацо?» — «Ничего особенного, думаем, где же у тебя тигровые когти. Спи себе, дорогой!»

А разве сгладятся в благодарной памяти людской те горы, что не приносят ни чемпионских медалей, ни рекордов? Речь идет о спасательных работах...

Буран застал в горах трех туристов-студентов из Грозного: чеченца Шавала Дадаева, ингушку Раю Ужахову, русского Олега Булгакова. Последние капли жизни утекают из засыпанной палатки. Ее не смогли отыскать ни лесники, ни спасатели-туристы. В Терсколе директор Высокотурного геофизического института, профессор и альпинист Г. К. Сулаквелидзе спешно снаряжает двух своих лаборантов — Хергиани и его земляка, замечательного альпиниста из той же Сванетии Иосифа Кахиани.

...Белый покров затопил все ущелье. Не за что зацепиться глазу в этом мире слепящей белизны. Хергиани надолго ложится на снег, и только орлиное зрение горца может уловить дрожание воздуха в воздухе, теплого в морозном. Угасающего дыхания людей. И двое выручают троих, возвращают с того света. Где вы сейчас, Рая, Шавал, Олег, возвращенные к жизни сванами?..

А теперь снова Ушба. И с ним сорок пять. И он в ответе за каждого. Отвечает своей фамилией, званиями заслуженного мастера спорта (а получил он это звание в 1961 году как неоднократный чемпион страны по альпинизму и скалолазанию, как победитель многих международных соревнований) и мастера спорта международного класса.

А что прикажешь делать с тобой, почтенный Алмас-

кир Квициани? Тебе же за семьдесят? Правда, ты исправно водишь туристов планового, сорок шестого маршрута — с ледника Корундаш до Южного приюта. Вспомни, как несколько лет назад ты тоже приходил ко мне, Алмаскир.

— Сколько времени вокруг Ушбы верчусь, а на вершине так и не был. Заведи на нее хоть моего сына. Пусть и наш род, а не одни Хергиани на Ушбе побывает. Моя кровь, а не вода течет в жилах моего Багаула.

И Хергиани с Багаулом Квициани пошли тогда (если употребим здесь этот глагол) по «пути Хергиани». А возвратились Миша с Багаулом уже сутки спустя.

— Зачем так быстро? Зачем на вершину не ходили? — нахмурился Квициани-отец. — Ай, подвел ты меня, Минан. Всех нас подвел.

Через подаренную ему иностранными альпинистами подзорную трубу старик не только высматривал тура на дальних скалах, но и любил наблюдать за Ушбой.

— Эх, сынок-сынок!

Хергиани молча протянул снятую с вершины записку иностранной группы, ткнул пальцем в дату. Да, так быстро не ходил еще никто! И не думал ходить. Повеселевший старик Алмаскир зарезал белого агнца. Над загулявшим ночным Мазери долго звучали, отражаясь эхом в горах, гимны сванов.

А теперь вынь да положь Ушбу и самому Алмаскиру, который не только давно уже отец, но стал к тренировочным восхождениям еще и дедом. Ох, и пропишет же за это неумолимая дисциплинарная комиссия в Москве!..

Одна надежда на медконтроль, авось отсеет, не может не отсеять. Но весьма ученый врач из Тбилиси Хито Мусселиани сидел, уткнувшись в секундомер, в приборы. Тем временем хитрый старикан, покосившись глазом, на испытаниях по задержке дыхания легонько отпуская палец от зажатой ноздри и набирал резерв воздуха в легкие. Так выдул он с трех строго засекреченных вдохов пять тысяч кубиков. И в других тестах превзошел все нормативы!

А вверх шел здорово. Как ходят все сваны. Сказал же зарубежный корреспондент на чемпионате скалолазов в Ореанде: «Все спортсмены мира лезут, один Хергиани гуляет по скалам». (А речь шла не только о вертикалях, но и об «отрицательных» углах, где скала выпирает на человека.)

В три часа ночи Михаил накинул пуховую куртку, пробежался по хрустящей от морозца дресве. «Выходим!» За десять дней до этого он взял с собой на разведку массива сванов с весьма литературными именами — Лаэрта Чартолани, Марлена Ратиани.

Чартолани заправляет делами в райотделе милиции. Он — сын одного из четырех колхозных спортсменов, как уже говорилось, первыми ставших заслуженными мастерами спорта.

— А Марлен был главной моей опорой на штурме, — сказал автору Михаил. — Есть такие люди, Евгений: звания мастера спорта нет, а многих мастеров надежней.

Еще бы! Много лет назад автор встретил возвращавшуюся из кольцевого перехода (пять перевалов, семь ущелий) колонну школы инструкторов альпинизма. Возглавляли ее два заслуженных тренера: Евгений Белецкий и Витольд Радель. На спуске в ущелье Адыр-Су, согласно инструкциям, обработали склон: крючья, перила, страховочные веревки, ледорубы.

Уже спустились, сбросили рюкзаки, когда кто-то приметил две точки над ледником. Не было же их с утра?.. Не помним таких... Задвигались. Оказались людьми. Почему такие маленькие? Да это никак пацаны... Оробевшие и довольные, стояли они перед инструкторами, уpletая шоколад. На ногах сванские кожаные самодельные чабралы, в карманах по ячменной лепешке. Это и были Миша с Марленом, репившие самодетельным порядком сбегать (через хребет-то высотой в 3750 метров!) в это ущелье на молочную ферму к дяде. А ко дню массового штурма Ушбы комсомолец Ратиани был уже студентом-старшекурником.

И Марлен шел теперь на Ушбу, подвязав отличные абалаковские кошки, а впереди мерно рубил ступени Хергиани.

— Выпустил бы меня вперед, Минац, — попросился Марлен. — Кто из нас каменщик: ты каменщик, я каменщик?

— Не пойдет такое дело. За новый дом для отца, конечно, большое тебе спасибо. Но это не стройка. Это Ушба.

— Снегу здесь.

— Хороший снег.

— Всегда здесь лед.

— А сегодня большой снег.

— Выше все равно рубиться.

— А ты здесь, как дворник.

— Скажи лучше, как землекоп.

— Ты, Миша, хитрый. С лопатой никто еще на Ушбу не ходил. Сначала я на тебя даже смеялся: фасонная штормовка из Шамони, мастерский рюкзак из Вены, из него самая простая сванская лопата глядит.

Хергиани вырубил 392 ступени.

С плато вышли на «подушку», этакий в сотню метров снежный надув. С него на скалы Настенко¹. На гребне еще раз пригодилась лопата. Марлен молча (негоже выхваляться мужчине, пока не сделал дело) наблюдал за Хергиани, выдавая метр за метром страхующую их капроновую веревку.

Туман долго и плотно висел над всем массивом. Но тут, на гребне, его сдуло разом, словно могучая и властная рука Амирана захотела показать им горы. Спокойно топавший себе тбилисец М. (до этого ничегошеньки не видевший, кроме спины впереди идущего) машинально глянул по сторонам, и холодный пот заструился по спине. О ужас! Вправо, влево провалы на два километра. Сделал несколько неверных шагов. «Нет, не могу! Дальше пойду только в связке с Хергиани». — «Миша, как быть?» — «Сбрасывайте с гребня. Нячиться не будем». — «Нет, нет, пойду со всеми». И ведь пошел. И дошел.

А Хергиани был силен... Гребень сузился, и Миша уселся верхом, оседлав Ушбу, ноги в деревенской вязки цветастых чулках, сработанных добрыми руками сестричек Иры и Тины. Он умело орудовал лопатой, которая пригодится еще раз на вершине.

Почему-то Хергиани ужас до чего захотелось уместить на этом пятачке всех сорок пять. Ведь до них входило от силы по шесть-восемь спортсменов зараз. А тут?.. Срубил карнизы. Выровнял. Чем не трибуны для митинга! Проведем, кацо, на должной высоте. Как-никак «4694».

— Садитесь.

Сказал о юбилейной дате. О том, что больше половины личного состава, достигшего вершины, члены славного комсомола Грузии.

¹ Названы так в память погибшего здесь альпиниста.

— Имеется, правда, в коллективе единичный переросток, — и покосился в сторону благодушно покуривавшего Квицпани. — Будем считать его ветераном комсомола.

Тот согласно кивнул.

Восходители покушались на лопату: сувенир что надо, но Хергиани дал отпор. Забил ее скальным молотком в трещину. Надписал: «На память Ушбе от грузинских альпинистов в честь пятидесятилетия ВЛКСМ». Вот вам символ труда, ставший и спортивной реликвией.

Все равно кто-нибудь не поленится, сколет лед, унесет лопату. Понимать надо — Ушба!

АЛЬПИЙСКИЙ ДЕБЮТ

Раз в два года съезжаются в Шамони, во Французских Альпах те сорок-пятьдесят парней, которые могли бы составить символическую сборную мира по альпинизму.

Шамони — не только первоклассный горный курорт, средоточие ночных клубов, казино... Это и колыбель альпинизма. Отсюда 8 августа 1786 года вышли в путь крестьянин Жак Бальма и врач Мишель-Габриэль Паккар, чтобы вернуться покорителями высочайшей из вершин Европы — Монблана¹. Этим положили они начало новому виду спорта, где соревнуются не только в ловкости, выборе маршрута, тактике, но и в таких неизмеряемых цифрами категориях, как доблесть и дружба. Альпы и дали ему название. Где бы ни восходил ты, человек, — на Кавказе ли, в Кордильерах, все одно — имя тебе «альпинист».

С конца 50-х годов стали съезжаться в Шамони альпинисты для своего рода «Гамбургского счета». Семь лет назад на табло с фамилиями участвующих в этом форуме восходителей впервые появились буквы «URSS» (СССР): доцент Анатолий Овчинников и врач Вячеслав Онищенко дебютировали на рекордных альпийских маршрутах под испытующе наведенными на них биноклями и зрительными трубами.

Ассамблея июля 1967 года была невиданно представительной: альпинисты двадцати шести стран. От каж-

¹ Эльбрус находится в Азии.

дой не более двух представителей, естественно, сильнейших. Из СССР тот же Онищенко и Хергиани.

До старта в Альпах Хергиани — Онищенко так и не довелось ходить в одной связке, хотя они и знали друг друга. Если и встречались на скалах, то как соперники. И даже перед ассамблеей тренировались по разным ущельям, хотя едва ли не главное для альпинистов — это схоженность. Но и в этом они не подкачают.

— Будем знакомы, мои русские друзья: Жан Франко, директор национальной школы горных лыж и альпинизма. — Пытливо вглядывается: тот, что из Грузии, с чуть поредевшими волосами, по-детски ясными, простодушными глазами, гортанной, цокающей речью горца; другой — москвич, пониже ростом, прическа — ежик, весь словно сбитый из тугих мышц.

Да, мы уже заочно знакомы с вами, мосье Жан! Вы «сделали» первую свою вершину, когда вам не стукнуло и шестнадцати. В двадцать два вы уже дипломированный альпийский гид (только такой имеет право водить по горам за вознаграждение). Руководимая вами «девятка» французов первой в мире покоряет пятую высоту планеты — Макалу (8481 метр). А ваше восхождение на пик Жанну в Гималаях почитается и поныне едва ли не самым техничным среди более чем трехсот гималайских экспедиций.

Мосье директор показал им аудитории. Представил метру Андре Контамину, другим профессорам:

— Беседы, лекции, дискуссии, но главный ваш экзаменатор, мой мальчики, сами вершины.

«Эколь Националь», где они базировались, существует с 1938 года. Ее профиль не только гиды и тренеры по горнолыжным дисциплинам. Здесь готовят также инструкторов (по-нашему, общественных инструкторов), тренируют для службы в горах таможенников и жандармов, ведут исследовательские работы по приспособляемости человека к холоду, по высотной физиологии, гляциологии.

Как водится в спорте, познакомились быстро...

— Считалось, что горы разъединяют народы, — бросил мосье директор, — но разве не они объединяют всех тех, кто их любит.

О многих наши слыхали... На всех схемах значится «маршрут Контамина» по альпийским отвесам Пти-Дрю и Эгюи-дю-Миди. Теперь Контамин для них не графа в «Летописи восхождений», он поведет с ними занятия.

Другого француза, Пьера Жюльена, они знали по его восхождениям у нас — в Безенгийской группе. Сильными восходителями представлены Австрия (Петер Хавелер и Отто Видеман) и Англия (Бойзен и Есткур). А этот невысокого роста, смуглый, с выступающими скулами, тихий, предупредительный? Это же «сам» шерпа Наванг Гомбу, дважды восходивший на высшую точку планеты — Эверест! Компания, что и говорить, отменная.

На правах уже бывавшего в этих местах Слава повел Мишу по городу. Быстрым шагом пересекли его и на добрый час замерли на окраине, оглядывая диадему Альп. «Вот эти вершины стоит пройти», — указал Хергиани на клык Пти-Дрю и массив Гранд-Жорас. Но снегопад, значит, и угроза лавин заставили начать с другого.

Наша связка первой пошла сдавать экзамен вершинам. Кому же? Обретшему грозную известность, похожему своими, почти лишенными красок мрачными гранитными одеждами на инквизитора Большому Капуцину (Гранд Капуцин). Его сравнивают с выстрелом в небо, этот словно бы выверенный по ватерпасу отвес.

Над готическими шпилями, плоскими крышами-соляриями отелей белел массив Монблана, весь в солнечном блеске, слева таким доисторическим чудищем очерился зуб Дам-Дюжан, на том борту долины — пик Пти-Дрю, самый «легкий» путь на него оценивался бы категорией трудности «5-А» согласно официальной «Классификации вершин СССР». По этому реестру устанавливаются категории трудности, но не ищите в нем «категорий легкости». Маршруты и вершины оценивались у нас пятью категориями с подклассами «А» и «Б». Лет пять назад для подъемов экстракласса введена еще одна, шестая, категория. Такой «шестеркой» и был избранный для первого старта в Альпах Капуцин.

Как рассказал Онищенко, маршрут на Капуцин оказался «сплошь индустриальным»: минимум свободного лазания, непрерывное перемещение по лесенкам и стременам, которые ты то и дело перевешиваешь на отвесе с крюка на другой. А вернувшись в школу, изволь отчитаться перед Контамином да Жюльеном:

— Просьба показать лапки... Гладкие, почти без царапин. Уже хорошо!

— Сколько крюков изволили забить на маршруте?

Хергиани молча протянул взятую с собой связку: целы все! Умело использовали только забитые до них. Профессора удовлетворенно переглянулись: о, эти русские не боятся свободного лазания, а еще уверяли, что они берут только силой, необыкновенной выносливостью да умением транспортировать в горах невиданной тяжести рюкзаки!

— Последний вопрос: пришлось ли бивакировать где-нибудь на стене?

— Заночевали уже после того, как взяли вершину. — Онищенко не счел нужным распространяться о том, что стартовали-то они вместе с представителями команд Чехословакии и Польши, но вскоре обогнали и тех и других.

И профессора поздравили их с отличным альпийским дебютом: эти русские не только сразу задали тон всей ассамблее, но и показали себя классными лазунами. Другие еще только разминаются на тренировочных вершинах, эти уже «сделали» вполне кондиционную «шестерку».

— Эти русские, — заговорили съехавшиеся асы, — предъявили для начала совсем неплохую визитную карточку.

Теперь и абсолютная трудность избранных нашими спортсменами вершин и их высота нарастали. Стоит ли нанизывать дальше эпитеты «отвесный», «устрашающий», «непроходимый», если сами профессионалы-гиды вынесли в свое время вердикт следующему намеченному парнями из СССР маршруту: «Пти-Дрю по западной стене недоступен!»

С 1939 по 1960 год эта гора отбила девять атак первейших асов Шамони, Парижа, Марселя. Лишь в 1952 году знакомым нам по встречам у кавказских вершин Маньону и Берардини удалось, да и то с двух заходов, пройти непроходимое.

...Мрак ночи застигает французов на наклонной площадке размером с письменный столик. Сидячий холодный бивак. Примус с закипающим супом на коленях у Берардини, ночью один посменно сидит, другой стоит. Кое-где приходится, раскачавшись, перелетать маятником на веревке с одного скального ребра на другое. Где-то на протяжении двух только метров по высоте потребовалось забить шесть крючьев. Советские историографы западного альпинизма Б. А. Гарф и Ф. А. Кропф оцени-

ли этот маршрут «как превосходящий все то, что было сделано до сих пор в Альпах».

Наша «двойка», повторяя маршрут асов, задумывает пройти его в несколько раз скорее.

Заночевали у подножия стены. Наступающую ночь здесь не только видишь, но и слышишь. Вот уже хрустально позвякивают нарождающиеся льдинки, затягивая лагуны. Шелест крыла птицы в гнезде над головой, ударивший в нос запах серы и сверкнувшая искра катящегося камня.

— Спим, Миша?

— Спим, Слава.

Пуховые брюки и куртки. Обуть собачьего меха унтыта, засунуть ноги в рюкзак и спать, спать, ибо сон — это калории, это нервы, это сила. А путеводитель не оставляет лазеек для иллюзий: «На протяжении всего маршрута альпинист находится в постоянном нервном напряжении, так как почти вся работа ведется на отвесе. Опасность камнепадов очень велика, мест для биваков нет».

Рядом заночевали еще две команды — французов, итальянцев; тоже готовятся с утра на стену. Солнце еще не вставало, когда Слава зажег почти бесшумную спиртовую кухоньку. Хергиани достал мясо, чеснок, какие-то таинственные грузинские травки.

— Только тихо!

— Чтобы не спугнуть соседа?

— Угу.

— Едим на весь день.

— Работаем сегодня как комбайнер на уборке: весь световой день, от солнца до солнца, направляйся поэтомую покрепче.

Они уже подходили к горловине кулуара, когда на биваке внизу замигали первые фонарики: соседи только встают, а наши уже на маршруте.

— До солнца надо выйти из кулуара, — нетерпеливо сказал Хергиани и поглубже надвинул коричневую пластиковую каску. — Камни будут.

Он был прав: словно мусоропровод, кулуар вбирает весь хлам, что стряхивает с себя Дрю. Надо миновать его, пока ночной мороз еще цементирует камни. (Этого не учли альпинисты следующих групп, один был сражен наповал!)

Уходят тени ночи. Закружились первые птицы дня.

Здесь ближе к небу уже день. Внизу еще ночь. Но солнце начинает вытеснять серый полог с долины, и где-то под подошвами твоих ботинок проявились, как на фотошленке, шпили и крыши города и плывущая на невидимом отсюда тресе кабина подъемника — телеферика.

Онищенко уже бывал на здешних стенах, в третий раз шел (правда, теперь по новому, куда более усложненному, маршруту) на Дрю. Видывал в деле и французских, и итальянских, и тирольских асов свободного лазания. Но было что-то отличающее нашего свана. Хергиани, казалось, не лезет, с усилием выжимаясь на приступочках, подтягиваясь на зацепках, а идет себе, шагает себе по вертикали без рывков и пауз.

Слава не видит снизу всей суммы приемов ведущего. Над ним возникнут то перехваченные под коленом темно-коричневые брюки-гольфы с голубыми гетрами, то изумрудная куртка-анарака из водоотталкивающей болоньи. Но сам скалолаз большого класса, он, даже не думая о том, что делает ведущий, машинально складывает отдельные движения в целое. В класс. В Хергиани. И все это выглядело очень даже впечатляюще.

Так подошли они к как бы врезанному в гранит углублению, «внутреннему углу». Кто-то из первовосходителей уподоблял его раскрытой книге. По высоте корешок «книги» равен двадцатипятиэтажному зданию, и спортсменов ждали здесь не гладкие «строки», а нависшие один над другим карнизы. Маньон из двойки первовосходителей вымотался здесь до того, что уснул, повиснув на стременах. Но Онищенко, который теперь прокладывал путь по углу, лез уверенно, и Хергиани выкрикнул ему что-то хвалебное, что-то лихое, да ветер унес слова.

Теплеет, и в тишине гор особенно звонко — «дринь-дринь» — стучит по каске каждая капля.

Именно на этом предвершинном взлете за год до нашей связки вынуждены были воззвать о помощи весьма прославленные Рехард и Рамиш. Нет уже ни сил, ни харчей, ни чьей-то руки поблизости. Ни вперед, ни назад. «SOS» — «Спасите наши души». Но целую неделю никто не мог подобраться к терпящим бедствие.

Газета «Дофине литере» протягивает через всю полосу аншлаг: «Два немецких альпиниста блокированы на узком траверсе. Они не могут ни подняться, ни спуститься. Их спасение — серьезная задача для школы гидов-

инструкторов в Шамони». Мобилизованы все, кто только способен выходить на маршрут такого класса. Героем становится американец Гарри Хемминг, к общему удивлению и восторгу, единственный любитель в команде профессиональных гидов. Шли восьмь сутки, когда его обгоревшее, обветренное, обросшее лицо возникло над полочкой. «Хелло, как вы тут, парни?» И слабое — «Гут».

Да, все то «гут», что «гут» кончается.

Напомним, что эта стена была пройдена первовосходителями — французами почти за пять суток (с промежуточным спуском для отдыха у подножия). Наши начали в четыре часа утра. Спусти семнадцать ходовых часов была вершина. Была на ней Мадонна с кротко опущенными очами и предостерегающе воздетой рукой. Приветствуем вас, мадам, но еще больше тех, кто следит из Шамони за нами. Парни традиционным жестом всех альпинистов воздели ледорубы.

— Эти молодые русские, — услышал, вернувшись в Эколь, Онищенко, — показали себя весьма сильными в технике оппозиции.

При чем здесь «оппозиция»? И кому могли составить они оппозицию на абсолютно безлюдной стене? Не знали тогда наши парни, что этим недавно родившимся термином именуют технику лазания враспор, когда лазун «оппозиционным» усилием противопоставляет себя камню. (С силой упирается в разные стороны расщелины спиной и ногами, как бы отталкиваясь от камня, входя к нему в «оппозицию» и этим создавая достаточную устойчивость.)

А двойка Хергиани — Онищенко уже выходила на свою финишную «прямую», если можно угодить ей вершину Гранд-Жорас, похожую на сложенную циклопической кладкой стену рыцарского замка. Не раз бывавший в этих местах советский мастер Борис Гарф любезно дал справку: «Наиболее классическими среди десятка маршрутов экстракласса считаются в Альпах по большому счету два: Эйгер и северная стена Гранд-Жорас. За восемь лет она отбивала атаки, предпринятые девятнадцатью группами. Протяженность стены по высоте 1200 метров, перепад высот те же тысяча двести. Затрудняют восхождение колоссальные, до полутора метра высотой, отвесные сбросы».

Как рассказал Хергиани, в массиве Жораса четыре самостоятельные вершины. Труднейшая — «Валькер по

северной стене». Высота вершины — 4208 метров, стена возвышается на тысячу двести метров над ледником. «Скалы из монолита, — добавил Онищенко. — Броня натечного льда. Сбросы по полутора метра».

Нужно ли говорить, что они избрали именно самый сложный вариант.

Вершина расположена в группе Монблана, над ущельем Лемо. Путеводитель перечисляет четыре маршрута, ни одного хотя бы относительно легкого. Труднейший среди трудных — «по ребру Валькера», грани, лишь незначительно выдающейся из стены. За год до наших парней превосходным английским лазунам пришлось пять раз заночевать на этом маршруте.

И вот старт. Необходимо проверить позвякивающие при каждом движении крючья, карабины, шлямбуры, зажечь налобные фонарики.

— Поехали?

— Помаленьку.

— Пошел...

Начинали вместе с чехословацкой связкой Войжик — Загоранский. Прошли вместе лед. На каменных блоках сразу вырвались вперед. Где-то на маршруте еще японцы и поляки. Нет! Не выдержали. Сошли.

Но теперь впереди на маршруте оказалась двойка испанцев, заночевавшая до них где-то посреди стен. Они здесь уже вторые сутки. Догнали. Пошли, наступая им на пятки. Гидальго ползла с удручающей медлительностью, но даже не обернулись на традиционное требование Онищенко: «Дорогу, силь ву пле». И не обойти, не подвергая их риску попасть под сбитый тобой камень. А дальше оба тореадора и вовсе безнадежно завязли в кулуаре.

— Начинается игра на рояле, — недовольно проворчал Слава, видя, как бегают по камню, словно по клавишам, рука испанского скалолаза и ищет и не находит захваты. — Что делать, Миша? Полчаса чикаются — и ни с места.

И тут над ним возникла из-за камня лихо, подобно национальной сванской шапочке — пак, заломленная каска:

— Я уже решил, Слава, — бросил Хергиани.

Под стать ему оказался и «человек в белом халате», тихий терапевт московского диспансера № 1 Онищенко. Доктор имел к этому штурму семь восхождений высшей

шестой категории плюс четыре восхождения на семитысячники. По иронии судьбы место его работы зовется «Высокие горы», пусть они всего-навсего в пяти минутах хода от станции метро «Курская-кольцевая», на берегу Яузы.

И не от отца ли с матерью унаследовал он тихое и неспясаемое мужество? Отец был летчиком-штурмовиком. Мать — партизанкой Интернациональной бригады Матиаса Ракоши, бойцом повстанческого Заднепровского полка.

И Хергиани двинулся по участку, где не лазил еще ни один. Знал ли это Хергиани?.. Без сомнений, знал.

Гладкая, словно ее ежедневно полируют, плита, Этак метров на полста. «Как, Миша?» — «Трудно, но можно!» В бинокли и подзорные трубы было видно, что он лезет необычно медленно, но непрерывно. Хорошо лезают наши чемпионы, и алмаатинец Космачев, и красноярский столбист Путинцев, и ленинградец Маркелов. Но Хергиани лазал и легче всех, и увереннее. Памятуя, что ноги сильнее рук, он использовал их как главный движитель.

В Альпах нашу связку поджидал выступающий на тебя, откидывающий тебя от горы карниз. Но словно бы раздвинул сван гору плечом. И пропустила она человека. Теперь этот путь на Гранд-Жорас путеводители совершенно официально именуют «Русский вариант». На этом выпирающем от массива отрезке, который по терминологии зовется «отрицательным углом», и забили они свой первый, свой единственный крюк за все четыре восхождения в Альпах.

Внизу спросили о времени.

— Вся стена за тринадцать часов.

Спрашивавшие зашептались.

...Осведомлены ли господа русские? За двадцать девять лет после первого прохождения (Кассин, Эспозито, Тицциони — Италия) такое же время сумели показать лишь две группы? А в нынешнем сезоне стену Жораса прошла всего лишь одна команда, да и та за пять суток. Штурмовавшие эту же стену соученики по шамониской школе, асы из ФРГ Фриц Цинтль и Гюнтер Штурм вынуждены были заночевать где-то на Жорасе, явно не угнавшись за советской парой.

Русские «господа» поблагодарили за ценную информацию. Теперь отмыться, подкрепиться и в какую-нибудь хижину отоспаться. Что за черт!.. Онищенко поша-

рил по карманам: ни сольди, ни сантима, а спустились по ту сторону хребта, в итальянскую долину Аоста. А... не беда, после общения со сплошным камнем обоим хотелось чего-то более земного: травки, цветов, ручьев. И пусть громыхала всю ночь гроза (слава Амирану, не застукала на Жорасе), лил ливень, они спали себе в лесу, под пиниями, постелив пуховки, завернувшись в плащи из серебрянки.

Утро. Нет даже медяка на лифт, и триумфаторы мрачно топают и час, и другой, и пятый вдоль опор канатки. Новое разочарование... «Синьоры, ветер более семи баллов. Телеферик не работает...»

В Шамони их долго и с пристрастием расспрашивали возле вертикальной фотопанорамы. Такого еще не бывало! В такое трудно поверить! Пройти эдакий маршрут, и не у себя дома, но в «их» Альпах. Ведь это же аксиома, что пройти эти метры нельзя. Они вернулись в Шамони не по вершинам, но под ними, тоннелем, пробитым в толще Монблана. День спустя прошли всю эту трассу, на сей раз в чисто-альпинистском варианте, по верхотуре всей цепи Монблана, то есть полный траверс. Да прихватили еще парочку вершин...

— Вот это номер! Еще одна сенсация для прессы. Да, русские не ходят по нашим вершинам, но летают, как ваш «Туполев».

Но день спустя кто-то «капнул» организаторам асамблеи, что на всем траверсе высочайшего массива Европы эти русские даже не потрудились вынуть руки из карманов.

— Это уже типичная дешевка. Работа на публику.

— И вовсе не думали пижонить, — признался нам Онищенко. — Просто забыли в спешке рукавицы. А как-никак четыре тысячи восемьсот семь над уровнем моря. Небо чистое, но ветер довольно свежий.

Монблан они сделали, так сказать, под занавес. Да и было ли корректно не нанести протокольный визит дуайену всех вершин Европы? Кстати, «Белая гора» (калька названия — Монблан) не столь уж смиренна, об этом она напомнила в эти же дни, заставив отступить и команду испанцев, и даже Гомбу, который задумал взойти на нее без тренировки, памятуя свои победы над Эверестом.

Среди тех семидесяти шести маршрутов, которые сделали съехавшиеся в школу асы, восхождения наших

были едва ли не самым убедительным примером того, как советский человек подчиняет себе и пространство (пусть вздыбленное по вертикали), и само время. Недалом же доктор Уго ди Валлегина, генеральный председатель Итальянского академического альпийского клуба, почел приятным долгом сообщить президенту Федерации альпинизма СССР синьору Боровикову: «Их (Хергиани — Онищенко. — *Е. С.*) деятельность заслуживает того, чтобы быть поставленной в пример любому альпинисту».

РЕКВИЕМ ВЕРШИН

Похожий на вагон поезда автобус-пульман пошел раскручивать серпантин подъемов. Заметно похолодало. Значит, набирает высоту. Миша вглядывался в голые скалы, по которым, словно косички горянок, струились водопады.

У фасада альберго — горного отеля со щитами реклам вермута и джина, — опершись на ледорубы, покуривали в ожидании клиента молодцы из гильдии горных проводников, в лихо заломленных фетровых шляпах, с бунтом основной веревки через плечо. Выдубленные ультрафиолетом горного солнца ходки что надо, «продавцы ледорубов», как зовут себя эти профессионалы от альпинизма. Это их коллеги сопровождали как-то на Маттерхорн сиятельного гостя с Востока. Бедняга до того окосел, что его не только пришлось затаскивать, как пассивный груз, но даже переставлять ему ноги от ступени к ступени. Но значок, как «побывавший на рекордной вершине», он получил.

Автобус сборной команды советских альпинистов прибыл летом 1969 года в Альто Адиджо, на севере Италии. Во главе команды — светловолосый плотный волгарь Михаил Ануфриков. Первый чемпион страны по скалолазанию, о чем напоминает скульптура в верхнем парке Ореанды, Ануфриков уже бывал в этом краю Италии, на международных кинофестивалях в Тренто, где герцогиня Аосты вручала ему серебряную гондолу и кубок за его фильмы об Ушбе и вершинах Памира.

Здесь он прокрутил хозяевам свои новые фильмы, один из них об экспедиции на пик Коммунизма. Когда в зале снова вспыхнул свет, итальянцы обступили Хергиани. «Покажи свою кавказскую тарантеллу, приятель».

Да, в последних кадрах фильма Ануфриков зафиксировал, как довольный восхождением Михаил, скинув пудовые ботинки и все альпинистские причиндалы, прижимает руку к груди и плывет на носочках в традиционном грузинском картули, почему-то именуемом у нас лезгинкой.

На Апеннинском полуострове нет семитысячников (высочайшая точка — «2914»). На демонстрацию фильма съехались поклонники гор из многих уголков Аосты. Мэр города Бартолини подчеркивает, что он не только выполняет предусмотренные протоколом обязанности. Он испытывает разделяемое всеми присутствующими удовольствие от встречи с земляками русских борцов итальянского Сопротивления. Кроме того, здесь советских парней встречал... король, так — «Королем Чиветты» — зовет вся Италия Армандо до Ройта, покорителя Чиветты и многих других скальных башен, главу местной Федерации альпинизма. Пока филологи с футурологами колдуют над всеобщим языком будущего, благо так и не стал им искусственно выведенный эсперанто, такой язык, кажется, нашли альпинисты. Во всяком случае, не знающего ни слова по-русски синьора Армандо отлично поняли не кумекающие по-итальянски Онищенко с Хергиани.

Выжидательность сменилась признанием. Так быстро и точно, как гости, не ходят здесь даже профессионалы. «Прошло только три дня после прибытия в Итальянские Доломиты шести советских альпинистов, а они уже хорошо освоились с величественными стенами Чиветты, которую выбрали для своих первых восхождений. Скалолазы из России совершили с блеском два известных восхождения. Связка из трех человек совершила восхождение по сложному маршруту Тур Венеция, затратив на него только три часа — время совершенно выдающееся, если учесть, что весь подъем относится к шестой категории трудности. (Обычно семь-девять часов. — *Е. С.*)

Эти восхождения — визитная карточка, вызывающая уважение и предъявленная советскими альпинистами любителям горного спорта, относящимся к ним с понятным любопытством. Развевалась дымка таинственности, которой была окутана советская экспедиция до ее прибытия в Агордо. Как мы уже писали, речь идет о «цвете» советского альпинизма, школу которого мы плохо знаем, но которая, вне сомнения, находится в авангарде в во-

сточном мире». Так писал спортивный обозреватель «Иль газетино ди Беллуно». За Туром Венеция еще одна вершина наивысшей трудности — Банконг.

Наблюдающий за своими гостями синьор Армандо удовлетворенно опускает бинокль: «Прекрасные альпинисты! Очень хорошо идут на маршруте, с головой».

Узнав о том, как ходят «эти русские», римское телевидение прислало операторов. «Где?» — «Лучше всего на скальном отвесе Тура Венеция». — «Другой бы спорил». И Хергиани снимает мокасы, полотняным бинтом подвязывает галоши. Да, да! Никакая другая обувь не может конкурировать с ними на скалах. Галоши с еще нестертой подошвой как бы сами прилипают к камню.

Пока операторы волокут по соседней осыпи камеры, сверху легко и точно перемахивая с камня на камень, спустился к ним Хергиани. Молча улыбнувшись, занес к месту съемок камеру. За ней — ящик с оптикой. Телевизионщики не успели поблагодарить его, как он с легкостью тура родных гор уже был наверху.

4 июля он с Онищенко вышел на Суальто. Семьсот метров трудного лазания. После французов Ливаноса и Габриэля этим маршрутом за все двенадцать лет сумели пройти всего три группы. У маленькой ниши (в ней и заночевали первовосходители) наша двойка расположилась на завтрак: ветчина, шоколад, глоток из фляги. Позади — половина дистанции. Внизу зеленели луга. Позвякивали колокольчики коров. Рассекал воздух бич пастуха. «Закрываю глаза, — мягко сказал Михаил, — и я дома, в Сванетии. Ты же знаешь, как я люблю ее. И — дальше.

До вершины не более двухсот метров.

Онищенко выдавал веревку, когда Хергиани углубился в скрывший его внутренний угол. Лишь голос. «Выходила на берег Катюша». И ползущая за человеком веревка. «На высокий берег, на крутой». И тут все разом... Нет голоса... Судорожный рывок веревки. Онищенко выдает слабинку и, откинувшись всем телом, натягивает веревку, но вытягивает лишь бессильно повисший обрывок...

Он видел тень падения. Уловил обрвавшуюся, словно ее перерезали, песню. Теперь только грохот камней по кулуару. Он уловил еще, как кинулись там, далеко внизу, к красной пуховке Ануфриков с Романовым. Они подняли Хергиани. Поняли — надеяться не на что. Две глубины с дьявольской точностью сбили альпиниста,

перебили веревку. Когда носилки проносили перед лагерьем берсальеров, солдаты взяли «на караул», был опущен государственный флаг.

Вечная память тебе, Хергиани!
Вечная слава!

Человек отмечает свой выход на вершину тем, что складывает на ней тур — этакую пирамидку из камней. Раскидайте их. Найдете порожнюю банку из-под «Корюшки бланшированной» или чего-то вроде. В ней записки тех, кто взошел.

Есть такой тур и там, где сходятся хребет Петра Первого с хребтом Академии наук. Монолитная трапециевидная пирамида на их стыке — пик Коммунизма, семь тысяч четыреста девяносто пять метров над уровнем океана. В ее туре не успевший пожухнуть листок, на котором рядом с «Онищенко» торопливой, мерзнувшей рукой вписано: «Хергиани».

Здесь что-то не так?.. Ведь он же погиб в Доломитах за три года до этого восхождения Онищенко на Памире. А восхождение на эту вершину, в котором участвовал реальный, живой Хергиани и за которое был увенчан золотой медалью чемпиона страны, состоялось лет за пятнадцать до того, которым руководил Онищенко?.. И тем не менее нет во всем этом ни грана мистики, ни обмана зрения. (Такое тоже бывает на больших высотах.) Просто восходившая по труднейшему варианту команда Онищенко, так многому учившегося у Хергиани, как бы ощущала его рядом с собой, ее согревало в час высотной бури жаркое дыхание свана, на раскачиваемых шквалистым ветром зыбких, держащихся на «честном слове» капроновых лесенках мысль о нем внушала уверенность и надежность.

«Он был все время с нами», — сказал рассудительный Онищенко.

«Вертикаль». Такое, явно обязывающее название выбрал себе альпклуб, возникший пять лет назад при райкоме комсомола Новосибирска. Объединил он молодых ученых Академгородка, где, к слову сказать, живет академик Александр Данилович Александров, не только известнейший геометр, но и мастер спорта по альпинизму.

Усилиями вертикальцев и было положено на карту страны новое название, внесенное в реестр официальной «Классификации горных вершин СССР». Это —

«№ 44, Хергиани памяти пик, 4960,
У-А, комбин [ированный], по С [еверному]
ребню с ледн [ика] Щуровского».

Это один из сорока семи новых маршрутов, пройденных новосибирцами в узле Матча. «Новый» пик — скальная пирамида с как бы искривленными гранями, без малого пятитысячник, вздымается сотни на две метров над сильно заснеженным гребнем Туркестанского хребта. Его соседи по общему цоколю гребня — с юга пики Хорсанг и Федченко, с севера — пик «Новосибирск».

8 августа 1969 года капитан команды понял, что дальше идти некуда. Вершина! В тур на Центральной вершине массива вложили записку: «Посвящаем восхождение на безымянную вершину памяти замечательного грузинского альпиниста Михаила Хергиани и предлагаем назвать вершину «Пик памяти Хергиани». Спуск по пути подъема. Погода отличная. Привет следующим восходителям».

В составе пятерки были: капитан команды математик Эрнест Рапопорт, радиоэлектроник Галина и Владимир Прокопенко, экономист Геннадий Стариков, математик Алексей Шабат, справивший на спуске день рождения.

На Мадридской ассамблее Международного союза альпинистских ассоциаций — УИАА испанцы осведомились у Боровикова:

— Скажите, только по-честному, много у вас таких альпинистов, как Хергиани?

— Очень мало.

— А таких, как Онищенко.

— Таких значительно больше.

— О, тогда вы счастливые люди!

На глазах нашего поколения дичающий деревенский мальчуган не только стал настоящим асом. Хергиани был щедрый человек и тому, что он умел, учил, как инструктор альпинизма в лагерях «Джайлык» и «Шхельда», а для того чтобы стать настоящим тренером, поступил в институт физкультуры.

С кем бы ни общался Михаил, с лордами или караванщиками далекого тьянь-шанского ущелья, его отли-

чали дружелюбие, уважение к обычаям и нравам людей.

Первовосходитель на высочайшую точку планеты — Эверест Тенцинг познакомился с ним на Кавказе. Многодневная буря не пустила гостя на вершину Эльбруса. Тогда Хергиани поднялся до отметки «4800» и вывел метровыми буквами на свежем снегу: «Добро пожаловать, Тенцинг!» Отвечая на наш вопрос о советских альпинистах, Тенцинг сказал, что они представляются ему такими же сильными и ловкими, как тигры, которых подарили для зоопарка в Дарджилинге. «Советские альпинисты тоже очень сильны. В отличие от западных спортсменов, они сами несут свой груз, обходясь без наемных кули и высотных шерпов, как ходят в Гималаях все иностранные восходители. Ваши альпинисты завоевывают победы своим трудом. Это настоящий спорт».

Лорд Хант, генерал, руководитель первой поднявшейся на Эверест команды: «В экспедицию (советско-британскую) под ледник Гармо на Западном Памире Миша прибыл со свежими лаврами первого восхождения по прямому маршруту на северную стену пика Щуровского.

Те из нас, кто знал его раньше, встретили того же самого милого Мишу, простого крестьянина, несмотря на всю его славу.

Он был не просто настоящий мужчина, он был «Тенцингом среди мужчин».

Онищенко: «Я глубоко благодарен судьбе за то, что она дала мне возможность пройти шесть рекордных маршрутов в Альпах и Доломитах с таким великим мастером и замечательным человеком, как Хергиани».

СОДЕРЖАНИЕ

Дмитрий Жуков. <i>Чемпион чемпионов (Иван Поддубный)</i>	5
А. Котов. <i>До последнего дыхания (Александр Алехин)</i>	59
О. Лангсепц, Е. Дмитриев. <i>Калев XX столетия (Георг Лурих)</i>	95
Л. Атращенко. <i>Особое измерение (Владимир Мягков)</i>	111
Ю. Уваров. <i>Дорога, ведущая в бессмертие (Серафим и Георгий Знаменские)</i>	129
Александр Высоцкий. <i>Феномен из Клина (Александр Долгушин)</i>	163
Л. Безуглая. <i>Снежная королева (Любовь Кулакова)</i>	189
Теодор Гладков. <i>Человек из легенды (Анатолий Капчинский)</i>	219
Анатолий Ланциков. <i>Рыцарь зеленого поля (Григорий Федотов)</i>	237
Д. Урнов. <i>Всегда в посыле (Борис Лиллов)</i>	275
Вл. Артамонов. <i>Секрет успеха (Инга Артамонова)</i>	299
Е. Симонов. <i>Вдохни вершин сияние (Михаил Хергиани)</i>	317

С56 Спортсмены. Сборник. (В книге использованы фотографии Н Волкова.). М, «Молодая гвардия», 1973.

352 с, с илл. 100 000 экз 96 коп. (Жизнь замечат. людей. Серия биографий Вып 16 (533) На обороте тит л сост А Ланциков

Сборник биографических очерков о выдающихся спортсменах внесших несценимый вклад в дело развития спорта в нашей стране

7А

С $\frac{0072-291}{078(02)-73}$ 358-73

СПОРТСМЕНЫ

96 коп.

Сборник

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ